

НАСЛЕДИЕ ВОЛЬТЕРА В СССР

Статья и публикация В. Люблинского*

Двоякая задача стоит перед советским литературоведением в отношении изучения Вольтера.

С одной стороны, слишком незначительно то внимание, которое уделялось этому автору за последние годы, по сравнению с другими большими именами французской литературы. В общем фонде классического наследия образ Вольтера, созданный буржуазной историографией и историей литературы, оказался поэтому воспринятым слишком механически. Иначе говоря, первой и методологически важнейшей задачей должно явиться критическое изучение итогов буржуазной науки в оценке позиции, роли и значения Вольтера.

С другой стороны, слишком обширны коллекции, ответственность за разработку которых ложится, в первую очередь, на советских исследователей. В архивных собраниях СССР находится весьма значительная часть материалов для изучения творчества и биографии Вольтера. Без предварительного освоения этих богатейших фондов собраний нельзя говорить в наши дни о подлинно научном изучении Вольтера, о подлинно исследовательском подходе к любым вольтеровским темам. В соответствии с этим вторая, ближайшая задача состоит в раскрытии советского вольтеровского фонда для литературной науки. Частичному разрешению этой второй задачи и посвящена настоящая работа.

Русские материалы по Вольтеру, несомненно,—один из самых необследованных и самых неразработанных участков вольтероведения. Современная наука имеет право рассматривать эти материалы почти как вновь открытые—настолько слаба, если не чисто номинальна, их связь с общим руслом исследований, даже специально вольтероведческих. Покинув Францию в период живейшего интереса русского образованного общества к учению фернейского вольнодумца, т. е. еще задолго до начала критического и систематического изучения Вольтера даже на его родине, материалы эти в России почти автоматически оказались изолированными от исследователя. Такова была участь не только тех писем, которые входили в частные собрания, но и главного ядра, основного материала по Вольтеру—книг и рукописей его библиотеки, приобретенной Екатериной II.

Чем бы субъективно ни определялись причины появления вольтеровского наследия в Петербурге, а затем и мотивы омертвления его здесь, объективный результат этого свелся к тому, что русская буржуазная наука прошла мимо этого памятника, а французская довольствовалась

* Вторая глава включает работу Н. Платоновой. Переводы публикуемых текстов Вольтера выполнены: стихотворных—М. Таловым, прозаических—М. Неведомским.

крайне неполными о нем сведениями и легко мирилась с вредной традицией игнорирования русских источников.

При огромном общем интересе к Вольтеру в России—стране, где, в силу ряда исторических причин ее социально-политического и культурного развития, «вольтерианство» сыграло совершенно исключительную роль, более глубокую и длительную, чем где бы то ни было,—официальная наука, в лице дворянских и буржуазных историков, не раз грешила поразительным неведением в отношении именно русских материалов о Вольтере.

Чтобы не быть голословным, приведем примеры, которым, как кажется, нельзя отказать в убедительности. В основном капитальном руководстве по русской историографии—в «Опыте» В. С. Иконникова, где обстоятельно перечислено и описано множество частных архивов и второстепенных собраний документов для русской истории, библиотеке Вольтера, с ее богатой рукописной частью, в которой, не говоря о прочем, имеется пять больших томов с 120 документами, специально относящимися к истории России в эпоху Петра Первого, уделено буквально шесть слов, причем в 1891 г., т. е. через 30 лет после перевозки в Публичную библиотеку, она попрежнему у заслуженного историографа числится в Эрмитаже (В. С. Иконников, Опыт русской историографии, т. I, Киев, 1891, отдел V, гл. V, стр. 772; см. также стр. 781—841).

Еще более разительный пример дает Устрялов—историк Петра Первого *par excellence*. В 1858 г. он сокрушался о безвозвратной утере для науки ценных материалов, сообщенных в свое время Шуваловым Вольтеру, тогда как все эти материалы благополучно хранились в Петербурге (Н. Г. Устрялов, История царствования Петра Великого, СПб. 1858—1863, т. I, предисловие, стр. XI).

Если, таким образом, старое русское литературоведение оказалось совершенно беспомощным даже в отношении сколько-нибудь удовлетворительной осведомленности об основном русском собрании вольтеровских рукописей, то немногим выше показала себя здесь и западно-европейская буржуазная наука. Русскими материалами по Вольтеру французские исследователи занимались совершенно недостаточно. Обращения в Петербург носили единичный характер и не были, как правило, длительными и систематическими. Ценнейшее петербургское собрание ничтожно используется даже в такие моменты, как подготовка в конце 70-х—начале 80-х годов XIX в. нового научного издания текстов Вольтера—полного собрания его сочинений под редакцией Луи Молана (Moland).

Еще хуже обстоит дело с использованием и учетом всех иных, достаточно многочисленных, русских материалов по Вольтеру, не входящих в состав основного собрания, т. е. библиотеки Вольтера.

В нашей публикации будет достаточно примеров относительно хранящихся или хранившихся в России и отчасти даже опубликованных частей вольтеровской переписки, не нашедших своевременного отражения в соответствующих французских работах и изданиях. Здесь не приходится говорить о недостатке интереса, и отсутствие исследовательского контакта следует, прежде всего, объяснять вредной традицией—господством пережиточного принципа «*Rossica non leguntur*». При таком положении дела совершенно неизбежным оказалось наличие большого количества промахов, ошибок и всякого рода курьезов, сопровождающих значительную часть комментариев, относящихся к России, даже у наиболее авторитетных исследователей.

ВОЛЬТЕР ЗА РАБОТОЙ
Статуэтка неизвестного мастера, бронза, 1760-е гг.
Эрмитаж, Ленинград

В своих ценных замечаниях (1912 г.) на молановское издание переписки Вольтера известный литературовед Шарль Шарро (Charrot) особенно заострил внимание международного вольтероведения на необходимости приступить к систематическому пополнению и уточнению изданного фонда вольтеровской переписки.

Возможность откликнуться на этот призыв русская литературная наука получила лишь после Октябрьской революции, открывшей советским исследователям доступ ко многим архивам и собраниям, пользование которыми ранее было затруднено, а то и просто невозможно.

Выполняя старый долг русской науки в отношении вольтероведения, настоящая работа, естественно, кладет лишь начало систематическому изучению и использованию советских материалов по Вольтеру.

В соответствии с поставленными задачами, работа строится следующим образом.

Первая глава посвящена публикации двух неизданных автографов Вольтера чисто литературного содержания: раннего варианта трагедии «Дон Педро» и посвящения трагедии «Олимпии» И. И. Шувалову.

Вторая глава отведена описанию и публикации сборника 178 подлинных писем Вольтера к семье Даржанталь—Пон де Вейль.

Третья глава содержит публикацию писем Вольтера к различным адресатам, а также двух неизданных писем (И. И. Шувалова и химика Элло), адресованных Вольтеру и связанных с его русскими интересами.

Четвертая глава дает общий обзор вольтеровских материалов, хранящихся в различных собраниях СССР, в том числе и в личной библиотеке Вольтера.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В ПРИМЕЧАНИЯХ

- MOLAND**—*Œuvres complètes de Voltaire, Nouvelle édition,...* conforme pour le texte à l'édition de Beuchot, enrichie de découvertes les plus récentes etc. Paris, Garnier frères, 1877—1885, 52 тома. Это издание, выполненное Louis Moland, положено в основу всех ссылок на тексты Вольтера в настоящей публикации и цитируется в дальнейшем Moland с последующим номером тома, напр., Moland, XLV, 211.
- DESNOIRESTERRES**—Gustave Desnoiresterres, *Voltaire et la Société française au XVIII siècle*. 8 томов, Paris, 2-e éd., 1877 (иногда цитируется по первому изданию). Отдельные тома, носящие самостоятельные заглавия: I. La jeunesse de Voltaire, II. Voltaire à Cirey, III. Voltaire à la Cour, IV. Voltaire et Frédéric, V. Voltaire à Délices, VI. Voltaire et J.-J. Rousseau, VII. Voltaire et Genève et VIII. Le retour et la mort, цитируются сокращенно, напр., Desnoiresterres, II.
- BENGESCO**—Georges Bengesco, *Voltaire. Bibliographie de ses œuvres*. Paris. Tome I—1882—1885, t. II—1885, t. III—1889, t. IV—1890. За номером тома и страницей следует номер по общей нумерации библиографии Банжеско, напр., Bengesco, IV, 226, № 2208.
- CHARROT**—Charles Charrot, *Quelques notes sur la correspondance de Voltaire*. «Revue d'histoire littéraire de la France», XIX (1912) и XX (1913); цитируются в дальнейшем Charrot с добавлением года, при традиционном обозначении журнала (RHL), напр., Charrot, RHL, 1912, 661.

I. РАННИЙ ФРАГМЕНТ ТРАГЕДИИ «ДОН ПЕДРО» И ПОСВЯЩЕНИЕ ТРАГЕДИИ «ОЛИМПИА» И. И. ШУВАЛОВУ*

В IX томе (in folio) рукописей Вольтера, входящих в состав его библиотеки, хранящейся в Ленинграде, среди ряда разнообразных набросков, копий заметок и выписок из писем за время с 1726 по 1778 гг. имеются две рукописи большого историко-литературного интереса. Они занимают первые (от 2-го до 10-го) листы этого тома. По внешнему их виду и особенно по манере письма можно заключить, что они являются спешными, мало правленными черновиками.

Обе рукописи являются несомненными автографами Вольтера. Обе они не датированы и не имеют заглавия. Первая рукопись представляет набросок первой сцены первого акта какой-то трагедии в стихах, в которой действующими лицами являются Дон Педро, король Кастилии, и Элеонора Гусман. На рукописи есть пометка, сделанная рукой секретаря Вольтера, Ваньера: «Набросок г. Вольтера» («Esquisse par M-r de Voltaire»).

На второй рукописи имеется сделанная уже после ее написания, но рукой самого Вольтера, надпись: «г. Шувалову». Эта рукопись представляет собой рассуждение об искусстве трагедии в форме письма, в начале которого сообщается о посвящении а д р е с а т у автором его новой трагедии. По содержанию, композиции и стилю письмо это нужно признать черновиком одного из тех посвящений, какими Вольтер имел обыкновение снабжать свои трагедии. Заглавие посвящаемой адресату трагедии, согласно обыкновению Вольтера, в письме не названо.

В «Инвентаре», составленном в 1914 г. приезжавшим в Россию французским литературоведом Фернаном Косси, рукописи обозначены: первая—как «Сцена из трагедии Д о н П е д р о», а вторая—как «Посвящение трагедии О л и м п и я Шувалову»¹.

Анализ обоих документов, а также относящейся к ним переписки Вольтера вполне подтверждает сделанные Косси указания. Что касается датировки этих документов, то оба они должны быть отнесены, как будет показано ниже, ко второй половине 1761 г. Из писем Вольтера этого периода было известно о его намерении посвятить трагедию «Олимпия» Шувалову², но она вышла в свет и всегда переиздавалась без посвящения, и об участии этого проекта биографам Вольтера ничего не было известно. Не была известна и зафиксированная в ленинградской рукописи сцена из «Дон Педро», весьма сильно отличающаяся от традиционного окончательного текста этой трагедии.

Итак, обе публикуемые нами рукописи являются текстами совершенно новыми, нигде не напечатанными. Их опубликование представляет не только тот интерес, какой имеет всякое пополнение литературного наследия Вольтера. Оно важно также и по существу, потому что дает новый материал по вопросу о взглядах Вольтера на драматургию и сценическое искусство. Анализ обоих документов и выяснение истории их возникновения покажут их тесную связь с основными темами творческих исканий и критических размышлений Вольтера в указанной области. Что же касается, в частности, второго документа—посвящения трагедии «Олимпия»,

* В редактировании первой главы принял участие проф. С. С. Мокульский.—Ред.

то внимательный анализ его текста покажет неожиданную близость его к памфлету Вольтера «Апелляция ко всем нациям Европы» («Appel à toutes les nations de l'Europe»).

Специфичность именно данного этапа в истории театральных исканий Вольтера может быть установлена только путем тщательного сопоставления публикуемых текстов со всей его драматургической теорией и практикой, а также с аналогичными высказываниями его современников. При этом необходимо учесть все значение сознательного эксперимента, заключенного и в необычной манере стихосложения публикуемой сцены из «Дон Педро», и в мизансцене трагедии «Олимпия», и в своеобразной авторской ремарке к пятому акту этой трагедии, и, наконец, в перекликающемся с нею публикуемом нами «Посвящении», а также взвесить исключительную ценность высказываний Вольтера о Шекспире именно в данной связи. Наконец, путем текстологического сличения проекта «Посвящения» с названным выше памфлетом должно быть показано их генетическое сродство.

Развернутое освещение всех проблем, связанных с намеченным нами изучением публикуемых текстов, конечно, далеко выходит за рамки собственно публикации. Потому мы ограничимся здесь приведением лишь основных фактов, необходимых для понимания этих текстов.

Ныне Вольтер не только у нас сошел с театральных подмостков, но почти совершенно не ставится даже у себя на родине. Однако, в XVIII в. каждая новая пьеса его являлась событием. По мнению самого Вольтера и его современников, именно драматургия должна была обессмертить его. И, действительно, в роли трагического поэта Вольтер стяжал господство над умами всей Европы уже задолго до того, как он создал себе огромный политический авторитет своей неутомимой борьбой с идеологией и аппаратом католической церкви и феодальной монархии.

Никогда и нигде увлечение театром не было так велико, как во Франции XVIII века. Это увлечение охватывало как изживавшую себя феодальную знать, так и высококультурную буржуазную интеллигенцию. Всякий уважающий себя парижский барин имел в то время ложу в опере, а всякая знатная парижанка приезжала на бал или на ужин из театра. Точно так же и в замках вне Парижа ни одно более или менее длительное собрание гостей не обходилось без спектаклей, даваемых либо специально приглашенными артистами, либо самими гостями, выступавшими в качестве любителей. Театральное любительство достигло в XVIII в. совершенно исключительных размеров. По словам современника, в конце XVIII в. «не было ни одного прокурора, который не хотел бы иметь на своей даче подмостки и труппу актеров»³.

Увлечение широких общественных кругов Франции XVIII в. театром было обусловлено той громадной ролью, которую театр играл в политической и культурной жизни страны, являясь мощным орудием просветительской пропаганды. Поэтому вся эта эпоха характеризуется бурным кипением театральной жизни. Борьба вновь возникающих ярмарочных и бульварных театров с монопольной королевской труппой Французской комедии; небывалый расцвет интриг, поощряемый новой общественной силой—журналистикой, соперничество авторов и актеров, блеск постановок и, наряду с этим, неслыханные прежде строгости цензуры и полная зависимость театра Французской комедии от камергеров двора, распоряжавшихся им, как своим доменом; властные требования реформы и гнет несокрушимых традиций⁴—таковы некоторые особенности театраль-

Esquisse. par M. de Voltaire

Acte premier

2

Scène 1ere

Don Pedro Roy des Castilles

Eleonora Des Guismana

Eleonore

non ce fatal amour ne sera plus le maître a
mon cœur ne peut ^{le} résister supportez
il m'en a coûté trop, il va trop m'en coûter
ah j'aurais dû le voir mieux connaître
sa renonance à vous être, et j'eusse vous quitté.

Don P

Si de ce nom même vous me nommez encore
je vois que nos vœux sont rompus,
ah nommez moy Don Pedro, ingrata Leonore
le Roy se sera oublié, Don Pedro vous adore
tout coupable quel est il chez vos vertus
mes ennemis me persécutent
je vois mes sujets révoltés
les anglais même se rebellent
de mes ^{longues} ~~lunes~~ adversités
tout m'arrive ou me fuit, vous seule me restez
vous seule adoussiez cette affreuse amertume
vous consolez ce cœur que le chagrin oppressé
vous calmez mes sens agités
sans vous cette main même eût pu m'arracher

ной жизни Парижа в эпоху, предшествовавшую Великой буржуазной революции конца XVIII в.,—в годы, отмеченные разложением аристократического классицизма XVII в. и формированием новых драматургических жанров (слезной комедии, мещанской драмы и др.), выражавших идеологию поднимающегося третьего сословия.

Через всю долгую жизнь Вольтера, через всю его многотомную переписку красной нитью проходит его интерес к мелким подробностям парижской театральной жизни, хотя в то же время он не устает то и дело порицать этот «кабак» и «банду». Влечение и близость к театру не были у Вольтера только данью моде. Они были в самом темпераменте этого человека, питавшего поистине страстную любовь к театру. Сам горячий и талантливый актер-любитель, которому были близки и понятны все переживания актера на сцене, Вольтер своей интуицией художника и театрала умел угадывать сценические дарования и вывел в артисты ряд действительно одаренных людей, начиная со знаменитого Лекэна⁵.

Во все периоды своей жизни Вольтер отдавал открытое предпочтение театру перед всеми прочими своими делами и трудами. Как писатель, он был прежде всего драматургом, а затем уже лирическим и эпическим поэтом, романистом, историком и философом. Свою обширную и многогранную деятельность Вольтер начал и закончил созданием драматических произведений. Его первым крупным литературным успехом была трагедия «Эдип» (1718), его последним триумфом была тоже трагедия—«Ирена» (1778). В промежутке между обеими этими датами Вольтер написал на протяжении шестидесяти лет 52 пьесы, в том числе 27 трагедий, т. е. на шесть трагедий больше Корнеля, который был, в отличие от Вольтера, только драматургом (Корнель написал 33 пьесы, в том числе 21 трагедию).

Сочинению трагедии Вольтер, по собственному его признанию, отдавался «всей душой». Он не имел обыкновения долго вынашивать в себе сюжет трагедии, как это делал, например, Расин. Обычно он сочинял трагедию быстро, почти за один присест. Но, создав целую трагедию в несколько дней (так, «Олимпия» была написана в течение шести дней), Вольтер мог затем долгие месяцы и годы неутомимо трудиться над ее отделкой, внимательно прислушиваясь к голосу критики, к мнению публики и друзей. Он считал, что творчество драматурга «требует глубочайшей сосредоточенности, живейшего энтузиазма и самого послушного терпения»⁶. Бескорыстно служа театру, Вольтер обладал, однако, болезненным авторским самолюбием. Он испытывал страстный, почти болезненный интерес к мнению публики, хотя порой сам третировал эту публику, как «варваров», неспособных понять произведение поэта⁷. В то же время он умел горячо увлекаться спектаклем, восторженно, до слез восхищаясь игрой актеров и приписывая им львиную долю успеха его собственных пьес.

Сам Вольтер охотно выступал на сцене: и в молодые годы, на премьере своего первенца «Эдипа», когда, затесавшись в толпу артистов, он нес шлейф жреца; и при дворе полуопальной герцогини Менской; и позднее, в роли Цицерона, на подмостках любительского театра в своей парижской квартире на улице Траверсиер и, наконец, в своих имениях Делис, Турне и Ферне. Появление Вольтера всегда сопровождалось оживлением театральной жизни. В Париже он заводит частный любительский театр. Стоит ему посетить пфальцграфа Карла-Теодора в 1753 г.—и в Шветцингене ставятся сразу четыре его трагедии⁸. Когда он проводит зиму

в Лозанне,—тотчас местные любители сплачиваются около него, осуществляя целую серию постановок сразу на двух сценах: на дому у самого Вольтера и в Монрепо у маркизы де Жанти⁹. Обосновавшись в окрестностях Женевы, Вольтер сразу начинает кампанию против фанатического отрицания театра в строгом «кальвиновом граде», наживая себе этим врагов среди местного духовенства. Ж.-Ж. Руссо, в свою очередь, не мог простить Вольтеру того, что тот своим театральным «соблазном» способствовал порче добрых нравов граждан Женевы; солидаризируясь в этом с духовенством, «гражданин Женевы» начинает полемику с владельцем Ферне и, переступая всякую меру, доходит даже до политически-полицейского доноса на Вольтера.

Отношение Вольтера к спектаклю всегда было двойственным. Твердо веря в воспитательное воздействие театра на зрителя и потому неизменно делая его орудием пропаганды просветительских идей, Вольтер в то же время подходил к спектаклю также и с чисто эстетической меркой, как к зрелищу и празднеству. «Я все же предпочитаю, чтобы повредились нравы публики, чем чтобы повредился ее вкус»,—говорил он в молодости¹⁰. Но такой подчеркнутый эстетический подход никогда не мешал Вольтеру выдвигать на первое место идейное содержание как своих собственных пьес, так и произведений его современников. Среди множества его высказываний по этому вопросу выделим особенно письмо Вольтера к итальянскому драматургу Альбергати-Капачелли от 23 декабря 1760 г.¹¹

Будучи третьим великим французским драматургом классического стиля, Вольтер являлся, в сущности, лишь продолжателем дела Корнеля и Расина, прилагавшим к построению трагедии старые эстетические нормы. Но, при всем том, он очень остро ощущал тот кризис застоя, в который завела французскую трагедию деятельность эпигонов Корнеля и Расина, царивших на французской сцене в первую половину XVIII века.

Уже от раннего периода драматургической деятельности Вольтера сохранились красноречивые высказывания его по этому вопросу. Сюда относится, например, его первое «Рассуждение о трагедии» (1730), в котором Вольтер протестует против рабского ига рифмы, считавшейся обязательной в стихосложении классической трагедии. Сюда же относится запись Вольтера на 116-м листе V тома его рукописей, известного под наименованием «S o t t i s i e r». Запись эта, носящая пометку «Dans l'épître dédicatoire», относится, повидимому, к началу 30-х годов, когда Вольтер писал посвящение «Заирь» английскому негодянту Фалькенеру. Вот ее текст: «Мольер, Расин, Корнель в своих пьесах поучали французов. То, что они говорили, тогда не было еще известно. Сейчас же, как ни стараются, говорят лишь такое, что всем уже известно»¹². Несмотря на это, Вольтер решительно выступал против новаторских попыток Удар де Ламотта, пытавшегося утвердить в трагедии прозаическую форму и даже покушавшегося на правило трех единств. Хлесткая отповедь Вольтера подчеркивала его нежелание «преобразовать регулярный строй государства по образу анархии»¹³.

Соблазн английской свободы в драматургии, к которой Вольтер склонялся в предисловии к «Заире», остается платоническим. Революционером театра Вольтер так и не стал. Но новатором он все же себя считал и имел на то основания; так, например, смелым вызовом, непонятым ни публике,

ни массе актеров, была его попытка создать трагедию без любовной интриги («Эдип», «Смерть Цезаря», «Меропа», «Семирамида», «Спасенный Рим»). По мнению Вольтера, от этой трагедии без амплуа любовников и любовниц можно получить «истинное наслаждение, не знакомое нашим надушенным французам». И если, несмотря на это, Вольтер все же часто дает образцы обычных для его времени любовных трагедий, то поступает он так из снисхождения «к парижским детям», которым в известный момент он считает нужным предоставить «остаток своего варенья»¹⁴.

Свой отказ от осложнения действия побочной любовной интригой Вольтер объясняет требованиями простоты и естественности, соображениями психологическими. По его мнению, не только хороший вкус, но и сама «природа» не допускает того, чтобы герой, обуреваемый честолюбием, патриотизмом, религиозным фанатизмом, мстью или другими страстями, был в то же время доступен другим помыслам или чувствам. Сколь ни наивно это противопоставление, оно вполне гармонирует с основными требованиями Вольтера: исходить из естественного, правдоподобного, согласного с природой (*naturel*). По той же причине Вольтер не выносит напыщенности слога, ходульной декламации: «Я не в силах более терпеть напыщенность, неестественное величие»,—воскликает он в письме 1765 г. к аббату Вуазенону¹⁵.

Кроме того, Вольтер требует от драматического произведения, чтобы оно было «чувствительным». Это второе требование неразрывно связано с первым, с требованием правдивости и естественности как самой пьесы, так и ее актерского исполнения. «Чего стоит трагедия,—воскликает Вольтер,—если она не заставляет плакать?»¹⁶. Эти слезы—высшее выражение того захвата, того потрясения зрителя спектаклем, которые для Вольтера остаются истинным мерилем талантливости автора трагедии, точно так же, как слезы у актера являются верным признаком того, что он понял свою роль и достоин ее. Немало воззрений Вольтера эволюционировало на протяжении его долгого писательского пути; но, при всех изменениях творческих установок Вольтера, он в течение всей своей жизни оставался верен этому критерию, сближающему его с новой поэтикой сентиментализма, и современники считали Вольтера подлинно чувствительным автором. Даламбер высказывал общее мнение, когда писал ему: «Корнель диссерирует, Расин беседует, а вы волнуете сердца»¹⁷.

Наконец, каково было объективное значение таких явлений, как усердный труд по комментированию Корнеля, с одной стороны, и с другой—столь частые использования сюжетов других трагических поэтов с целью переработки этих сюжетов до совершенства? Если отвлечься от субъективной поверхности явлений (вроде пизетта в одном случае и соперничества в другом), то истинный смысл всех этих переделок опытов Кребильона, Беллуа и других сведется именно к исканию предельных возможностей, заложенных в традиционной классической поэтике, а смысл «Комментария на творения Корнеля» раскроется именно, как *р е в и з и я* ходячих взглядов, как пересмотр систематический и смелый, несмотря на отсутствие принципиально новых точек зрения.

Здесь не место вдаваться в детальную периодизацию волновавших Вольтера вопросов теории драмы и практики театра. Важным источником для уяснения суждений Вольтера по этим вопросам являются те двадцать посвященных посланий, которые Вольтер предпосылал пьесам, на успех коих он особенно рассчитывал; однако, лишь некоторые из этих посвящений

РУССКОЕ ИЗДАНИЕ ТРАГЕДИИ
„МЕРОПА“

Экземпляр из библиотеки К. Ф. Рылеева
с его автографом

Частное собрание, Москва

закljučают в себе прямые декларации или теоретические рассуждения Вольтера по вопросам театра. Кроме этих посвящений, суждения Вольтера по вопросам драмы и театра заключены в его «Комментарии к произведениям Корнеля», в отдельных статьях его «Философского словаря», в различных памфлетах и свидетельствах собеседников и, особенно, в переписке (притом, отнюдь не только за хронологически ближайший ко времени написания данной пьесы год).

Совокупность всего этого материала показывает, что именно самое начало 60-х годов—канун новой эпохи политической активности Вольтера, пробужденной процессом Каласа,—окрашено, среди вновь обретенного Вольтером фернейского покоя, особенно ярким расцветом его театральных интересов. Эти интересы никогда не отступали у Вольтера на задний план, но лишь редкие периоды в его жизни были столь сильно насыщены ими, как период возникновения публикуемых нами документов.

Чтобы установить то новое, что они вносят в уже известную картину, приведем сначала их тексты, а затем уже осветим некоторые детали.

Первые страницы публикуемой нами рукописи (листы 2—5) заняты отрывком из неназванной трагедии, которую уже Ф. Косси признал трагедией «Дон Педро».

Приводим текст этих страниц в оригинале и в стихотворном переводе М. Талова.

Л. 2

ESQUISSE PAR M^r DE VOLTAIRE*

ACTE PREMIER

SCENE I-ERE

Don Pedro Roy de Castille
Eleonore de Gusmane

E l e o n o r e

non ce fatal amour ne sera plus le maitre
 <non> mon coeur ne le** peut <résister> supporter.
 il m'en a couté trop, il va trop m'en couter
 ah jaurais du <m> vous mieux connaitre
 je renonce a vous sire, et je dois vous quitter

D o n P [e d r e]

Si de ce nom <cruel> vous me nommez encore
 je vois que nos noeuds sont rompus.
 ah nommez moy don Pedre, ingrante Leonore
 le Roy sest oublié, don Pedre vous adore
 tout coupable quil est, il cherit vos vertus
 mes ennemis me persecutent
 je vois mes sujets révoltent.
 les anglais meme se rebuttent
 de mes <dures> l o n g u e s adversitez
 tout m'irrite ou me fuit, vous seule me restez.
 vous seule adoucissiez cette affreuse amertume
 vous consoliez ce coeur que le chagrin consume
 vous calmez mes sens agitez
 sans vous cette main meme eut puni transtamare
 Sans vous je deviendrais barbare
 je vais verser le sang, si vous ne m'arretez

Оборот

E l e o n o r e

fautil vous combattre sans cesse?
 don Pedre, vos emportements
 ne sont point faits pour ma tendresse.
 et plus mon coeur sent de faiblesse
 plus je <hais> c r a i n s vos égarements.
 avec mille vertus le ciel vous a fait naitre
 vous corrompez ces dons, par vous meme trahi.
 <et [?] on devait> o n v o u l a i t vous aimer, et vous etes haï.
 on me hait avec vous, ces grands de la castille
 au nom de tout l'état dans burgos assemblez,
 pour unir s'il se peut votre triste famille
 sont mes ennemis signalez.
 mon malheureux amour est l'objet des murmures.
 je <n'en [?]> <ne vois> n e v o i s que des yeux sombres et me-
 naçants.

* Рукой Ваньера.

** В ломаные скобки заключены слова, зачеркнутые в воспроизводимом тексте.
Набранное разрядкой написано над строкой.

j'entends des citoiens éclatter en injures.
 on croit sur votre cour mes conseils tout puissants,
 que c'est moi dont la voix vous force a l'injustice;
 quand je vous la reproche on m'en fait la complice.
 la voix publi(e) que enfin de la cour me bannit.
 tout mon crime est d'aimer, et c'est moi qu'on punit.

Л. 3

D o n P e d r e

qui sont ces insolents dont la voix téméraire
 insulte eleonore et condamne mon choix?
 j'imposerai silence aux clameurs du vulgaire,
 a ces grands qui jugent les rois.
 je hais tous les conseils qu'ils donnent;
 ils se permettent tout, et jamais ne pardonnent,
 ont plus d'orgueil encor que de severité,
 et sont jaloux surtout de mon autorité.
 a ployer devant vous je forcerai leur haine
 m'aimeriez vous encor?

E l e o n o r e

vous le savez trop bien
 et vous ne doutez pas d'un coeur tel que le mien

D o n P e d r e

eh bien montez au trone; eh bien, soyez leur reine.
 que ces austeres ennemis
 implorent les bontez de l'objet qu'ils condamnent
 qu'ils prodiguent lencens a l'autel qu'ils profanent
 qu'ils soient a vos pieds comme moy;
 Regnez Eleonore en acceptant ma foy

E l e o n o r e

je ne le puis

D o n p e d r e

o ciel quel étonnant langage?
 vous ne pouvez regner, et vous pouvez maimer?
 craignez vous mes malheurs? craignez vous le partage
 d'un trone dangereux trop voisin du naufrage?
 quand de mes ennemis je dédaigne la rage
 pouvait elle vous allarmer?

Оборот

E l e o n o r e

(non ce serait encor une r)
 non, vos malheurs seraient une chaine nouvelle
 qui m'unirait a vous jusqua mon dernier jour

D o n p e d r e

eh (pour) qui peut vous forcer cruelle,
 a rejeter mon sceptre, a m'accabler?

E l e o n o r e

L'amour.

⟨cet amour a rendu la castille jalouse⟩ ⟨l'amour votre interest
et lespagne. et les [?] français [illis.] jalousie [?]
⟨et linjustice des mortels humains⟩

⟨nos feux sont un pretexte aux cris des malheureux⟩
⟨de votre triste amante on condamne les feux⟩ L'amour votre
i n t e r e s t . e t l e s p a g n e j a l o u s e
et linjustice des humains.

⟨ma te⟩ votre amante est coupable a leurs yeux inhumains
mais vous etes perdu si je suis votre épouse.

d o n P e d r e

moy!

E l e o n o r e

nous sommes en proye aux regards des mortels
de Blanche de bourbon la pompe funéraire
dans burgos, a mes yeux charge encor les autels.
on pleure votre femme, et pour ne vous rien taire
notre amour l'a mise au tombeau.

je ne souffrirai point que cet himen nouvau
insulte de si près a ⟨votre⟩ son heure derniere.
vous dirai-je encor plus? ⟨un indigne soupçon⟩ v o u s ⟨o s e⟩
e t e s s o u p ç o n n (e r) é

⟨que vous avez vous meme⟩ d'avoir avancé sa carriere.
⟨ce mensonge odieux remplit⟩ accusé par l(a)europé entiere
⟨et si vous mepou⟩ tremblez d'en etre condamné.

⟨j⟩ ⟨n'en parlons plus⟩ je v o u s a i m e ; ⟨e t⟩ je sacrifie
⟨tous les sentiments de mon coeur⟩
ma tendre ma sincere ardeur,
au bien public a votre honneur
qui m'est plus cher que votre vie.

D o n P e d r e

quoy des méchants lartifice imposteur
les cris honteux l'imfame calomnie
l'emporteroient sur lamour qui nous lie?
et vous n'osez ecouter votre coeur?

E l e o n o r e

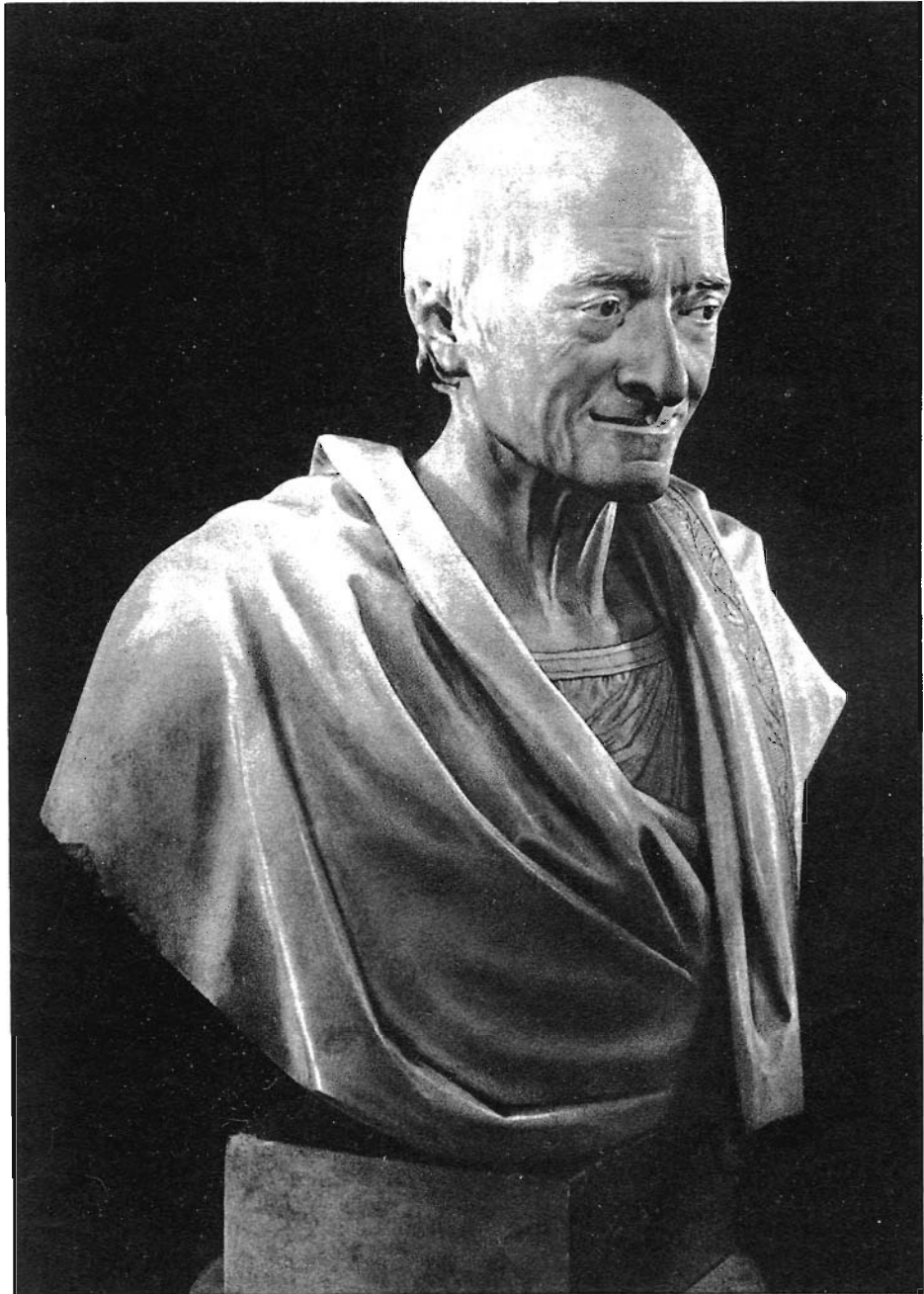
je n'ecoute que luy, puisque je vous refuse.

d o n p e d r e

non votre ⟨coeur⟩ ⟨mem⟩ vertu vous abuse.
• eh pourquoy nous punir tout deux
de la perversité d'un monde qui m'accuse?
helas qu'un prince est malheureux? [sic!]
le plus vil des sujets dispose de luy meme
il vit selon son coeur. il se livre a son choix
⟨sans crainte⟩ il coule en paix ses jours avec l'objet qu'il aime.
et moy superbe esclave en ma grandeur supreme,

Л. 4

Оборот

ВОЛЬТЕР В ТОГЕ
Работа Гудона. Мрамор, 1778 г.
Эрмитаж, Ленинград

je ne pourai jouir de la commune loy?
 et le droit naturel est interdit pour moy?
 regnez Eleonore et confondez lenvie.

⟨ne⟩ pensez ⟨pas⟩ vous donc que votre Roy s'oublie,
 ⟨ny⟩ et quil s'abaisse en vous donnant la main?
 etes vous au dessous d⟨u⟩e ⟨pouvoir⟩ ce rang souverain?

Eleonore

jen suis digne par ma naissance
 plus encor par mes sentiments
 je cesserai de l'etre en ces funestes temps
 si de l'ambition j'écoutais limprudence.
 soyez digne de moy; cest tout ce que veux.
 de la guerre civile ecartez les allarmes:
 confondez limposture en etant vertueux.

gagnez les coeurs, sechez les larmes
 que les peuples unis benissent votre loy
 ⟨et meritez cr [?] et que tous vos sujets vous aiment comme moy⟩

л. 5

⟨Don Pedro⟩

⟨commandez, que faut il faire⟩
 ⟨pour mériter detre a vous?⟩

⟨Eleonore⟩

⟨pardonner⟩

Don Pedro

allez les factieux n'aiment jamais un maitre
 ⟨jusquau dernier moment je veux lestre⟩
 quoy qu'il puisse arriver, je le suis, je veux letre.
 ⟨si je recois des lois cest a vous d'en donner⟩

[Eleonore]

Soyez le de leurs coeurs

[Don Pedro]

⟨que⟩ ils recévront mes lois, mais daignez m'en donner.
 ⟨que⟩ disposez de mon diademe
 que doi-je faire?

Eleonore

pardonner.

don Pedro

a quel sujet perfide?

Eleonore

à transtamare meme

don pedre

a transtamare?

Eleonore

a luy. J'ose vous en prier
 il est prest ma til dit, a vous sacrifier
 ses ressentiments sa vengeance

don Ped re

quoy toujours transtamare! (o Douleur) o soupçons douloureux

E le on o re

que dites vous! cher prince! approuvez vous mes voeux

Don Ped re

moy?

Don San che (arri)

les etats seigneur demandent audience

E le on o re

adieu daignez penser a vos vrais interets
a ma priere, a moy

elle sort

Оборот

Don Ped re

quels (sentiments) mou v e m e n t s secrets
(S'élevent malgré moy dans mon ame éperdue)
o n t reveillé(ont) (de mes sens) laffreuse jalousie

don san che

que dirai-je aux etats.

don Ped re

mon ame est trop saisie.
je ne puis ecouter.

Перевод:*

НАБРОСОК Г. ВОЛЬТЕРА**

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Педро, король Кастильский, Элеонора де Гусман

Элеонора

Нет, пагубная страсть владеть не будет мною
(Нет) И сердцу (противится) тяжела она.
Платила за нее я дорогой ценою
И горю буду я сильней обречена...
Должна была б (я) тебя я лучше знать, не скрою.
Прощай, король. Тебя покинуть я должна.

Дон Педро

Коль скоро (именем жестоким) королем зовешь меня, синьора,
Меж нами больше связи нет!
Дон Педром называй меня, Элеонора!
Тебя Дон Педро чтит, а не король. Нет спора,
Как ни виновен он,—в тебе он видит свет.
Не гаснет злоба в вражьем стане,
И зреет бунт в сердцах людских,

* Транскрипция текста в переводе соблюдена не полностью. Ср. выше французский текст.

** Рукой Ваньера.

Грозят мне даже англичане
 При виде (тяжких) долгих бед моих.
 Все мне внушает гнев, всем страшен я, лишь ты
 Души печальной скорбь ужасную смягчала
 И сердце, полное тоски, ты врачевала,
 Смирняя бурные мечты.
 Когда б не ты — с пути я смёл бы Транстамара,
 Его постигла б злая кара;
 Кровь хлынет, коль меня не остановишь ты.

Э л е о н о р а

Все ль буду спорить я с тобою?
 Дон Педро, пыл души твоей
 Враждебен моему покою.
 И чем тебя люблю сильнее,
 Тем (ненавижу) за тебя мне все страшней.
 Бог наделил тебя прекрасными дарами,
 Дар неба сказав, ты к небу глух и нем.
 Любимым (должен) хочешь быть, а ненавистен всем.
 Твой рок и я делю. Кастильские дворяне,
 В Бургос прибывшие, чтоб спор твоей семьи
 Унять и погасить огонь взаимной брани,—
 Враги заклятые мои.
 Моя любовь к тебе в них возбуждает ропот,
 (Я не) (не вижу) Их взоры хмурые ко мне обращены
 И граждан слышу я злословье, низкий шопот.
 И мнится им, что я — бич их родной страны,
 Что на жестокости тебя я вдохновляю,
 Как соучастница; а я их порицаю.
 Людской, суровый суд меня решил изгнать,
 А весь мой грех — любовь. За что меня карать?

Д о н П е д р о

Кто эти наглые, чей голос безрассудный
 Перечить мне дерзнул, Ленору ж оскорбить?
 Я ропот заглушу и черни многолюдной
 И грандов, выбор мой посмевших осудить.
 Я их советы презираю.
 Они безжалостны, их дерзости нет краю;
 Не столь суров их род, сколь чванен искони,
 И сану моему завидуют они;
 Они перед тобой умерят вспышки гнева;
 Ты любишь ли меня?

Э л е о н о р а

Прекрасно знаешь сам.
 Верь преданности ты... О, верь моим словам!

Д о н П е д р о

Взойди ж на трон и стань их королевой.
 Пусть эти лютые враги
 У оклеветанной пощады умоляют
 И оскверненный храм всем хором прославляют.

Пусть припадут, как я, к твоим стопам
И воскурят тебе, царица, фимиам.

Элеонора

Не смею.

Дон Педро

Небеса! Как странно возраженье!
Не смеешь царствовать, попрежнему любя?
Или страшишься ты делить со мной волненья
И трон, которому грозит уже крушенья?
Когда врагов своих я презираю мщенье,
Что может здесь пугать тебя?

Элеонора

〈Нет, будет то опять...〉

Нет, цепью прочною твое мне было б горе,—
До дня кончины нас связующею вновь.

Дон Педро

〈Для〉 Кто ж подсказал Элеоноре
Отринуть скипетр мой? Жестокая!...

Элеонора

〈Любовь та вызвала у Кастилии всей злобу〉

Любовь.

〈Любовь, твой интерес, Испания. И французы
- И их зависть〉

〈Несправедливость смертных, злых людей〉

〈Ах, наша страсть—предлог для ропота людей〉

〈Все осудили страсть возлюбленной твоей〉

Любовь, твой интерес, гнев края, над тобою

Несправедливой черни суд.

Они меня сочли виновницею смут.

Но ты погиб, меня назвав 〈меня твоей〉 своей женою.

Дон Педро

Я!

Элеонора

Приковала к нам Испания свой взор.

По Бьянке де Бурбон звон слышу погребальный

И отзвуком его бургосский полн собор.

И,—скрою ли?—как это ни печально,

Но наша страсть свела ее в могильный мрак.

И я не потерплю, чтоб этот новый брак

Тотчас за смертью свершился. Нет причины

Скрывать перед тобой! 〈презренное подозренье〉 Ты заподозрен в том,

〈Что чуть ли не ты сам〉 что ты ускорил час кончины. /

〈Ложь это обошла〉 Европа вся бурлит—и что же,—

〈И если ты на мне жен〉 тебя ж осудят все потом.

〈Я〉 〈о том довольно〉 люблю 〈и〉 пожертвую, о боже,

〈Любовью сердца молодой〉

На благо всех мой пыл святой

Отдам; я дорожу тобой,

Мне жизни честь твоя дороже.

Дон Педро

Ужель, скажи, коварство черни злой,
Бесстыдный вопль и клевета людская
Нас победят, связь нашу осуждая?
Иль сердца глас подавлен клеветой?

Элеонора

Послушна сердцу я, союз наш разрывая.

Дон Педро

Нет, (сердце) (даже) доблести вас вводят в заблужденье.

Казнимы мы не оттого ль,

Что свет превратный мне готовит обвиненье?

Увы! Несчастней всех король!

Холоп ничтожный сам собой располагает;

Влеченью вольному послушный, он живет,

(Без страха) Проводит мирно дни, любимую ласкает,

А я, величья раб, Кастилии оплот...

Ужели наслаждаться мне нельзя?

Запретна ль мне влечения стезя?

Владычествуй, расстрой их козни, Леонора!

(Ужель) Не мнишь ли, что король узнает боль позора,

Деля с тобой любовь свою и трон?

Иль недостойна ты? Тебя пугает (власть) он?

Элеонора

Нет, трона я достойна родом,

Достойна чувствами вдвойне;

Достойна не была б его я в сей стране,

Когда б искала я лишь власти над народом.

Достоин будь меня; лелею я мечту,

Что войн гражданских ты рассеешь все угрозы;

Великодушием раздавишь клевету,

Влеку сердца, всем осуши ты слезы,

Народы дружные тебя прославят вновь,

(И заслужи) Мою и подданных—ты обретешь любовь!

Дон Педро

(Скажи, что делать надлежит мне,)

(Чтоб заслужить твою любовь?)

Элеонора

(Простить)

Дон Педро

Бывал ли мил король бунтующему люду?

(Я до последнего мгновения им буду)

Что б ни было, я—царь, им постоянно буду.

(Законам рад служить, но ты должна их дать)

[Элеонора]

Царем над их сердцами будь!

[Дон Педро]

⟨Что⟩ Дам я законы им, но мне изволь их дать.

⟨Что⟩ Возьми венец, будь благосклонна к дару.

О, что же делать мне?

Элеонора

Прощать.

Дон Педро

Кому? Изменникам?

Элеонора

Хотя бы Транстамару!

Дон Педро

Ему?

Элеонора

Ему. Тебя прошу о том, любя.

Мне он сказал: готов забыть он для тебя

Остаток злобы, жажду мести.

Дон Педро

Как! Снова Транстамар! ⟨О, скорбь!⟩ Превратности судьбы!

Элеонора

О, добрый мой король! Услышь мои мольбы!

Дон Педро

Я!

Дон Санчо *(входит)*

Вас кортесы ждут и просят вас о чести...

Элеонора

Прощай!... О благе ты своем подумай, друг,

О просьбе, обо мне *(уходит)*.

Дон Педро

Как ⟨чувства⟩ потрясен я вдруг!

⟨В душе встревоженной невольно пробудился⟩

И призрак ревности встал в свете незнакомом.

Дон Санчо

Что мне ответить им?

Дон Педро

Я поражен, как громом.

Я слушать не могу.

Публикуемый отрывок привлекает наше внимание, прежде всего, тем, что он, в отступление от традиции, написан не каноническим для французской трагедии александрийским стихом, а неровными строками вольного стиха.

Уже одно это сразу исключает возможность видеть в нашем фрагменте один из вариантов окончательного текста трагедии «Дон Педро», написанной александрийским стихом, подобно всем другим трагедиям Вольтера. Как известно, трагедия «Дон Педро» вышла в свет в начале 1775 г. и явилась результатом труда предшествующего года¹⁸; однако, сохранилось немало указаний на то, что Вольтер лишь вернулся при этом к теме, зани-

мавшей его значительно ранее. Он сам отмечает это в предпосланных «Дон Педро» очерках, носящих форму: 1) «Посвятительного послания Даламберу», 2) «Исторического и критического рассуждения» и 3) «Фрагмента исторического и критического рассуждения о трагедии Дон Педро»¹⁹. Целый ряд оснований заставляет нас предположить, что публикуемый отрывок относится не ко времени написания трагедии в ее окончательном виде (1774), а к тому времени, когда Вольтер впервые задумал разработку сюжета «Дон Педро» (1761).

В эпоху написания трагедии, в 1774 г., Вольтер был строгим блюстителем канонизованного стихосложения и всей поэтики Буало. Это ярко сказывается в упомянутых очерках, предпосланных печатному изданию «Дон Педро». Полускрывшись под маской некоего «издателя», рекомендуемого читателям произведение «неизвестного молодого драматурга», Вольтер излагает здесь свои соображения о значении в трагедии стихотворной формы. Мы находим среди этих высказываний такие фразы: «Если многие любители знают наизусть чудесные места из «Горациев», «Цинны», «Помпея» и «Полиевкта» и лишь четыре стиха из «Гераклия», это объясняется тем, что стихи здесь превосходны»... «Почему невозможно перечитывать «Беренику» Корнеля, а трагедия Расина того же наименования читается с таким наслаждением?»... «Мне прожужжали уши изречением, которое, будто бы, принадлежит Корнелю: «Пьеса моя кончена, мне остается только изложить ее стихами». В комедии стихи не самая основная трудность, а в трагедии, особенно в нашей, они представляют собой трудность почти непреодолимую»²⁰.

Канонический для трагедий Корнеля и Расина александрийский стих выдвигается здесь в качестве непререкаемого образца. Сама трагедия «Дон Педро» (подобно почти всем трагедиям Вольтера) и написана таким безупречным александрийским стихом, как пьеса вполне соответствующая канону классической трагедии во всех ее тематических и структурных особенностях.

В нашем же отрывке Вольтер делает крайне смелую попытку написать трагедию «вольными стихами», чередуя двенадцатисложные («александрийские») стихи с восьмисложными. Такое перенесение в трагедию приема версификации, узаконенного в то время в комедии, Вольтером никогда больше не повторялось. Свой смелый замысел нарушить метрический канон трагедии Вольтер держал в полной тайне, и без нашей рукописи мы никогда даже не подозревали бы о подобной его попытке. В этом отношении публикуемый черновик представляет, пожалуй, наибольший интерес. Но уже одна эта метрическая «вольность» Вольтера побуждает думать, что отрывок не относится к 1774 г., а написан в иную, менее «ортодоксальную» пору вольтеровского творчества.

Такой именно «наименее ортодоксальной» порой творчества Вольтера явился 1761 г., отмеченный написанием трагедии «Олимпия» и публикуемого нами «Посвящения» ее Шувалову. И действительно, первый замысел трагедии «Дон Педро» и начало работы над ней относятся к летним месяцам 1761 г. Мы знаем об этом из писем Вольтера к Даржанталю от 29 июня, 8 июля и 9 августа этого года. В первом из этих писем Вольтер дает общую экспозицию начатой им трагедии: «Что касается другого сюжета, о котором вы говорите и от которого я, кажется, уже отказался, то он наполовину французский и наполовину испанский. В нем можно было видеть Бертрана Дюгеклена меж доном Педро Жестокий и Генрихом Транста-

маром. Мария Падилла, под более благородным и более театральным именем, как безумная, влюблена в этого дона Педро, буйного, вспыльчивого, менее жестокого, чем это принято утверждать, влюбленного до крайности и столь же ревнивого, вынужденного бороться со своими подданными, ставящими ему в вину его любовь. Любовница его знает все его недостатки, но любит его оттого лишь больше.

Генрих Транстамар—его соперник. Он оспаривает у него трон и Марию

И. И. ШУВАЛОВ

Портрет маслом Л. Токке, 1760-е гг.

Эрмитаж, Ленинград

Падилла. Бертран Дюгеклен, посланный французским королем, чтобы помирить братьев и поддержать Генриха в случае войны, заставляет созвать генеральные штаты: Las Cortes de Castilla (депутаты от сословий) могут произвести прекрасный эффект на сцене, после того, как там теперь нет более светских франтов²¹. Дон Педро терпеть не может ни Las Cortes, ни Дюгеклена, ни своего побочного брата Генриха; он считает, что его предали все и даже его любовница, которая его обожает.

Бертран, в конце концов, вынужден вызвать французские войска; он играет сразу роль и покровителя Генриха, и увещателя дона Педро,

и посла Франции, и полководца. Генрих, в качестве победителя, предлагает себя Марии Падила, с руками, покрытыми кровью его брата. Падилла не принимает руки убийцы ее возлюбленного, предпочитая самоубийство над телом дон Педро. Бертран оплакивает их обоих, дает в кратких словах несколько советов Генриху и возвращается во Францию наслаждаться своей славой...»²².

Несмотря на то, что в приведенном письме Вольтер пишет, что «кажется, уже отказался» от сюжета «Дон Педро», однако, последующие письма к Даржанталю не подтверждают этих его слов. Так, в письме от 8 июля Вольтер пишет, что он примирился с «Зюлимой», но все еще в ссоре с «Педро Жестоким», а 9 августа уже сообщает Даржанталю: «Днем я работаю над Корнелем, а ночью над доном Педро»²³. И все же упоминания о «Дон Педро» являются довольно скудными, по сравнению с упоминаниями о других темах, волновавших Вольтера в это время. Повидимому, работа его над этой трагедией не была особенно интенсивной. Подробнее замыслы этих месяцев будут нами раскрыты при рассмотрении второго из публикуемых нами памятников. Пока же заметим, что именно в этот период, возможно, сложились те замечания о поэтике и языке Корнеля, которые несколько неожиданным образом оказались предпосланными Вольтером позднему изданию «Дон Педро».

Что представляет собой трагедия «Дон Педро», имевшая довольно незавидную судьбу среди вольтеровских пьес и, в частности, никогда не увидевшая света ramпы? Это — трагедия на тему о политических интригах, сплетение которых замещает в данном случае обычную во французских трагедиях борьбу чувств и характеров. Замысел Вольтера был им отчасти раскрыт во втором из предпосланных печатному изданию трагедии очерков.

Разбирая причины наименования «Жестокий», упрочившегося в истории за кастильским королем середины XIV в. Педро, Вольтер дает выход и крайним формам своего «пирронизма» (т. е. исторического скептицизма), и, вместе с тем, ряду весьма едких размышлений по вопросам современной воинственной политики европейских держав. Некоторые из этих мыслей не потеряли своей остроты даже и по сей день. Так, Вольтер подчеркивает правоту Уолпола, утверждавшего, что когда пользующийся удачей король обвиняет своих противников, то все историки спешат наперебой услужить ему в качестве свидетелей. «Такова слабость слишком многих людей науки,—продолжает Вольтер,—не потому, чтобы они были более трусливы и низменны, чем придворные льстецы государя преступного, но пользующегося успехом, а потому, что их малодушие оказывается более долговечным». «Часто также те, кто лжет таким образом человеческому роду, воодушевлены также и глупостью национального соперничества... «Но ныне, когда наша Европа поделена между столькими владениями, взаимно друг друга уравнивающими, ныне, когда столько народов имеют такое множество великих людей во всех отраслях, всякий, кто захочет слишком польстить своей стране, впадает в риск прогневить другие страны (если случайно его в них читают), и притом должен мало рассчитывать на признательность собственной страны. Никогда столько не любили истину, как в наши дни: дело только за тем, чтобы найти эту истину»²⁴.

Вкратце сюжет драмы в ее окончательном виде развивается таким образом: заручившись поддержкой французского короля, выславшего ему

на подмогу Бертрана Дюгеклена, Транстамар, побочный брат дона Педро, пытается убедить Леонору бросить его соперника и тем самым узаконить его собственные притязания на престол и на ее руку. Отвергая домогательства Транстамара, которому некогда обещал ее руку отец, и оставаясь верной дону Педро, которому она была обещана своей матерью, Леонора убеждает Транстамара скрыться, но, вместе с тем, вымалчивает ему пощаду у дона Педро, когда Транстамар в результате бурного объяснения обнажает против своего соперника шпагу. Удачным государственным переворотом дон Педро обезоруживает своего соперника и его партию в кортесах, на собрание которых он высокомерно отказывается явиться. Заступничество его возлюбленной за Транстамара повергает его, однако, в смятение и лишает Леонору его доверия. Счастье ему изменяет, и в самый момент его торжества над Транстамаром приходит известие о вступлении в город войск Дюгеклена. Переговоры короля с последним, пытающимся продиктовать ему неприемлемые условия, приводят лишь к назначению немедленной битвы. Дон Педро подчеркивает: «Судя по вашему поведению, можно было бы легко усомниться в столь редкостном беспристрастии вашего повелителя, который, не предупредив меня, опустошает мои земли и просит у меня мира силою двадцати тысяч солдат». В этом сражении дон Педро опасно ранен, и Дюгеклену, олицетворяющему рыцарское благородство, не удается спасти его от олицетворения низменной злобы — Транстамара, закаляющего раненого брата. При известии об этом Леонора проявляет величие своего характера, кончая с собой.

О чем же позволяет заключить публикуемый отрывок, являющийся, повидимому, единственным остатком первого варианта трагедии? Прежде всего, о значительной перестройке всего плана трагедии в 1774 г. Наш отрывок оканчивается полным драматизма объяснением дона Педро с Леонорой, в котором сжато и полно обрисованы характеры обоих персонажей и дана завязка всех дальнейших перипетий трагедии. В тексте же 1774 г. это объяснение разбито на две части, причем вторая часть объяснения перенесена в третий акт трагедии. В нашем фрагменте поведение Леоноры с самого начала вполне продуманное и раскрывает ее активный, волевой характер; в окончательном тексте ее образ бледнее, в нем чувствуются растерянность и бессилие. В самом конце нашего отрывка появляется некий дон Санчо, извещающий дона Педро о том, что члены кортесов просят у него аудиенции. Следующая сцена, вероятно, должна была изображать именно заседание кортесов, о сценической эффектности которого упоминает Вольтер в приведенном нами выше письме к Даржанталю от 29 июня 1761 г. В печатном же тексте 1774 г. никакого заседания кортесов на сцене не изображается; показаны только закулисные интриги Транстамара среди грандов и дается горделивый отказ дона Педро иметь с ними дело. Наконец, в нашем фрагменте сам дон Педро морально выше, чем в печатном тексте. Хотя он и смущен заступничеством Леоноры за своего соперника и отвергает ее совет проявить великодушие к нему, однако, он еще не дает воли своей подозрительности по отношению к Леоноре. Этот властный и горячий человек еще не обессилен ревностью и не раздавлен враждебными силами, как в окончательном тексте 1774 г.

Это — все, что можно извлечь из сопоставления нашего фрагмента с окончательным текстом трагедии. Сопоставление это дает право заключить о том, что этот последний гораздо ближе к традиционной структуре клас-

сической трагедии, чем новаторский набросок 1761 г., в котором Вольтер делал попытку сломать традиционную метрическую форму трагедии и внести в нее ряд зрелищных, живописных моментов (например, заседание кортесов), отсутствующих в печатном тексте 1774 г. При всем том «леденящий сюжет Дон Педро», по собственному выражению Вольтера, не способен был достаточно заинтересовать его в 1761 г., когда он был в первую очередь увлечен новаторскими сценическими замыслами. И Вольтер оставил «Дона Педро» ради работы над «Олимпией».

Обратимся теперь к рассмотрению второго из публикуемых документов—посвящения трагедии «Олимпия» И. И. Шувалову, занимающего листы 6—10 издаваемой нами рукописи.

Вот его текст:

господину шувалову *

Образованные народы давно считали трагедию одним из прекраснейших искусств. Грекам ранней поры нужны были игры, как бег, борьба, метание диска,—то были времена, когда люди выше всего ставили телесную силу. Вместе с духовным развитием явилась потребность и в искусствах порядка духовного**.

Это можно было наблюдать у всех народов; ныне это в удивительной степени проявлено вашим народом. Не было другой нации, которая так скоро научилась бы совмещать просвещение с суровым и тяжким ремеслом войны.

Не прошло и шестидесяти лет с той поры, как положено было начало столице вашей империи—Петербургу, а у вас уже давно существуют там научные учреждения и великолепные театры, а наряду с этим войны ваши снискивают себе славу на берегах Одера и Эльбы.

Упомянуть ли, в числе этих неожиданностей и чудес, о вашем умении говорить на нашем языке так же правильно, как говорим мы в Париже, и судить о написанном нами с не меньшим, чем мы, вкусом, но с большим беспристрастием?

В этом убеждаете меня вы, милостивый государь, за те два года, что я имею честь переписываться с вами. Вы не ограничились тем, что, пребывая при дворе, развивали свой вкус и обогащали ум лучшими познаниями: вы озаботились распространением любви к науке, и созданное вами в Москве ученое учреждение обязано вам не только, как основателю своему, но и как насадителю просвещения.

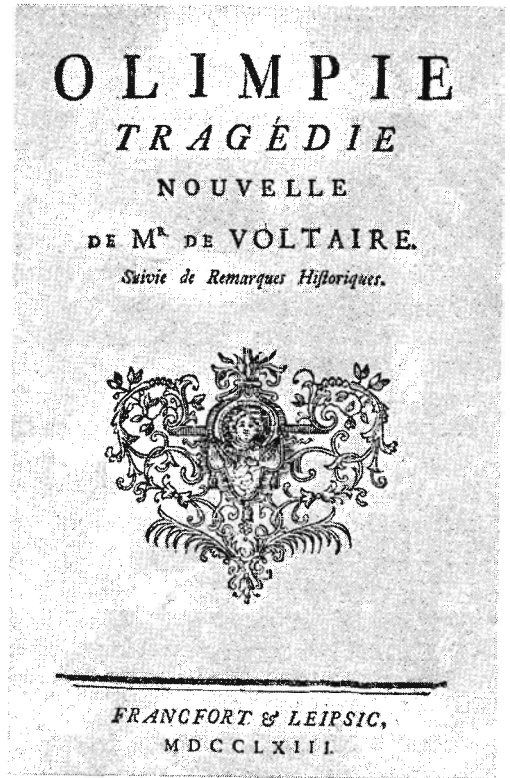
Изданию творений нашего великого Корнеля впервые было оказано покровительство вашей августейшей императрицей. В эпоху Корнеля на его долю не могло выпасть такой чести. Этой честью потомство его обязано вам: под шестидесятым градусом широты нашли себе ныне покровителей «Сид» и «Цинна». Как бы ни нарушали покой постоянные войны, литературная Европа все же остается обширной академией, члены которой—от далекого Финского залива до того города, где расцвело творчество Цицеронов, Горациев и Вергилиев,—поддерживают между собою общение.

* Заглавие написано рукой Вольтера, но отдельно, после написания текста.

** В оригинале—знак сноски, а на полях против него—текст вставки: «Искусство трагедии, казалось, включало в себя все остальные искусства: архитектуру, живопись, перспективу, музыку, красноречие, поэзию и т. д. Искусства эти развиваются лишь в самые цветущие эпохи».

ТРАГЕДИЯ „ОЛИМПИЯ“ ВОЛЬТЕРА

Титульный лист издания 1763 г.

Желая укрепить своим примером благое дело этого общения, а также засвидетельствовать вам чувства уважения и дружбы, я имею честь посвящать вам прилагаемую здесь новую трагедию, одновременно делясь с вами некоторыми соображениями об этом роде искусства, теперь столь распространенном, но предъявляющем и столь большие требования.

Пока язык еще не выработан, пока окончания слов еще не приведены к благозвучию и приятное чередование сочетаний гласных и согласных звуков, а также кратких и долгих слогов не смягчило грубости речи, все попытки создать литературу, во всех ее родах, долго оказываются и трудными и тщетными.

Первые свои опыты на этом поприще мы стали делать больше двухсот лет тому назад. Но лишь около ста тридцати лет назад образовался у нас язык, достойный той чести, которую вы ему оказываете, так хорошо им владея. Начали мы с театра. В этом искусстве мы преуспели больше, нежели во всех остальных.

Начали мы при наших королях Франциске I и Генрихе II, в XVI в. с подражания грекам. Мы им подражали очень плохо, а так как наши нравы совершенно не походили на их нравы, то и театр наш вскоре оказался нисколько не похожим на греческий.

Трагедия должна в совершенстве передавать великие события, страсти и их последствия. Изображаемые в трагедии люди должны говорить так, как люди говорят в действительности, а поэтический язык, возвышая душу и пленяя слух, ни в коем случае не должен приводить к ущербу естественности и правдивости. Из этого закона вытекают все остальные. Умение волновать мыслящие и тонкие умы—

вот, несомненно, наиболее трудно выполнимое из правил трагедийного искусства.

Самый посредственный талант сумеет соблюсти закон трех единств, который безусловно необходим, без которого всякая пьеса остается неправильно построенной. Гораздо труднее никогда не оставлять сцену пустой и осмысленно выпускать на нее или уводить действующие лица. Но овладеть этим приемом, как он ни обязателен, еще не значит добиться полного успеха у зрителя: этим приемом в пьесе только устраняется известная часть ее недостатков. Только варвару позволительно не знать только-что указанных правил. Тот же, кто, зная их, пренебрегает ими,—как бы заявляет своим соотечественникам: «Я не считаю вас достойными правильно созданной пьесы; довольствуйтесь сапожниками и башмачниками—рядом с Юлием Цезарем и Брутом, или могильщиками—рядом с Гамлетом!». Лопе де Вега говорил: «Когда я собираюсь писать для своего народа, я прячу под замок Аристотеля, Софокла и Теренция»...

Мы долго блуждали по этим диким пустыням. А когда решили вернуться в Афины, все же оказались лишь в Париже.

При всех наших недостатках,—а они весьма значительны,—мы, тем не менее, единственный народ, чьи драматические произведения до сих пор переводятся и исполняются; а объясняется это тем, что в каждой удачной нашей пьесе можно найти несколько вполне естественных сцен, что естественность вообще всюду в них чувствуется. Главная же причина,—что они написаны с умом, с благородным изяществом и т. д. Лишь такие произведения переводятся на все языки, доказательством чему может служить «Поселянин» Аддисона, хорошо написанный от первой до последней строки, и т. д.

Среди четырех-пяти тысяч наших трагедий едва ли найдется восемь, самое большее—десять таких, где действующие лица всегда говорят—и хорошо говорят—то самое, что сказать нужно. Вот такие-то пьесы, да те, что хотя бы отдаленно приближаются к ним, и создали французскому театру его славу. Уже мнилось, что театр наш успел достигнуть полного совершенства и далеко позади оставил театры Рима и Афин, когда обратили на себя внимание два неизменно присущих ему крупных порока, которым, в конце концов, суждено было сделать его томительно-скучным.

Первый из этих пороков—отсутствие действия. Все сводилось к длинным разговорам, без сильно действующих театральных эффектов, без соответствующей обстановки, без тех порывов чувства, которые так потрясают душу, без величавых сцен, пленяющих и очи и ум. Источником этого порока были остатки варварства. Театр у нас отнюдь не являлся основной заботой высшей власти, как то было в Афинах и в Риме: он был предоставлен в распоряжение актеров, которым приходилось длинный и узкий зал, предназначенный для игры в мяч, превращать в театр для Александров, Цезарей и Августов. Играли на пространстве десяти квадратных футов, и когда Цезарь, в шляпе и четырехугольном парике, появлялся среди толпы в 200 человек французов (тоже в париках), им трудно было немного потесниться, чтобы дать ему дорогу.

Второй порок, отчасти вызванный первым, состоит в том расхолаживании, к которому приводит заполнение целых пяти актов одними разговорами, при отсутствии обстановки... В этом есть, пожалуй, своего рода утонченность, но однообразная, не пробуждающая внимания и лишенная теплоты: это трогало сердца, но не волновало их, не восторгало,

не раздирало. Трагедия вызывала ощущение прекрасного, но не потрясала.

Сент-Эвремон первый сказал, что Цезарь, заявляющий о себе у Шекспира, будто он подобен полярной звезде, которая одна неподвижна среди бегущих вокруг нее звезд,—это образец смешного; что римские башмачники рядом с Брутом—это низкое; убийство Цезаря на сцене—варварство. Но вот скучного во всем этом нет. А хуже всего этого бывает что-нибудь? Бывает: длительные разговоры, холодные и томительные.

Но это, более чем верное, соображение Сент-Эвремона не вызвало достаточного к себе внимания. Так отнеслись бы во времена Люлли к тому, кто отважился бы назвать его музыку монотонной и слабой.

Медленно совершенствуются умы. Почти целый век прошел, пока заметили существование той скрытой язвы, которую сумел разглядеть Сент-Эвремон. И лишь тогда, когда Париж дождался до театрального зала, уже не такого жалкого и старомодного, как тот, в котором играли в течение столь долгих лет; когда сцена освободилась от обезображивавшей ее толпы зрителей,—тогда только, сами тому дивясь, мы, наконец, поняли, чего нам не доставало. Мы долго созерцали отцов, которые спокойно, не проронив ни единого слова, выслушивали повествования о смерти сына; мы внимали длительным беседам о политике. Но, в конце концов, все же сообразили, что у нас были прекрасные отрывки трагедий, а настоящих трагедий почти не было.

Мне вспоминается одна сцена из некогда виденной мною в Лондоне пьесы, почти совсем неправильной по своему построению, почти во всех отношениях дикой. Сцена происходила между Брутом и Кассием. Они ссорились, и, я готов это признать,—довольно непристойно; они говорили друг другу такие вещи, которых у нас порядочным и хорошо воспитанным людям выслушивать не приходится. Но все это было так полно естественности, правды и силы, что очень меня растрогало. Никогда не тронут нас так те холодные политические диспуты, которыми наш театр некогда приводил зрителей в восторг. Читателю они еще могут доставить удовольствие, но зрителя оставляют совершенно равнодушным.

Трагедия—это движущаяся живопись, это одушевленная картина, и изображаемые в ней люди должны действовать. Сердце человеческое жаждет волнений: хочется видеть, как мать, с распущенными волосами, со смертельным ужасом во взоре, готовая разрыдаться, устремляется к постигнутому бедой сыну; притягивают к себе проявления силы, занесенные над кем-либо кинжалы, ошеломляющие перемены, роковые страсти, преступления и угрызения совести, за ними следующие, смена отчаяния—радостью, высоких взлетов—стремительным падением.

Такова истинная трагедия, и ее образцом может служить пятый акт «Родогуны». Будем надеяться, что недалекое будущее даст нам гения, который, осуществляя эти идеи, сумеет облечь их всей прелестью истинной поэзии, нисколько не нарушая при этом ни законов языка, ни законов сцены. Даже если бы этот род искусства не оказался высшим его родом,—все же надо признать его необходимость. То, в чем нет ничего, кроме изящества или политики, порождает скуку. Возвышенное сверкает, подобно молнии среди ночного мрака, и поражает нашу душу, не вызывая тягостного настроения.

Этот новый вид драмы создаст и настоящих актеров, тогда как до сих пор мы имели только декламаторов. Нужны не безжизненные фигуры,

а — микель-анджеловские, одаренные при этом голосом и способностью двигаться. Часто голос должен греметь, глаза — метать молнии; в иных случаях нужно, чтобы глаза источали слезы, а голос замирал, прерываясь от рыданий... Отдельные черты набрасываемой здесь общей картины мне приходилось наблюдать. Но, вообще говоря, актеры в своем искусстве еще дальше от совершенства, нежели авторы трагедий.

Пусть даже окажется, что этого рода трагедия не привлекательнее других и не наиболее потрясающая. К ней все же следует обратиться, ибо искусство, как и наслаждения, всегда требует разнообразия.

Если бы трагедии ставились лишь в дни тех или иных торжеств, у нас оказалось бы их достаточно; но в таком городе, как Париж, приходится их ставить ежедневно, и здесь поражать умы можно лишь новшествами. Возможно, что именно эти новшества приведут когда-нибудь к порче как театра, так и литературы: необычайности и чрезмерности вытеснят в них простоту, декоратор заслонит автора; а взамен трагедий нам будут поставлять достопримечательности и диковинки.

Не каждый народ наделен вкусом. Как никогда не были свойственны народам Азии живопись и многоголосная музыка, красота в скульптуре и правильность в архитектуре, так всегда были им чужды и красноречие и поэзия; у них есть басни Локмара и Эзопа, но нет ни Зевксиса, ни Демосфена, ни Софокла...

Существуют и такие нации, у которых бывали великие философы, но никогда не было ни Мольеров, ни Расинов. Им дана была сила, но в изяществе и вкусе было отказано. И нет у них и сейчас ни таких живописцев, ни трагиков и комиков, которые пользовались бы признанием цивилизованных наций.

Причина этого лежит в самом народе, в некоторой грубоватости, всегда ему свойственной в странах с северным климатом, где, обладая достаточной зажиточностью и досугом, чтобы искать зрелищ, народ слишком мало наделен чуткостью, чтобы в них разбираться.

Вот почему люди с развитым вкусом, принадлежащие к такой нации, покупают итальянские картины, прибегают к итальянской музыке и читают наших авторов.

Только с течением времени изменяются вкусы народа. Вы не знакомы с французской сценой; да и у нас самих едва начинают с ней считаться. Долгое время у нас ограничивались тем, что декламировали стихи, произнося длинные диалоги и не менее длинные монологи. Вначале стихи декламировали напыщенно, потом стали читать их так, как читают повести.

Но настало время, когда чувства научились передавать — словом, жестом, всеми движениями тела и даже — просто молчанием. А это и значит настоящим образом исполнять трагедию. Каждый акт должен давать картину, трогательную или потрясающую; актерам нужно принимать такие позы, чтобы ничья кисть не могла с ними соперничать...*

Собственноручная надпись Вольтера «Господину Шувалову» («A M-r de Chouvaloff»), сделанная на публикуемой рукописи, устраняет необходимость в розысках личности адресата этого документа, представляющего

* В оригинале на полях против последних строк: «Лишь у одного Расина находим мы сценические эффекты, единственным источником которых является чувство, и он пользуется ими с тем мастерством, к которому никто не сумел даже приблизиться. «Родогуна», акт пятый, и четыре последние... единственные истинно-драматические представления. И еще «Аталия», если бы это чудо с исчезновением армии и т. д.»...

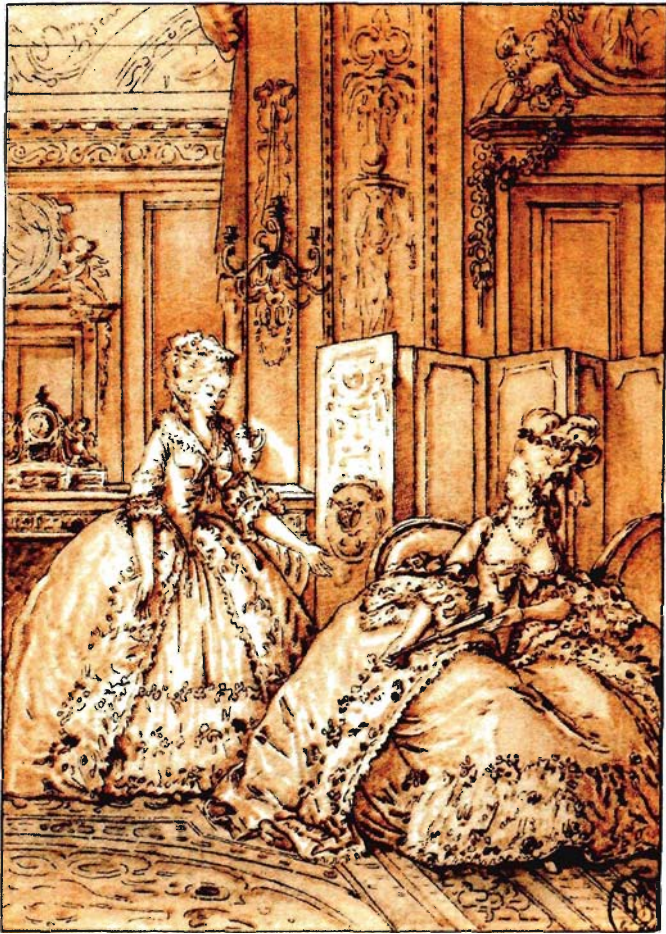

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К КОМЕДИИ ВОЛЬТЕРА „НАНИН ИЛИ ПОБЕЖДЕННЫЙ ПРЕДРАССУДОК“
Рисунок Моро-младшего, 1784—1785 гг.
Эрмитаж, Ленинград

одно из тех посвятительных писем, какие Вольтер имел обыкновение предпосылать своим пьесам. Впрочем, если бы Вольтер не приписал на рукописи своего посвящения имени Шувалова, его можно было бы установить на основании ряда совершенно ясных указаний в самом тексте. Действительно, адресат характеризуется здесь не только, как русский и как вельможа, переписывающийся с Вольтером в течение двух лет, не только, как знаток французского языка и французской литературы, но также, как «насадитель просвещения» в России и как основатель в Москве «ученого учреждения», под которым, очевидно, следует разуметь Московский университет²⁵. Наконец, об адресате сказано, что именно ему потомство обязано покровительством, оказанным русской императрицей изданию сочинений Корнеля. Все это с полной ясностью устанавливает личность адресата — всесильного фаворита императрицы Елизаветы Петровны, И. И. Шувалова, которому Вольтер, кроме того, был обязан прекрасной документацией для своего труда о Петре Первом и даже самым, столь лестным для него, заказом на этот труд, повлекшим за собой целый ряд царских «мильстей».

Но если фамилию адресата посвящения установить легко, то название посвящаемой Вольтером Шувалову трагедии в документе не упомянуто. Неясным является также время написания посвящения. Ответ на оба эти вопроса можно получить, обратившись к переписке Вольтера с Шуваловым, а также припомнив историю создания «Олимпии».

Завершив, поставив на сцене и напечатав преисполненную новой романтики и чувствительности трагедию «Танкред» (1760—1761), которую он рассматривал, как дерзкий эксперимент, потому что в ней впервые было введено чередование рифм (*rimes croisées*), Вольтер с большим удовлетворением отдался своей работе над комментированием Корнеля. Среди этих занятий, почти ненарушенных попыткой разработать сюжет «Дон Педро» (см. выше), «Олимпия» возникла неожиданно, почти случайно для самого автора. Первое косвенное упоминание о ней можно усмотреть в письме к Даржанталю от 11 октября 1761 г., а, между тем, еще за какую-нибудь неделю перед тем (в письме от 3 октября) Вольтер высказывал ему такие сомнения и колебания: «Я очень стар, — писал он, — удастся ли мне написать еще трагедию? Что вы об этом думаете? Что касается меня, то я трепещу... Вы втянули меня в ужасный вертеп, сжальтесь же надо мной»²⁶.

Судя по письму к Даламберу от 20 октября²⁷, трагедия была написана и вчерне закончена в течение восьми дней — от 11 до 20 октября 1761 г. Под свежим впечатлением от ее окончания, Вольтер, ликуя, торопится в тот же день сообщить своему другу об обстоятельствах ее возникновения. Он рассказывает, как, трудясь над ранее задуманной, навеянной ему занятиями над Корнелем трагедией «Дон Педро», он внезапно почувствовал отвращение к этому леденящему созданию.

«Репетируя М е р о п у [свою старую пьесу, написанную в 1743 г.], — пишет Вольтер, — я говорил себе не раз: вот это интересно; тут не холодные рассуждения, не напыщенное мещанство! Не смог ли бы ты, — сказал я шопотом В. [т. е. самому себе: обычный прием Вольтера.], — написать пьесу в таком подлинно трагическом роде? Твой Дон Педро останется ледяным, несмотря на все его «генеральные штаты» и на Марию Падиллу... Тогда дьявол вселился в меня... Дьявол? Как бы не так! То был ангел света, то были вы! Меня охватил энтузиазм. Ездра никогда не диктовал с такой быстротой... Читайте, судите, но рыдайте!...»²⁸. «Я все время безостанов-

вочно рифмовал стихи и марал бумагу», — сообщает он о ходе своей работы тогда же кардиналу де Берни²⁹.

Написанная в предельно короткий срок (сам Вольтер называл ее «творением шести дней»), «Олимпия» потребовала значительной и длительной обработки. Вольтер терпеливо занимался отделкой стихов и усовершенствованием интриги, пользуясь на этот раз не только советами своего обычного триумвирата судей (семья Даржанталь—Пон де Вейль), но и кардинала де Берни и даже Даламбера, каждый из которых внес по одной детали, осложняющей завязку³⁰.

Дорожа советами друзей, Вольтер восклицал: «Горе тем, кто не прибегает к советам!» («Malheur à qui ne consulte pas!»). Это не мешало ему, однако, жаловаться на «замораживающие» драму советы Даржанталя (в письме от 12 ноября 1761 г.)³¹. Препирательства с друзьями по поводу «Олимпии» продолжались в течение двух-трех лет. Из одного каталога автографов известно о существовании двух писем г-жи Даржанталь от конца 1763 г. с разбором «Олимпии» и с возражениями Вольтера en regard³², после чего Вольтер выставил в защиту «Олимпии» особую «Записку» (Mémoire pour Olympe adressé à M. d'Argental), где по пунктам обосновал свою правоту; на эту «Записку» «ангельская чета», в свою очередь, сделала обстоятельные возражения³³.

В 1763 г. вышло в свет пять отдельных изданий пьесы, а 17 марта 1764 г.³⁴ она уже была представлена в Париже и выдержала десять представлений сразу. До самого этого времени Вольтер исправлял и переделывал ее. Отношение Вольтера к «Олимпии» было очень любовным. Отзвуки этой особой привязанности к пьесе сказываются еще в 1776 г., когда Вольтер выражает в письме к Даржанталю надежду, что теперь ему, быть может, удастся снискать для «Олимпии сгоревшей» покровительство «божественной Антуанетты» (королевы)³⁵.

Чем объясняется подобное отношение Вольтера к «Олимпии»? Какова причина столь упорной заботы об этой пьесе? Как объяснить все эти проявления неуверенности в себе старого драматурга, в то же время то и дело отстаивавшего правильность своей позиции? Что означают все перечисленные признаки как бы исключительного отношения Вольтера к его детищу?

Ответить на все эти вопросы нетрудно. Сравнительно мало глубокая по своему идейному содержанию, трагедия «Олимпия» занимает довольно важное место в драматургическом наследии Вольтера, как новаторский эксперимент, как попытка создания чисто живописной трагедии, представляющей серию эмоционально насыщенных картин.

Сюжет трагедии «Олимпия», заимствованный из романа Ла Кальпренеда «Кассандр» («Cassandre», 1642—1645), сводится к следующему. Бывший полководец Александра Македонского, Кассандр, влюбляется в свою пленницу и воспитанницу Олимпию; его соперником в любви к Олимпии является соправитель Кассандра по Македонскому царству, Антигон. Олимпия обручается с Кассандром, но вдруг внезапно узнает, что она — дочь отравленного Кассандром Александра Македонского и убитой им жены последнего, Статиры. Затем выясняется еще, что царица Статира не убита, но оправилась от смертельного ранения и скрывается в Эфесском храме, при котором состоит старшей жрицей. Статира не соглашается на брак Олимпии с Кассандром, предпочитая ему Антигона. Соперники вступают в борьбу, призывая каждый на свою сторону часть народа; храму грозит осада, ибо народ, подстрекаемый Кассандром, желает возвести

на престол законных наследниц Александра Македонского—Статиру или ее дочь. Статира умирает от душевного потрясения. Тогда в том же перистиле, перед тем же жертвенником, который был приготовлен для свадебного обряда, Олимпия отказывает обоим претендентам на ее руку и бросается в пламя жертвенного костра, а Кассандр закалывает себя мечом.

Таково содержание «Олимпии». Привычное нагромождение роковых влечений, разоблачаемых грехов, поздних узнаваний родства, черного коварства и беспредельного благородства дополнено здесь рядом чисто сценических эффектов, вроде шествия жрецов и жриц, свадебного кортежа и пылающего на алтаре костра в последнем акте трагедии. Мы видим здесь пышное развитие того самого замысла, который заставлял Вольтера незадолго до того вводить в трагедию «Танкред» сцену казни, а в «Дон Педро» — сцены собрания кортесов (см. выше).

Истинное назначение этих приемов лучше всего раскрывается в чрезвычайно характерном, не имеющем прецедента, большом подстрочном примечании автора к вводной ремарке к четвертой сцене пятого действия «Олимпии». В этом обширном примечании, занимающем две страницы текста, Вольтер подчеркивает: 1) примат сюжета в его морально-поэтическом значении над чистой эстетикой зрелища и 2) «абсолютную необходимость» искания новой сценической формы и, в связи с этим, точку зрения на данную пьесу, как на сознательный эксперимент³⁶.

«Если сердце не тронуто красотой стихов и правдивостью чувств,—пишет Вольтер в этом обширном примечании,—то это обилие зрелищных эффектов не удовлетворит взоров, и им не только не будут рукоплескать, но их обратят в посмешище, как пустые украшения, которые никогда не могут заменить гения поэзии. Можно думать, что именно эта боязнь смешного почти всегда ограничивала французскую сцену узким кругом диалогов, монологов и рассказов. Нам недоставало действия; это—недостаток, в котором нас упрекают иностранцы и от которого мы едва решаемся исправиться». И далее Вольтер характеризует «Олимпию», как «легкий и несовершенный набросок безусловно необходимого жанра».

Под таким же углом зрения рассматривал «Олимпию» и первый историк вольтеровского творчества, маркиз Люше³⁷. Равным образом, и враждебная Вольтеру критика не отрицает, что его нововведения рассматривались современниками, как перелом. Не без умысла забывая подчеркиваемое Вольтером стремление сохранить идейную высоту содержания спектакля, один из злейших его зоилов, Клеман, еще в 1771 г. возлагал на Вольтера ответственность за то, что именно театральность «Олимпии» (а также «Танкреда» и «Скифов») соблазнила молодых писателей, которые в подражание ему превратили французскую сцену в «волшебный фонарь»³⁸.

Хотя Вольтер не заслуживает упрека в насаждении пустой фееричности, однако, нельзя отрицать его слабости к постановочным эффектам. Весьма показательны в этом отношении нетерпение Вольтера испробовать сценический эффект «Олимпии» на вновь сооруженной фернейской сцене и, в особенности, его заботы о показе в последнем акте алтаря и костра на нем. Об успехе этого опыта Вольтер не устает сообщать в своих письмах этого периода (за март, апрель и май 1762 г.)³⁹. Но лишь по косвенным намекам его биографу удастся догадаться, что на костер, «пламя которого на четыре фута возвышалось над артистами», пошло все столовое белье Ферне⁴⁰. Спектакль этот так полюбился автору, что был не раз повторен впоследствии.

Итак, пред нами в основном выступает тот круг идей, которые составляют тему посвящения и связывают его текст со всем комплексом творческих замыслов, породивших «Олимпию». С этой точки зрения посвящение является попыткой Вольтера подытожить накопленные соображения, привести в какую-то систему его личный опыт, явившийся результатом его размышлений над Корнелем и собственных драматургических начинаний. В этом разрезе форма письма, т. е. непринужденных размышлений вслух, как нельзя более отвечала внутренней потребности поэта.

Но посвящение имеет также значение, как своего рода литературно-театральный манифест. Целью Вольтера являлось здесь не провозгласить те или иные принципы поэтики или оправдать вводимый им в плане эксперимента новый жанр, но высказать свое мнение по вопросу об основах сценичности, о сущности спектакля, о требованиях, предъявляемых к актеру—словом, говорить языком не поэта, а драматурга-практика.

Если мы подойдем к публикуемому тексту с более широкой точки зрения и пожелаем рельефнее воспринять его связь с вольтеровским наследием в целом, то нас, прежде всего, поразит особая роль, уделяемая Шекспиру при выборе позиции между ортодоксальным классическим театром и требованиями жизни. Присмотримся к этому внимательнее, это приведет нас к некоторым выводам и о своеобразном назначении самого «Посвящения Шувалову».

Диапазон и тембр вольтеровского шекспиризма общеизвестны. Многократно, в различные периоды своей жизни, Вольтер высказывался о Шекспире, притом высказывался самым противоречивым образом. Амплитуда его колебаний в отношении к Шекспиру была чрезвычайно велика. Всю жизнь, как бы помимо собственной воли, его и манила к себе и одновременно отталкивала художественная мощь британского гения. Шекспир, можно сказать, всю жизнь мучил Вольтера. Начав с пропаганды его творчества в своих «Английских письмах» (начало 30-х годов)⁴¹, Вольтер дошел до полного его отрицания в своем старческом «Письме к Академии», оглашенном на ее заседании 25 августа 1776 г. Здесь он кается, что сам некогда способствовал проникновению Шекспира во Францию (своими переводами на французский язык монолога Гамлета и нескольких сцен из «Юлия Цезаря»); он воздает затем громкую хвалу композиции корнелевских трагедий, противопоставляя им «грубейшие экстравагантные выходки» «пьяного дикаря» и вообще весь «площадной, ярмарочный английский театр, созданный для низкой черни»⁴².

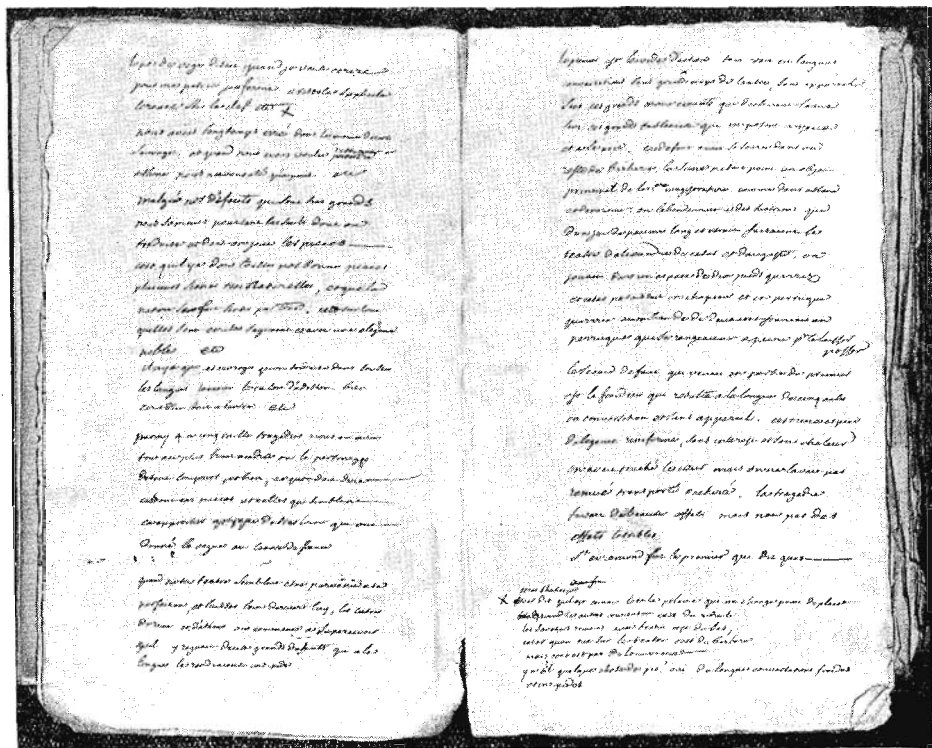
Как ни разнородны высказывания Вольтера о Шекспире, все они достаточно выпукло показывают, что Шекспир всегда оставался классово чужд эстетике Вольтера, находившейся в плену у аристократических канонов. Однако, несмотря на это, Вольтер, как художник сцены, чутьем угадывал величие и мощь Шекспира⁴³. Неверно представление (якобы увязанное с марксистским анализом) о том, будто «при оценке Шекспира решающее значение для Вольтера имеет только внешность, выбор стихотворного размера и т. п.»⁴⁴. Для Вольтера основными достоинствами Шекспира являются его сценичность, его насыщенность динамикой.

В этом отношении публикуемое «Посвящение Шувалову» содержит красноречивейшее признание неотразимости шекспировской правды. Пускай Брут появляется в пьесе Шекспира в окружении римских башмачников, пускай Цезаря убивают на сцене, на глазах у зрителей,—все это может быть «низко», все это—«варварство», но зато это не скучно, как часто бывает

во французском театре. Так, в борьбе с двумя «крупными пороками», «неизменно присущими» французскому классическому театру—с «отсутствием действия» и с «заполнением целых пяти актов одними разговорами при отсутствии обстановки», Вольтер прибегает к театру Шекспира, как к крайнему, наиболее сильному доводу.

Через два с лишним года, в феврале 1764 г., в письме к Сорену, Вольтер снова возвращается к тому же аргументу: «Но этот Жилль Шекспир, при всем его смехотворном варварстве, обладает, подобно Лопе де Вега, чертами столь наивной правдивости и столь внушительным запасом грохочущего действия («un fracas d'action si imposant»), что все резонерские рассуждения Пьера Корнеля кажутся ледяными по сравнению с трагизмом этого Жилля. До наших дней сбегаются на его пьесы и, даже считая их абсурдными, смотрят их с удовольствием»⁴⁵.

Эти строки, вместе с соответствующими строками посвящения, раскрывают отношение Вольтера к Шекспиру несравненно лучше, чем его упомянутые выше поздние антишекспировские выступления 1776—1778 гг., продиктованные соображениями полемическими и националистическими. Тем не менее, нам надо сейчас обратиться еще к одному антишекспировскому высказыванию Вольтера, появившемуся совсем незадолго до «Олимпии», в начале 1761 г. Мы говорим о рассуждении «О различных переменах, которые претерпело трагическое искусство», которое помогает понять не вполне ясное место в посвящении о том, что именно сказал Сент-

АВТОГРАФ ПОСВЯЩЕНИЯ И. И. ШУВАЛОВУ ТРАГЕДИИ „ОЛИМПИА“ ВОЛЬТЕРА

Листы 7 об.-8 тома IX рукописей библиотеки Вольтера

Публичная библиотека, Ленинград

Эвремон (крестики на полях черновика «Посвящения» допускают также другую, а не только приведенную нами, последовательность текста).

С сочинениями Сент-Эвремона, этого убежденного англомана времен Людовика XIV, Вольтеру приходилось иметь дело в связи с его работой по комментированию сочинений Корнеля, когда он заново пересмотрел также весь знакомый ему шекспировский репертуар. Биографию Сент-Эвремона Вольтер упоминает (по совершенно иному поводу) в ноябре 1759 г.⁴⁶ В принадлежавшем Вольтеру экземпляре «нового издания» (s. 1., 1740) III тома «*Œuvres de Monsieur de Saint-Evremond*» одна из закладок (перед стр. 225) указывает на отрывок крайне близкий тексту «Посвящения». Совершенно четкие, почти дословные сближения с ним дает упомянутое вольтеровское рассуждение «О различных переменах». Там мы читаем, между прочим: «Был и другой недостаток, который остался незамеченным. Он был вскрыт лишь Сент-Эвремоном. Он сказал, что наши пьесы не производят достаточно сильного впечатления... Следует признать, что Сент-Эвремон вложил перст в тайную язву французского театра». Положение об единстве материала, из которого сложены как посвящение «Олимпии», так и рассуждения «О различных переменах», лучше всего подкрепляется произведенным нами сличением параллельных мест; их выявлено нами не менее десяти⁴⁷.

Что же представляет собой это столь близкое нашему «Посвящению» произведение Вольтера? Речь шла о кровной обиде, нанесенной французскому театру двумя английскими очерками, появившимися в переводе аббата Прево в «*Journal Encyclopédique*» в номерах от 5 октября и 1 ноября 1760 г. Очерки эти представляли параллели между Шекспиром и Корнелем, в одном случае, и Отвеем и Расином, в другом, причем в обоих случаях преимущество отдавалось английским авторам. Вольтер пришел в негодование, которым поделился с Даржанталем и с Про⁴⁸. Не предавая дело огласке, он к концу года изготовил памфлет «Апелляция ко всем нациям по поводу суждения одного английского писателя о французском театре, или Манифест относительно спора о почестях штандарта между английским и французскими театрами»⁴⁹. Памфлет этот содержал: 1) краткую вводную часть, 2) разборы «Гамлета» (*Plan de la tragédie «Hamlet»*) и «Сироты», якобы аналитически беспристрастные, но, в действительности, преисполненные истинно вольтеровского издевательства, 3) «Краткие размышления», дававшие разбор «Отелло», и 4) рассуждение «О различных переменах, которые претерпело трагическое искусство».

В целом задачей памфлета являлась защита драматургической системы Корнеля и Расина от английских критиков, отдававших предпочтение своей отечественной драматургии.

Этому произведению Вольтера не повезло. Отрывок из латинских «Разговоров» («*Sermones festivi*») писателя начала XVI века, Урцея Кодра, Вольтер приписал здесь какому-то монаху-проповеднику Codret. Это явилось мишенью для нападков критики. Анонимность сохранить не удалось, и Вольтеру ничего не оставалось, как поспешить поскорее затушить разговор об этом вопросе. Начиная с апреля—мая 1761 г., когда герцог де Ла Вальер в письме от 9 апреля⁵⁰, опубликованном в «*Journal Encyclopédique*» в номере от 15 мая 1761 г., публично извинился в том, что именно он ввел Вольтера в заблуждение, мы долго не встречаем в корреспонденции Вольтера никаких упоминаний об этом памфлете. Да и вообще он был забыт настолько основательно, что все издатели Вольтера,

не исключая и Бешо, игнорировали это сочинение и воспроизводили его издание 1761 г. под заглавием «Du théâtre anglais, par Jérôme Carré», т. е. в той форме, в которой Вольтер вторично пустил его в оборот три года спустя.

Теперь же оказывается, что в течение этого времени материал этот не лежал неподвижно: в посвящении «Олимпии» Вольтер снова призывает к вниманию к болячкам театра, причем широко использует текст не сумевшей ему послужить «Апелляции», а затем, при вторичной переработке памфлета для печати, использует текст нашего «Посвящения». Так, например, рассуждение «Об английском театре, Жерома Карре» включает фразу об обожестве оборудования французского театра⁵¹, отсутствовавшую в издании «Апелляции» 1761 г., но близко соответствующую словам посвящения: «Играли на пространстве десяти квадратных футов, и когда Цезарь, в шляпе и четырехугольном парике, появлялся среди толпы в 200 человек французов» и т. д.

Тем любопытнее отметить, что как только у Вольтера остыл полемический задор, он, вразрез с установками своего антибританского памфлета, засвидетельствовал в посвящении «Олимпии» свое глубокое восхищение Шекспиром. И как ни скромно это свидетельство, однако, при надлежащем его учете в свете сопоставлений, диктуемых конкретной обстановкой его появления, оно может пролить некоторый свет на столь часто, но довольно бесплодно трактованный вопрос о шекспиризме Вольтера.

Но для нас сейчас важно иное: в том, что за эти годы выходило из под пера Вольтера, начинает ясно звучать новая нотка. Сознывая себя охранителем истинного просвещения и арбитром изящного вкуса, Вольтер ощущает с особой остротой процесс усвоения французской культуры европейской периферией. Полемическую резкость своих комментариев к «Цинне» Корнеля он склонен объяснять и оправдывать стремлением к истине. По его признанию, комментарий «должен явиться вместе и грамматикой и поэтикой». «Помните, — восклицает он, — что иностранцы по этой книге должны будут учиться французскому языку... Наш язык изучают в Москве, в Копенгагене... в Лиссабоне. Существенно то, чтобы там не могли принимать неудачные обороты за сценические красоты» (письмо к Даламберу от 15 сентября 1767 г.). Комментарием к Корнелю Вольтер с удовольствием занимается лишь в надежде на то, что этот комментарий будет содействовать распространению французского языка в Европе (письмо к Шувалову от 19 сентября)⁵².

Особенно часто под пером Вольтера начинают появляться в это время русские собственные имена, что не может быть поставлено в связь с «милостями» Екатерины, относящимися к более позднему времени. «Произведения этого ждут в Петербурге, в Москве, в Яссах, в Каменце», — сообщает Вольтер о «Комментарии на Корнеля» аббату д'Оливе в октябре 1761 г.⁵³. Через полгода он пишет Даржанталю: «Тогда как мы являемся подонками рода человеческого, на французском языке говорят в Москве и Яссах; но кому мы обязаны этим почетом? Дюжине граждан, преследуемых у себя на родине» (письмо от 4 апреля 1762 г.)⁵⁴. Наконец, в упомянутой «Апелляции» Вольтер обращается в начале 1761 г. «ко всем читателям от Петербурга до Неаполя», уверенный, что «нет такого просвещенного человека, будь то русский, итальянец, немец, испанец, и нет швейцарца или голландца, который бы не знал, например, „Цинны“ и „Федры“».

Будучи твердо уверен в безусловном превосходстве французского классицизма над всеми другими литературными стилями и видя свою задачу

в том, чтобы быть истолкователем и пропагандистом классической поэзии, Вольтер нередко прибегает в это время к столь характерному для него способу поучения в форме посланий к иноземцам, имевшим большее или меньшее влияние на литературную жизнь своей страны. Наиболее ярким документом такого рода является пространное письмо Вольтера итальянскому писателю маркизу Альбергати-Капачелли от конца 1760 г.⁵⁵ Такой же характер имеет и письмо Вольтера к Сумарокову (1769 г.), посвященное вопросу о комедии и являющееся своеобразной параллелью к рассуждению о трагедии, заключенному в «Посвящении „Олимпии“ г. Шувалову». Цель посланий Вольтера к Сумарокову и Шувалову была одна и та же: разъяснить русским читателям, и в первую очередь читателям, причастным к литературе, «истинные основы» искусства. Именно потому оба эти послания явно были рассчитаны на печать⁵⁶.

Если это так, то почему же посвящение «Олимпии» Шувалову не было опубликовано? Почему несомненное для нас намерение автора не получило воплощения? Для того, чтобы дать ответ на этот вопрос, необходимо сначала выяснить, как датируется наше посвящение.

Первое упоминание о посвящении мы находим в письме Вольтера к И. И. Шувалову от 14 ноября 1761 г. Говоря в нем о своей «Истории России в царствование Петра Великого», Вольтер заключает письмо сообщением, что намерен посвятить И. И. Шувалову «некое иное произведение». «Я недавно написал трагедию в довольно своеобразном роде, — пишет он, — и с вашего позволения посвящу ее вам. Это посвящение явится рассуждением о драматическом искусстве, в котором я попытаюсь высказать несколько новых мыслей». Вольтер не скрывает, что ищет в имени И. И. Шувалова «опоры своему имени», и кончает письмо обычным для него комплиментом: «Мне будет весьма лестно и приятно публично высказать вам все, что я думаю о вас, об изящных искусствах и о пользе, которую вы им приносите». А непосредственно за этим следуют строки, почти дословно совпадающие с соответствующими строками «Посвящения»: «Это тоже одно из чудес Петра Великого, что среди болот, где во времена моего детства не было ни одного дома, появился покровитель искусств и воздвигся столичный город, которым восхищается Европа. Это предмет и моего живейшего восхищения». Итак, Вольтер не только сообщает здесь Шувалову о своем намерении написать ему посвящение какой-то (не названной) трагедии, но отчасти даже предвосхищает в письме текст этого посвящения.

Через месяц, 23 декабря 1761 г., он снова пишет Шувалову (из Делис): «Льщу себя надеждой, что вы приняли мое подношение новой трагедии... Мне будет весьма утешительно, если я сумею высказать публике все то, что думаю о вашей особе»⁵⁷.

В том, что эти слова относятся именно к «Олимпии» и к опубликованному нами посвящению ее И. И. Шувалову, ни малейшего сомнения быть не может. За комплиментами русскому вельможе скрывались, однако, интересы просветителя, стремившегося пропагандировать свои воззрения и перенести на русскую почву свой богатый театральный опыт. Эти стремления Вольтера имели определенное основание, ибо российские театральные начинания 60-х годов XVIII в. носили на себе явственные следы влияния Вольтера. Пьесы Вольтера довольно часто ставились в это время при русском дворе; так, в первую зиму царствования Екатерины II придворными кавалерами и дамами были разыграны целых три его пьесы⁵⁸. Несколько позже, уже в начале 70-х годов, Вольтер предложил Екатерине II

СЦЕНА ИЗ ЛОЖНО-КЛАССИЧЕСКОЙ
ТРАГЕДИИ

Рисунок Моро-младшего

Эрмитаж, Ленинград

свою трагедию «Законы Миноса» для постановки в «русском Сен-Сире», т. е. Смольном монастыре, в котором Екатерина в то время создала закрытое учебное заведение для девочек. Однако, с таким великим почитанием Вольтера в Петербурге уживалось и неменьшее непонимание вольтеровской драматургии: так, несколькими годами позднее в Эрмитажном театре шел «Танкред» с переделанным на счастливый лад концом⁵⁹.

Добавим к этому и то, что первый том вольтеровской «Истории России в царствование Петра Великого» большого успеха среди публики—особенно в России—не имел. В течение двух лет, прошедших со времени появления его в свет, Вольтер не спешил с выпуском второго тома, и это сильно расхолаживало его русских заказчиков. Стремление Вольтера иным путем снискать благосклонность своих покровителей в России можно считать поэтому вполне вероятным. Кроме того, вторая половина Семилетней войны вообще является периодом, когда Вольтер стремился оживить и заново укрепить свои связи с сильными мира сего; в это время у него впервые завязываются непосредственные отношения с русским двором, возобновляется переписка с Фридрихом II, а трагедия «Танкред» снабжается пышным и льстивым посвящением недавнему врагу Вольтера, фаворитке Людовика XV, маркизе Помпадур. Таким образом, любезность Вольтера по отношению к И. И. Шувалову, этому «русскому маркизу Помпадур», как его впоследствии называл Вольтер, была весьма своевременной.

Сделаем здесь небольшое отступление, необходимое, чтобы пополнить сведения о публикуемом нами тексте.

В конце рукописи посвящения имеются три строки, написанные рукой Ваньера: «Состояние литературы... Порча вкуса, литературный разбой, смешные выражения... стиль бессвязный и жесткий».

Эти строки, несомненно, относятся к последней трети января 1761 г.

Чтобы убедиться в этом, достаточно перечислить такие документы, как письмо Вольтера к аббату д'Оливе от 22 января 1761 г.⁶⁰ и первое из «Писем к г. де Вольтеру о Новой Элоизе или Алоизии Жан-Жака Руссо, женевского гражданина», вышедших в первых числах февраля 1761 г. от имени маркиза Хименеса, а в действительности написанных самим Вольтером⁶¹. Эти строки, написанные рукой Ваньера, являются не чем иным, как одним из первых резюмирующих откликов Вольтера на чтение только-что полученного им нового романа Руссо; все те «смешные выражения», которые в них приведены, встречаются в вышеупомянутом письме к д'Оливе и в памфлете, изданном от имени маркиза Хименеса⁶². Но возможность точно датировать эту переписку Ваньера не подсказывает никаких выводов для установления даты посвящения трагедии «Олимпия». Эти строки скорее осложняют этот вопрос, так как заставляют предполагать, будто текст «Посвящения» был написан около января 1761 г., т. е. гораздо раньше создания самой трагедии «Олимпия».

Можно ли, однако, хронологически сближать посвящение «Олимпии» с этим моментом? На этот вопрос можно дать лишь отрицательный ответ. Пусть ряд размышлений автора «Новой Элоизы» о слабых сторонах французской трагедии (в XVII письме второй части этого романа) и, в частности, о преобладании в ней разговоров над действием⁶³, мог найти со стороны Вольтера сочувственный отклик (не получивший, однако, внешнего выражения); но несомненно, что не эти размышления непосредственно породили наш текст.

Зато строки Ваньера, если можно так выразиться, материально-архивно связывают самые листки нашего черновика с теми самыми днями начала 1761 г., когда Вольтер не только читал новый роман Руссо, но и работал над «Апелляцией»; тем более вероятно, что и другие материалы, нашедшие отражение в этом памфлете, оказались у автора под рукой через год — при написании посвящения.

Считать связь текста «Посвящения» с трагедией «Олимпия» чисто случайной и допустить, что оно было написано Вольтером только из желания посвятить И. И. Шувалову вообще какое-нибудь из своих произведений, вряд ли возможно. Действительно, в письмах Вольтера к И. И. Шувалову за зиму 1760—1761 г. мы не встречаем никаких намеков ни на подобное намерение, ни на самый текст посвящения. Зато все письма, в которых о нем упоминается, относятся к следующей зиме 1761—1762 г.

Ответ И. И. Шувалова на предложение Вольтера посвятить ему «Олимпию» до нас не дошел. Известно, однако, что это предложение было принято благосклонно. Это видно из письма Вольтера к Даржанталю от 4 января 1762 г., в котором Вольтер сообщает ему о том, что «на краю света живет человек, безумно жаждущий посвящения»⁶⁴. А в письме к Шувалову от 15 марта того же года Вольтер выражает удовлетворение тем, что его адресат соблаговолил принять публичное изъявление его чувств к нему, и прибавляет: «Если произведеньице, о котором идет речь, встретит у публики благосклонный прием, это позволит мне с тем большей уверенностью поднести его вам»⁶⁵.

В тот момент, когда Вольтер писал это письмо, он, очевидно, рассчитывал на то, что И. И. Шувалов пользуется милостями нового двора. Но в интервале между письмами царствование покровительницы Шувалова Елизаветы сменилось крайне ей враждебным царствованием Петра III; франкофильскому направлению русской политики пришел конец, и звезда

бывшего фаворита Елизаветы начала закатываться. Вести об этом не могли не дойти до Ферне⁶⁶, тем более, что через несколько месяцев ход событий в связи с воцарением Екатерины лишь ускорился, и Шувалову вскоре пришлось удалиться не только от двора, но даже за пределы России. Вольтер же с первых месяцев правления Екатерины, как известно, начал завязывать все более тесные связи с новой императрицей и, сильно дорожа ими, естественно, поостерегся выставить опальное имя Шувалова на следующем издании «Олимпии», несмотря на то, что первые издания, повидимому, отнюдь не свидетельствовали о холодном приеме публики⁶⁷.

Тем не менее, личные отношения с бывшим всеобщим фаворитом Елизаветы у Вольтера не прекратились. Впоследствии, во время своих странствований по Европе, И. И. Шувалов посещал Ферне и был там радушно принят. Равным образом, и в письмах Вольтера мы неоднократно встречаем самые лестные и благожелательные отзывы об этом «бывшем русском императоре». И потому в судьбе не увидавшего свет посвящения «Олимпии» приходится винить лишь ход русских политических событий.

Подытоживая, можно лишь пожалеть о том, что этот проект Вольтера не получил воплощения. В самом деле, при том громадном авторитете, которым Вольтер пользовался у своих культурных русских современников, посвящение «Олимпии» Шувалову могло бы значительно повлиять на развитие русской трагедии в направлении от классического канона к буржуазной драме.

Нельзя не пожалеть также о том, что наш документ не был ранее введен в научный оборот. Хотя мы и указывали на существование параллельных, аналогичных выступлений Вольтера по вопросам драмы и театра, было бы, однако, неверно видеть в публикуемом тексте лишь рядовой вариант высказываний Вольтера о театре. Слишком ярки и откровенны отдельные формулировки посвящения, и слишком своеобразен момент, их породивший, чтобы исследователь мог пренебречь ими при установлении подлинной позиции Вольтера в его исканиях правдивого, чувствительного, патетического и сценически действенного спектакля. Именно в этом настойчивом провозглашении начал нового театра (по существу — уже сентиментального, преромантического по своим установкам), именно в осуждении всей практики старой сцены, при строжайшем отборе лишь единичных крупниц из всего пересмотренного наследия классической драматургии, наконец, именно в откровенном признании силы Шекспира — основная ценность и интерес нашего текста.

Учтем, наконец, момент написания посвящения. Пронизывающее его осознание кризисного, застойного состояния французского театра и вытекающее отсюда перенесение центра внимания с чистой поэтики на театральную практику не случайны в 1761 г. Всего за несколько лет до того были сделаны первые попытки реалистической реформы трагического костюма, а сцена театра Французской комедии освобождена от восседавшей на ней аристократической молодежи. Всего за два-три года до «Олимпии» юный Гёте впервые столкнулся со столь поразившими его обычаями французских спектаклей, и примерно в ту же пору Руссо устами героя своей «Новой Элоизы» попытался вскрыть те же язвы парижской сцены. С листов наших черновиков веет тем критическим духом, который побуждает Дидро в эти же годы бороться за буржуазную реформу театра.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Caussy (F.), Inventaire des manuscrits de la Bibliothèque de Voltaire conservée à la Bibliothèque Impériale Publique de St.-Pétersbourg (Extr. des Nouvelles Archives des Missions Scientifiques, nouvelle série, fasc. 7). P., 1913, 41.
- ² Moland, XLI, №№ 4749 и 4782 от 14 ноября и 23 декабря 1761 г. (527 и 559).
- ³ Bachaumont, Mémoires secrets, запись от 17 марта 1770 г.
- ⁴ См. бесплодную попытку Вольтера в 1778 г. добиться от Амело переименования труппы «королевских комедиантов» (Французской комедии). Подлинник этой переписки — в Ленинграде, в IX т. рукописей библиотеки Вольтера. По копии в парижской Национальной библиотеке (Nouv. Acquis. Fr. 31) она была опубликована Caussy в журнале «La Revue», LXXXVIII, 446 сл.).
- ⁵ Ср. Moland, I, 414—421 (Лекэн). О соответствующем месте рассказа Лоншана—Meinhardt (G.), Voltaire und seine Sekretäre, Berlin, 1916.
- ⁶ Moland, XXXV, 306, № 1184—к M-lle Кино от 27 июля 1739 г.
- ⁷ См. рассказ Collé в его «Journal Historique», цит. Moland, V, 3.
- ⁸ Ср. Moland, XXXVIII, 114, № 2636, и Desnoiresterres, V, 3.
- ⁹ Desnoiresterres, VI, 29 сл.
- ¹⁰ Moland, XXXIII, 248, № 243—к Сидевилу от 8 марта 1732 г.
- ¹¹ Moland, XLI, 110—122, № 4387.
- ¹² О «Sottisier» см. Caussy, Inventaire, 22 [неточно!]. Большая часть рукописи воспроизведена у Moland, XXXII.
- ¹³ «Préface de l'édition de 1729» к трагедии «Эдип».
- ¹⁴ Moland, XXXVII, 475, № 2421—к Даржанталю от 1 сентября 1752 г. (пунктуация сомнительна, лучше последние три слова первой фразы отнести к началу второй—«Avec ma barbe grise j'en suis honteux»). Ср. «Рассуждение о трагедии» («Dissertation sur la tragédie»), предпосланное трагедии «Семирамида».
- ¹⁵ Moland, XLII, 406, № 5209. Ср. Desnoiresterres, VI, 281.
- ¹⁶ Moland, XLI, 587, № 4781—к Даржанталю от 23 декабря 1761 г. (весь второй абзац). Ср. Moland, XXXIX, 190, № 3336, XLV, 204, и №№ 6832 и 6848; Desnoiresterres, VII, 170 и 186 сл., а также неоднократно в других местах.
- ¹⁷ Moland, XLI, 500, № 4726—письмо Даламбера из Парижа от 31 окт. 1761 г.
- ¹⁸ Moland, VII, 239 сл. (см. 241). Однако, в «Замечаниях» на Кельское издание (см. ниже, стр. 173 и 179) Ваньер категорически утверждает (стр. 6), что сочинена была эта трагедия не в 1774, а в 1772 г.
- ¹⁹ Moland, VII, 243 сл. (в первом из названных очерков).
- ²⁰ Ibid., 249—252.
- ²¹ Намек на происшедшее незадолго до того (в 1759 г.) освобождение сцены от зрителей, занимавших места с обеих сторон просцениума и крайне затруднявших возможность осуществления на сцене каких-либо постановочных эффектов.
- ²² Moland, XLI, 345, № 4594.
- ²³ Ibid., 360, № 4602, и 389, № 4632.
- ²⁴ См. прим. 19.
- ²⁵ Будучи сам 15 лет членом петербургской Академии наук и подробно о ней упоминая в своей «Истории Петра I», Вольтер, разумеется, не мог сознательно приписывать Шувалову учреждение Академии в Москве: он либо допустил ошибку в черновике, либо, вероятнее, употребил слово «académie» не в частном, а в общем смысле «ученого учреждения».
- ²⁶ Moland, XLI, № 4698. Словом «tripot» («кабак», «вертеп») Вольтер, как известно, обозначал мир подмошток.
- ²⁷ Ibid., 488, № 4714.
- ²⁸ Ibid., 489, № 4715.
- ²⁹ Ibid., 491, № 4720—к кардиналу де Берни.
- ³⁰ См. «Avertissement» к «Олимпии» в Кельском издании, по изд. Бешо цитируемое Desnoiresterres, VI, 223, note 3; ср. Moland, XLII, 71—74, 79, 123.
- ³¹ Moland, XLI, 524, № 4747.
- ³² О датировке этого письма (до 22 декабря 1763 г. или после 13 января 1764 г.) см. соображения Л. Молана, Moland, XLIII, 68 сл.
- ³³ Moland, XXV, 145, 148. О подходе Вольтера к отделке набросков см. отрывок Лоншана, цитируемый в книге Meinhardt (G.), Voltaire und seine Sekretäre, Berlin, 1916, 86 сл. (отрывок цитируется здесь по Havard A., Voltaire et M-me du Châtelet. Révélations d'un serviteur attaché à leurs personnes, P., 1863).
- ³⁴ Поставлена в Comédie Française 17 марта; слухи о предстоящей постановке шли,

однако, уже в 1762 г. (*Mémoires de Vachautmont*, XVI, 135). До Парижа шла уже в Ферне и в Маннгейме.

⁸⁵ *Moland*, I, 108, № 9866—к Даржанталю от 18 сентября 1776 г. и намеки в письмах от 19 июля и 27 августа того же года (№№ 9808 и 9834).

⁸⁶ См. особенно заключительные слова этого примечания. Ср. письмо к Колини от 23 апреля 1762 г. (*Moland*, XLII, 96, № 4887) и, особенно, письмо к Даржанталю от 17, 18 и 20 апреля (*ibid.*, 90—94, № 4884): «Нельзя, чтобы в этом произведении имелась хоть единая черта, напоминающая трагедии, к которым все привыкли. Это, несомненно, спектакль нового рода». Еще показательнее мотивировка выпуска в свет издания этой трагедии в письме к Даламберу от 25 февраля 1762 г.: «Я избрал этот сюжет не столько в целях создания трагедии, сколько ради написания книжки примечаний в конце пьесы» (*Moland*, XLII, 50, № 4846).

⁸⁷ *Luchet* (marquis de), *Histoire littéraire de monsieur de Voltaire*, Cassel, 1780, III, 193. См. любопытное свидетельство в «*Pensées détachées*» венгерского графа *Fékété* во втором томе рукописей библиотеки Вольтера, л. 265, воспроизведенных в женевском издании 1781 г. «*Mes Rapsodies*» Фекете.

⁸⁸ *Clément*, *Observations critiques*, Genève, 1771, 392 (цит. по *Desnoiresterres*, VIII, 14, note 1).

⁸⁹ Постановка «Олимпии» 24 марта была повторена 17 и 20 апреля и в первых числах июня (ср. письмо Даржанталю от 31 мая, *Moland*, XLII, 123, № 4914). Подробнее о мизансцене и ходе первого спектакля см. в письме герцогу де Виллар от 25 марта (*ibid.*, 71—74, № 4867). Интересные указания о технике постановки см. в письмах Вольтера к Колини, например, в №№ 5023, 5026, 5041, изд. *Moland* (ср. *Meinhardt G.*, *op. cit.*, 141).

⁹⁰ На основании письма к Даржанталю от 27 апреля 1762 г. (*Moland*, XLII, 98, № 4889)—*Desnoiresterres*, VI, 228.

⁹¹ «*Lettres philosophiques*», XVIII. (Ср. *Charrot Ch.*, RHL, 1912, 174).

⁹² Напр., в письме к Альбергати-Капачелли от 4 июня 1762 г. (*Moland*, XLII, 125, № 4916).

⁹³ См. *Moland*, I, 332 сл. (энтузиазм при слушании партии Ромео); там же—эпитеты «*barbare aimable*» и «*fou séduisant*», а также—патриотическая подоплека полемики: «не будь войны с Англией, с творцом ее театра обошлись бы лучше».

⁹⁴ Варнеке Б., Путь к Шекспиру.—«Театр и Драматургия», 1933, №№ 1 и 2; там же подчеркнута «неспособность Вольтера оценить сущность таланта Шекспира».

⁹⁵ *Moland*, XLIII, 140, № 5576.

⁹⁶ *Moland*, I, 54 («*Mémoires pour servir à la vie de M. de Voltaire écrits par lui-même*»).

⁹⁷ По изд. *Moland*, XXIV, 216, 218 (bis), 219 (ter.), 219—220.

⁹⁸ *Moland*, XLI, № 4377 сл.; ср. № 4367 (от 16 декабря, как и первое из писем Даржанталю) с упоминанием о «варварах-англичанах» и относительно вопросов сюжета и мизансцены.

⁹⁹ «*Appel*» вышел в свет в первой половине января 1761 г.—*Bengesco*, II, 96 сл., № 1658 и IV, 226 сл., № 2208.

¹⁰⁰ *Moland*, XLI, 526—528, № 4749.

¹⁰¹ Ср. *Moland*, XXIV, 219 note.

¹⁰² *Moland*, XLI, 444, № 4676, и 448, № 4683.

¹⁰³ *ibid.*, 507, № 4730.

¹⁰⁴ *Moland*, XLII, 85, № 4878.

¹⁰⁵ *Moland*, XLI, 110—122, № 4387.

¹⁰⁶ Помимо самого характера текстов, об этом свидетельствует, напр., *Moland*, XLI, 140.

¹⁰⁷ См. прим. 2.

¹⁰⁸ Письмо Пикте к Вольтеру от 19/30 сентября 1762, *Moland*, XLII, 287, № 5089.

¹⁰⁹ «*Mémoires posthumes du feld-maréchal Comte de Steding, rédigés... par... Vjoernstjerna*», I, P., 1844 (письмо от 22 сентября 1790 г.).

¹¹⁰ *Moland*, XLI, 165 сл., № 4431.

¹¹¹ О дате см. замечание Бешо.—*Moland*, XXIV, 165.

¹¹² См. *Moland*, XXIV, 166, 169.

¹¹³ *J.-J. Rousseau*, *Œuvres complètes*, P., Hachette, IV (1909), 172—176.

¹¹⁴ *Moland*, XLII, 4, № 4797.

¹¹⁵ *ibid.*, 64, № 4859.

¹¹⁶ Ср. *Moland*, XLII, 64 сл., №№ 4857 и 4859, и *Charrot*, RHL, 1912, 679.

¹¹⁷ Ср. *Bengesco*, I, 65—67, №№ 255—259.

II. СОБРАНИЕ ПИСЕМ ВОЛЬТЕРА ИЗ АРХИВА ВОРОНЦОВЫХ

Среди богатых материалов архива Воронцовых, хранящегося в собраниях Института истории Академии наук СССР (Ленинградское отделение), имеются два сборника автографов Вольтера. Один из них (по описи архива № 1208) содержит подлинники 14 писем Вольтера к А. Р. Воронцову, опубликованные в «Архиве кн. Воронцова» в 1872 г.¹. Другой сборник заслуживает особого внимания. Его материалам и посвящается настоящая глава.

Сборник этот в кожаном переплете (25×18,5 см), с золотым тиснением и с гербом Воронцовых в качестве супер-экслибриса; в нем 356 листов, пронумерованных синим карандашом.

По описи архива этот рукописный сборник значится под названием «Nr. 1134, Lettres autographes de Voltaire».

Это—собрание 178 писем Вольтера (за исключением одного—собственно-ручных), к которым присоединен сделанный рукой писца список со стихотворного послания Вольтера к маркизе де Сен-Жюльен.

Письмам предпослана опись на пяти листах, в которой, на основании имеющихся в письмах датировок, а также проставленных адресатом пометок, указаны дата и адресат каждого письма.

Адресатом большинства писем является граф Даржанталь (d'Argental), незначительное число писем адресовано его жене и брату, Пон де Вейлю (Pont de Veyle), и, наконец, одно письмо г-же де Солар. По очевидному недосмотру составителя описи, два самостоятельных письма помещены в ней под № 23, почему опись и насчитывает на единицу меньше фактического количества номеров: таким образом, и последняя из входящих в сборник рукописей (список стихотворения, посвященного г-же де Сен-Жюльен) стоит под № 178 вместо нужного № 179.

Опись имеет дату и надпись: «11 Апреля 1912 г. Ю. Линден» и печать: «Главная контора по имениям графини Е. А. Воронцовой-Дашковой».

Особый интерес представляет французский заголовок описи: «Table de quelques lettres de Voltaire recueillies dans un manuscrit» («Оглавление рукописного собрания нескольких писем Вольтера»). Обратив внимание на довольно близкое совпадение текста этого заголовка с фразой в одном из писем к А. Р. Воронцову, Н. С. Платонова (детально изучавшая этот сборник в 1926—1930 и 1935 гг.) пришла к весьма вероятному предположению о времени и путях поступления настоящего собрания вольтеровских писем в библиотеку Воронцовых. Текст заголовка легко сблизить со следующими строками письма к канцлеру Александру Романовичу Воронцову из Парижа от 5 апреля 1803 г., в которых русский посол во Франции, граф А. М. Морков, сообщает Воронцову о приобретении для него и посылке по его адресу «нескольких писем Вольтера, сплошь собственноручных, собранных одним любителем, среди коих некоторые напечатаны не были»². Это сближение подкрепляется и анализом внешнего вида сборника. Опираясь на авторитет Н. П. Лихачева, Н. С. Платонова относит золотое ампирное тиснение переплета к началу XIX века и подтверждение этому видит в том обстоятельстве, что супер-экслибрис изображает не княжеский, а графский герб Воронцовых, которые княжеский титул получили лишь в 1845 г. Таким образом, сборник этот

связывается с личностью канцлера, графа Александра Романовича Воронцова (1741—1805).

Это был один из самых серьезных и искренних читателей и почитателей Вольтера в России и один из наиболее образованных русских вельмож XVIII в. вообще. Еще в елизаветинскую пору, получив дома полуфранцузское воспитание, А. Р. Воронцов закончил образование в Версале. О своем путешествии по Европе и о годах учения в Версальской школе легкой кавалерии он рассказал в «Автобиографической записке», составленной им на французском языке в 1805 г., в годы старости, в последние месяцы жизни. Здесь он вспоминает, между прочим, о впечатлениях, полученных от самого «знаменитого человека» и от его трагедий, и о том поощрении, какое его интерес к Вольтеру встречал со стороны старшего поколения. Там же вспоминает он и об Арну, преподававшем в школе легкой кавалерии изящную словесность и литературу, «бывшем секретаре» Вольтера: юноша Воронцов брал у него частные уроки и «с увлечением слушал его рассказы о Вольтере и ученой маркизе» (г-же Дю Шатле)³. Проведя многие годы за границей в эпоху, когда Вольтер был властителем передовых умов, Воронцов увлекся им с самого начала своей дипломатической карьеры. Личное его знакомство с Вольтером состоялось в 1757 г. в Шветцингене, при дворе пфальцграфа, а затем он посетил Ферне в 1760 г.; он переписывался с Вольтером⁴ и до конца жизни не переставал живо им интересоваться.

Эти биографические данные идут вполне навстречу высказанному выше предположению, что первым русским владельцем публикуемого здесь собрания писем Вольтера был именно он, канцлер А л е к с а н д р Р о м а н о в и ч В о р о н ц о в.

Подлинность этих вольтеровских автографов несомненна. Помимо хорошо известного почерка Вольтера, подлинность документов наглядно подтверждается сохранившимися на многих письмах собрания следами от сгиба листов, надписанными адресами, остатками облаток и печатей, наконец, почтовыми штемпелями и пометками.

Письма, заключающиеся в Воронцовском собрании, относятся к 17-летнему промежутку времени от 1734 по 1751 гг., т. е. к периоду жизни Вольтера в замке Сире, у маркизы Дю Шатле, их совместных путешествий, пребывания в Лотарингии у бывшего польского короля Станислава Лещинского, и к первым полутора годам пребывания Вольтера в Пруссии, куда он уехал в 1750 г., вскоре после смерти г-жи Дю Шатле.

Как уже сказано, большинство писем адресовано к Даржанталю. Отметим тут же, что во всем необъятном эпистолярном наследии Вольтера нет ни одного адресата, к которому письма направлялись бы в таком изобилии. Это отразилось и на всех изданиях вольтеровской переписки. В последнее, вышедшее в 80-х годах прошлого века, полное собрание сочинений Вольтера (под редакцией Молана) письма к Даржанталю, включая сюда же значительное число писем к жене Даржанталя и к его брату, Понде Вейлю, вошли в количестве 1094 экземпляров. Для понимания и изучения публикуемой нами части вольтеровского эпистолярного наследия необходимо иметь представление о личности этого главного корреспондента Вольтера и, конечно, прежде всего, о характере существовавших между ними отношений.

К сожалению, дошедшая до нас переписка—односторонняя: ответные письма Даржанталя до нас не дошли. Плохо сохранилась переписка Дар-

жанталь и с другими лицами. Интересующую нас характеристику дают поэтому только письма самого Вольтера, с весьма скудными дополнениями и поправками к ним в виде отзывов и откликов кое-кого из его современников.

Шарль-Огюстен де Ферриоль, граф Даржанталь (Charles-Augustin de Ferriol, comte d'Argental, 1700—1778) не только состоял в более чем полувековой дружбе с Вольтером, с которым встретился еще на школьной скамье, в коллегии Людовика Великого, но всю жизнь был неизменным и самым доверенным его советчиком в литературных и житейских вопросах. Вольтер роптал порой на иные из приговоров «трибунала» своего «триумвирата», как он именовал самого Даржанталь, его жену и его младшего брата—Пон де Вейля, который также был школьным товарищем Вольтера. Но все же с решениями «трибунала» считался, вносил поправки по его указаниям и постоянно в своих практических делах прибегал к советам своих ангелов-хранителей, как он то и дело величал их в письмах. Такое наименование, в данном случае, не было лестью могущественным покровителям, которую, как известно, мастерски и в изобилии умел расточать Вольтер. Здесь отношения были именно дружеские и интимно-деловые.

Не будучи ни влиятельными магнатами, ни какими-нибудь законодателями моды в области литературы, братья Ферриоль, по характеру своих интересов и занятий, по кругу своих знакомств и связей, для устройства театральных и литературных дел Вольтера, а также дел «тяжебных» (а ими изобилует вольтеровская биография) были, пожалуй, ценнее самого щедрого мецената, самого авторитетного критика или покровителя-администратора. У них имелись тесные связи и с театральным миром (Пон де Вейль сам был драматическим писателем⁵), и с феодальной знатью, и с парламентским, т. е. судебно-бюрократическим, миром. Тысячу мелких и крупных услуг, неоценимых для писателя, большую часть жизни не имевшего доступа в Париж, оказывала эта семья Вольтеру, содействуя успеху его произведений, отстаивая его репутацию, защищая его личные и имущественные интересы. Они парализовали интриги среди актеров и нападки враждебной критики, предупреждали Вольтера об угрозе ареста, хлопотали за него перед начальником полиции и т. д. и т. п.

Оценку Даржанталь, содержащуюся в письмах самого Вольтера, восполним свидетельством Лагарпа в некрологе, посвященном Даржанталю, и несколькими строками вольтеровского секретаря—Ваньера, в которых он характеризует Даржанталь, возражая на недостаточно почтительный отзыв о нем, напечатанный в так называемых «Мемуарах Башомона». По утверждению как того, так и другого, Вольтер имел в лице своего старого друга не только посредника в литературных делах, но и глубоко понимающего ценителя. Из всех его друзей Даржанталь был тем, с кем он особенно охотно советовался относительно своих драматических произведений, чьим мнением и чьей дружбой особенно дорожил⁶.

Мы знаем, что Вольтер хотя и безуспешно, но много раз в течение 30 лет, предшествовавших его возвращению в Париж, пытался организовать в том или другом месте встречу с четой своих «ангелов». Не случайно Даржанталь был единственным из парижских друзей и близких знакомых Вольтера, с которым он виделся летом 1754 г. на курорте в Пломбьер и первым, кого он навещал, едва прибыл в Париж в 1778 г.⁷

УТРО ВОЛЬТЕРА

Картина маслом Жана Гюбера, 1770—1775-е гг.

Эрмитаж, Ленинград

Сближение Вольтера с Даржантальями восходит к очень ранним годам его жизни и говорит об общей принадлежности их в эпоху Регентства к среде политически оппозиционной и идеологически по тому времени передовой. Так, в 1717 г. полицейский шпион Борегар, следивший за Вольтером после написания им памфлета на герцога Орлеанского и его дочь, застаёт у Вольтера именно Даржанталью. О близости к г-же де Ферриоль (матери Даржантальи и Пон де Вейля) говорит письмо к ней Вольтера, написанное им 6 мая 1726 г. по дороге в английскую ссылку: в письме сообщается, между прочим, что в Бастилии его отделяла лишь одна стена от сестры адресатки—г-жи де Тенсен (de Tencin). Следует отметить, что это письмо содержит первое упоминание о Даржантале в дошедшей до нас вольтеровской переписке⁸. В одном из самых ранних писем к Даржанталю—от мая 1734 г.⁹—Вольтер благодарит его за предупреждение о грозящем ему аресте в связи с появлением его «Английских писем»: друг спас его этим от неминуемой тюрьмы. Он с полным доверием сообщает тут же Даржанталю о своем намерении эмигрировать в «свободное государство», «чтобы пользоваться самым великим из преимуществ», какие он знает,—«прекраснейшим из прав человечества, состоящим в том, чтобы зависеть лишь от закона, а не от прихоти людей». В одном из писем к Даржанталю 1735 г. обнаруживаются и социально-политические истоки идеологической близости друзей. «Было бы весьма печально родиться в этот гадкий век, не существуя еще нескольких человек вроде вас, которые мыслят, как мыслили в прекрасные дни Людовика XIV»¹⁰. Убеденный поклонник не столько самого «Короля Солнца», сколько его в е к а, Вольтер противопоставляет здесь широкий размах идейного и художественного творчества в эпоху, наиболее полно осуществившую строй абсолютной монархии,—времени упадка и разложения этого строя, т. е. царствованию Людовика XV, с характерной для этого царствования сменой распушенности ханжеством, с ее полицейским произволом и мелочной подозрительностью.

Не только в публикуемых здесь письмах, но и вообще в переписке Вольтера с Даржанталем значительное место занимают интересы театральные—обсуждение произведений Вольтера и их постановки на сцене. Широко пользуясь своим другом в качестве советчика и посредника по множеству различных дел, Вольтер едва ли не чаще всего прибегал к нему, к его советам и практической помощи именно в моменты постановок своих трагедий и комедий. Даже в последние месяцы жизни, проживая уже в Париже, т. е. в одном городе с Даржанталем, он продолжал обмениваться записками со своим старым другом. К этому периоду, впрочем, относится единственная, насколько мы знаем, резкая размолвка между друзьями. Вызвана она была самовольными (санкционированными, впрочем, г-жей Дени и Лагарпом) изменениями, которые были внесены Даржанталем в текст вольтеровской «Ирены» при разучивании ее в театре Французской комедии в марте 1778 г. (т. е. в последние месяцы жизни обоих друзей). В письме к Перонне Вольтер тогда жаловался: «Эх, сударь, счастливый вы человек—вы сооружаете чудесные мосты, и нет при вас Даржантальи, который осмеливался бы строить за вас арки...»¹¹.

Рядом с только-что цитированной эпистолярной «жалобой» можно поставить и следующую маргинальную пометку Вольтера, найденную Ваньером. «В одном парижском издании [вольтеровской трагедии «Олимпия»],—сообщает Ваньер,—присланном г. де Вольтеру, он отметил на полях

против пяти стихов: „Отвратительные стихи, которые г. Даржанталю, по свойственной ему привычке, за благорассудилось ввести в пьесу“»¹². Но хотя Даржанталь и не раз грешил самовольным исправлением стихов своего друга, обе эти вспышки гнева производят впечатление исключения на фоне их многолетней дружбы.

Эстетические взгляды Даржантalia, а следовательно, и объективное значение его, как литературного «судьи» (с чем, без сомнения, познакомили бы нас его собственные письма), из писем Вольтера почти не выясняются. Вольтер отвергает ту или иную сделанную Даржанталем частную поправку или принимает ее, иногда восходя к теоретическим обоснованиям, но не дает указаний на какие-либо теории, исповедуемые самим Даржанталем.

Основным остается, конечно, факт—неизменной на протяжении почти полувека—отсылки Вольтером своих произведений на суд даржанталевского «трибунала». Только в той части переписки, которая вошла в Воронцовский сборник, «суду» Даржантalia подвергаются трагедии «Альзира», «Зюлима», «Магомет», «Семирамида» и обсуждается работа над «Принцессой Наваррской», «Пандорой» и «Святошей». И если вольтеровские письма не дают достаточного материала для оценки роли Даржантalia, как критика Вольтера, то неоспоримой, конечно, остается их ценность, как источника для суждений об эстетических взглядах самого Вольтера.

Обращаясь к характеристике личности Даржантalia, приходится, отметив еще раз недостаточность данных, которыми располагает литература, добавить к сказанному выше следующие краткие сведения.

По матери Даржанталь приходился родным племянником упомянутой уже г-же де Тенсен, считавшейся автором знаменитых в свое время «Мемуаров графа Коменж» («Memoires du comte de Comminge»). В ее салоне собирались лица, близко стоявшие не только к власти и деньгам, но и к литературе. Это была женщина, прославившаяся искусными интригами—в молодости романическими, в зрелом возрасте политическими, а в старости близкая к маркизе Помпадур. По некоторым сведениям, настоящим автором названных выше «Мемуаров» был Даржанталь. Но это—факт спорный. Вообще же надо сказать, что в области литературы Даржанталю ничем прославиться не привелось.

Страстный любитель театра, он, как уже сказано выше, подобно Пон де Вейлю, был своим человеком в мире актеров; уже молодость его отмечена романом с знаменитой актрисой Лекуврёр. Литературно образованный светский человек, с репутацией обладателя изысканного вкуса, Даржанталь, повидимому, никакими особыми талантами одарен не был.

Как на особенность его натуры, можно указать на штрих, несколько неожиданный в фигуре литературного «руководителя» Вольтера, одного из членов строгого критического «триумвирата»: Даржанталь был крайне осторожен и нерешителен в суждениях и действиях. Английский магнат-философ Болинброк, близкий к семье Ферриолей, знавший Даржантalia с детских лет, называл его «господин Осторожность». Ту же черту нерешительности высмеивает в нем приписывавшаяся Мармонтелю, но на самом деле написанная Бэ де Кюри (Bay de Cury) в 1759 г. сатира, пародирующая сцену из корнелевского «Цинны»¹³.

Нам остается еще запомнить Даржанталея, как одного из самых рьяных энтузиастов-поклонников таланта Вольтера, сидящим в первых рядах кресел и усердно аплодирующим каждой новой постановке его трагедий,—таким, как изобразил его на первом представлении «Шотландки» Фрерон в сатирической своей «Реяции о великой баталии»¹⁴. А затем, вместе с Ваньером, мы должны пожалеть, что «сборника даржанталевских писем, который, несомненно, был бы очень ценен для истории», на свет так и не появилось. И не только сборника не появилось, но и изо всех писем Даржанталея всплыли лишь редчайшие экземпляры, вроде хранящегося в Публичной библиотеке в Ленинграде письма к начальнику полиции с ходатайством по делу Вольтера, да еще письма к Вольтеру (от 6 августа 1751 г.), в котором Даржанталь уговаривает его покинуть двор Фридриха II и вернуться в Париж, ввиду успеха трагедии «Магомет» и необходимости присутствия автора при постановке «Спасенного Рима». При жизни Вольтера было предано гласности лишь одно письмо Даржанталея, специально предназначенное для опубликования и посланное 24 ноября 1750 г. в Потсдам; оно имело своей задачей дискредитировать, Бакюляра д'Арно задевшего Вольтера¹⁵.

Вот то немногое, что следует знать об «ангеле-хранителе» Вольтера, вошедшем в историю лишь в качестве спутника при том человеке, из-за которого век про с в е щ е н и я во Франции столь часто назывался «веком Вольтера».

Переходим к рассмотрению самой коллекции писем Воронцовского собрания Института истории АН СССР.

Какова с точки зрения историко-литературной вообще, текстологической в частности, ценность публикуемых здесь писем Вольтера к Даржанталю?

Сличение рукописей Воронцовского собрания с существующими печатными текстами писем Вольтера к Даржанталю и к членам его семьи дает следующие результаты:

1) Из 178 писем Воронцовского собрания 19 писем нигде до сих пор не печатаны не были; 2) 132 письма были уже напечатаны в вышедших ранее изданиях, но с той или иной степенью искажения текста; 3) только 27 писем вполне точно воспроизведены в вышедших до сих пор изданиях¹⁶.

Иначе говоря, ленинградские подлинники, даря нам 19 новых текстов, наряду с этим, позволяют окончательно установить и документально подтвердить текст еще 159 вольтеровских писем.

Это, конечно, ценное увеличение вольтеровского эпистолярного наследия.

Письма Воронцовского архива вносят кое-что новое в разрезе биографическом, с одной стороны, а с другой — несколько уточняют представление о той поэтике, которой теоретически и практически придерживался Вольтер. На этой стороне дела мы вкратце сейчас и остановимся, чтобы затем перейти к более пристальному рассмотрению основного вопроса — о текстологической ценности этих писем, значительность которой очевидна из только-что приведенного подсчета.

Как в письмах, впервые нами публикуемых, так и в письмах, которые до сих пор печатались неполно и неточно, полностью же воспроизводятся здесь в первый раз, имеются неизвестные до сих пор варианты о т д е л ь

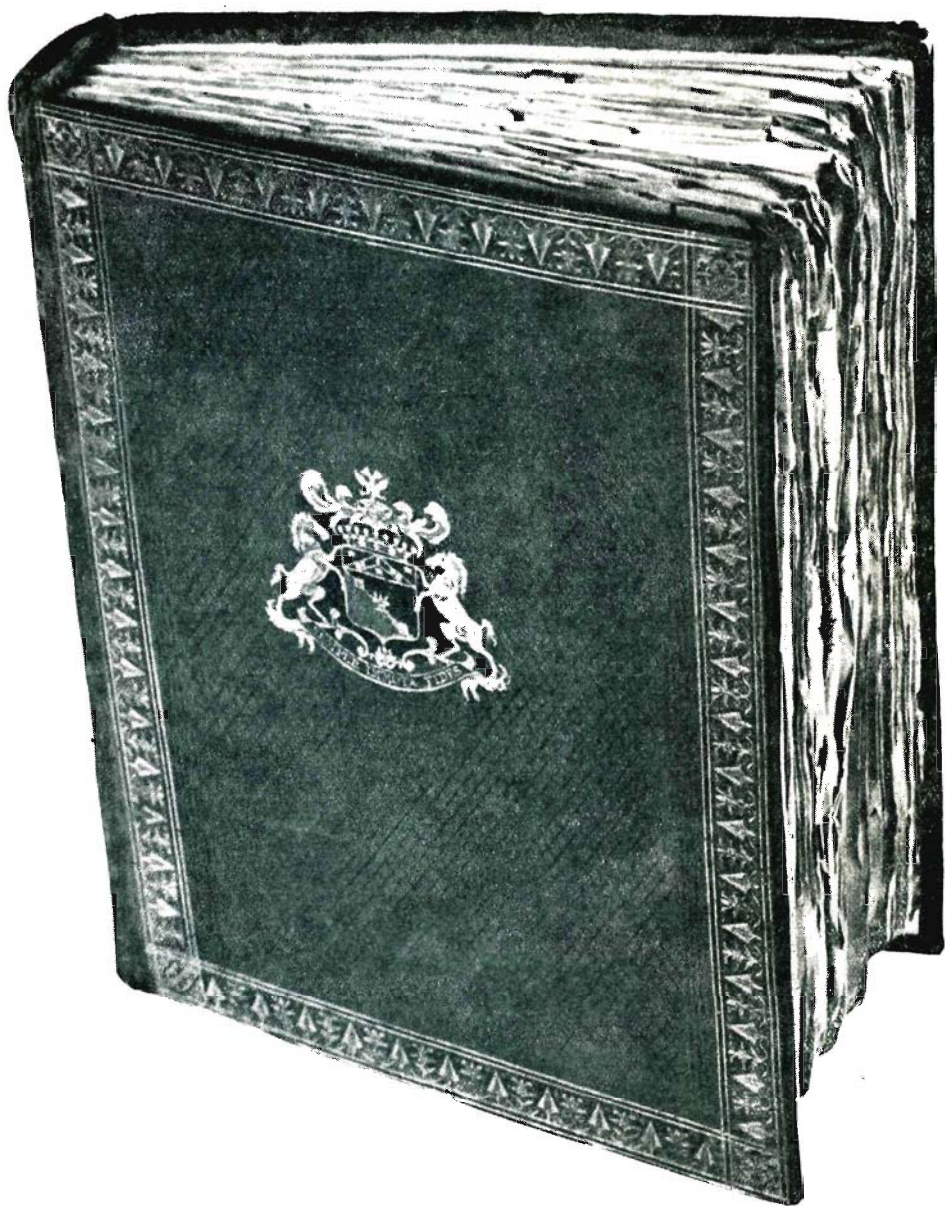
ных стихов Вольтера из трагедий «Альзира», «Магомет», «Семирамида» и из поэмы «О событиях 1744 года» («Sur les événements de l'année 1744»). Это—во-первых. А наряду с этим, некоторые из этих писем содержат интереснейшие показания Вольтера о самых методах его творчества. Такие высказывания встречаются не только в письмах, касающихся только-что названных трагедий, но отчасти и в тех, где Вольтер говорит о «Зюлиме» и о комедии-балете «Принцесса Наваррская». Подчеркнем, что особенную ценность такие места в его письмах представляют уже в силу одного того обстоятельства, что, начиная с первых же изданий вольтеровской переписки, редакторы ее, из трудно нам теперь понятных соображений, систематически опускали именно такие высказывания Вольтера, касающиеся его поэтики и творческой лаборатории.

Характеристика новшеств, которые отстаивал Вольтер в выдвигаемой им поэтике классической трагедии, дана уже в предыдущей главе, при анализе текста посвящения к «Олимпии». Здесь мы ограничимся поэтому лишь указанием, что все вольтеровские реплики Даржанталю, отстаивание им—подчас очень энергичное—текста того или иного стиха,—все это неизменно укладывается в одну определенную линию: все это сводится к защите **наибольшей эмоциональности** эпитета, образа, стиха, к требованию **психологической правды** в ситуациях и речах действующих лиц—как он, Вольтер, эту эмоциональность и правдивость понимал. Эти реплики и даваемое в письмах их обоснование служат, конечно, ценным дополнением к тем общим теоретическим положениям, какими Вольтер, по большей части, ограничивался в своих многочисленных предисловиях-«посвящениях» к трагедиям.

В переписке Вольтера, особенно за ранний период его деятельности, сравнительно мало конкретных высказываний о приемах стихосложения; указаниями же о методах развертывания перипетий и ситуаций и о других вопросах его творческой лаборатории за ранний период относительно богаче других те письма, которые содержат в себе полемику с Даржанталем по поводу трагедии «Альзира». И вот к двум-трем таким ранее известным письмам об «Альзире» Воронцовский сборник присоединяет еще два новых интереснейших письма (по нашей нумерации I и II). О втором из них можно даже сказать, что оно не имеет себе равных во всей переписке Вольтера по количеству и конкретности высказываний о поэтическом языке, по обстоятельности синтаксических и стилистических соображений. Это же письмо может служить опровержением довольно распространенного мнения о «легкости», с какой Вольтером слагались стихи, и о «поверхностном» характере его работы над своими произведениями: здесь, как и в иных случаях, творчество ему давалось не дешево, стоило большого труда, тщательного и многократного пересмотра (иногда на протяжении нескольких лет) и строгого, можно сказать педантического, взвешивания почти каждого стиха, каждого слова.

В публикуемых письмах найдется немало высказываний, характернейших для Вольтера, как театрального писателя. Изрядное место уделено в этих письмах вопросам сценической интерпретации и собственных трагедий Вольтера: он пристально вникает не только в вопросы постановки вообще, но и в распределение ролей среди актеров и в другие детали.

Наконец, он выдвигает постоянно вопрос о пригонке стихотворного текста к требованиям декламационной техники

„ВОРОНЦОВСКИЙ СБОРНИК“ ПИСЕМ ВОЛЬТЕРА
Институт истории Академии наук СССР, Ленинград

и, что особенно характерно для Вольтера-драматурга, называет это «самым важным пунктом» — «le grand point».

В указанном смысле заслуживают особенного внимания письма по нашей нумерации I, II, LVII и LXI, в которых идет речь об «Альзире» и «Семирамиде».

В биографическом отношении значение публикуемых писем определяется тем, что они обогащают кое-какими дополнительными штрихами психический облик Вольтера, картину быта и социально-политических условий, в которых протекала его деятельность в период 1734—1751 гг. Период этот не вполне точно совпадает с каким-либо одним определенным периодом жизни Вольтера, но почти полностью обнимает так называемые «сирейские годы» и частично захватывает начало «потсдамских лет». Личная близость к маркизе Дю Шатле, благодаря которой он чувствует себя хозяином в замке Сире, пребывание в Лотарингии при дворе бывшего польского короля Станислава Лещинского, тяготение ко двору Людовика XV, начало дружбы с будущим королем Фридрихом II и затем камергерство при его дворе, — вот чем отмечены эти годы. Недаром традиционная историография склонна именно эти годы считать полосой спада оппозиционности Вольтера, снижения его идеологического пыла, даже периодом политического затишья в его биографии. Вольтер как бы уходит в занятия наукой и личную жизнь. Но не случайно значительное место в этой его личной жизни занимает «самоборона от врагов», особенно рельефно отразившаяся в описываемых здесь письмах. Правда, мотив социально-политического конфликта с правительственной системой, не в пример прочим годам жизни Вольтера, почти вовсе заглушен. Но глубоко ошибочно, забывая политический смысл борьбы, видеть лишь личный момент во всех передрыгах, тяжбах, склоках и литературных бурях, разыгрывавшихся постоянно вокруг Вольтера и даже усилившихся именно в эти годы. Нотой, то и дело звучащей в письмах к Даржанталю, особенно в начале рассматриваемого периода, являются вечная тревога и опасения, постоянные просьбы о помощи в борьбе с «врагами» и жалобы на превратности судьбы. Пусть враги Вольтера в данную эпоху — это не власть, засаживавшая его в прежние годы в Бастилию (но, впрочем, и в самые эти годы сжигавшая рукой палача его книгу и заставлявшая его удаляться за границу), не щедрые на палочные удары «безродному пиите» кавалеры де Роганы. Сейчас враги — это, например, писатель аббат Дефонтен, напечатавший против Вольтера памфлет «*Voltairomanie*» (правда, в ответ на памфлет «*Le Préservatif*», выпущенный против Дефонтена при ближайшем участии Вольтера). Другой «враг» — скрипач оперы Травеноль, заподозренный Вольтером в распространении направленных против него памфлетов; далее издатель Про (Prault), по мнению Вольтера, замышлявший издать, без разрешения автора, его новую трагедию «Семирамида»; другой издатель — Жор (Jore), хитростью выманивший у Вольтера письмо, которое с головой выдавало последнего, как автора сожженных по постановлению власти «Философских писем», тогда как Вольтер свое авторство старательно отрицал; наконец, — те «зложелатели», которые собирались поставить на сцене сочиненную Монтиньи пародию на вольтеровскую «Семирамиду»¹⁷, и т. д. Методы борьбы с этими врагами у Вольтера таковы: собрав «обвинительный» материал, он подает жалобу в суд или полицию и ищет сильных людей, вмешательство которых направило бы очередное «дело» к желательному концу. При этом он, повидимому,

совершенно искренно считает себя оскорбленным и пострадавшим и неделями, даже месяцами живет в тревоге и хлопотах по этим «делам». Нельзя, однако, игнорировать тот социально-политический фон, на котором эти дрязги и тяжбы разыгрывались. Если не всегда еще легко, при отсутствии подлинно научной, марксистской биографии Вольтера, точно сформулировать идейно-политический смысл его многочисленных литературных «тяжеб», то не так уж трудно уловить в главнейшем, какие именно силы мобилизовал вокруг себя хулитель Вольтера типа Дефонтена (или впоследствии Фрерона), чью социальную волю выполняли авторы направленных против Вольтера памфлетов, какие круги в королевской резиденции Фонтенбло должна была потешать пародия на «Семирамиду» и т. п. За оскорбленным мелочным самолюбием автора не трудно разглядеть защиту им достоинства писателя и читающей публики, защиту свободы политического мнения, театрального новаторства. И если в этой личной самозащите Вольтер, пожалуй, проявляет не в меньшей степени ту свойственную ему неистовую энергию, которую проявит впоследствии в «тяжбах» иного, более широкого социально-политического характера, вроде знаменитых процессов Каласа или де Лабарра, которыми сумеет взволновать весь мир, то это происходит потому, что разница в побуждениях, питавших эту энергию, будет скорее количественного, нежели качественного порядка.

Круг людей, к которым он обращался за протекцией непосредственно или через своих друзей (главным образом, через все тех же Даржанталей), обширен. В него входят лица, стоявшие на довольно высоких ступенях бюрократической лестницы: морской министр граф Морепе, министр иностранных дел маркиз Даржансон, главные начальники полиции: Эро, де Марвиль, Беррие, канцлер Дагессо... Чтобы добраться до трудно достигаемого кардинала Флери, он обращается к его первому камердинеру Баржаку; через аббата де Берни добирается даже до маркизы Помпадур, а в дело с Дефонтеном пытается, при ближайшем участии г-жи Дю Шатле, вмешать наследного прусского принца.

Но само собой понятно, что, для изучения жизненной обстановки и настроений Вольтера в указанную пору, публикуемые здесь письма имеют значение лишь д о п о л н и т е л ь н о г о материала: сообщая ряд интересных штрихов и деталей, они ни в каком случае не могут претендовать на всестороннее освещение огромной и сложной личности Вольтера. Наши письма, как мы уже указывали, рисуют его лишь в д о ф е р н е й с к и й период его жизни, и притом рисуют таким, каким он не боялся показывать себя своему близкому другу. Вольтер предстает нам здесь в будничном освещении, во всей непосредственности изъявлений обуревающих его чувств. Преобладающей темой почти везде служит он сам, с его личными обстоятельствами, заботами и делами. Незачем доказывать, что подобная характеристика (хотя, в данном случае, это и само-характеристика) является односторонней, что и в этот период своей жизни Вольтер был много сложнее и содержательнее того самолюбивого и эгоцентричного существа, каким он представляется нам в иных письмах к Даржанталю, особенно в годы жизни в Сире; или того поэта-царедворца, который в Версале сочиняет панегирики Людовику XV и тексты для всяческих торжеств, вроде написанного им «Храма славы» («Le Temple de la Gloire»).

Но надо вспомнить и о долгих годах, проводимых в оторванности от родной среды парижских «философов» и «салонов», от столь дорогой сердцу

этого горячего театрала Французской комедии,—и тогда мы приблизимся к объективной оценке тех особенностей его психики, которые сквозят в публикуемых нами письмах. Героические годы напряженной и страстной борьбы Вольтера с «фанатизмом», с феодальными пережитками государства и с тем, что он называл «l'infâme»,—с нетерпимым мракобесием церкви, были еще впереди.

А главное, нельзя упускать из виду, что даже в эти годы Вольтер продолжал и основную линию всей своей жизни и своего художественного творчества—пропаганду все тех же идей разумной морали, свободы и веротерпимости. Этой цели—прикровенно—служили его трагедии, а более открыто—«посвящения» к ним, а также художественные произведения иных жанров: стихи, романы и т. п.

В приведенной выше характеристике интересов Вольтера во время жизни в Сире и поездок в Брюссель и Берлин не упомянуто о его сподрущих его интересах того времени, правда, крайне слабо отраженных в письмах Воронцовского сборника. Имеем в виду его интенсивные занятия естественными науками, астрономией и физикой и, особенно, оптикой. Но «натурфилософия» Вольтера тесно переплетается в творчестве тех годов с «философией» во всем том широком идейно-политическом и моральном содержании этого понятия, которое так характерно для века просвещения вообще. С «Метафизическим трактатом» 1734 г., «Элементами философии Ньютона» 1738 г., «Опытом о природе огня» (того же года) и «Сомнениями о движущих силах» («Doutes sur la mesure des forces motrices») 1741 г. чередуются «Стихотворное рассуждение о человеке» (1734—1737), второе посвящение «Заирь» и «Ода о фанатизме» (1736), ряд философских посланий к маркизе Дю Шатле и другим лицам, «Идеи де ла Мот ле Вайера» (1751), «Защита „Светского человека“» (1737), предисловие к «Анти-Маккиавелю» и т. д. Но, как уже говорилось, идейный дидактический момент был в высокой мере присущ и художественному, в том числе драматическому, творчеству Вольтера, а ведь именно в эти годы создаются такие основные произведения вольтеровской драматургии, как «Альзира» (1734), «Зюлима» (ряд переделок текста 1740 г.), «Магомет» (1742), «Меропа» (1743), «Семирамида» (1748), «Спасенный Рим» (1751), не говоря уже о «Блудном сыне» (1736), «Нанине», «Оресте».

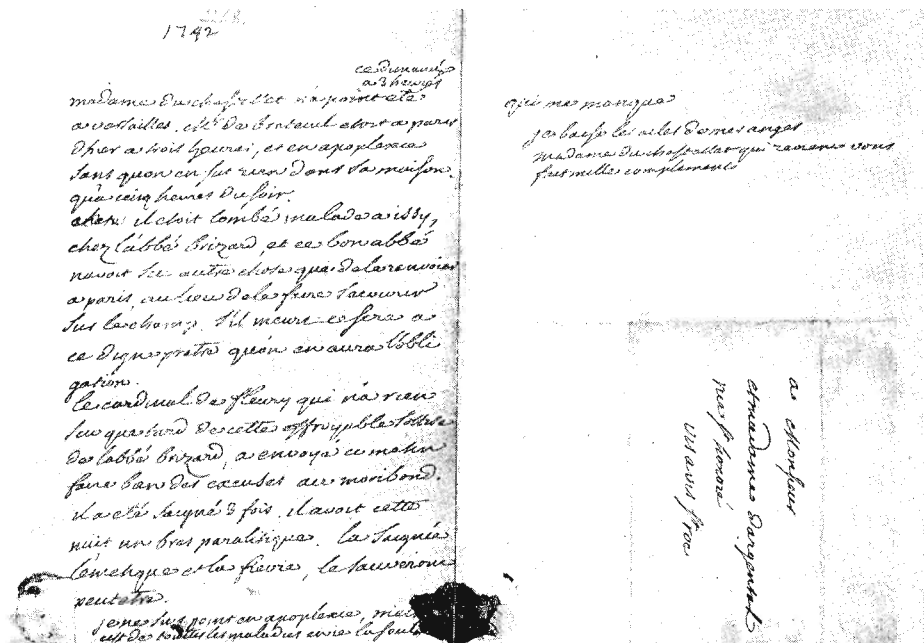
В эти же годы создается длинный ряд стихотворений и посланий на всевозможные поэтические сюжеты, складывается большинство философских рассказов («Видение Бабука», «Задиг», «Мемнон»), проводится огромная работа историка—завершение в 1750 г. капитального «Века Людовика XIV», исследование подлинности завещания кардинала Ришельё, собрание «Анекдотов о царе Петре Великом», ведется непрестанная переписка со всем научным и литературным миром и т. д.

Приведенная справка вносит необходимый корректив в то впечатление об эгоцентричности интересов и о чисто житейских горизонтах Вольтера, которое может сложиться у читателя от первого чтения писем «Воронцовского сборника». Вольтер и в эти годы проявляет все ту же неиссякаемую, обычную для него, но на самом деле чудовищную энергию и продуктивность, и в эти годы не замолкает речь апостола просвещения и гуманизма.

Обращаемся к главному вопросу—о ценности писем Воронцовского архива в текстологическом отношении, как материале для установления текста эпистолярного наследия Вольтера.

Этот вопрос лучше всего может быть освещен путем справки из сложной истории публикации вольтеровских писем и характеристики обусловленного этой историей состояния, в каком находится сейчас текст вольтеровских писем.

Ограничимся приведением немногих основных фактов. Письма Вольтера начали появляться в печати еще при его жизни. Однако, в эти годы они чаще распространялись иным путем. Для современников письма Вольтера были законченными образцами мастерства речи, чудесными орудиями философской пропаганды¹⁸; попав в руки парижан, они быстро становились общим достоянием всей «республики просвещенных», будили умы и волновали всех, проникая в салоны, в Академию, в среду театральную. Так

АВТОГРАФ ПИСЬМА ВОЛЬТЕРА К СУПРУГАМ ДАРЖАНТАЛЬ ОТ 8 ФЕВРАЛЯ 1742 г.

Институт истории Академии наук СССР, Ленинград

было впоследствии и вне стен Парижа—в провинции и далеко за пределами Франции—в литературных и политических салонах Европы и при иностранных дворах, куда копии вольтеровских писем станут пересылаться, в качестве острой новинки, корреспондентами «просвещенных монархов»—Гриммом, Дидро, Meisterом, Блен де Сенмором и др.

Первая попытка собрать воедино необозримое эпистолярное наследие Вольтера производится в месяцы, непосредственно следовавшие за его смертью. В первом издании полного собрания вольтеровских сочинений, выпущенном в середине 80-х годов XVIII века Бомарше, Кондорсе и Декруа в городе Келе (т. н. Кельское издание, 1784—1790), переписка Вольтера представлена уже 4491 письмом. Однако, по признанию самих издателей, в это собрание вошел не весь имевшийся в их руках эпистолярный материал: письма Вольтера печатались ими с известным отбором, с учетом того интереса, который могло представить для читающей публики того времени содержание того или иного письма¹⁹.

Как известно, в предисловии к следующему по времени собранию сочинений Вольтера, подготовленному Бёшо (Beuchot, Париж, 1829—1841, в 72 т.), специально указано, что редакторы Кельского издания, за отсутствием в их руках оригиналов, принуждены были печатать часть писем Вольтера по непроверенным копиям. Результаты понятны: многие даты оказались ошибочными, текст многих писем весьма неточным. Но особенно сильные искажения текстов произошли оттого, что первые издатели писем Вольтера не только позволяли себе выбрасывать из них те или иные места, но и соединять по два и даже по три письма в одно, а при этом еще вносить от себя целые фразы, менявшие иногда содержание, искажавшие отзывы Вольтера о событиях, людях, произведениях литературы...²⁰

Так воцарился полтора века тому назад в публикации вольтеровской переписки тот хаос, из которого до наших дней не найдено выхода, несмотря на последовавшие с тех пор многочисленные издания подлинников. Уже нашему современнику—внимательнейшему исследователю Шарлю Шарро—удалось внести ценный вклад в дело пересмотра вольтеровских текстов, хотя работать ему пришлось, главным образом, лишь путем сопоставления различных мест текста последнего «критического» издания, вышедшего под редакцией Луи Молана (Moland) в 1877—1885 гг. Но конечный вывод, к которому Шарро приходит после тщательных изысканий, таков: «Мы обладаем лишь приблизительными текстами писем Вольтера». И, в поисках выхода из создавшегося положения, Шарро предлагает «применить к тексту переписки Вольтера приемы критики, давно применяющиеся к текстам классической древности, оригиналы которых утрачены»²¹.

Вслед за Шарро неудовлетворительное состояние текста было отмечено и немецким ученым Лео Иорданом, при анализе первого тома публикации новых вольтеровских материалов, предпринятой Ф. Косси; Иордан настаивает на необходимости критического пересмотра и научного комментирования всех вольтеровских материалов и подчеркивает: «Особенно надо это сказать о переписке, бесчисленные за последние годы публикации которой вопиют о пересмотре текста и необходимости нового критического издания ее»²².

Работа над частичным исправлением текстов и датировки вольтеровских писем началась еще в предвоенные годы. Ограничиваясь лишь примерами из области интересующей нас переписки с Даржанталем, укажем, что в 1914 г. Л. Деларюэль (Delaruelle) дал новые конъектуры для исправления письма Вольтера к Даржанталю от 27 октября 1750 г., а также писем к нему от 15 июня и 13 сентября 1756 г.²³ Шарро, помимо ряда чисто грамматических и хронологических замечаний, предложил произвести перестановку местами второго и третьего абзацев письма Вольтера от 21 ноября 1768 г.²⁴ Еще задолго до этого Денуартер доказал, что письма к Тибувиллю от 7 марта и Даржанталю от 30 марта 1776 г. «составлены из разных ключев, позаимствованных там и сям»²⁵ и т. д. и т. п. Так обстоит дело с текстом. Что же касается датировки писем, то, несмотря на всю работу, произведенную в этой области Моланом, тому же Шарро пришлось не раз вносить серьезные изменения в даваемые Моланом датировки: так, письмо № 434, отнесенное Моланом к 1734 г., приходится, на основании бесспорных данных, признать более поздним (на целых девять лет) и не видеть в нем одно из самых ранних дошедших до нас писем к Даржанталю, каким считали его до сих пор, и т. д.²⁶

Но в истории издания переписки Вольтера бывали и крупные, хотя

и редкие удачи, когда всплывали на свет целые пачки подлинников (например, 150 писем к аббату Муссину, изданных в 1875 г.).

Аналогичный случай представляет собой и описываемое здесь собрание 178 писем Вольтера.

Какими путями дошли до нас эти письма?

В год смерти Вольтера, т. е. в 1778 г., Даржанталь продал было эти письма за 4 тысячи ливров издателю Панкуку, но вскоре почему-то затребовал их обратно, а затем, умирая, завещал их некоей г-же Де Вимё (De Viméux), которую молва считала его внебрачной дочерью. Последняя продала их тому же Панкуку, причем по условию, между ними заключенному, редактирование писем поручалось Сюару, литератору близкому Вольтеру и свойственнику Панкука, с предоставлением ему права устранения всех скабрёзных или кого-либо компрометирующих строк²⁷. Побывав в руках Сюара и попав затем в «редактированном» виде в Кельское издание, письма эти в годы революции, вероятно, затерялись, чтобы всплыть, но в виде одной шестой части, на поверхность около 1803 г., и волей судьбы, олицетворенной в данном случае русским послом во Франции Морковым, с его желанием угодить своему патрону—канцлеру Воронцову—они направляются в Россию²⁸. Здесь, скрытые в фамильном архиве, они покоятся почти полтора века и, наконец (только в 1926 г.), попадают в руки исследователей и в нашу публикацию.

Что же дает нового для установления текстов Вольтера обретенная у нас коллекция его подлинных писем?

Мы уже указывали, что писем, совершенно не вошедших в наиболее полное из всех предыдущих изданий под редакцией Молана, в ней не так много. Это, по нашей нумерации, следующие девятнадцать номеров: VII, IX, XI, XVI, XVII (за исключением двух опубликованных фраз), XVIII, XXII, XXIV, XXXII, XXXVIII, XLI, XLII, XLIII, XLIV, XLVII, XLVIII, LIII, LIV, LXVII. Затем, подтверждая правильность традиционной редакции 27 писем, Воронцовский сборник для 132 писем дает материал к их исправлению, а в целом ряде случаев приводит и к совершенному отказу от существующего печатного текста, к необходимости прочтения его заново.

Не перечисляя всех, даже существенных, исправлений, диктуемых произведенным нами сличением текстов издания Moland с подлинниками Воронцовского сборника, ограничимся несколькими примерами.

Два письма издания Moland — №№ 1040 и 1069—оказываются составленными из кусков одного письма Воронцовского сборника, а именно № 73; письмо по нумерации Moland № 1882 составлено из подлинников № 116 и № 117; письмо № 1904 составлено из №№ 124 и 126; № 1908—из №№ 127 и 128. С другой стороны, два письма №№ 1098 и 1132 оказываются частями одного и того же оригинала (№ 89); равным образом, из одного письма Воронцовского сборника № 133 получились основа письма № 1915 и часть № 196, включающего, кроме того, все письмо № 134.

Письмо, числящееся в издании Moland за № 1943, является сложной мозаикой текста двух подлинных писем: от 11 февраля (№ 118 Воронцовского сборника) и от 21 февраля (№ 113). К первому из них относятся начальная и девятая фразы текста Moland; ко второму относится в нем все прочее, и притом в такой последовательности: одна фраза оригинала пропущена, затем следуют в переставленном порядке фразы восьмая, шестая и седьмая, далее пропущены три фразы оригинала, затем следуют фразы вторая, третья, четвертая, далее—опять пропуск восьми фраз и, наконец,

в правильной последовательности фразы с десятой по четырнадцатую. Но это еще не все: в том же письме имеется фраза, вставленная из какого-то неизвестного нам, третьего письма.

Не менее мозаичным является письмо № 1259, составленное из двух подлинных писем—№№ 27 и 20; к первому из них, написанному 22 марта 1740 г., относятся первые четыре абзаца и самый последний абзац рассматриваемого письма; все же прочее взято из письма, написанного не 22-го, а 30 марта.

Подобные повреждения текста не могли не приводить к недоразумениям. Moland, например, в примечании к письму № 1412 (от 25 февраля 1741 г.) смешивает упоминаемое в нем письмо Вольтера к Пон де Вейлю с письмом № 1315, на что обратил уже внимание Шарро²⁹. Возможность такого недоразумения теперь устранена: обладая оригиналами Воронцовского сборника, мы можем утверждать, что источником ошибки является плохая традиция текста письма № 1412: первая часть его неверна, а вторая представляет собой не что иное, как часть письма к Пон де Вейлю (№ 36 Воронцовского сборника), написанного Вольтером в тот же самый день, что и письмо № 1412.

Естественно, что письма, текст которых был искажен такого рода контаминациями, парцеллированием и произвольными вставками, приходится полностью переиздавать заново.

Неустановленность текста переписки Вольтера порождала иногда неточности и в сообщениях б и о г р а ф и ч е с к о г о характера. Приведем два случая, в которых ленинградские подлинники позволяют навести некоторую, отнюдь не лишнюю, р е т у ш ь в направлении истины.

Уже Денуартер заподозрил в комплиментарном преувеличении показания секретаря Вольтера Лоншана о том изумительном «присутствии духа», какое, по его сообщению, обнаружил Вольтер в Шалоне, когда в сентябре 1740 г. был «на волосок от смерти, вследствие жестокого приступа лихорадки». Лоншан в своем рассказе ссылается на письмо Вольтера именно из Шалона, в котором Вольтер, будто бы, «с необычайной выдержкой, полным спокойствием, в чисто деловом тоне» обсуждает свои собственные дела и дела своих друзей. Справкой в нашей коллекции можно обнаружить, что знаменитое письмо представляет собой а м а л ь г а м у из двух писем и что в подлинном письме из Шалона от 12 сентября 1740 г., вместо «делового разговора», имеются жалобы на «врагов» (в данном случае на издателя Про), а наряду с ними—даже полупризыв к друзьям, намек на возможность для них пробраться к Вольтеру в Шалон... Таким образом, выясняется, что иллюстрацией на тему о «стоицизме» Вольтера шалонское письмо даже в памяти Лоншана, некогда его писавшего под диктовку, служить бы не должно было.

К аналогичным результатам приводит сверка с оригиналом письма № 701 издания Moland (№ 9 Воронцовского сборника). Не говоря уже о вставке нескольких слов, ослабляющих эпитет, данный Вольтером г-же Дю Шатле (о разлуке с ней он говорит, что она «лишает его жизни», а редакторы почему-то разрешили ему говорить лишь о лишении «того, что составляет утеху его жизни»), или о пропуске одного выражения («избыток ярости»), а также об одной малозначительной стилистической погрешности, остановимся на другом. Сверка обнаруживает пропуск двух фраз подлинника, меняющий характер всей ситуации. Последняя казалась очень патетической. Подлинник, восстанавливая опущенные редакторами фразы, не-

А. Р. ВОРОНЦОВ

Копия И. Истомина с портрета маслом И. Шварца

Русский музей, Ленинград

сколько по-иному освещает то настроение смятенности и тревоги, которыми дышит письмо. Вольтер пишет в 4 часа утра в кабачке на почтовой станции, только-что перед тем приняв решение бежать от угрожающих ему преследований за границу, хотя бы это привело к вечной разлуке со всем, что ему дорого на родине. Доказывая свою невиновность и сетуя на бесчеловечность преследований, о которых он узнал только накануне, он говорит: «Я знаю только одно,—я хотел бы, чтобы обо мне позабыли все на свете, чтобы знали обо мне лишь вы да ваша приятельница. Она в 9 час. вечера решила отправить меня; я же говорю вам сейчас, в 4 часа утра, по соглашению с ней: делайте все, что сочтете уместным»... Это означало: парижский друг должен был по своему усмотрению определить решение Вольтера эмигрировать: он вернется с пути в том лишь случае, если Даржантель сообщит ему, что всякая опасность миновала.

В оригинале непосредственно после слов: «лишь вы да ваша приятельница» (т. е. г-жа Дю Шатле), имеются следующие строки, вносящие в тон письма несколько прозаический диссонанс: «она сегодня просит передать вам, чтобы вы не удовлетворяли желаний лица, которое требует денег и которому она прежде просила вас эти деньги передать. Таким образом, отменяя свои первоначальные предположения, она...» и т. д.³⁰ Речь, очевидно, идет здесь о взятке или «отступном», т. е. о способе, с помощью которого надеялись потушить слухи, опасные для репутации Вольтера, но от чего в последний момент решили отказаться.

На вопрос, имели ли искажения подлинного текста какую-нибудь определенную цель, были ли они тенденциозны в том или ином смысле, приходится ответить отрицательно.

Значительное количество сокращений можно объяснить чисто механическим слиянием отдельных «пунктов», на которые разделял свои письма Вольтер (например, излагая свои доводы в пользу того или иного намечаемого им хода хлопот по «тяжебному делу» или в защиту той или иной редакции своей пьесы). Той же цели служило устранение фраз, имеющих личный характер, а также помещаемых в начале и конце писем приветов

и поклонов, упоминаний о подарках и т. п. (такие сокращения вызваны операцией склейки нескольких писем в одно).

Но длинный ряд существенных изменений и перестановок текста совершенно не поддается объяснению, особенно сейчас, по прошествии полутора столетий со времени редакторской правки: на современный взгляд, опущенные места представляют ничуть не меньший интерес и ничуть не сильнее кого бы то ни было компрометируют, чем смежные с ними, сохраненные.

Нельзя сколько-нибудь определенно ответить и на вопрос о том, кем именно произведены искажения текста и сводятся ли они к тем первым и с п р а в л е н и я м, которые сделал еще Сюар, по уговору с г-жей Вимё, при получении от нее оригиналов.

Следует отметить, что из опубликованных в свое время оригиналов Воронцовского сборника не все были опубликованы именно в Кельском издании. Часть из них впервые увидела свет лишь в 1856 г. (в сборнике де Кейроля, с примечаниями Франсуа)³¹, т. е. значительно позже пересылки оригиналов в Россию. Нужно думать, что во Франции письма, подлинники которых вошли в Воронцовский сборник, имелись в виде копий и притом, вероятно, в «сюаровской» редакции, ибо произвольный отбор писем и настолько «свободное» обращение с их текстом, какое мы видели, можно допустить лишь у редакторов Кельского издания, но не у позднейших.

Обрисовав в общих чертах текстологию Воронцовского сборника, коснемся в двух словах и специального вопроса о датировке.

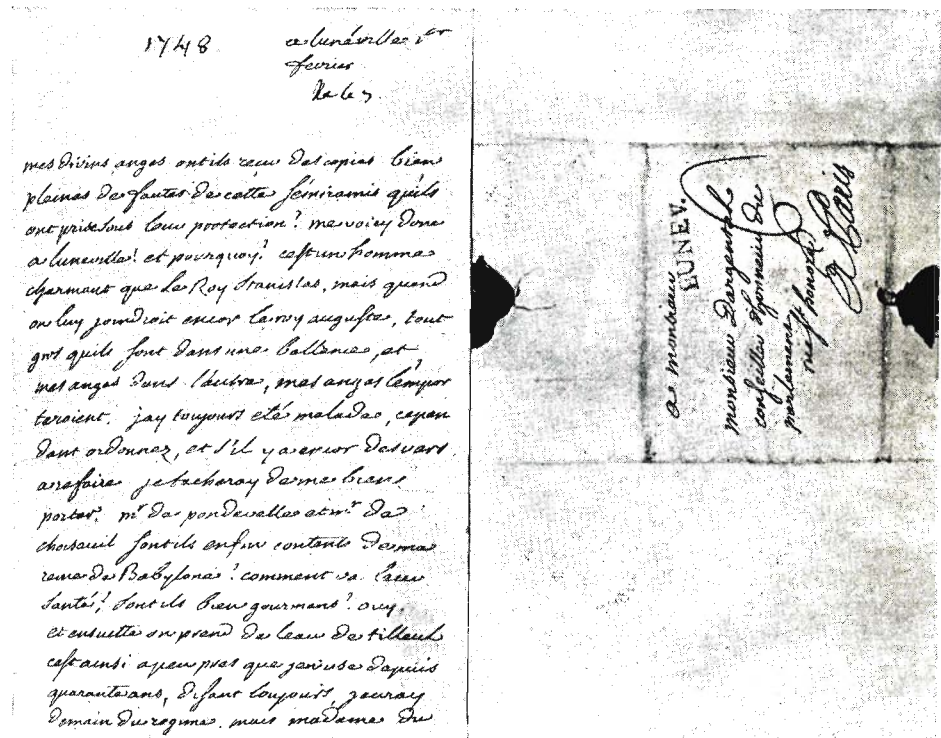
Серьезная работа над датировкой вольтеровских писем началась не так давно и не очень продвинута.

Сам Вольтер иногда вовсе не датировал своих писем, а часто проставлял лишь месяц и число, не обозначая года. С другой стороны, далеко не на всех письмах имеются вполне достоверные пометки их адресатов (или владельцев) о времени их получения или написания ответа на них: многие пометки проставлены, несомненно, впоследствии, иногда по памяти или в процессе какого-то подбора и пересмотра писем. Этими особенностями писем обусловлена трудность работы над их датировкой.

Не перегружая настоящей статьи деталями этого вопроса, мы отсылаем читателя к примечаниям, которыми снабжены публикуемые нами письма Вольтера, где конкретно указаны основания для датировки каждого из писем. Из затруднений, возникающих в работе над датами, укажем на случаи, когда трудно определить, сделана ли на письме пометка рукой Даржанталь или же рукой Пон де Вейля, почерки которых столь схожи, что их невозможно различить. Для сравнения их почерков мы располагаем лишь одним цельным автографом Даржанталь (уже упоминавшимся выше его письмом к начальнику полиции)³² и одной пометкой, бесспорно, сделанной его рукой на письме к нему Вольтера (в Воронцовском сборнике), где Вольтер неправильно его титуловал, а с другой стороны, адресом, несомненно, надписанным Пон де Вейлем на письме Вольтера к его брату. Заметим вообще, что даты числа и месяца, проставленные на письмах адресатами, в большинстве случаев уполномочивают лишь на предположительную датировку.

Но подлинники обладают еще той особенностью, что у них есть внешние признаки, являющиеся подчас вполне надежными вехами. Таковы, прежде всего, проставленные на значительном большинстве писем а д р е с а. На основании одного такого внешнего признака, т. е. указания на то, живет ли, например, Даржанталь на улице Grange Bâtelière или уже на

улице St. Honoré и величает ли его Вольтер просто советником или уже почетным советником парламента, мы в иных случаях можем окончательно решать вопросы датировки. Так, именно по такому признаку можно установить, что письмо Воронцовского сборника № 76 (№ 1423 по изд. Moland) должно быть перенесено минимум на два года позднее. Уже Шарро высказывал сомнение в том, что оно написано из Брюсселя, и задавался вопросом, не следует ли его отнести к 1744 г., вместо 1741 г., к которому оно отнесено Моляном, не согласившимся с датировкой его первых издателей—Франсуа и Кейроля, которые ставили дату начала

АВТОГРАФ ПИСЬМА ВОЛЬТЕРА К ДАРЖАНТАЛЮ ОТ 1 ФЕВРАЛЯ 1748 г.

Страницы первая, с пометами Даржанталя о получении письма, и последняя, с адресом, почтовым штемпелем и печатью.

Институт истории Академии наук СССР, Ленинград

1742 г.³³. Оригинал наш кладет конец спору: письмо адресовано на улицу St. Honoré, «г-ну Даржанталю, почетному советнику парламента» и, следовательно, никак не могло быть написано ранее 30 июля 1743 г., когда он получил это звание³⁴.

В отношении биографическом публикуемые ниже письма группируются, главным образом, вокруг двух эпизодов из жизни Вольтера, отраженных в них довольно обстоятельно: это, во-первых, борьба с аббатом Дефонтемом и, во-вторых, история постановки «Семирамиды».

Второй эпизод не требует специальных комментариев. Письма же, посвященные делу с Дефонтемом, ввиду сложности и запутанности перипетий этого эпизода, нуждаются в пояснении.

Старые счеты Вольтера с аббатом Дефонтемом из-за довольно бесцеремонных полемических выступлений последнего превратились в затяжную неприязнь и неоднократно вызывали Вольтера на апелляцию к широкой публике. Непосредственным поводом к той «тяжбе», которая нашла себе отражение в печатаемых здесь письмах начала 1739 г., послужил выход в свет 12 декабря 1738 г. сборника под названием «Вольтеромания». Это был резкого тона памфлет, изобиловавший прозрачными намеками личного свойства и оскорбительными для Вольтера анекдотами. Авторство аббата Дефонтема не подлежало ни малейшему сомнению. Впрочем, «Вольтеромания» была лишь «ответом на памфлет господина Вольтера», на выпущенную за несколько месяцев перед тем (под именем кавалера де Муи) брошюру Вольтера «Предохранительное средство» («Le Préservatif»). В последних числах декабря 1738 г. Вольтер с г-жей Дю Шатле энергично принимаются за мобилизацию всех своих близких и дальних друзей, опираются на все свои связи, привлекают множество свидетелей— для показаний даже о самых давних событиях, лишь бы опровергнуть, так или иначе, сделанные в дефонтемовском памфлете разоблачения и наветы. Они пытаются вовлечь в кампанию всех, кто хотя бы косвенно был, по их мнению, затронут памфлетом. «Честь семьи Вольтера», «репутация адвокатского сословия», от одного из членов которого, якобы, исходила брошюра, «честь и репутация» влиятельных лиц, «компрометируемых» ссылками на них Дефонтема,—все пущено в ход. Больше всего хлопот доставил Вольтеру и г-же Дю Шатле лучший друг и приятель Вольтера— бесхарактерный и безвольный Тьерю, чрезвычайно долго не решавшийся отмежеваться от Дефонтема с той определенностью, какая нужна была Вольтеру. От Тьерю требовалось категорическое опровержение одного из главных выпадов Дефонтема. Вольтер в предшествующей полемике ссылался на Тьерю, как на свидетеля, который может морально опорочить Дефонтема, обличив его в черной неблагодарности по отношению к нему, Вольтеру, по хлопотам которого Дефонтема некогда был освобожден из тюрьмы; Дефонтема же в своем памфлете назвал эту ссылку на Тьерю ложью... Тьерю, вел, однако, двойную игру: он послал экземпляр «Вольтеромании» прусскому наследному принцу (будущему Фридриху II, парижским литературным корреспондентом которого состоял), составил крайне неудачное (даже компрометировавшее супругов Дю Шатле), предназначенное для публикации письмо, а затем долго и упорно бездействовал, не скупясь, в то же время, в письмах на заверения в «безграничной дружбе и уважении» к Вольтеру и снабжая свои отзывы о Дефонтеме негодующими и презрительными эпитетами. В конце концов, когда нажаты были все пружины (вплоть до принца Фридриха Прусского!), Тьерю «одумался» и пошел навстречу требованиям Вольтера. К этому времени (конец января 1739 г.) друзьями и родственниками, по настоянию Вольтера, было уже начато в Париже судебное дело, а сам Вольтер успел несколько раз перередактировать обстоятельный «м е м у а р» («записку») в свою защиту, согласовав все подробности своего выступления с мнением Даржанталей³⁵. При посредстве аббата Муссино, казначея и делового агента Вольтера, «мемуар» был разослан всем влиятельным лицам, от которых мог зависеть исход процесса. Вольтер добивался приказа об уничтожении «Вольтеромании» и привлечения к ответственности ее автора. Однако, по мере хода дела, друзья Вольтера и, в первую очередь, Даржанталь сумели его убедить, что благоразумнее было бы изъять дело

ЗАВТРАК ВОЛЬТЕРА

Картина маслом Жана Гюбера, 1770—1775-е гг.

Эрмитаж, Ленинград

из рук юстиции, избежать процесса, сопряженного с широкой оглаской деталей инцидента, и передать его на рассмотрение начальника полиции, который мог бы в административном порядке принудить Дефонтена дать желанное удовлетворение Вольтеру. И в этой новой стадии дела (февраль—март) энергия Вольтера не ослабевает. Он делает попытки воздействовать на решение начальника полиции Эро, обзаводится свидетелями и свидетельствами, говорящими в его пользу. Переписка этого периода полна десятками разных директив аббату Муссино, не щадившему на это дело ни времени, ни средств, и изобилует образчиками неприкрытой лести по адресу Эро и настойчивыми напоминаниями о нанесенной Вольтеру «обиде». (Эти письма к начальнику полиции хранятся в «Бастильском деле» в Публичной библиотеке Ленинграда и были опубликованы Леузон Ле Дюком)³⁶. Все эти старания привели, однако, к результату, далеко не вполне удовлетворившему Вольтера. Ему было предложено подписать совместно с аббатом Дефонтеном документ, в котором оба отрекались бы: один от «Вольтеромании», другой—от «Предохранительного средства». И только путем дальнейших усилий Вольтер 4 апреля добился, наконец, совершенно посрамляющего Дефонтена отречения его от «Вольтеромании». Вольтеру, со своей стороны, пришлось написать лишь небольшую записочку с дезавуированием книжки «Кавалера де Муи», и эта записка даже не предназначалась к опубликованию. Это, конечно, было серьезной победой Вольтера над его закоренелым врагом.

Публикуемые нами письма отражают основные перипетии этой борьбы и вносят ясность в этот запутанный эпизод вольтеровской биографии. Отметим, что именно в этой части вольтеровской переписки первые издатели ее произвели особенно много опустошительных сокращений и перегруппировок, причем даты на письмах были проставлены совершенно произвольно. Последовательность хода событий точно устанавливается нашими подлинниками.

Вполне изолированно в Воронцовском сборнике стоит письмо № 85 (по нашей нумерации XLII, от 7 марта 1747 г.), относящееся к аналогичному делу—к тяжбе Вольтера с музыкантом Травенолем; оно является единственным из дошедших до нас писем на эту тему к Даржанталю и до сих пор опубликовано не было. Перипетии «борьбы» Вольтера с Травенолями—отцом и сыном изложены в примечаниях к этому письму.

В предлагаемой статье, главная задача которой состояла в описании хранящейся в Ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР коллекции подлинных писем Вольтера, дана, конечно, далеко не исчерпывающая оценка заключающегося в этой коллекции богатого материала. Но опубликование новых текстов, а также данных, служащих как для критического изучения текста вольтеровских писем, так и для более точного хронологического приурочения той или иной их части, несомненно, облегчит дальнейшую работу по изучению эпистолярного наследия Вольтера.

Вместе с тем, несмотря на применение несколько упрощенной археографической техники³⁷, настоящая публикация—ответ советской науки на старый призыв Шарро к международному сотрудничеству для восполнения лакун вольтеровской переписки—послужит, надеемся, и для будущего, столь нужного, полного издания «Корреспонденции» Вольтера.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Архив кн. Воронцова», г. V, стр. 445 сл. Из опубликованных здесь писем два вошли в изд. Moland (№№ 6996 и 7487) и, кроме того, в 1889 г. одиннадцать— в III том Bengesco (G.), Voltaire, Bibliographie de ses œuvres, P., 1882—1890. О самом Воронцовском архиве см. «Литературное Наследство» № 9/10, «XVIII век», М., 1933, стр. 397—420.

² «Quelques lettres de Voltaire, toutes écrites de sa main, qu'un amateur avait recueillis et dont quelques-unes n'ont pas été imprimées... Je les joins à cette expédition». — «Архив кн. Воронцова», т. XIV, стр. 305.

³ «Архив кн. Воронцова», т. V, стр. 62, 85 сл.

⁴ См. прим. 1.

⁵ Пон де Вейлем написаны комедии: «Le Complaisant» (1732); «Le fat puni» (1738) и «Le Somnambule» (1739); см. «Nouvelle Biographie Générale», 40 [1866], стр. 776 сл.; Sainte-Beuve, Derniers Portraits littéraires, P., 1854 (Lettres de Mlle d'Aïssé). О Даржантале, как о посреднике в связях Вольтера с театром, см. Longchamps et Wagnière, Mémoires anecdotiques, II, стр. 269 и 283.

⁶ «Journal de Paris» от 16 января 1788 г. (воспр. у Moland, L, 389—391); Longchamps et Wagnière, Mémoires, I, стр. 408 сл. (Wagnière, Examen des Mémoires de Bachaumont), а также II, стр. 197.

⁷ Ibid., I, стр. 122 («Relation du voyage de M. de Voltaire à Paris en 1778 et de sa mort»); Desnoiresterres, V, стр. 54. Ср. также, особенно, неиспользуемую биографами заметку (Кондорсе или Декруа?) о Даржантале в вышедшем в 1789 г. заключительном томе Кельского издания (т. LXX, стр. 515—519).

⁸ «Mémoire instructif des discours que m'a tenu le sieur Arouet etc.». — Moland, I, 297; о г-же де Ферриоль см. в названной в прим. 5 статье Сент-Бёва; о г-же дю Тенсен—см. Moland № 164 (XXXIII, 158). Помимо прочих связей с семьей Даржантала, надо особо упомянуть и внимание Вольтера к его приемной сестре—черкешенке М-ле Айсе.

⁹ В издании Moland, в качестве более раннего, указано только письмо № 142, от 1725 г. Письмо от мая 1734 г. см. Moland № 404 (XXXIII, 419—422); подлинник этого письма входит в состав Воронцовского сборника, где числится под № 8 (см. ниже, таблицу Б).

¹⁰ Moland № 456 (XXXIII, 472).

¹¹ Desnoiresterres, VIII, 273—277.

¹² Речь идет о конце 3-й сцены I действия «Олимпии». Пометка Вольтера относится к стихам: «Nous verrons... mais on ouvre et ce temple sacré...». См. рукопись «Notes et remarques de Wagnière, avec les corrections et additions, faites par Mr. de Voltaire etc.» (Библиотека Вольтера, 4-247, л. 4 об.; примечание к стр. 15, строкам 14 сл. пятого тома Кельского издания). Об этой рукописи см. ниже, в главе IV, стр. 173 и 179, а также в моей работе, названной ниже, в прим. 1 на стр. 194.

¹³ Correspondance littéraire, philosophique et critique par Grimm, Diderot, Raynal, Meister etc. (Maurice Tourneux), т. IV, P., 1878, стр. 174.

¹⁴ Moland, XL, 479 сл. («Relation d'une grande bataille»).

¹⁵ Письмо к начальнику полиции см. на стр. 250 «Бастильского дела» Вольтера, в Рукописном отделении Публичной библиотеки в Ленинграде, и Caussy (F.), Inventaire des manuscrits de la Bibliothèque de Voltaire conservée à la Bibliothèque Impériale Publique de Saint-Petersbourg (Extrait des Nouvelles Archives des Missions Scientifiques, Nouv. Série, fasc. 7), P., 1913, стр. 94. Письмо 1751 г.—Moland № 2259 (XXXVII, 299). Письмо 1750 г. (в Потсдам)—Moland № 2150 (XXXVII, 202—204). Ср. Longchamps et Wagnière, Mémoires, II, 514—516. Письмо Даржантала к начальнику полиции впервые было опубликовано Леузон Ле Дюком (см. ниже).

¹⁶ В дальнейшем не упоминается о последнем документе сборника—о послании к маркизе Сен-Жюльен, потому что он является точной копией традиционной версии «Épître à Madame de Saint-Julien» 1766 г. в X томе издания Moland (без последних трех стихов).

На рукописи имеется пометка Ваньера, удостоверяющая принадлежность стихов Вольтеру и относящая их к числу «напечатанных в XIII томе» и в «XIII томе Кельского издания».

¹⁷ О врагах Вольтера см. в настоящей публикации письма: III—X, XXIII, XXXIII—XXXIV, XXXVI и XXXVII.

¹⁸ Ср. Bengesco, III, 2.

¹⁹ См. Кельское издание сочинений Вольтера, т. XVIII—«Correspondance générale», стр. 3—4.

²⁰ Ср. *Bengesco*, III, стр. III: недатированные письма были кельскими издателями расположены «à l'aveuglette, et bien de fois ils (т. е. издатели) se sont trompés de place». См. также стр. IV.

²¹ *Charrot* (Ch.), Quelques notes sur la «Correspondance» de Voltaire.—RHL, 1912 (XIX), 171.

²² *Jordan* (Leo), *Voltaireiana*.—«Archiv für das Studium der neuen Sprachen und Literaturen», 1914, № 3/4, стр. 408—411.

²³ *Delaguelle* (L.), Pour contribuer à l'annotation de la «Correspondance» de Voltaire.—RHL, 1914 (XX), 183—187.

²⁴ *Charrot*, loco cit.

²⁵ *Desnoiresterres*, VIII (2 éd.), 103, note 3. Ср. *Moland*, XLIV, 162—164, где четырежды отмечается неблагоприятное с отдельными абзацами и датировкой частей письма к Даржанталю № 6211 от конца 1765—начала 1766 гг.

²⁶ Существование писем, начиная с 1716 или 1717 г., входивших в первоначальный состав писем, переданных Даржанталем для издания, указано и в разъяснениях издателей Кельского издания, т. LXX, стр. 515.

²⁷ *Desnoiresterres*, VIII, 451 сл., со ссылками на: а) *Laharpe*, *Correspondance littéraire* (1804), t. II, 296 сл.; б) «*Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la république des lettres*» (Londres, John Adamson), t. X, стр. 132—133, 12 octobre 1778; в) журнал «*Le Collectionneur*» (Juillet 1868), № 2, стр. 2—3, и д) «*Catalogue des lettres autographes de M. Du Vivier (Etienne Charavay) du vendredi 14 décembre 1873*», № 4, стр. 158, 191.

²⁸ Известно, что А. П. Воронцов, пользуясь своим служебным положением, усиленно разыскивал и скупал за границей различные документы и целые архивы, ассигнуя на такие покупки крупные суммы, зорко следя за всякой возможностью приобретения. Сохранилось письмо Воронцова, без даты и без указания адресата, но направленное во Францию, со следующей любопытной аргументацией: «По нынешнему образу правления во Франции уповать можно, что многие дела и бумаги, кои до сих пор сокрыты были, с некоторым старанием могут сделаться известными, а потому самому их и достать можно, или, по крайней мере, копии с оных, как из архивов тамошних, так и от частных людей, коим иногда таковые бумаги или дела по наследству доходили». См. «Архив кн. Воронцова», т. XIII, стр. 481 сл.

²⁹ *Charrot*, RHL, 1912, 653.

³⁰ «Tout ce que je sais, c'est que je voudrais être ignoré de toute la terre, et n'être connu que de vous et de votre amie. Elle vous mande aujourd'hui de ne point satisfaire la personne qui exige cet argent et à qui elle vous avait prié de le faire tenir. En contremandant ainsi ses premières volontés elle était déterminée, à neuf heures du soir, à me laisser partir; mais, moi, je vous dis, à quatre heures du matin, à présent de concert avec elle. Faites tout ce que vous croyez convenable». Ср. *Moland*, XXXIV, № 701, и, в последнем выпуске настоящего издания, разночтения к письму № 9 (Воронцовский сборник).

³¹ «*Lettres inédites de Voltaire*», recueillies par M. de Cayrot et annotées par M. Alphonse François, P., 1857, 2-е éd.

³² См. выше, прим. 15.

³³ *Moland*, XXXVI, 36, note 2.

³⁴ Хронологическое распределение писем Воронцовского сборника см. в суммарном обзоре в приложенной ниже, в конце данной главы, таблице А.

³⁵ Вероятнее всего, что к описываемому здесь эпизоду относится (и, следовательно, началом 1739 г. датируется) автограф письма Вольтера к графу или графине Даржанталю, проданный в апреле—мае 1923 г. на аукционе Согниау: перечислив все этапы полицейских и судебных преследований, которым в разное время подвергался Дефонтен, Вольтер заканчивает письмом так: «Вот ступени, по которым г. аббат Дефонтен шествует к Капитолию. Если вы сумеете сделать так, что его с Капитолия вернут в Бисетр, это будет с вашей стороны актом правосудия». Ср. RHL, 1933, № 3, 469 (Chronique).

³⁶ *Léouzon Le Duc*, *Etudes sur la Russie et le Nord de l'Europe*, P. [1853]; его же, *Voltaire et la police*, dossier recueilli à Saint-Petersbourg parmi les manuscrits français... avec une introduction sur le nombre et l'importance des dits manuscrits et un essai sur la Bibliothèque de Voltaire, P., 1867.

³⁷ Характер публикации предопределял, в частности, отказ от приведения данных о формате каждого отдельного письма, о сорте бумаги, а также о чрезвычайно интересных перстневых сургучных печатях, следы которых сохранились на ряде писем.

ПИСЬМА ВОЛЬТЕРА К ДАРЖАНТАЛЮ

Из отмеченных во вступительной статье В. С. Люблинского особенностей традиционного печатного текста вольтеровских писем вытекает, в отношении научного использования Воронцовского сборника, необходимость:

1) наряду с опубликованием всех новонайденных, ранее не издававшихся писем, напечатать полностью в исправленной редакции и те письма, которые до сих пор известны были лишь в незначительных отрывках или в редакции настолько искаженной, что смысл и значение писем существенно или полностью изменялись;

2) ко всем прочим, более исправно напечатанным письмам указать необходимые исправления, диктуемые подлинниками.

В первом томе настоящего издания воспроизводятся 67 писем Воронцовского сборника, в том числе все 19 ранее не бывших в печати и 48 из числа тех, которые при их первоначальной публикации подверглись наибольшему искажению. Список более мелких исправлений текста ко всем остальным письмам Воронцовского сборника печатается лишь на французском языке, в отдельном (четвертом) томе издания.

Публикуемые письма расположены в хронологическом порядке. Каждое из них снабжено порядковым номером (римская цифра), слева сверху указан (буква В и арабская цифра курсивом) номер данного письма по порядку Воронцовского сборника с соблюдением его нумерации, предполагающей под № 23 два письма.

При датировке писем, не имеющих дат в подлиннике, или при уточнении и пополнении исследовательским путем дат, стоящих на документе, данные, внесенные авторами публикации, заключены в прямые скобки.

Так как подавляющее большинство публикуемых писем адресовано Даржанталю, указание на адресата дается лишь там, где письмо обращено к кому-либо другому.

В конце публикации приложены таблицы, сопоставляющие нумерацию писем издания *M o l a n d* с нумерацией соответствующих им подлинников Воронцовского сборника и позволяющие точнее сопоставить объем всего сборника с прежде опубликованным фондом.

После самостоятельного параллельного изучения всего сборника в целом, работа по публикации его текстов распределялась между В. С. Люблинским и Н. С. Платоновой следующим образом:

Общая подготовка писем к печати—совместная, подготовка реального комментария—Н. С. Платоновой, сверка датировок писем и составление таблиц—В. С. Люблинского.

Редакция

I

В. 15

22 [января 1736 г.], Сире¹

Я только-что получил, дорогой мой благодетель, письмо ваше от 18-го. Не знаю, как и благодарить вас. Для «Американцев» наших² вы все делаете, даже стихи сочиняете, а я еще дерзаю исправлять их и слать вам взамен такие, которые, весьма возможно, хуже ваших:

Sans être instruite encore de cette loi nouvelle³.

Я представляю себе, что это новое вероучение, хотя бы до некоторой степени, должно быть ей известно. Но замечание это в еще гораздо большей мере приложимо к моему собственному стиху:

J'ignore encore les lois de ma secte nouvelle⁴.

Ш.-О. ДАРЖАНТАЛЬ

Гравюра Ж.-Б. Фоссейё с рисунка Ж.-Ф. Дефрена, 1778 г.

Фронтиспис LII тома „Œuvres de Voltaire“, éd. de la Société typographique, 1785 — 1789

Г-н Эро⁵ совершенно напрасно налагает запрет на выражение с е к т а: пусть он подберет нам двухсложное слово, обозначающее в е р о и с п о в е д а н и е. А вот публика могла бы совершенно справедливо возражать против этого стиха, ибо он явно противоречит тому, что Альзира говорит в пятом действии:

Mais des lois des chrétiens mon esprit enchanté
Vit, chez eux, ou du moins, crut voir la vérité⁶.

Поэтому я предлагаю, при вашем на то согласии, сказать так:

Je connais mal encore une loi si nouvelle
Mais j'en crois ma vertu qui parle aussi haut qu'elle⁷.

Ваш стих:

De l'univers entier n'es-tu donc pas le père⁸

я предпочитаю своему:

Es-tu l'effrois d'un monde et de l'autre le père?⁹.

Мне, однако, кажется, что непосредственно перед этим употреблено слово в с е л е н н а я (univers).

Quel est donc le tourment qu'en ce jour on m'apprête?¹⁰.

Этот стих разрешите мне безусловно отвергнуть. Е н с е j o u r [сегодня] здесь совершенно недопустимо. Альзире не следует переживать тревогу при мысли о грозящей ей пытке или о том, какого рода пытку ей готовят,—ею владеет только мысль об опасности, грозящей ее возлюбленному. И когда она будет произносить:

Zamore! O ciel, conserve une si chère tête!
Qu'est devenu Zamore?¹¹.

и сумеет выразительно произнести эти прерывающиеся, преисполненные волнением и страстью стихи,—зрители будут растроганы.

Я вам, впрочем, с двумя последними почтами послал гораздо больше поправок, чем вы просили. Вы и представить себе не можете, как растет во мне трусость по мере приближения опасности! Хотя это и за пятьдесят лѐ от меня, но ведь звук свиста проходит больше десяти лѐ в минуту. Мне начинает казаться, что произведение мое совершенно недостойно внимания публики, и я умру от страха, если вы не сумеете придать мне бодрости. Однако, в случае провала моей пьесы, я употреблю все усилия, чтобы не умереть от огорчения. Ведь врагам моим такая неудача доставит изрядное удовольствие, а Дефонтемам¹² даст материал для нападок, сделает меня жертвой обидных насмешек...

Так несправедливы люди: попытку доставить им удовольствие они карают, как преступление. Как тут быть?—Перестать служить столь неблагодарному барину и сообразоваться лишь со вкусами подобных вам людей.

Больше всего, после самого себя, я боюсь г-жи Госсен¹³: сам я не справился, быть может, со своим сюжетом, а ей не справиться со своей ролью. Нельзя, мне кажется, предполагать в ней той величавости и той силы, без которых невозможно сделать этот характер внушительным и привлекательным.

Что касается актеров,—они не понимают ни приличий, ни своей действительной выгоды. Взявая двойную плату, они публику возмутят еще сильнее, чем возмутили меня, не отвечая мне. Я того мнения, что можно

принять во внимание производимые ими затраты и разрешить им надбавку в размере одной трети; но, в случае необходимости, надо прибегнуть к властям, ни в каком случае не допуская удвоенных цен¹⁴.

Ко всем вашим добрым делам я умоляю вас присоединить еще одно—не допустить, чтобы они помещали на афише мое имя. Такое подчеркивание только раздражает публику, да еще оповещает свистунов, чтобы готовились ко дню боя. Повторяю свою просьбу относительно письма г. Альгаротти¹⁵, а также небольшого предисловия или, вернее, простых вступительных слов де Ламара¹⁶. Эмилия¹⁷ шлет вам тысячу любезных слов, а у меня нехватает уже слов, как и места на бумаге.

В.

¹ Печатается впервые, за исключением двух отрывков, напечатанных по изд. Moland в письме № 456: 1) «Vous ne sauriez croire combien l'approche du danger... qu'à des hommes comme vous». 2) «J'ose vous supplier... pour le jour du combat». В подлиннике дата дана без указания года и месяца. Говоря о «п р и б л и ж е н и и о п а с н о с т и», Вольтер разумеет приближающийся день первого представления его трагедии «Альзира» («Alzire»), которую впервые сыграли в 1736 г. на сцене Comédie Française 27 января, а в придворном театре—21 февраля. Письмо, следовательно, датируется 22 января 1736 г. С и р е—имение маркизы Дю Шатле (см. ниже, прим. 17).

² Трагедия «Альзира» озаглавлена: «Alzire, ou les Américains» («Альзира, или Американцы»).

³ «Еще не посвященная в это новое вероучение»—неизвестный до сих пор вариант стиха из д. III, явл. 5 «Альзиры». Ср. Moland, III, 415, стих 3.

⁴ «Закон новой секты моей мне еще неизвестен»—другой вариант того же стиха.

⁵ Hérault Rene (1691—1740)—главный начальник полиции с 1725 г.

⁶ «Но дух мой, пленившись законом христиан, признал или только склонялся к признанию, что истина—у них».—«Альзира», д. V, явл. 5. Ср. Moland, III, 433.

⁷ «Мало я еще знаю этот столь новый закон, но доверяю голосу добродетели, не менее властно, чем он, во мне говорящей».—«Альзира», д. III, явл. 5. Ср. Moland, III, 415, стихи 3—4.

⁸ «Ты, значит, не всему миру отец?»—неизвестный до сих пор вариант стиха из д. IV, явл. 5 «Альзиры». Ср. Moland, III, 425, стих 14.

⁹ «Разве для одного мира ты—ужас, а другому миру—отец?»—неизвестный до сих пор вариант стиха из д. IV, явл. 5 «Альзиры». Ср. Moland, III, 425, стих 16.

¹⁰ «Какую же пытку мне готовят сегодня?»—в печатном тексте «Альзиры» (изд. Moland) этого стиха нет.

¹¹ «Замор! Небеса, сохраните столь драгоценную жизнь! Что с Замором?»—первого из этих двух стихов в печатном тексте «Альзиры» (изд. Moland) нет.

¹² Desfontaines Пьер-Франсуа (1685—1745)—аббат, воспитанник иезуитов, литератор. Отбывал по обвинению в «преступлении против нравов» тюремное заключение; в 1724 г. был освобожден по хлопотам Вольтера. Впоследствии стал литературным его врагом. В 1735 г. в статье «Observations sur les écrits modernes» сделал выпады против Вольтера. Ответом на них был вольтеровский памфлет «Le Pré-servatif», за которым со стороны Дефонтена последовали памфлеты: «La Voltairomanie» (1738) и «Le Médiateur» (1739). Сотрудничал в «Journal des savants», в «Nouvelliste de Parnasse» и др. изд. Его перу принадлежат: «Dictionnaire néologique» (1726), перевод «Гулливера» Свифта, вольтеровского английского «Опыта об эпической поэзии» и множество анонимных статей, указанных в «Dictionnaire des Anonymes» Барбье. О Дефонтене см. также во вступительной статье стр. 63 сл. и в большей части публикуемых писем за 1738—1740 гг.

¹³ Gaussin, или Gaussem Жанна-Катрин (1711—1767)—известная актриса Comédie Française. В трагедии «Альзира» исполняла заглавную роль. Вольтер неоднократно посвящал ей стихи, а об ее игре в «Альзире» говорит в своем «Troisième discours sur l'Homme» («De l'Envie»):

Quand Dufresne ou Gaussin, d'une voix attendrie,
Font parler Orosmane, Alzire, Zénobie,
Le spectateur content qu'un beau trait vient saisir
Laisse couler des pleurs, enfants de son plaisir.

(«Когда Дюфрен или Госсен голосом, исполненным чувства, говорят за Оросмана, Альзиру, Зенобию, зритель, сладостно потрясенный красотой, проливает слезу—эту дочь наслаждения»).—M o l a n d, IX, 395. После триумфа Gaussin в роли Альзиры Вольтер посвятил ей следующий мадригал:

Ce n'est pas moi qu'on applaudit;
C'est vous qu'on aime et qu'on admire.
Et vous damnez, charmante Alzire,
Tous ceux que Gusman convertit.

(«Аплодируют не мне: это вам дань любви и восхищения, и вы губите, прелестная Альзира, всех тех, кого Гусман обращает в истинную веру»).

¹⁴ Правом повышать цены на места в зрительном зале Comédie Française артисты пользовались в дни первых представлений новых пьес, как источником для покрытия убытка от налога (шестая часть сбора со спектаклей шла на содержание госпиталей).

¹⁵ A l g a r o t t i Франсуа (1712—1764)—камергер и личный друг прусского наследного принца, с 1740 г. короля Фридриха II; возведен им в графское достоинство; автор известных в свое время диалогов об оптической теории Ньютона под заглавием «Newtonianismo per le dame». В 1733 г. во время своего путешествия по Франции вступил в дружеские сношения с Вольтером, а также с рядом других выдающихся писателей и ученых. В публикуемом письме Вольтер имеет в виду письмо Альгаротти к аббату Франкини (Franchini) от 12 октября 1735 г., восхвалявшее трагедию Вольтера «La Mort de César» и помещенное в виде предисловия к ней в издании 1736 г. («Lettre de M. Algarotti à M. l'abbé Franchini, envoyée de Florence à Paris, sur la tragédie de Jules César par M. de Voltaire»).—M o l a n d, III, 312—315.

¹⁶ L a M a r r e или L a m a r r e, аббат де (1708—1746?)—литератор, автор либретто к нескольким операм. В 1735 г. Вольтер поручил напечатать ему свою трагедию «La Mort de César», предоставляя в его пользу доход от нее. В публикуемом здесь письме Вольтер говорит о предисловии, написанном Ламаром для этого издания, «Avertissement de l'édition de 1736» (M o l a n d, III, 307). Ламар дал свое имя для комедии «L'Envieux», в которой Вольтер изобразил своего литературного врага, аббата Дефонтена. По свидетельству Вольтера, Ламар был автором «Le Préservatif».

¹⁷ D u C h â t e l e t Габриэль-Эмили, маркиза (1706—1749)—одна из выдающихся женщин своего времени. С образом жизни светской дамы умела сочетать занятия философией, математикой, физикой. Напечатала несколько трудов по этим отраслям знаний. Состояла в переписке с Мопертюи, Вольфом и другими выдающимися учеными своего времени. Сблизилась с Вольтером и, когда ему угрожали преследования за его «Lettres philosophiques», вместе с ним покинула Париж и поселилась в своем замке Сире, в Шампани, на границе Лотарингии. Жизнь Вольтера связана с Сире, начиная с 1734 г. и до смерти г-жи Дю Шатле, в 1749 г.

II

В. 14

26 февраля [1736 г.], Сире¹

Так уж, видно, суждено мне, что приходится вечно благодарить вас, извиняться перед вами и тут же доставлять вам новые неприятности. Доброту вашу и снисходительность я знаю, как знаю и то, что хорошо иметь с вами дело. Но надо же было обстоятельствам сложиться так, как сейчас, чтобы книгопродавцы осаждали вас своими ежедневными нападениями и доносами, а я, из-за этих несчастных¹ «Американцев»², еще усугублял выпадающие на вашу долю неприятности... Но, в конце концов, тому, кто соблазнил девицу, приходится и ребенка прокармливать и в хозяйственные мелочи входить. Соблазнителем Альзиры являетесь вы, вам приходится поэтому простить мне причиняемую вам мною доuku.

До меня дошел, наконец, список пьесы в том виде, как она была сыграна. Признаюсь вам, что позаботься Демулен³ доставить мне его раньше, я бы выправил там многое, и довольно существенное, по части декламации. Из-за спешки, с которой приходилось отдавать рукопись, и в силу необходимости наскоро изменить некоторые места, в это произведение закра-

je vous prie de vouloir protéger votre lettre du 18. vous
 m'avez fait de vos bontés, vous faites tout pour nos remerci-
 ments, et même des vœux, et moi j'en ay que l'impression
 de les corriger, et de vous en envoyer par votre bon plaisir
 de vous en dire

Je me suis instruite en ce qui est de cette lettre nouvelle
 et me semble que elle en doit être instruite de vous en dire
 un certain point, et cette lettre que vous en avez
 d'avantage sur ce point que vous en avez
 d'ignorer encore les lettres de vous faites nouvelles

Je ferai un grand bon de vous en dire le terme de defecte.
 qui nous fournit donc un mot de deux syllabes que
 signifie religion. mais le public avant raison de
 présence, ce vers qui est une contradiction manifeste
 a été écrit par le dit dans le cinquième acte

mais des lois. Des actions, non esprit ennobles.
 voir chez eux, s'indigne moins, en voir la vérité

Je me puis donc soumettre bon plaisir,
 je connais mal en ce qui est de nouvelles
 mais j'en croi ma vertu qui parle aussi haut
 quelle

Je donne la préférence à votre vers.

De lui vers en ce qui est de vous pas le père,
 sur l'honneur
 et le talent de vous en dire le père.

mais il me semble que le mot d'univers est
 un malade en ce qui est de vous.

quel est donc le tourment que ce vers en a mérité

permettre moi de dire les abstraites en vers. en ce point
 n'est pas soutenable à propos de dire, pas les quatre, ny
 de ce qu'on lui propose un duplicé, ny de donner des lettres.
 elle n'est ni de ce qu'on propose que de dire de son amour
 et quand elle en dit !
 z'ombr. o ciel, conservez me si chère tête
 qu'est de vous en dire

quand Di-je, elle recitera, c'est par ordre
de l'ordre de la religion. elle attendra
l'écriture.

Je n'ay d'ailleurs envoyé pas les deux volumes ordinaires
de plus de corrections que nous n'en demandons
vous ne pouvez croire combien ^{l'importance} les ouvrages de Dongo d'aujourd'hui
mal polémique, il est vrai que j'en suis le principal auteur,
mais le bruit d'un tel fait plus de deux heures par minute
se commence à briser non seulement tout fait indigne
de public, et si vous ne me refusez pas, je m'en iray de
France, mais si la presse tombe, c'est par ce que je n'ay
pour ne pas mourir de chagrin, le plus vrai que l'écriture
sera bon d'un bairi à mes ennemis, que les Défenseurs
comprendront l'objet de ma conduite, que je croy immortel
à la raillerie, et au mépris, car telle est l'insigne des
hommes, ils punissent comme un crime. L'avis de leur
plaire, quand cette envie n'a pas réussi, que faire à
cela, ne plus servir un maître d'ignorant, et ne longer
à plaindre qu'à des hommes comme vous. J'avois

ce que je veux le plus à regret, ce sont
v. j'ay mangé, peut-être mon super, et elle mangera
son rôle. Je n'ay qu'il est impossible qu'elle ait été de qui
et cette force que seuls pourraient rendre son caractère
important et intéressant.

à l'égard des conditions, ils ne sont opposés ni les
vieux ni les nouveaux, ils ne sont opposés ni les
républicains en prenant le double, bien plus que les ne
m'ont écrits en ne me faisant pas répondre.
Je croi qu'on peut leur permettre un tiers en sus
à cause de la dépense qu'ils font, mais qu'il faut
Il est nécessaire, de servir de l'autorité pour
leur imposer le double.

Je vous supplie d'ajouter encore à toutes vos brochures
celles de l'ordre de la religion, mon nom sur la tête
cette affectation ne sert que à imiter les public, et à
accroître les affaires de ces préparés pour le jour de la comédie
je vous supplie de vous adresser au sujet de la lettre de l'avis
et de la lettre de l'avis, ou plusieurs autres ouvrages de la main
de l'avis, vous ferez mille compléments, et moi je m'en iray de France
à la fin de l'année.

лось несколько стихов, на переработку которых потребовалось бы известное время.

Я послал Демулену огромный лист бумаги, сплошь исписанный необходимыми, на мой взгляд, поправками, проставив при этом на полях обозначение каждой из них.

Настоятельно прошу вас прочесть это. Стихи, которые я считаю необходимым произносить, я посылаю всем актерам, за исключением Дюфрена⁴, с его чересчур хорошей памятью. Г-н Тьеро или г-н де Ламар⁵ займутся, с вашего разрешения, этим делом. Имея это в виду, я и заказал два списка с рукописи. Мы с г-жей Дю Шатле внимательно все просмотрели и сразу же оба увидели, что многое должно быть восстановлено почти в первоначальном виде. Когда мы, например, прочли в четвертом действии:

Alzire

Compte après cet effort sur un juste retour.

Gusman

En est-il donc, hélas! qui tienne lieu d'amour?⁶.

мы совершенно перестали удивляться, что четвертое действие прошло с таким малым успехом, особенно при дворе. Поймите, что для Альзиры гораздо выгоднее вовсе не появляться в четвертом действии, чем произносить такие полувнятные речи, такие жесткие и ничем не оправданные стихи. И уже совершенно недопустимы слова, которые заставляют произносить Гусмана в ответ Альзире. В уста этого неумолимого и гордого человека вкладывают тот самый стих, который произносится Астратом⁷. Это же—нечто совершенно противоречащее его характеру. Не следует так бояться публики, особенно, когда уже пережита гроза первого представления. Надо приучать ее к правдивым, смелым, сильным вещам, а не смягчать краски действительности в угоду непонимающим людям. Бог мой, что сказал бы Депрео⁸, если бы слышал этот слащавый ответ Гусмана... Истинного вкуса ради, оставьте это место в первоначальном виде. Какая разница! Вы не чувствуете?

Compte à jamais au moins sur ma reconnaissance,
Sur ma foi, sur les vœux, qui sont en ma puissance,
Sur tous les sentiments du plus juste retour
(S'il en est après tout qui tienne lieu d'amour).
Par tant de grandeur d'âme éprouve mon courage.
Une femme d'Europe eut promis davantage:
Elle eut pu prodiguer le charme de ses pleurs.
Je n'ai point leurs attraits et je n'ai point leurs mœurs, etc.⁹.

Вот это—в ее характере, вяжется с тем, что предшествует, служит ему продолжением и, в свою очередь, влечет за собой следующий стих:

Peut-être en te priant redouble ton outrage¹⁰

которым и оправданы ответные слова Гусмана¹¹.

Я настаиваю также на своем мнении о пятом акте. Он до того укорочен, до того быстротечен, что не произвел на нас никакого впечатления. Бояться длинот на сцене... Их и нужно бояться, но лишь в том случае, когда они холодны и являются лишними в пьесе. Посмотрите, как много стихов произносит умирающий Митридат¹². А так ли они необходимы, как те, что произносятся Гусманом?

Как нарушены все правила тем, что Монтез¹³ не появляется вместе с Гусманом, не обнимает его колен! Я говорил об этом актерам, но тщетно. А все теперь думают, что это моя ошибка: я ежедневно получаю за это упреки. В итоге—умоляю вас побудить г. Тьеро или г. де Ламара настаивать на всех указанных изменениях.

Знаю я, что предъявляется много других возражений. Но удовлетворить критиков можно бы, лишь переделав все произведение, а в результате количество возражений только возросло бы. Лишь с течением времени устанавливается правильное мнение о пьесе и затихает критика.

Посвящение, которое Тьеро вам, конечно, уже вручил, одобрено и г-ном и г-жею Дю Шатле. Вот почему мы обращаемся к вам с нижнейшей просьбой о том, чтобы г-ном Руйе¹⁴ была дана привилегия¹⁵ на похвальное слово моего сочинения, обращенное к г. Тьеро¹⁶. Я еще окончательно не решил, пушу ли я его в ход или нет. Ни на один сатирический выпад против моих произведений я отвечать не стану. Мудрость в том, чтобы пренебрегать такими вещами. Но клеветнические нападки на личность, столько раз появлявшиеся и теперь опять появившиеся в печати, распространяемые как во Франции, так и за границей,—это, в конце концов, заставляет взяться за возражения. Личная честь—дело совершенно иного рода, нежели авторская слава. Самолюбие писателя может молчать, но честный человек должен поднять свой голос в ответ на обвинения, чтобы не сказали:

Pudet haec opprobria nobis

Et dici potuisse, et non potuisse repelli¹⁷.

Надо только решить, самому ли мне говорить или доверить это кому-либо другому. Вот вопрос, решения которого я жду от вас.

Прошу извинения и за пространность этого письма и за все, что в нем сказано. Г-жа Дю Шатле мысли мои разделяет, но называет меня болтуном и просит простить беспокойство, мною вам причиняемое. Она шлет тысячу приветствий милым братьям¹⁸, к которым и я, со своей стороны, вечно буду питать чувства нежнейшей дружбы и почтительной благодарности.

В.

Я только-что еще раз перечитал пьесу и снова берусь за перо, чтобы сказать вам, что более, чем когда-либо, ощущаю, до чего необходимо, чтобы считались с исправлениями, которые я к вам направил.

Часто бывает, что нас неприятно удивляют или расхолаживают строки, которые, в общем, и умны и вполне на месте. В причинах этого не разбираются. А причины—нередко в том, что строки эти грешат против правил языка, или нехорошо развернута в них та нить наших мыслей, которая определяется внутренним соответствием между нашими представлениями. Я давно вам говорил, что совершенно не выдерживают критики стихи:

Sans être instruite encore d'une loi si nouvelle

J'écoute ma vertu qui parle aussi haut qu'elle¹⁹

но их, тем не менее, сохранили. А не угодно ли вам посмотреть, сколько в этих стихах недостатков:

1. *Sans être*—вялое и прозаическое выражение.
2. Изобилующие буквой г и сталкивающиеся друг с другом слога оскорбительны для сколько-нибудь тонкого слуха.

ГОСПОЖА ДЮ ШАТЛЕ
С современной гравюры
Публичная библиотека, Ленинград

3. Здравому смыслу противоречит изречение: добродетель во мне говорит не менее властно, чем правила веры, мне еще неизвестные.

4. Голосу добродетели она могла следовать, но не без посвящения и я в вероучение, а потому, что не была в него посвящена или хотя не была посвящена. Здесь огромная погрешность против закона о соответствии представлений.

5. Можно вполне сказать: не вникая в свою веру, я последую голосу добродетели,—потому что здесь оба глагола в действительном залоге: одно действие может заменить другое; но нельзя говорить: я последую голосу добродетели без посвящения в догматы своей веры, ибо тут нет противоположения. Надо бы сказать так: я последую голосу добродетели, хотя (или потому что) еще не знаю учения своей веры. А лучше всего было бы сообразоваться с положением и характером Альзиры, с законами речи и мышления, с требованиями красоты поэтической и сказать:

*Je connais mal peut-être une loi si nouvelle,
Mais j'en crois ma vertu qui parle aussi haut qu'elle.*

В пятом действии Альваресу²⁰ вложили в уста много блеска и величия:

*Mon fils en ce moment va peut-être expirer.
Sensible à tes bienfaits, détestant ta vengeance,
Mon cœur ressent la haine et la reconnaissance,
Tu me vois tour à tour pénétré, combattu
D'horreur pour ton forfait, d'amour pour ta vertu²¹.*

Но как много тут промахов:

En ce moment [в то же самое время] и *peut-être* [быть может]—два бледных вставных выражения; *sensible* [чувствитель-

ный]—невывразительно; *vengeance* [мстительность]—повторяется шестью стихами ниже; *la haine* [ненависть]—неподходящее здесь слово; *tour à tour* [по очереди]—вяло; *forfait* [злодеяние]—не то слово. А вдобавок, эти антитезы вовсе не свойственны языку, которым говорит горе: тут не описывать надо душевные движения, а дать их почувствовать. А он говорит языком стихотворца! Прощение, которое изрекает Гусман, благодаря словам: *Je suis chrétien avant d'être père* [я христианин, а уж потом отец], является повторением, вторичным высказыванием на ту же тему. Одних этих слов вполне достаточно, чтобы сделать пятое действие слабым. Кроме того, Альварес должен быть тут же, рядом с сыном: отсутствие его может быть оправдано лишь для той минуты, когда объявляется приговор.

Вы теперь представляете себе, какая это трудность—трагедия, в которой необходимо так строго и тщательно обсудить 1800 стихов! Простите же, простите: я назойливый педант, но вас и искусство свое обожаю до безумия!

В.

¹ Отрывки этого письма вошли в изд. *Moland* № 567 (XXXIV, 38). Несомненно, написано в 1736 г., вскоре после первого представления при дворе трагедии «Альзира» (см. прим. 1 к письму I).

² См. прим. 2 к письму I.

³ *Demoulin*—фактотум Вольтера, не раз служивший ему подставным лицом в различного рода делах, в том числе и денежных.

⁴ *Quinault-Dufresne* Абраам-Алексис (1690—1767)—известный актер театра *Comédie Française*; в «Альзире» исполнял роль Замора.

⁵ О Ламаре см. прим. 16 к письму I.—*Thiériot*, или, как пишет Вольтер, *Tiriot*—приятель Вольтера; оба они в молодости были клерками в конторе прокурора Алэна (*Alain*). Известен только многолетней дружбой с Вольтером.

⁶ «Альзира: Знай, что победой над собой ты вполне заслужил ответное чувство! Гусман: Есть ли, увя! такое чувство, которое может заменить любовь...»—вариант к д. IV, явл. 2 «Альзире». Ср. *Moland*, III, 438, стихи 19—20. На первом представлении трагедии в *Comédie Française* этими двумя стихами актеры самочинно заменили стихи Вольтера (слова Альзире):

Tu t'assures ma foi, mon respect, mon retour,
Tous mes vœux s'il en est qui tiennent lieu d'amour.

(«Ты надежно обрел мою верность, мое уважение, все мои ответные чувства и желания, если только бывают такие, что заменяют любовь»). Против этой-то замены Вольтер здесь и протестует.

⁷ Астрат—герой одноименной трагедии *Quinault* (1635—1688).

⁸ *Voileau-Desgraux* Никола (1656—1711)—знаменитый поэт и критик.

⁹ «По крайней мере, знай, что я вечно буду тебе благодарна и тебе предана, что я отдам тебе все, чем в праве располагать, что отплачу возвратом всех лучших чувств (если только есть чувства, которыми можно отплатить за любовь). Своим великодушным испытай мои душевные силы. Европейская женщина обещала бы больше. Она прибегла бы к чарам своих слез. Но у меня нет такой обаятельности, и иного я держусь обычая—неизвестный] до сих пор вариант к д. IV, явл. 2 «Альзире». Ср. *Moland*, III, 420, стихи 17—24.

¹⁰ «Мольбой своей, быть может, усиливает нанесенную тебе обиду»—неизвестный до сих пор вариант к д. IV, явл. 2 «Альзире». Ср. *Moland*, III, 420, стих 26.

¹¹ См. монолог Гусмана.—*Moland*, III, 421.

¹² Митридат—герой одноименной трагедии Расина.

¹³ Монтез—действующее лицо в трагедии, отец Альзире.

¹⁴ *Rouillé* Антуан-Луи, граф де Жуи (1689—1761)—управляющий делами промышленности. Возглавляя с 1732 по 1737 гг. департамент печати, давал разрешение на печатание литературных произведений.

¹⁵ Т. е. разрешение.

¹⁶ Под словом посвящение Вольтер понимает «Послание к г-же маркизе Дю Шатле» («*Épître à madame la marquise du Châtelet*») при посвящении ей трагедии «Аль-

зира» (см. M o l a n d, III, 373—377). «П о х в а л ь н о е с л о в о» к Тьерю Вольтер считал нужным печатать после текста трагедии, однако, начиная с изд. 1736 г., его всегда предпосылали тексту. Написано оно под впечатлением нападков печати на Вольтера (см. M o l a n d, III, 379—383).

¹⁷ «Тем позорит нас это бесчестие, что оно могло быть нанесено и что не было возможности его опровергнуть».—О в и д и й, Метаморфозы, кн. I, стих 758.

¹⁸ «М и л ы е б р а т ь я»—адресат письма, граф Даржанталь, и его брат, граф Пон де Вейль де Ферриоль. См. о них выше, во вступительной статье.

¹⁹ «Я еще мало, быть может, знаю столь новое учение, но следуя голосу добродетели, звучащему не менее громко»—неизвестный до сих пор вариант к д. III, явл. 6 «Альзирь». Ср. M o l a n d, III, 415, стихи 3—4.

²⁰ А л ь в а р е с—одно из действующих лиц трагедии.

²¹ «Мой сын в эту минуту, быть может, умирает!.. Полный умиления перед благодеяниями твоими и ненавядя твою мстительность, я ощущаю сердцем одновременно и ненависть и благодарность. Поочередно наполняют меня и раздрают—то отвращение к твоему злодеянию, то любовь к твоим добродетелям».—Эти стихи были, без ведома автора, внесены актерами в трагедию (д. V, явл. 7).

III

В. 79

[13 января 1739 г., Сире]¹

Дорогой мой ангел-хранитель, [пишу?] лишь для того, чтобы сказать вам, что, по вашему мудрому указанию, я переделываю весь мемуар, неотложно теперь необходимый². Нумерации не будет, чтобы не напоминало «Предохранительного средства»³. Надо больше сдержанности, а еще больше порядка и методичности. Вот чего следует добиваться, чтобы я имел право сказать публике:

Et mea facundia, si qua est,
quae nunc pro domino, pro vobis saepe locuta est⁴.

Посоветуете ли вы мне послать статью г. Даржансону⁵ в рукописи, для представления ее на рассмотрение канцлера?⁶ Ни одного шага без вашего распоряжения! Покидаю вас для работы... А затем спешу приняться и за план трагедии⁷. Г-н де Мопертюи⁸ здесь. Это не лишает меня, однако, возможности заниматься тем, что пользуется вашей любовью и поощрением. Тысяча почтительных приветствий г-же Даржанталь⁹ и философическому дому Дюссе¹⁰.

В.

13-го.

Адрес: Господину Даржанталю,
советнику парламента

Почтовая пометка:
Bar sur Aube

Улица Grange Bâtelière, близ вала, в Париже

¹ Начало этого письма, кончая латинской цитатой, вошло в издание M o l a n d № 1040 (XXXV, 136); по традиции, идущей от Кельского издания, текст письма № 1040 составлен из отрывков как настоящего письма, так и ниже публикуемых писем XII и XIII. Целиком письмо печатается впервые. Написано оно в Сире во время пребывания там М о п е р т ю и (см. ниже, прим. 8), гостившего у маркизы Дю Шатле с 12 по 16 января 1739 г.; датируется 13 января 1739 г. Здесь, впервые в серии писем Вольтера из Воронцовского собрания, затрагивается вопрос о его распри с аббатом Дефонтемом (см. прим. 12 к письму I и вступительную статью к этой главе).

² Речь идет о мемуаре, в котором Вольтер излагает свое дело с Дефонтемом. Этот мемуар он намеревался разослать целому ряду влиятельных лиц, от которых ждал заступничества. Много раз переделанный автором, мемуар дошел до нас в двух редакциях. См. «Mémoire du Sieur de Voltaire» и «Mémoire sur la Satire à l'occasion d'un libelle de l'abbé Desfontaines contre l'auteur», M o l a n d, XXIII, 27 и 47.

* Памфлет «Le Préservatif» был разделен на главы, и каждая из них имела свой номер. От авторства по отношению к этому памфлету Вольтер упорно отрекался.

⁴ «Если я обладаю каким-либо красноречием и сейчас оно применяется в интересах его обладателя, то ведь не раз применялось оно и в ваших интересах...»—О в и д и й, Метаморфозы, XIII, 137—138.

⁵ D'A r g e n s o n Рене-Луи, маркиз (1694—1757); в 1744 г. был назначен министром иностранных дел; в 1747 г. оставил службу и посвятил себя литературным занятиям; оставил мемуары, интересные для истории его времени. Его брат (Марк-Пьер) начал свою карьеру начальником полиции, затем был военным министром. Оба брата состояли в дружеских отношениях с Вольтером.

⁶ D'A g u e s s e a u Анри-Франсуа (1668—1751)—канцлер, с 1737 г. министр юстиции.

⁷ В то время Вольтер начинал работу над новой трагедией «Зюлима» («Zulime»).

⁸ M a u p e r t u i s Пьер-Луи-Моро (1698—1759)—известный математик, космолог и физик; корреспондент и друг Вольтера и г-жи Дю Шатле; впоследствии, в бытность свою президентом прусской Академии наук, разошелся с Вольтером и был им осмеян в памфлете «Histoire du docteur Akakia».

⁹ Граф d'Argental был женат на Jeanne-Grâce-Rose du B o u c h e t (1702—1774).

¹⁰ D'U s s é Луи-Себастьян, маркиз (1699—1772), был близок к кружку философов и энциклопедистов, собиравшихся у г-жи дю Деффан и г-жи Леспинас.

IV

В. 41

17 [января 1739 г., Сире]¹

Всегдашний—особенно сейчас!—ангел мой хранитель, посылаю вам новый свой мемуар², которому придаю, насколько могу судить, надлежащую форму. Умоляю вас признать его годным в форме, какая теперь получилась, и безотлагательно переслать аббату Муссино³ для изготовления с него нескольких списков. При этом все же прошу вас сообщить мне, не нужно ли изменить какие-нибудь детали и не следует ли отправить списки господам Эро⁴, Даржансону⁵, прокурору палаты, Морепа⁶, товарищу прокурора и т. д. Ваше мнение о первом моем мемуаре⁷ мне еще неизвестно. Но по последнему письму вашему я догадываюсь, что вы против всего, что сколько-нибудь явно отзывается тоном «П р е д о х р а н и т е л ь н о г о с р е д с т в а» и настроением личной обиды.

Если новый мемуар заслужит ваше одобрение, прикажите аббату Муссино переслать его канцлеру⁸, приложив к нему и мое письмо к последнему. До моего сведения дошло, что гг. Андре, Прокоп, Питаваль⁹ и др. подали канцлеру жалобу.

Уж если возмущаются люди посторонние, тем невозможнее пребывать в безмолвии родственникам. По-моему, племянник мой¹⁰ должен послать или лично подать прошение, что может расположить в его пользу, отнюдь не препятствуя начать и судебное преследование; причем я очень прошу вас настойчиво посоветовать ему начать таковое, ибо преступление в данном случае затрагивает интересы общественные.

Pone inimicos meos scabellum pedum tuorum donec faciam tragediam¹¹.

Подлинным издевательством надо мною являются великодушные, но секретные благодеяния г-жи Дю Шатле. Наконец-то призналась она мне, что вам писала, и прочла мне написанное. Дай-то бог, чтобы все это оказалось столь же убедительно, сколь оно умилительно.

Когда я посылал вам копию одного из моих писем к Т.¹², подлинник был уже отправлен. Намыльте Т. голову, поднесите ему к новому году книги «Об обязанностях» и «О дружбе»¹³. Засвидетельствуйте мое почтение другому ангелу. Прощайте. Лобызаяу крылья ваши и становлюсь под их сень...

На обороте: Г-ну Даржанталю

ВОЛЬТЕР НА ВЕРХОВОЙ ПРОГУЛКЕ
Картина маслом Жана Гюбера, 1770—1775-е гг.
Эрмитаж. Ленинград

¹ Конец этого письма, начиная со слов: «До моего сведения дошло, что гг. Андре, Прокоп, Питаваль и т. д...», вместе с отрывками письма VIII вошел в текст № 1013 изд. *M o l a n d* (XXXV, 103—105), датированного 9 января 1739 г. Год и месяц написания публикуемого письма устанавливаются письмом Вольтера к аббату Муссину от 17 января 1739 г. (*M o l a n d*, XXXV, 120, № 1029). Число («все 17») проставлено в оригинале самим Вольтером. Отсюда наша датировка: 17 января 1739 г. По отсутствию адреса и почтовой отметки можно предположить, что письмо было послано в одном пакете с «мемуаром», о котором в нем говорится.

² См. прим. 12 к письму I и прим. 1 к письму III.

³ *Moussinot*—аббат, каноник аббатства *Saint-Merry*, преданный Вольтеру его корреспондент, выполнявший всевозможные его деловые поручения.

⁴ См. прим. 5 к письму I.

⁵ См. прим. 5 к письму III.

⁶ См. прим. 7 к письму VI.

⁷ Под «первым мемуаром» Вольтер разумеет первую редакцию памфлета «Предохранительное средство».

⁸ *D'Aguesseau*—см. прим. 6 к письму III.

⁹ Врачи *André* и *Procopé*, адвокат *Pitaval*, аббат *Seran de la Tour*, *Duperron de Castéra* и др.—лица, вместе с Вольтером затронутые Дефонтемом в его памфлете «*La Voltairomanie*». См. письмо Вольтера к аббату Муссину от 8 февраля 1739 г.—№ 1065 изд. *Moland* (XXXV, 165).

¹⁰ *Mignot*—сын сестры Вольтера, советник государственного контроля (*conseiller corcteur à la Chambre des comptes*); по настоянию Вольтера, помогал ему в хлопотах по делу с Дефонтемом.

¹¹ «Полирай врагов моих своей стопой, пока не будет закончена мной трагедия моя» (перефразировка псалма СІХ).

¹² *Thieriot*—см. о нем прим. 5 к письму II.

¹³ Заглавия двух трактатов Цицерона: «*De officiis*» и «*De amicitia*».

V

В. 67

21 [января 1739 г., Сире]¹

Ангел мой хранитель! Вы уже наверно получили новый мемуар мой, письмо для г-на канцлера² и другое для товарища прокурора г-на Дагессо³. Послал я вам и письмо г-жи де Берньер⁴. Каждый шаг свой я подчиняю вашему руководству.

Хорошо было бы, мне кажется, получить от г-жи де Берньер несколько слов, в которых она более просто и сдержанно дала бы общую оценку отвратительному, клеветническому пасквилю. Я посылаю ей несколько строк в виде образца. Очень прошу вас потребовать того же и от Тьеро⁵. Поведение его нестерпимо: он торгуется с Сире, вздумал вести какую-то политику... Должен же он понимать, что в подобных вещах политика есть уже преступление!.. Он не писал мне целый месяц, так что, в конце концов, возбудил подозрение, не изменяет ли мне... Если он согласен искупить все это исполненной дружественных чувств статьей с сильными доводами в журнале «За и Против»⁶,—будет славно! Но пусть он не пытается при этом заговаривать о «Предохранительном средстве». Не суждения его нам нужны: если он говорит обо мне, то должен говорить в тоне благодарности, преданности, уважительности и, прежде всего, отнюдь не компрометируя г-жу Дю Шатле. Но напечатает ли он в «За и Против» такое письмо или нет, во всяком случае, необходимо получить от него несколько слов в следующем роде: «Г-н Тьеро, ознакомившись с пасквилом, под заглавием «Вольтеромания», где утверждается, будто он отрекается от г. Вольтера,—с пасквилом, состоящим из сплошного сплетения гнусной клеветы, почитает своей обязанностью под честным словом заявить, что все, что там приписано как г. Вольтеру, так и ему самому, представляет собою наказуемую по закону клевету; что в течение 25 лет

он был свидетелем-очевидцем совершенно противоположного; что настоящее его письмо является данью уважения, дружественных чувств и благодарности, питаемых им к Писано в Тьерю».

Если он откажет в этом,—он жизни не достоин! Если исполнит,—я его прощаю... Прошу вас посоветовать моему племяннику⁷ составить обстоятельный протокол, если только это ему удастся. Это может пригодиться, повредить же не может. Это может внушить преступнику почтение, предотвратить возражения, закончить все дело... О трагедия моя, трагедия моя!⁸ Когда примусь я за тебя? Ангел мой, *éprie me a faeces*⁹.

Вы—единственное прибежище мое!

В.

Адрес: Г-ну Даржанталю,
советнику парламента

Почтовая пометка:
De Bar sur Aube

Улица Grange Bâtelière, близ вала, в Париже

¹ См. прим. 1 к письму III. Датируется по связи с ним.

² См. прим. 6 к письму III.

³ D'Aguesseau de Plainmont Анри-Шарль (1713—1741)—товарищ прокурора палаты и королевского суда; сын канцлера Дагессо.

⁴ В 1722—1724 гг., во время своего пребывания в Руане, Вольтер вместе с Тьерю (см. прим. 5 к письму II), внося 1800 фр. в месяц за общее их содержание, проживал у своих друзей—президента парламента de Vernière и его жены. Дефонтен же в памфлете «Вольтеромания» инсинуировал, что Вольтер проживал у них на положении «паразита». Г-жа де Берньер, по просьбе Вольтера, написала письмо с протестом против инсинуации Дефонтена, столь горячее по своему тону, что Вольтер просил ее заменить его другим, более сдержанным, которое и приобщил к документам по «делу» с Дефонтемом. См. письма Вольтера 1739 г.: к аббату Муссину от 8 января (Moland, XXXV, 97, № 1010); к Гельвецию от неизвестного числа января (ibid., 149, № 105); к канцлеру Дагессо от 11 февраля (ibid., 165, № 1066).

⁵ См. прим. 5 к письму II. В письме к Вольтеру от 16 августа 1726 г. Тьерю сообщал, что, по его совету, Дефонтен у него на глазах уничтожил свой памфлет, озаглавленный «Arologie du Sieur de Voltaire» и, будто бы, начатый им еще в дни заключения в тюрьме Bicêtre. Вольтер приобщил это письмо к документам по делу с Дефонтемом, так как это письмо могло служить последнему уликой в неблагодарности к человеку, избавившему его от тюрьмы (см. прим. 12 к письму I). Но помимо этого, вместе с г-жей Дю Шатле он настаивал на том, чтобы Тьерю выступил и в печати против Дефонтена, в защиту доброго имени Вольтера; оба они были раздражены уклончивым ответом Тьерю. Письмо Тьерю к г-же Дю Шатле от 31 декабря 1738 г. см. Moland № 1001 (XXXVI, 84—86).

⁶ «Le Pour et le Contre»—журнал, издававшийся аббатом Прево с 1733 по 1740 гг. До Сире дошел слух, будто свое письмо к г-же Дю Шатле от 31 декабря 1738 г. (см. предыд. прим.) Тьерю собираются напечатать в этом журнале.

⁷ Упомянутому в предыд. письме Mignot—см. прим. 10 к письму IV.

⁸ Вольтер работал в это время над трагедией «Зюлима».

⁹ «Извлеки меня из грязи!»

VI

В. 83

26 [января 1739 г., Сире]

Дорогой мой ангел! Вас очень удивил последний пакет с «Зюлимой»². Но умеющий пользоваться временем многое успевает сделать. Я работаю, но мне только необходимо руководство ваше.

Я настаиваю на уголовном обвинении против аббата Дефонтена. В «Предохранительном средстве» ничего опасного для меня не имеется: автор его себя назвал³. Ничем не угрожают мне и «Философские письма»⁴:

1) Я отрекся от этой книги, и нет никаких улик, ничего написанного моей рукой.

2) Я посылаю вам письма к г. помощнику прокурора и к г. канцлеру⁵.

3) Г-ну Эро⁶ я послал новогоднее поздравление в духе преданности и готовности к услугам.

4) Г-ну Морепе⁷ я написал, вообще говоря, в том же духе, но с еще большей выразительностью.

5) То же и по отношению к г. Даржансону⁸.

АББАТ ПРЕВО

Портрет маслом работы мастерской Карла Ванлоо

Эрмитаж, Ленинград

От всех троих пришли благосклонные ответы⁹.

6) Г-ну Даржансону я послал также и последний свой мемуар¹⁰. Но напечатан он должен быть как бы без моего разрешения, в сборнике, в начале которого будут помещены две главы «Истории Людовика XIV», затем — статья о способах ведения газет¹¹; далее пойдут мои послания,

в исправленном виде¹², и еще несколько вещей. Я считал бы, что тут, в моем защитном мемуаре, следует сохранить все места, касающиеся литературы; ибо если теперь озлобленная публика наших дней только и падка, что на дела личные, то впоследствии, на взгляд людей понимающих, будет во много раз интереснее именно то, что имеет отношение к литературе. Статья написана мною в духе Пелиссона¹³, а пожалуй, и Цицерона. И если этот стиль мне не удался, это для меня равносильно поражению.

Умоляю вас заказать несколько списков с письма г-жи Берньер¹⁴ для доставления их г. канцлеру и гг. Дагессо, Даржансону и Эро. Переписывать надо лишь до того места, где она просит сохранить секрет. Прошу вас также прислать и мне один из списков. Я рассчитываю, что вы вложите по одному списку в письма, которые я сейчас посылаю на ваше имя. Для Линана¹⁵ мы с г-жей Дю Шатле сделаем, что нужно. Не понимаю, почему он мне ничего не пишет: Про¹⁶ должен был передать ему от меня деньги, а он должен был прислать мне свою пьесу. Что случилось с «З а в и с т н и к о м»?¹⁷. Что случилось с «Э д и п о м»?¹⁸. Если увидите с Про, прикажите ему быть, наконец, поаккуратнее.

Прощайте, дорогой мой ангел-хранитель, прощайте! Время не терпит. Преисполненный добрых чувств к вам

B.

Сего 26-го.

Пересылаю вам только-что полученное мною письмо. Из него вы лишний раз увидите, что за человек этот аббат Дефонтен... Если это, по-вашему, нужно, я с первой почтой пошлю вам письмо для г. Эро.

¹ Отрывки этого письма, вместе с отрывками письма X, вошли в изд. M o l a n d, в состав письма № 1037 (XXXV, 132). Целиком оно печатается впервые. Датируется по связи с предыдущими письмами.

² Вольтер посылал свою новую трагедию «Зюлима» «на суд» к чете Даржанталь. См. прим. 7 к письму III.

³ Автором памфлета «Le Pré servatif» объявил себя шевалье де Муи (de M o u i h y).

⁴ См. прим. 8 к письму XIII.

⁵ См. прим. 3 к письму VI и прим. 6 к письму III.—Все свои деловые письма, а также и художественные произведения Вольтер имел обыкновение посылать «на суд» Даржанталь и очень считался с его указаниями.—В изданной переписке Вольтера писем к отцу и сыну d'Aguesseau нет.

⁶ Слово «новогоднее» указывает, что письмо к Эро было написано около 1 января 1739 г. В напечатанной до сих пор корреспонденции Вольтера такого письма нет.

⁷ Письмо к Морепа до нас не дошло.—P h é l i p p e a u x d e M a u g e r a s Жан-Фредерик (1701—1781), с 1723 г. был морским министром. Состоял в дружбе с Пон де Вейлем (см. прим. 17 к письму II) и, благодаря посредничеству последнего, принял участие в деле Вольтера с Дефонтемом: вместо возбуждения уголовного преследования, рекомендовал Вольтеру обратиться к суду главного начальника полиции. См. письмо Вольтера к аббату Муссину от 22 февраля 1739 г.—M o l a n d № 1080 (XXXV, 184—186).

⁸ Это письмо к Даржансону до нас не дошло.—О Даржансоне см. прим. 5 к письму III.

⁹ Ответные письма Эро и Морепа к Вольтеру до нас не дошли. В своем ответном письме к Вольтеру Даржансон обещал всяческое содействие в деле с Дефонтемом. См. M o l a n d № 1063 (XXXV, 163).

¹⁰ Под «последним мемуаром» Вольтер разумел последнюю в тот период редакцию своего «мемуара» против Дефонтена (см. прим. 2 к письму III).

¹¹ «Un écrit sur la manière de faire les journaux»—статья Вольтера, впоследствии, в 1744 г., напечатанная (с датой 10 мая 1737) под заглавием: «Conseils à un journaliste sur la philosophie, l'histoire, le théâtre, les pièces de poésie, les mélanges de littérature, les anecdotes littéraires, les langues et le style». См. M o l a n d, XXII, 241.

¹² Под «исправленными посланиями» Вольтер имеет в виду свои «Discours en vers sur l'Homme» (см. M o l a n d, IX, 579). О намерении

издать сборник такого характера Вольтер писал Даржанталю 5 февраля 1739 г.—
M o l a n d № 1060 (XXV, 159).

¹³ P e l l i s s o n - F o n t a n i e r Поль (1624—1693)—автор истории основания Французской академии. Был секретарем и личным другом Фуке, суперинтенданта финансов при Мазарини. После падения Фуке, в 1661 г., написал в его защиту три «речи» («D i s c o u r s»), за что полатился несколькими годами заключения в Бастилии. Эти его «речи» и имеет в виду Вольтер.

¹⁴ С м . п р и м . 4 к письму V.

¹⁵ L i n a n t Мишель (1708—1749)—сын хозяйки той гостиницы, в которой Вольтер останавливался в Руане в 1731 г. Вольтер поощрял его поэтические опыты и подсказал ему сюжет для трагедии «R a m s è s»; г-жа Дю Шатле взяла его в Сире, в воспитатели к своему сыну. Но Линан вел себя в Сире так бестактно, что в декабре 1737 г. был оттуда удален; однако, и после того Вольтер переписывался с ним и помогал ему деньгами и своими связями.

¹⁶ P r a u l t—книгопродавец и издатель хорошо оформленных книг. В течение ряда лет издавал произведения Вольтера.

¹⁷ «L'E n v i e u x»—комедия Вольтера (1738 г.) с выпадами против Дефонтена.

¹⁸ «E d i p e»—первая трагедия Вольтера. Впервые представлена 18 ноября 1718 г., а в следующем году вышла первым изданием.

VII

В. 59

28 [января 1739 г., Сире]

Я труда не жалею: только-что, сообразуясь с мудрыми вашими указаниями, закончил я переделку своего мемуара². Направляю его к вам; сейчас он у аббата Муссино, в монастыре Сен-Мерри. Если он, на ваш взгляд, удался, пошлите аббату Муссино распоряжение приготовить три-четыре списка с него. Их надо вручить г-ну канцлеру, г-ну Морепа³, г-ну Дефрену⁴, г-ну Эро. Я всем им напишу по письму, а письма эти, с вашего разрешения, направлю к вам. Г-ну Даржансону, я мемуар уже посылал; но теперь он стал лучше, чем был, и я ему доставлю его и в исправленном виде. Мне представляется, что лучше отдать его в печать сейчас, а впоследствии поместить в сборнике, дабы пребывал он *ut testimonium*⁵.

Жду приговора над «Зюлимой»⁶. В области стихов, как и в области прозы, я лишь простой смертный и действую исключительно под вашим руководством. Очень странно, что Линан ничего мне не написал⁷. Не могли бы вы побудить Ламара⁸ поместить в «За и Против»⁹ в мою защиту что-нибудь такое, что сделало бы честь и ему, как проявление признательности с его стороны? Впрочем, люди всегда более склонны наносить оскорбления, нежели заступаться за оскорбленного. Человечное сердце имеется только у вас, ангел мой хранитель, только у одного вас! В Сире душа у всех переполнена чувством благодарности... Нам с г-жей Дю Шатле пришло в голову, что следовало бы воздействовать на старшину адвокатского сословия и на старейших адвокатов, чтобы они дезавуировали тот пасквиль, авторство которого столь нагло приписано адвокату¹⁰. Не могли бы нам оказать в этом помощь Сорен¹¹. Не может ли что-нибудь сделать и президент Ружо¹². Мне как раз надо отвечать ему на письмо, и я заведу об этом речь. Не знаю, чем и как доказать вам признательность мою!

Не поговорит ли ваш уважаемый брат с Морепа?

В.

Настоятельно просил бы вас прислать мне копию с письма супруги президента¹³.

Адрес: Г-ну Даржанталю,
советнику парламента

Почтовая пометка:
De Bar sur Aube

Улица Grange Bâtelière, близ вала, в Париже

¹ Печатается впервые. Датируется по связи с перепиской о деле с Дефонтемом (№№ III—XV настоящей публикации), а также с письмом Вольтера к Муссину от 28 января 1739 г. (Moland, XXXV, 142—1044).

² См. прим. 2 к письму III.

³ См. прим. 7 к письму VI.

⁴ D'Aguesseau de Fresnes Жан-Батист (1701—1784) — сын канцлера, комиссар второго департамента кассационного суда. В 1737 г. сменил Руйе (см. прим. 14 к письму II) и управлял департаментом печати.

⁵ «В качестве свидетельства». О намерении Вольтера включить свою статью против Дефонтема в сборник своих произведений см. также письмо VI.

⁶ См. прим. 2 к письму VI.

⁷ См. прим. 15 к письму VI.

⁸ См. прим. 16 к письму I.

⁹ Журнал «Le Pour et le Contre». — См. прим. 6 к письму V.

¹⁰ Pamфлет Дефонтема «La Voltairomanie» был издан за подписью: «Молодой адвокат». В письме от 12 февраля 1739 г. член адвокатского сословия Пажо отрекся от имени всей корпорации от какого-либо участия в этом пасквиле. Вольтер добился этого, благодаря старым связям в судебском мире, в котором вращался его отец.

¹¹ Saugin Бернар-Жозеф (1706 — 1781) — адвокат. Автор комедии «Trois Rivaux» (1749) и трагедий «Amérophis» (1752) и «Spartacus» (1760). Впоследствии член Французской академии. Состоял в дружеских отношениях с Вольтером.

¹² Roujaut Венсан-Этьен — президент четвертой следственной палаты Парижского парламента; еще в 1734 г. Вольтер был близок его кругу и рассчитывал на его поддержку (Moland, XXXIII, 420, № 404).

¹³ Т. е. г-жи де Берньер.

VIII

В. 31

30 [января 1739 г., Сире]¹

Дорогой и уважаемый друг! Обременяю я вас своими письмами и делами, и перед любым человеком, не обладающим таким сердцем, как ваше, я счел бы необходимым извиняться. Г-жа Дю Ш[атле] только-что получила ваше письмо от 28-го². До вас пьеса не дошла³. А, между тем, она отправлена в полночь 23-го. Господа почтовые, очевидно, любят забавляться чтением...

Необычное, а быть может, и прискорбное по своим последствиям напряжение, с которым я написал пьесу в течение восьми дней, порождено исключительно вашим советом потушить всю эту клевету каким-нибудь заинтересовывающим публику произведением... Очень хорошо, что я полагаю временем до пасхи. Давайте же мне указания, и за восемь недель мне, конечно, удастся исправить ошибки восьми дней. Я отлично чувствую кое-какое сходство с «Баязетом»⁴. Но ведь этого ни одна пьеса не может избежать! Заимствований я не делал, я обретал ситуации в самом сюжете своем, писал с вдохновением, я вовсе не плагиатор!

Что пасквиль⁵ может вызвать лишь презрение и негодование у людей честных, а особенно у тех, кому известны подробности клеветнической кампании, — это я знаю хорошо. Но существуют тысячи писателей, а также иностранцев — на них пасквиль впечатление производит. В нем приведено множество фактов, и этим фактам поверят, если они не будут опровергнуты. Предположим, что я пожелал бы стать членом какой-нибудь академии, хотя бы, например, петербургской. Оставленный без возражений, этот пасквиль, несомненно, закроет мне доступ в нее. Ведь само собой разумеется, что г. Гийо де Мервиль⁶ и другие приверженцы Руссо⁷ уже играют и будут играть на этом лганье.

Пасквиль этого негодяя только-что напечатан в Голландии. За две недели раскуплено 2 000 экземпляров⁸. В ваших глазах он меня не опорочит,

но еще немного и—в совокупности с десятками двумя новых пасквилей в том же роде—он ляжет на меня клеймом в глазах потомства, останется пятном на чести нашей семьи! От одного из моих друзей, проживающих в Голландии, я узнал, что именно Дефонтен и Жор⁹ восстанавливают против меня издателей, с которыми я состою в сношениях. Дело, пожалуй, дойдет до того, что эти самые мои издатели в отместку за то, что я лишил их своих милостей, напечатают пасквиль во главе того или иного из моих произведений. И выйдет так, что я буду бездействовать, а враги мои за это время опорочат меня в глазах всей Европы... Не священнейший ли долг мой, в таком случае, раз это в моих силах,—опровергнуть и разбить столь позорящую меня клевету, которую молчание с моей стороны может только подтвердить?

Для трех четвертей писательского мира здесь нужна умная, убедительная, волнующая статья; но, сверх того, мне необходимо получить

ВОЛЬТЕР

Миниатюра на эмали, работы неизвестного художника второй половины XVIII в., и оборотная сторона той же миниатюры

Эрмитаж, Ленинград

значительное количество опровергающих всю эту ложь письменных свидетельств. Таковые мне нужны: от г-жи Берньер, от Про¹⁰, от Тьеро—от всех вообще, кто может дать какие-нибудь показания в опровержение пасквиля. Напечатаны эти опровержения не будут, но я размножу их в списках, и они всегда будут у меня под рукой на случай нападения, как надежное орудие обороны, как документы, которые могут пригодиться и на суде.

Мне безусловно необходимо возбудить уголовное преследование—наряду с указанной статьей и письменными свидетельствами, которые в данном случае могут помочь, а повредить несколько не могут. И я намерен и обязан всемерно добиваться судебного дела, чтобы раз и навсегда растоптать эту гидру. Никаких и никакого рода обвинений мне бояться не приходится. Я никогда не признавал никакого касательства своего к «Предохранительному средству»¹¹. Ничуть не беспокоят меня и «Философские письма»¹², которые Тьеро издал в Англии и о которых даст показание, что не я являюсь их автором. Полезно, во всяком случае, начать

с предъявления обвинения к тем, кто занимался продажей пасквиля. Так и будет сделано. Ввиду всего указанного, было бы, разумеется, очень существенно, если бы г. голландский посланник¹³ высказался об этом в решительной форме и вообще предупредил бы господ Леде о том негодовании, какое вызовет в нем нарушение ими обязательств, на них лежащих¹⁴.

Это будет новым благодеянием по отношению ко мне со стороны моего ангела-хранителя, которому я и так всем обязан.

Раскрываю перед вами, уважаемый друг, все свои помышления и поступки, повергая их на суд вашего просвещенного ума и доброго сердца.

Г-жа Шамбонен¹⁵ явится к вам с большой косулей из Сире. Я с удовольствием появился бы у вас с этой косулей, но я околдован и не отлучаюсь из своего замка. Эта дама должна повидаться с г-жей де Берньер и с теми, кого я побуждаю написать несколько слов, которые не собираюсь предавать гласности. Прошу вас побудить к тому г-жу де Берньер.

Я собираюсь писать г-ну кавалеру де Брассак¹⁶ и уже послал свой мемуар г. Даржансону. Напишу и к г. Дефрену. Как обстоит дело с моими письмами к г-ну канцлеру и к помощнику прокурора? Разрешите мне присоединить еще письмо к г. де Меньеру¹⁷. Прилагаю письмо мадам, рекомендуемое Линана¹⁸.

¹ См. п р и м. 1 к письму IV. Целиком печатается впервые. Датировано Вольтером: «Сего 30». По содержанию непосредственно примыкает к предыдущему письму (VII), от 28 января 1739 г. Ср. письма Вольтера к Тьерю от 29 января, к аббату Муссино от 8 февраля и к канцлеру Дагессо от 11 февраля 1739 г.—№№ 1048, 1065 и 1066 изд. Moland (XXV, 146, 165).

² Это письмо Даржантала к г-же Дю Шатле до нас не дошло.

³ Речь идет о трагедии «Зюлима». О посылке ее «на суд» к Даржанталю см. два предыдущих письма.

⁴ «V a j a z e t»—трагедия Расина.

⁵ «La Voltairomanie» аббата Дефонтена (см. письма IV, VII и примечания к ним).

⁶ Guyot de Merville Мишель (1696—1755)—автор нескольких трагедий и многих комедий. Литературный враг Вольтера.

⁷ Rousseau Жан-Батист (1671—1741)—знаменитый лирический поэт старой «классической» школы, в области критики—последователь Буало. С Вольтером его связывало давнишнее знакомство, но рано начавшаяся литературная борьба между ними доходила порою до крайнего ожесточения. В предисловии к амстердамскому изданию своей трагедии «La Mort de César» (1736) Вольтер позволил себе злую выходку против него. Руссо ответил ему в «Bibliothèque Française, ou Histoire littéraire de la France» (Amsterdam, 1736, т. XXIII, стр. 133—138), а в памфлете, написанном от лица анонимного «друга», разоблачал авторство Вольтера по отношению к «Épître à Uranie», которое упорно отрицалось Вольтером. Немедленно в той же «Bibliothèque Française» (т. XXIII, стр. 344—356) появился под именем Демулена ответ Вольтера (см. п р и м. 3 к письму II), полный лестных эпитетов... по собственному адресу.

⁸ Такое же беспокойство сказывается и в относящихся к этому времени письмах г-жи Дю Шатле к Даржанталю. В письме от 3 января 1739 г. она пишет: «Добейтесь от него [Морена], чтобы он побудил голландского посланника унять этих злосчастных издателей, принудив их к молчанию, чтобы, по крайней мере, не всё сразу разразилось»... (см. «Lettres de la marquise du Châtelet, réunies pour la première fois», P., 1878, стр. 283, 313, 314—315 и др.).

⁹ См. п р и м. 16 к письму X.

¹⁰ См. п р и м. 16 к письму VI.

¹¹ См. ниже, п р и м. 6 к письму XIII.

¹² См. ниже, п р и м. 8 к письму XIII. Об участии Тьерю в опубликовании лондонского издания «Lettres philosophiques» см. Moland, XXII, 75.

¹³ Голландский посланник («l'ambassadeur de Hollande»)—французский посланник в Голландии, маркиз Des Ares Шарль-Франсуа (1653—1740), был

известен в обществе под именем графа de Luc; покровительствовал Ж.-Б. Руссо (см. «Lettres de la marquise du Châtelet», стр. 288, прим. 2 к письму от 10 января 1739 г.).

¹⁴ L e d e t—совладелец издательской фирмы Ledet et Desbordes в Амстердаме. Во время путешествия своего в Голландию в 1736 г. Вольтер останавливался в его доме. В июле 1738 г., в связи с неисправным изданием фирмой Леде книги Вольтера «Éléments de la philosophie de Newton», их отношения испортились. См. письмо Вольтера к «Господам Леде и К^о» от 7 июля 1736 г.—M o l a n d № 896 (XXXIV, 519).

¹⁵ См. ниже, прим. 4 к письму IX.

¹⁶ B r a s s a c Рене (1699—1771)—композитор, автор нескольких опер. В своем «Le Temple du goût» Вольтер отозвался о нем с похвалой.

¹⁷ D u r e y de M a u n i è r e s (Meinières) Жан-Батист (1705—1785)—президент второй палаты прошений; был шурином начальника полиции Эро.

¹⁸ См. прим. 15 к письму VI.

IX

В. 87

[Между 2-м и 4-м февраля 1739 г., Сире]¹

Как сообщает мне племянник, г. канцлер обещал ему переговорить с г. Эро. Это далеко еще не значит, что он намерен упразднить данное Дефонтену разрешение. Но предположим даже, что он не позволит ему выпустить «Наблюдения»²,—на следующий же день он выпустит какие-нибудь «Изыскания», и на них набросится весь Париж.

Разве заставить Дефонтена дать мне удовлетворение—значит совершить нечто чрезвычайное?

Не забывайте, умоляю вас, о письмах г-жи де Берньер и Дюлиона. Когда письмо последнего будет вами использовано, пришлите мне его в подлиннике или в копии. Г-жа Шамбонен³ от вас в восторге. Но кто же мог бы быть не в восторге от вас? От вас одного получаю я из Парижа что-нибудь утешительное... Вас можно только обожать!

Адрес: Г-ну Даржанталю,
советнику парламента

Почтовая пометка:
Vuassy

Улица Grange Bâtelière, близ вала, в Париже

¹ Печатается впервые. Датируется на основании двух писем Вольтера к аббату Муссино, от 2 и 5 февраля 1739 г. (по изд. M o l a n d №№ 1052 и 1057). Во втором из них Вольтер выступает с возражением на мнение Даржанталю, будто лишение права на издание журнала «Observations sur les écrits modernes» было бы достаточным для аббата Дефонтена наказанием. Если признать правильной датировку указанных двух писем к Муссино, то с большей долей вероятности можно датировать настоящее письмо первой неделей февраля—между 2 и 4 числами этого месяца.

² «O b s e r v a t i o n s»—см. выше, прим. 1.

³ M - m e d e S h a m b o n i e n—подруга г-жи Дю Шатле по монастырскому пансиону, корреспондентка Вольтера.

X

В. 63

19 и 20 [февраля 1739 г., Сире]

Вы меня знаете, дорогой ангел-хранитель: эпическими поэмами и ньютоновскими началами² занимаются люди настойчивые,—и я до последнего вздоха своего буду требовать суда над Дефонтенном... С другой стороны, те же душевные свойства, сдается мне, являются залогом вечной и сердечной моей признательности к вам.

Умоляю вас окинуть беглым взором все нижеследующее. Приступим к делу по порядку.

10. Хотя мне не приходится бояться никаких обвинений, я все же настаиваю на том, чтобы начать с жалобы, подаваемой писателями; а уж

затем мои родственники пусть подадут жалобу от имени оскорбленной семьи³, в случае надобности—с присоединением и моего имени.

2⁰. Помимо кары, которую может и должна наложить на аббата Дефонтена власть, у меня была надежда получить необходимые мне опровержения всех клеветнических наветов этого негодяя—опровержения, отказывать в которых немыслимо при наличии представляемых мною доказательств, вроде письма самого Дефонтена, написанного им при выходе из Бисетра⁴, письма г-жи де Берньер и писем Тьеро⁵.

3⁰. Чтобы полностью добиться как указанных опровержений, так и самой административной кары по отношению к Дефонтену, в высшей степени и прежде всего необходимо, чтобы Тьеро подтвердил г-ну Эро существование письма от 16 августа 1726 г., которое, боюсь, мною затеряно, но с которым успела ознакомиться г-жа де Шамбонен. В этом письме имеется об аббате Дефонтене формальное показание, что по выходе из Бисетра он сочинил на меня пасквиль под заглавием «Апология», а кроме того, напечатал в Эврё неприличное, издевательское издание «Генриады»⁶.

Будьте же добры, уважаемый друг мой, вызовите к себе Тьеро и заявите ему: «Я в и д е л п и с ь м о, оно было мне предъявлено. Поспешите же повидать г. Эро и подтвердите это мое показание перед ним или перед г-ном д'Эоном⁷. Только таким путем можно вернуть расположение наследного принца и г-жи Дю Шатле. И нет поступка, который более послужил бы к вашей чести, нежели такая услуга старинному вашему другу. А для него она послужит побуждением в письмах к наследному принцу отзываться о вас с особой горячностью». С ним надо взять теперь такой именно тон, дорогой мой друг, потому что наследного принца очень рассердило проклятое, рассчитанное на огласку письмо, которое Тьеро, по глупости, ему написал. Наследный принц относится ко мне так же хорошо, как вы ко мне относитесь, и ответил ему в высшей степени суровым письмом⁸. Заставьте же его признать свою вину в том, что им написано это злосчастное, рассчитанное на огласку письмо, столь оскорбительное для нас с г-жей Дю Шатле, столь опасное, поскольку оно до известной степени приписывает мне «Предохранительное средство», столь вредное, поскольку отрицает существование письма от 16 августа 1726 г. и проч.

3⁰ [sic!]. Но есть еще нечто необходимое, чтобы добиться кары, а также и опровержений,—это самые усиленные хлопоты. Я уже писал г-ну Морепе. Прилагаю по экземпляру нового прошения для него, для г-на канцлера, лично для г-на кардинала⁹, для г-на Эро. Одну копию посылаю Баржаку¹⁰. Не может ли брат ваш¹¹ понастойчивее воздействовать на г-на Морепе? А г-да Дагессо¹² не повоздействуют ли на г-на канцлера?

4⁰. Как вам известно, г-н Эро дал мне обещание вернуть мое письмо, которое у меня выманил этот ловкий мошенник Жор¹³ и за которое я так дорого заплатил. Но г-н Эро и не думает возвращать его мне, а держит у себя и тем потворствует Жору. Мне, однако, не верится, чтобы он отказался выполнить мою просьбу, если бы на него оказали некоторое давление г. Морепе и г. канцлер.

5⁰. Если г. канцлер направил все дело¹⁴ к г. Эро, не означает ли это, что он имел в виду решение дела в упрощенном порядке? Ибо какая будет мне польза, если он станет разбирать его в порядке уголовном, с соблюдением судебных правил? Я бы решительно предпочел этому даже обычное судебное разбирательство.

6°. А в конце концов, я возвращаюсь все к тому же: против меня нет никаких улик, за исключением только того, что письмо¹⁵, которое вошло в «Предохранительное средство», написано мною. Ну, а о чем говорит это письмо? О том, что я вытащил Дефонтена из Бисетра, а он отплатил мне неблагодарностью! Повторяю, это письмо надо считать первым моим иском к Дефонтену. При этом, ни одной улики против меня, и, наоборот, все улики—против него. В итоге, я настаиваю на опровержении дефонтеновских наветов; всецело полагаясь на благодеяния моего ангела-хранителя.

6° [sic!] Кавалер де Муи¹⁶ чрезмерно пылок; но если это действительно преданный человек, он признает «Предохранительное средство» своим сочинением. Он один сумел поднять на ноги тех, кто дал свои подписи. Его и поощрять надо, но одновременно и сдерживать.

7°. Мой мемуар¹⁷ ему передали с тем, чтобы он его показывал, давая на обсуждение. А он мне сообщает, что поспешил сдать его в печать. Не знаю, действительно ли он его напечатал или, желая закрепить за собою право издания, только уверяет, будто это им уже сделано. Но, так или иначе, в обоих случаях предупредите его, что появление в чужих руках хотя бы одного экземпляра вызвало бы негодование как со стороны г-на канцлера, так и со стороны Даржансона. К этому прибавьте, что я вношу в текст значительные поправки и что опубликовывать его в теперешнем виде—значит губить меня.

Мне было бы очень стыдно причинять вам столько хлопот, если бы вы не были г-ном Даржанталем. Прощайте! Сердце мое преисполнено добрых чувств к вам и нежной признательности.

¹ См. прим. 1 к письму VI. Полностью печатается впервые. Датируется 19 и 20 февраля 1739 г., так как написано после передачи канцлером «дела» о Дефонтене главному начальнику полиции, имевшей место в середине февраля 1739 г. См. письмо Вольтера к начальнику полиции Эро от 20 февраля 1739 г., с текстом жалобы.—M o l a n d № 1077 (XXXV, 180—182).

² Намек на раннюю поэму Вольтера «La Ligue, ou Henri le Grand», известную под названием «Генриада» (1723), и на его же более позднее сочинение «Eléments de la philosophie de Newton», изд. 1738 и 1741 гг.

³ По делу Вольтера с Дефонтеном были поданы канцлеру жалобы от имени нескольких лиц, помимо Вольтера задетых памфлетом «Вольтеромания» (см. прим. 13 к письму XIII), а также племянником Вольтера, Миньо (об этих жалобах см. в книге «Lettres de la marquise du Châtelet», стр. 300, прим. 3). Вольтер побуждал своих родственников выступить от имени всей оскорбленной семьи—см. письма к аббату Муссино от 8 и 12 февраля 1739 г. (в издании M o l a n d №№ 1065 и 1068); в последнем из этих писем Вольтер просит Муссино назваться его родственником, а в письме к канцлеру Дагессо от 11 февраля 1739 г. (M o l a n d № 1066) называет г-жу де Шамбонен своей «кузиной».

⁴ Текст благодарственного письма Дефонтена к Вольтеру за хлопоты об освобождении его из тюрьмы в 1724 г. см. в изд. M o l a n d, XXXIII, 110, № 110.

⁵ О письме Тьерю к Вольтеру от 16 августа 1726 г. см. прим. 5 к письму V. Текст письма до нас дошел лишь в отрывках: см. цитаты из него в письме Вольтера к Тьерю от 2 января 1739 г.—M o l a n d № 1005 (XXXV, 91—93) и в «Mémoire du Sieur de Voltaire» (M o l a n d, X, 39).

⁶ См. прим. 5 к письму V. Под этим «издательским» изданием «Генриады» Вольтер разумеет издание поэмы, вышедшее без разрешения автора в 1724 г. в Руане или в Эврэ, с пометкой «Amsterdam, Jean-Frédéric Bernard», инициатива которого приписывалась Дефонтену: здесь встречаются стихи, не принадлежащие Вольтеру и считавшиеся стихами Дефонтена (V e n g e s s o, I, 101, № 363).

⁷ Речь, возможно, идет о Луи Эон де Бомоне (E o n d e B e a u m o n t)—адвокате парламента и королевском советнике, отце известного дипломата кавалера д'Эона (E o n d e B e a u m o n t, 1728—1810).

⁸ Став, повидимому, на сторону Вольтера в его деле с Дефонтемом, кронпринц Фридрих уклонялся от слишком резкого суждения о Тьерю, и его «недовольство» этим последним Вольтер, повидимому, значительно преувеличивал. Ср. *Des noires terres*, II, 189.

⁹ Fleury Андре-Эркуль де, кардинал (1653—1743), был воспитателем Людовика XV; с 1726 г. до самого дня своей смерти—первый министр, фактический руководитель всей французской политики этого периода.

¹⁰ Barjaс—первый камердинер кардинала де Флёрю.

¹¹ См. прим. 7 к письму VI.

¹² «Господа Дагессо»—сыновья канцлера.

¹³ Жюе Клод-Франсуа—книгопродавец-издатель в Руане, в 1733 г. печатавший «Философские письма» Вольтера и поплатившийся за это лишением издательских прав и заключением в Бастилии. В начале 1736 г. он заявил Вольтеру, что ему вернут права издателя под условием полной откровенности в деле о печатании «Философских писем». Вольтер послал ему письмо, в котором излагал историю издания. Имея в руках доказательство авторства Вольтера, Жюе стал требовать от последнего уплаты 1 400 ливров, будто бы, издержанных им на издание «Философских писем». Между ним и Вольтером разгорелась вражда, длившаяся годы и дорого обошедшаяся обеим сторонам. Пользуясь своими связями, Вольтер делал попытки вернуть себе обличающее его в авторстве письмо и получил от начальника полиции Эро обещание о содействии в этом.

¹⁴ Возбуждение уголовного процесса привело его к судебному следствию, которое могло вывести на свет целый ряд компрометировавших самого Вольтера обстоятельств. Предпочитая ему «упрощенный порядок» («juger sommairement»), Вольтер имел в виду разбор дела и нажим на Дефонтема в административном порядке, который привел бы к письменному опровержению Дефонтемом позорящих Вольтера мест в памфлете (см. прим. 12 к письму I).

¹⁵ В памфлет «Le Préservatif» вошло (в качестве § 27) «письмо к маркизу Маффеи». Отрицая свое авторство по отношению к памфлету в целом, Вольтер признавал себя автором этого письма: речь в нем шла, между прочим, о неблагодарности Дефонтема к освободившему его из тюрьмы автору письма, почему Вольтер и называл письмо это своим первым «иском» к Дефонтему. См. *Moland*, XXIII, 386, а также письмо Вольтера к Тьерю от 24 ноября 1738 г. (*ibid.*, XXXIV, 50) и «Mémoire du Sieur de Voltaire» (*ibid.*, XXIII, 55).

¹⁶ О кавалере де Муи см. прим. 3 к письму VI.

¹⁷ «Мой мем уа р»—все та же многократно переделывавшаяся Вольтером его записка против Дефонтема.

XI

В. 68

21 [февраля 1739 г., Сире]¹

О «Зюлиме»², дорогой друг, мне некогда с вами и побеседовать. Я написал ее в десять дней. Больше десяти недель займут у меня исправления. Сейчас же я с головой ушел в свое дело³.

Г-жа де Шамбонен пришлет вам копию с письма г. Эро, только-что—21-го—мною полученного, а также и ответное письмо мое к нему⁴.

Я попрежнему настаиваю на том, чтобы лица, уже давшие свою подпись под одной жалобой⁵, подписали в присутствии прокурора и другую, согласно форме составленную. Эро будет действовать в официальном порядке; палата королевского прокурора начнет следствие по обвинению Шобера⁶ и Дефонтема, и дело обойдется без моего прямого участия.

У нас с вами совершенно совпали мнения относительно того, чего надо добиваться от г. Эро. Но если этого нельзя добиться без суда,—я смело пойду и по такому пути, в уверенности, что против меня нет никаких улик, и в надежде на вашу помощь. Г-н Морепа высказался очень решительно⁷, и вот опять услуга, которой я обязан дорогому своему ангелу-хранителю!

К кардиналу я не писал, а предпочел написать Баржаку.

Я начинаю думать, что мне следовало прямо прибегнуть к уголовному преследованию, раз г. Меньер приходится судье шурином и дружен с ним⁸. Но особенно важно, чтобы Тьерю помнил о своем письме от 16 августа

ce 9 aoust 1744 a crey

adorable amy je reçois votre lettre,
vous corrigez la promesse de Navarre et
Prout. il faut que je venne vous remercier
de tous vos bienfaits, mais Dieu, Duchapallan
et Dieu me font témoins que je ne m'attends
la peine manquée quand votre lettre
est venue, monfrere de Rehalieu vous
despotiquement que nous revenons a Paris
et j'espere que mon cœur dit ouy, puis que
je vous reverray,
je vous envoie un placet a ch. de pondvele
pour le prier de se joindre a vous dans
l'affaire de prout, comme il ment! Les
grand prout est qui consent luy et ses
fr. de confreres que la frigue de Duplain
remette a ch. prout tous les exemplaires
ou qu'on luy contraigne. Bonsoir. nous
vous disons les choses les plus tendres
je suis au desespoir de ne pas travailler
avec les fr. mais que vous aimez
nulle respect a contraindre

1726 г., в котором он упоминает о дефонтеповском пасквиле под заглавием «Апология»⁹.

Простите мне все эти ничтожные мелочи... Но ведь дело идет о человеческом счастье, о счастье человека, всецело вам преданного!

Вашему брату я шлю благодарственное письмо.

Г-же Даржанталь—тысяча почтительных поклонов.

Адрес: Г-ну Даржанталю,
советнику парламента

Улица Grange Bâtelière, в Париже

Почтовая пометка:
De Vuassy

Рукой Даржанталь: Г-же Шамбонен в Париж

¹ Печатается впервые. Датируется по письмам Вольтера к Муссину и к Эро от 21 февраля 1739 г. (M o l a n d №№ 1078 и 1079).

В верхнем левом углу подлинника зачеркнутая надпись рукой Вольтера: «Lettre à M. Néault».

² «Zulime»—см. прим. 3 к письму VIII.

³ «Мое дело»—дело Вольтера с Дефонтепом.

⁴ Письмо Эро к Вольтеру до нас не дошло; ответ на него Вольтера от 21 февраля 1739 г. см. M o l a n d № 1079 (XXXV, 183).

О г-же Шамбонен—см. прим. 4 к письму IX.

⁵ См. прим. 3 к письму X.

⁶ C h a u b e r t—издатель памфлета «Вольтеромания»—был заподозрен и в его распространении.

⁷ См. прим. 7 к письму VI.

⁸ «Судьяй» Вольтер называет начальника полиции Эро; де Меньер приходился ему шурином.

⁹ См. прим. 5 к письму V.

XII

В. 73

25 [февраля 1739 г., Сире]

Посылаю вам, дорогой ангел-хранитель, свой мемуар, свои пьесы и просьбы мои к г-ну де Меньер. Поступать я буду согласно указаниям, которые он вам даст, и вашим предписаниям.

Присоединяю выдержку из письма принца, которому предстоит стать во главе огромной монархии. Очень хорошо, если это может произвести некоторое впечатление, а если не так,—сожгите выдержку².

Я снова принимаюсь за «Зюлиму». Но я уязвлен в самое сердце: хорошо воздаяние за заслуги! Как! Не найти управы на какого-то Дефонтепа! Regnum meum non est hinc³.

Как ни стараюсь, не могу придумать, какое обвинение мог бы выдвинуть против меня Дефонтеп. Письмо Жора⁴ о «Философских письмах» в руках у г. Эро, а он обещал вам отдать его мне и в регистратуру его не представит, так что письмо это не может явиться уликой против меня. А на все прочее, ручаюсь, нет ни малейших доказательств! За всем тем, однако, без протекции не делай ни шага: нет покровительства—нет и успеха. Я же полагаю, что добиться управы над этим негодяем необходимо. Я просил бы г. Эро написать коротенький ответ на мои вопросы или поручить написать этот ответ на полях.

¹ В текст писем по изданию M o l a n d №№ 1040 и 1069 вошло по одному незначительному отрывку из этого письма (см. прим. 1 к письму III). Датируется по связи с вышеопубликованными письмами X и XI. Второй абзац включен в состав M o l a n d № 1040 от 25 января (фразы 9 и 10); третий абзац (кроме первых слов)—в M o l a n d № 1069, от 12 февраля.

² В письме к Вольтеру наследника прусского престола (будущего Фридриха II) от 3 февраля 1739 г. имеются строки: «Недостойно Франции и постыдно для нее, что вас безнаказанно преследуют... Я возмущен, что никто не восстает против ярости ваших

врагов. Нация должна бы принять сторону того, кто трудится исключительно для славы своей родины и является едва ли не единственным человеком, делающим честь своему веку... Вы знаете, что мы с маркизой—лучшие ваши друзья; если на вас нападут, поручите нам взять на себя вашу защиту» (*M o l a n d*, XXV, 154, № 1053). Ответ Вольтера на это письмо—см. *i b i d.*, 197, № 1090.

³ «Царство мое не от мира сего» (ев. Иоанна, XVIII, 36).

⁴ См. прим. 13 к письму X.

XIII

В. 46

25 [февраля 1739 г., Сире]

Днем я работаю над «Зюлимой»², а вечером пересматриваю мое дельце с милейшим Дефонтемом.

Письмо мое к г. Эро³ вы прочли и знаете, в чем сейчас дело. Все укладывается в два слова: может ли г. де Меньер совершенно определенно сказать вам, на что я могу рассчитывать со стороны г. Эро?

Власть, допускающая такие поношения, навеки оскорбляет литературу; дать справедливое удовлетворение—дело чести для администрации. Повторяю, мне нечего бояться, если г. Эро на моей стороне. Клеветнические наветы Дефонтема разоблачаются документально. «Предохранительного средства» вменить мне в вину нельзя⁴: я располагаю письменными показаниями, что сочинение это писано не мной. На печатание «Послания о зависти»⁵ имелось разрешение, а вдобавок в нем не названо ни одного имени. Что до «Философских писем»⁶—пусть он доносит на меня, как на их автора: сатана не мог бы этого доказать! А на счет «Послания к Урании»⁷—этого не сделать и Вельзевулу! Я смело пошел бы на суд самого Миноса... Ибо, как вменить мне то, чего я не делал? Только бы не обязывал меня г. Эро являться в Париж, а, во внимание к моей болезни, уполномочили бы принять от меня показания какого-нибудь судью в Васси или Шомоне⁸.

Прошу вас, однако, немедленно через савояра известить Бегона⁹ или Мусино, надобно ли мне в течение 24 часов заявить о своем отказе, чтобы королевский прокурор начал безвозмездно дело. Говоря м н е, я разумею себя или вообще тех, кто подаст жалобу, ибо если последняя не будет подана от имени Прокопа или Андре¹⁰, или от имени моих родственников—я подам ее от своего собственного имени. Ни перед чем я, чорт побери, не останавлиюсь, только бы справиться с ним!

25-го.

Тысяча сердечных благодарностей г. Пон де Вейлю.

Адрес: Г-ну Даржанталю,
советнику парламента

Почтовая пометка:
Vuassy

Улица Grange Bâtelière, в Париже

¹ Датируется по связи с письмом Вольтера к начальнику полиции Эро, содержащим заявление Вольтера (*requête*). Начало публикуемого письма, кончая словами «дело чести для администрации», внесено в текст *M o l a n d* № 1040 (XXXV, 136—137). Подлинники Воронцовского сборника обнаруживают, что это письмо составлено из отрывков четырех публикуемых здесь писем Вольтера: III, V, XII и XIII. Тот необычный факт, что Вольтер посылает в тот же день, не оговаривая этого, два письма к одному адресату, может быть объяснен тем, например, что настоящее письмо написано в ночь на 26 февраля и послано вслед за письмом XII. Допустима и ошибка в датировке со стороны Вольтера.

² Трагедия «Зюлима» была начата Вольтером в середине декабря 1733 г.—см. *M o l a n d*, XXXV, 94, № 1007. Посвящена автором знаменитой трагической актрисе *Comédie Française*—К л э р о н (1723—1803).

³ Письмо Вольтера к Эро с изложением дела о памфлете «Вольтеромания» до нас не дошло.

⁴ Уверенный в том, что Вольтер является автором памфлета «Le Préservatif», Дефонтен требовал от Вольтера такого же опровержения этого памфлета, какого Вольтер требовал от него по отношению к памфлету «La Voltairomanie».

⁵ Вольтер имеет здесь в виду «E pître sur l'Envié» — третье из своих «Рассуждений о человеке в стихах» («Discours en vers sur l'Homme»). Литературная традиция относит к Дефонтену стихи:

...Ce fripier d'écrit que l'intérêt dévore,
Qui vend au plus offrant son encre et ses fureurs,
Méprisable en son goût, détestable en ses mœurs... и т. д.

«Этот литературный старьевщик, скупаемый корыстью, продающий тому, кто больше даст, и перо свое и свое неистовство,—со своим низким вкусом, со своей позорной нравственностью» и т. д.

⁶ «Lettres philosophiques» (иначе—«Lettres sur les Anglais») написаны Вольтером во время его пребывания в Англии в 1726—1729 гг., изданы в Лондоне на английском языке в 1734 г. и в 1735 г. напечатаны на французском языке в Руане у книгопродавца-издателя Jore. Противопоставление английских порядков отечественным превращает «Письма» в сатиру на Францию того времени. Авторство свое Вольтер тщательно скрывал. По постановлению Парижского парламента от 10 июня 1734 г., книга была сожжена рукою палача, как произведение «против церкви, добрых нравов и властей», а Вольтеру пришлось оставить Париж и искать пристанища на границе Лотарингии, в замке Сире.

⁷ «E pître à Uranie» Вольтер написал в 1722 г. «в назидание» своей приятельнице, г-же de Rupelmonde, вдове богатого фландрского дворянина. В «послании» имеется ряд выпадов против христианской религии, что и вызвало негодование клерикалов и реакционных кругов. Призванный к ответу начальником полиции Эро, Вольтер отрекся от авторства, приписав его аббату Chaulieu, в то время уже умершему. См. Desnoiresterres, I, 459.

⁸ Vuassy (Wassy, Vassy) и Chaumont—местечки неподалеку от Сире.

⁹ Végon—прокурор, к которому обращался Вольтер по делу с Дефонтемом.

¹⁰ Помимо Вольтера, памфлетом «La Voltairomanie» оказались загронутыми врачи Просоре и André, адвокат Gayot de Pitaval (автор ряда книг, в том числе известного собрания «Знаменитых процессов»—«Causes célèbres», 1734), аббат Séran de la Tour и еще несколько лиц; все они участвовали в «заявлении» (requête), поданном канцлеру.

XIV

В. 80

28 [февраля 1739 г., Сире]

Вот, уважаемый друг, последний предел неудач и обид! Мне уже раньше сообщали, что аббат Дефонтен опередил меня; сейчас я узнал, что королевский прокурор, к которому он обратился,—открытый мой враг и только и ищет, как бы меня погубить. Какого заступничества могу я от него ждать? Это, увы, так! Увы, неужели надо искать заступничества против какого-то Дефонтена?

Доставлено ли, наконец, милому моему ангелу начало «Опыта истории Людовика XIV», которое было вручено Тьерю только для передачи вам², а он продержал его целый месяц?

Все делается вкривь и вкось! Но вы меня любите, и я полон надежд.

В.

Адрес: Г-ну Даржанталю,
советнику парламента

Почтовая пометка:
Vuassy

Улица Grange Bâtelière, в Париже

¹ Отрывок из этого письма вошел в текст письма № 1069 изд. M o l a n d (XXXV, 170 сл.), составленного из небольшой части ныне публикуемого письма и письма ХН. Датирован по связи с письмами Вольтера к Муссино и Тьерю, писанными в тот же день (M o l a n d, XXXV, №№ 1089 и 1901).

² См. письмо к Тьерю, указанное в предыд. прим.

ВОЛЬТЕР, ИГРАЮЩИЙ В ШАХМАТЫ С ОТЦОМ АДАМОМ

Картина маслом Жана Гюбера, 1770—1775-е гг.

На картине изображен также сам художник, рисующий Вольтера, и секретарь Вольтера, Ваньер
Эрмитаж, Ленинград

XV

В. 89

7 [марта 1739 г., Сире]¹

Так значит, милый ангел мой хранитель, ваш дядюшка становится уже «престолом», «властью» — *unus ex altissimis...* La santa chiesa è una bella cosa per Dio².... А вы? Разве вы так навеки и останетесь советником парламента? Нет. Я хочу, чтобы и вы стали также властью—среди мирян. Клянусь, вы также достигнете высоких ступеней, но только не в Америке³. На тот случай, что среди шума поздравлений и торжеств у вас найдется время и для «Зюлимы», я посылаю ее вам через Тьерю, запечатанную тремя печатями с гербом г-жи Дю Шатле.

В четвертый раз повторяю, что еще полтора месяца тому назад Тьерю обязан был вручить вам начало «Опыта о Людовике XIV»⁴.

Ангел мой, лобызаю ваши крылья, а с его позволения,—и крылья другого ангела—г-жи Даржанталь.

Итак, вы оказались архистратигом Михаилом и попираете ногой дракона—Дефонтена? Великое же спасибо вам, покровителю праведников!⁵

Если, благодаря вам, аббат де Бретейль⁶ пройдет в конклависты вашего дяди, вы станете всеобщим ангелом-покровителем. Ручаюсь вам, что кардиналу де Тансен не сыскать себе помощника более приятного, лучше знающего то, что знать полагается, и лучше умеющего действовать так, как действовать надлежит.

Прощайте, дорогой мой ангел.

Кстати, я не сумел так переделать начальные действия, как вы этого требовали. Я пробовал—не выходило. Зюлима оказалась в положении незваной гостьи: не могли повернуться к ней сердца, уже плененные Атидой⁷. Примите это во внимание, господа члены совета! «Зюлиму» вам перешлет уже не Тьерю: г-жа Дю Шатле перестала доверять ему и прибегает к иному способу доставки.

Адрес: Г-ну Даржанталю,
советнику парламента

Улица—Grange Bâtelière, в Париже

Почтовая пометка:

Vuassy

¹ Впервые было напечатано в I томе издания писем Вольтера Cayrol et François (стр. 115) с датой «се 7 mars»; перепечатано в изд. M o l a n d, причем текст публикуемого письма разделен на две части и составил письма: № 1098—с датой 7 марта 1739 г. и № 1132—без даты, но с отнесением к периоду между 12 и 15 апреля (см. M o l a n d, XXXV, 244 notes). В обоих изданиях опущен постскрипtum («Кстати, я не сумел...»).

Дата 7 марта 1739 г. согласуется: 1) с рядом других писем от этого числа (M o l a n d, XXXV, 202—205), 2) с упоминанием о высылке через Тьерю «Века Людовика XIV» (см. письмо XIV) и 3) с датой получения сана кардинала аббатом де Тансен (см. следующее примечание).

² Аббат de Tencin, дядя гр. Даржанталь, был возведен в сан кардинала 23 февраля 1739 г. «Unus ex altissimis»—«один из высших»; итальянская фраза означает: «святая церковь, ей-богу, славная вещь». Словами «престол», «власть» по церковной терминологии обозначаются «ангельские чины».

³ Намек на неосуществленное намерение Даржанталь принять пост губернатора Сан-Доминго.

⁴ Первые главы известного труда Вольтера, вышедшего в 1751 г. под названием «Le Siècle de Louis XIV».

⁵ Неизвестно, о каком новом заступничестве Даржанталь за Вольтера идет здесь речь. Судя по письму Вольтера к аббату Муссину от того же числа (M o l a n d № 1095, XXXV, 22), Вольтер в этот день получил от последнего какие-то приятные для него известия.

⁶ Аббат de Bréteuil—брат г-жи Дю Шатле.

⁷ Atide, испанская невольница—действующее лицо трагедии «Зюлима».

XVI

В. 33

[Сентябрь—октябрь 1739 г., Париж?]¹
Лежа в постели, в половине третьего

Дорогой мой ангел, всегда-то вы слетаете ко мне на помощь с небесных высот мудрости! С вами не сравняться духу, жившему в Сократе... Но раз вы видите насквозь мое сердце, должны же вы знать, что там никогда не было и тени намерения предпринимать что-нибудь иначе, как по соглашению с г-жей Госсен², к которой я полон дружеских и благодарных чувств. И речи не может быть о том, чтобы ставить «Зюлиму» после «Меропы»³ в качестве пьесы новой. Нет еще ни обстановки, ни музыки. До моего отъезда в Сире⁴ актеры успеют только репетировать «Зюлиму» в вашем присутствии, чтобы посмотреть, какое впечатление она производит. Затем можно будет сделать объявление о первом представлении—на последней неделе поста, а то и после пасхи; в случае же успеха, можно будет дать и второе представление. Вот и все. И никакой «Меропы» в среду на первой неделе великого поста! Вы лучший из ангелов. С величайшим почтением целую краешки крыльев и у ангелоподобной вашей супруги.

В.

На обороте: Г-ну Даржанталю

¹ Издается впервые. Не имеет подробного адреса, ни почтовой отметки. Точной датировке не поддается. Повидимому, было написано во время пребывания Вольтера в Париже осенью 1739 г., когда шли переговоры о постановке в Comédie Française его новой трагедии «Зюлима»; возможно, однако, и отнесение этого письма к концу марта—началу апреля 1743 года, в пользу чего говорят некоторые косвенные признаки (постановка «Меропы», отношения к Госсен и т. д.).

² В трагедии «Зюлима» М-ле Госсен играла роль испанской невольницы Атиды. О Госсен см. прим. 13 к письму I.

³ Над трагедией «Меропа» (поставленной лишь в 1743 г.) Вольтер работал с конца 1737 г.

⁴ Вольтер уехал в Париж в первых числах ноября 1739 г. и зиму 1739—1740 г. провел не в Сире, а в Брюсселе.

XVII

В. 50

31 января [1740 г., Брюссель]

Дорогой и уважаемый друг! Письма наши разошлись. Сердечно благодарен я вам за то, что вы отложили произнесение приговора над «Магометом»². Я его перечитывал сегодня, когда пришло ваше письмо от 27-го. Я чувствовал, что меня расхолаживает первая половина третьего действия³—она показалась мне очень длинной, хотя она и коротка. Я убежден, что причина тут в изъяснениях Магомета в любви к Пальмире⁴. Если принять во внимание, что к этому времени он все хладнокровно подготовил для отцеубийства, такое падение кажется нестерпимым. Чем больше я о том думаю, тем более возмутительным представляется мне такой переход от ужасов к чувству любви. Безусловно необходимо, чтобы Магомет был встревожен холодностью Пальмиры еще до принятия своего решения и уж, конечно, до разговора с Сеидом⁴, это и должно оказаться для него лишним поводом к мести; а не так, что он является к дочери и спокойно рассуждает о любви, после того, как уже принял решение отомстить отцу и сыну!

Наряду с этим существенным, на мой взгляд, недостатком, каким-то вводным эпизодом оказывается первая сцена III акта, которая могла бы

быть и живой и сильной. В ней, правда, говорится об опасности, угрожающей Сеиду, но ведь опасность эта еще весьма далекая: несчастья, почти лишь воображаемые, зрителя волновать не могут. Словом, влюбленная эта пара показывается только для того, чтобы побеседовать. Все же то, что не является необходимым, расхолаживает. Есть, на мой взгляд, еще один значительный порок—это подробности, о которых распространяется Омар⁴ в разговоре с Магометом⁴, после обещания Сеида убить отца. В подобных случаях подробности томительны, и его признание Герсиду⁴, без которого обойтись, правда, нельзя, никого не заинтересовывает, ибо в такой напряженный момент порождает скуку все, что не направлено к основной цели.

Все эти недостатки, кажется мне, не трудно будет устранить. Я поразмыслию над исправлениями, какие надо сделать во всех отмеченных вами местах. Торопиться мне незачем.

Если пьеса выйдет хорошей, то ставить ее никогда не поздно⁵. Я еще подвергну ее серьезной переработке. Если вы за последнее время нашли в ней еще какие-нибудь ошибки, ранее вами упущенные, прошу вас не щадить меня, пока у меня спорится дело. Если мне не удалось усовершенствовать 5-й⁶—это доказывает мое бессилие; но как только осенят меня какие-либо счастливые мысли, я не оставлю в пьесе погрешностей против изящества; до сих пор же оно мне не давалось.

Мне очень совестно, что я так плохо сделал этот 5-й: он должен был выйти лучшим из всех актов, раз я им целиком обязан вам.

Я не думаю, чтобы г-же Дю Шатле удалось побывать в Париже после пасхи, и отдам переписать все роли с пометками на полях, чтобы все актеры могли ими руководствоваться. Признаю, что играть эту пьесу чрезвычайно трудно. Но самая эта трудность может стать причиной успеха драмы, ибо трудность вызвана тем, что все здесь написано в новом вкусе, и этой новизной может отчасти быть искуплена недостаточность моих сил.

Мне стало известно, что Прево⁷ укрывается в здешних местах. Знаете ли вы, в чем состоит его дело? Я опасаясь, что он оказался поставщиком злых слухов для торговцев скандальными сплетнями. Хорошо бы разузнать об этом, чтобы быть настороже в отношении к нему, и прежде всего, чтобы не оказать ему плохого приема, в случае, если он того не заслуживает.

Прощайте, милый ангел. Тысяча почтительных любезностей г-же Даржанталь. Г-жа Дю Шатле любит вас и заявляет об этом.

Господин де Рютан⁸ живет не в Лотарингии, он сейчас в Мюнстере. Как только он появится в Люневилле, его поторопят с ответом, а об его поведении нас будут осведомлять.

¹ Печатается впервые, за исключением двух фраз, вошедших в текст письма № 1486 изд. Moland (XXXVI, 112), якобы, от 19 января 1742 г., из Грэ. Повидимому, относится ко времени пребывания Вольтера в Брюсселе в 1740 г., когда он был занят переработкой трагедий «Zulime» и «Mahomet», оперы «Pandore» и комедии «La Prude». (Ср. Desnoiresterres, II, 267). Однако, дате 31 января 1740 противоречит письмо № 1236 изд. Moland (XXXV, 276) к Даржанталю, помеченное «1 февраля» того же года, и, стало быть, как бы написанное на следующий день после публикуемого нами, а в нем Вольтер жалуется на отсутствие отзывов Даржанталь о «Магомете» и вообще на длительное отсутствие писем от него. Выход из противоречия может быть двоякий: либо письмо № 1236 изд. Moland следует отнести к 1741 г., как это и сделано в изд. Saugol et François; либо публикуемое здесь письмо нужно перенести на позднейшее время—31 января 1741 или 1742 г. (обе эти даты совпадают с пребыванием Вольтера в Брюсселе, а обработка текста «Магомета» продолжа-

лась и в эти годы). Однако, ввиду сомнительности датировки письма в изд. Moland и ввиду упоминания в публикуемом письме о скрывающемся в Лотарингии Прево— вполне соответствующего письму его к Вольтеру от 15 января 1740 г. (см. ниже, прим. 7)—приходится остановиться для публикуемого письма на дате: 31 января 1740 г.

² «П р и г о в о р н а д „М а г о м е т о м“» — отзыв Даржанталей об этой трагедии, над которой в то время Вольтер еще работал.

³ Сомнения на тему о «холодных местах» в «Магомете» можно найти и в письме Вольтера к маркизу Даржансону от 26 января 1740 г. (M o l a n d, XXXV, 374, № 1234), что тоже является аргументом в пользу предложенной выше датировки публикуемого здесь письма.

⁴ Действующие лица трагедии «Магомет».

⁵ «Магомет» впервые был поставлен в Лилле в апреле 1741 г., а в Париже лишь 29 августа 1742 г.

⁶ Т. е. V акт трагедии «Магомет».

⁷ P r é v o s t d' E x i l e s Антуан, аббат (1697—1763)—известный писатель, автор знаменитого романа «Манон Леско» (1731) и ряда других романов, редактор журнала «Le Pour et le Contre» (с 1733 по 1740 гг.). В письме к Вольтеру от 15 января 1740 г. Прево сообщал, что скрывается от кредиторов, срок уплаты которым истекал 1 февраля 1740 г.—M o l a n d № 1230 (XXXV, 368).

⁸ О Р ю т а н е у нас сведений нет.

XVIII

ПОН ДЕ ВЕЙЛЮ

В. 62

11 [февраля 1740 г., Брюссель]

Я в восторге, ангелы мои хранители!

Итак, решительно мы обладаем гораздо лучшим вкусом и большей утонченностью, нежели англичане! Знайте же, что «Г-жа Святоша»² почти полностью представляет собой перевод одной из лучших английских комедий. Из последней я выкинул только грязь, да еще те черты, которыми автор наделил господина Франкборда, заимствовав их у мольеровского Мизантропа.

Свою новую «Зюлиму»³ я отослал. Разрешите мне считать пятый акт недурным, четвертый же слаб. Поспеют ли во-время в Париж еще несколько исправлений несчастного четвертого акта, если бы я дополнительно их послал? Исправил я также конец четвертого и пятое действие «Магомета». Думается, что все это сейчас уже не так плохо, как было прежде. Буду иметь честь представить эти два акта на суд вашего трибунала⁴.

С «Пандорой»⁵ сделаю все, что вам будет угодно. Вдохновляйте меня, любите меня и исправляйте!

Г-жа Дю Шатле шлет вам самые сердечные приветствия.

Адрес: Г-ну Пон де Вейлю,

заведывающему мореходными классами

Porte St. Honoré, в Париже

¹ Печатается впервые. Датируем февралем по связи с письмами к Даржанталю от 2 и 16 февраля 1740 г.—M o l a n d №№ 1237 и 1240 (XXXV, 376 сл.).

² «M a d a m e P r u d i s e» — комедия Вольтера, являющаяся переработкой известной в то время английской комедии «Plain dealer» Вичерлея (Wicherley). В письмах к друзьям Вольтер именует свою комедию «Madame Prudise»; официально она называлась в то время «La Dévote». В изданиях В e i c h o t и M o l a n d она напечатана под заглавием «L a P r u d e»; поставлена была 15 декабря 1747 г. на сцене у герцогини Мэнской. Действующее лицо английской комедии Francbord в комедии Вольтера переименовано в B l a n b o r d.

³ «Зюлима» была впервые поставлена на сцене Comédie Française 8 июня 1740 г.

⁴ Ср. письмо к Даржанталю от 16 февраля 1740 г. (M o l a n d № 1240, XXXV, 381).

⁵ «P a n d o r e» — текст Вольтера к опере на сюжет известного мифа (музыка Royer, аранжировка Sireuil); на сцене опера не появлялась. Текст был впервые напечатан в III томе Сочинений Вольтера, изданных в 1748 г. в Дрездене.

XIX

ПОН ДЕ ВЕЙЛЮ

В. 28

23 [февраля 1740 г.]

Если исполнить скоро, значит хорошо исполнить,—вы, милостивый государь, должны быть удовлетворены. Я возвращаю пятый акт «Зюлимы» в тот самый день, как его получил, и надеюсь хоть поведением своим угодить г-же Кино², если и не в состоянии угодить ей своими талантами. Я пересмотрел этот пятый акт холодным оком, и он показался мне удовлетворительным. У меня возникает крепкая вера в успех постановки этого произведения, в виду того, что актерам в этой пьесе дается возможность изобразить весь ход развития страстей. А трагедия должна быть с т р а с т ь ю , в ы с к а з ы в а ю щ е й с я в с л о в а х .

Не думаю, чтобы она произвела столь же сильное впечатление при чтении, ибо слишком похожа она на собрание старинных облачений Роксаны, Аталии, Химены, Каллиррой³, расшитых новыми вышивками.

Перехожу к «Магомету»⁴. Он—весь новый.

Tentanda via est, qua me quoque possim tollere humo⁵.

«Зюлима» будет пьесой женщин, а «Магомет»—пьесой мужчин. Я рассчитываю на ваше благоволение к обоим. Позволяю себе попросить вас о небольшой услуге. Вы попадаете на улицу Сент-Оноре не иначе, как проходя мимо Эбера. Я и прошу вас зайти к нему и осмотреть письменный прибор Мартена⁶, заказанный нами для преподнесения прусскому наследному принцу. Понравится ли он вам? Для подобного принца это вполне подходящий подарок: это сабля, посылаемая Солиманом Скандербегу⁷. Но проклятый Эбер затягивает дело на целые века! Состояние

1741

à Monsieur de Voltaire
à Paris

Je vous donne ma Benediction, je vous ramène les
reines de Madagascar, je vous envoie des Indes
les uns que Dieu a faits votre Roi sans remède
mon Dieu envoie cette lettre de papier
par ses anges créatures il fait plus de
deux fois avec vous, que de voir les lieux en
le monde et de les faire dans l'air. Mais
je ne suis point de votre avis et de votre
vous par effet. Quel est ce Roi qui aime
mon Dieu et m'indigne d'argent comme
les fruits au nombre de quatre par semaine
deux ans leur Dieu leur création
son fort couple adorable

2

à Monsieur de Voltaire

Monsieur de Voltaire
à Paris

АВТОГРАФ ПИСЬМА ВОЛЬТЕРА К ДАРЖАНТАЛЮ ОТ 5 ОКТЯБРЯ 1745 г.

Страницы первая, с неправильной позднейшей датировкой „1741“, и последняя, с адресом, почтовым штемпелем и печатью с гербом Вольтера

Институт истории Академии наук СССР, Ленинград

прусского короля очень плохо, и моя любезность может пропасть даром, если он умрет раньше⁸, чем приборчик дойдет до принца. Не так ведь уж это изящно—посылать подарки королю, который может воздать за них сторицею: видимость корысти может лишить мой прибор всякой ценности. Умоляю же вас, поторопите этого Эбера, натравив на него кого-нибудь из ваших слуг.

Позвольте еще попросить вас передать мой глубоко почтительный поклон г-же Люксанбур⁹. Быть может, и г-жа де Тансен согласится принять такой же поклон?¹⁰.

В.

¹ Со времен Кельского издания часть этого письма вводится в текст письма № 1251 изд. *M o l a n d* (XXXV, 396), напечатанного с датой 12 марта 1740 г. и с указанием на Даржантала, как его адресата. Этому, однако, противоречит обращение «Monsieur», необычное для писем Вольтера к Даржанталю, а также отсутствие в конце письма обычного приветствия по адресу его жены. На то, что письмо адресовано не к Даржанталю, указывает также письмо Вольтера к последнему, опубликованное в изд. *M o l a n d* № 1245 (XXXV, 387) с датой «25» [февраля 1740 г.]: по содержанию оно совпадает с ныне публикуемым письмом. (Даты не совпадают, но в печатных изданиях переписки Вольтера они вообще мало достоверны). В только-что указанном письме к Даржанталю Вольтер сообщает, что пишет Пон де Вейлю и М-лле Кино. Предполагаем, что при этом он говорит как раз о публикуемом нами письме, и адресатом этого письма считаем поэтому Пон де Вейля.

До нас дошло и письмо прусского принца Фридриха к Вольтеру от 23 марта 1740 г., *M o l a n d* № 1254 (XXXV, 400), где выражается благодарность за поднесение письменного прибора, о котором Вольтер говорит в публикуемом письме. Основываясь на совокупности этих данных, датируем настоящее письмо 23 февраля 1740 г.

² М-лле *Quinault* Жанна-Франсуаза (1699—1783)—актриса *Comédie Française*. В ее салоне собирались энциклопедисты и цвет парижской умственной аристократии. Была приятельницей и корреспонденткой Вольтера.

³ *Роксана*—героиня трагедии Расина «Александр», *Аталиа* (Гофолия)—одноименной трагедии Расина, *Химена*—трагедии Корнеля «Сид»; «Каллирроэ» (*Callirhoé*)—опера, текст которой написан поэтом Пьером-Шарлем *Р о у* (1683—1764).
⁴ В начале 1740 г. Вольтер усиленно работал над усовершенствованием трагедии «Магомет».

⁵ «Надо мне изведать путь, по которому и я мог бы подняться из праха» (*V e r g.*, *Georg.*, III, 8—9).

⁶ Письменный прибор мог быть исполнен по рисункам которого-нибудь из двух художников по имени *Martin*: *Martin des Batailles* Жана-Батиста (1657—1735), или его родственника и младшего современника, Пьера-Дени *M a r t i n*.

⁷ *S c a n d e r - b e g* Ян-Кастриот—албанский национальный герой первой половины XV в., ставший во главе восстания эпиротов против турок. На тему о Скандербеге композиторы *Rebel* и *Franсeug* написали оперу по либретто Ламотта. Она была поставлена в Париже в Королевской музыкальной академии 27 октября 1735 г.

⁸ Король прусский Фридрих-Вильгельм I, отец Фридриха II, умер 31 мая 1740 г.

⁹ Герцогиня *de Luxembourg*, урожд. *Colbert* (1711—1747).

¹⁰ *T e n c i n* Кюдина-Александрина (1635—1749)—писательница, хозяйка литературного и политического салона, сестра кардинала де Тансен и тетка Даржантала и Пон де Вейля (см. о ней во вступительной статье).

XX

В. 18

12 марта [1740 г.]

Дорогой мой ангел-хранитель! Я выслал вчера по адресу вашего брата небольшой пакет, вложив в него почти все исправления к «Зюлиме», которых от меня требовал мой верховный совет. Я уже охладел к этому произведению и почти утерял самый замысел его, как утерял и список. Мадемуазель Кино пришлось возвратить мне все пять актов, чтобы ввести меня в курс собственного моего творения! Раздуть наново почти угасшее

пламя—дело весьма трудное, и справиться с этим могло разве только дыхание моих ангелов. Не знаю, удастся ли вам найти остатки какого-нибудь жара в посылаемых вам поправках. Вряд ли это может быть сыграно постом: до пасхи стравить госпожу Госсен с госпожой Дюмениль² мне представляется немислимым... У меня, значит, остается время для «Магомета». Вы не забыли о «Пандоре»? Вы говорили, что из нее может что-нибудь получиться. Сдается мне, что «Пандорой» я скорее удовлетворю вашим требованиям, чем «Зюлимой»... Мне, признаюсь, очень приятна мысль, хоть раз в жизни, добиться успеха у музы оперы. Я обожаю их все девять, а чем больше одержишь побед—тем лучше, если не слишком при этом кокетничать...

Наследный принц написал мне трогательное письмо о своем отце, который лежит уже в агонии³. Повидимому, он хотел бы иметь меня возле себя. Но вы, конечно, слишком хорошо меня знаете, чтобы допустить, что я могу покинуть мадам Дю Шатле ради какого-нибудь короля, хотя бы и любезного...

А вам, право, следовало бы сообщать мне что-нибудь о спектаклях. Они продолжают меня интересовать, несмотря на то, что я в настоящее время весь оцетинился колючками философии⁴. Никогда также не сообщаете вы ничего лично о себе, ни одного слова о вашем пузыре, ни одного слова о том, как вы развлекаетесь... А мне это интереснее всех спектаклей в мире! Попржнему ли отправляетесь вы каждое утро, облачившись в судейскую мантию, чтобы, скучая, выслушивать тяжущихся?⁵ Шлю тысячу сердечных приветов г-же Даржанталь. Не забывайте, пожалуйста, обо мне, когда бываете у господина сардинского посланника⁶, а также у господина Дюссе.

В.

Адрес: Г-ну Даржанталю,
советнику парламента

Улица Grange Bâtelière, в Париже

¹ Настоящее письмо в соединении с предыдущим (XIX) письмом почти целиком вошло в текст письма № 1251 изд. M o l a n d (XXXV, 396 s.).

Дата (г о д) письма устанавливается на основании его содержания, в частности, упоминания о смертельной болезни прусского короля (умер 31 мая 1740 г.).

² В трагедии «Зюлима» актрисы Госсен и Дюмениль исполняли роли испанской невольницы Атиды и трахименской царевны Зюлимы—двух соперниц по любви к Рамиру.

D u m e s n i l Мари - Франсуаза (1711—1803)—знаменитая трагическая актриса Comédie Française.

³ См. M o l a n d № 1246 (XXXV, 387). Письмо датировано 26 февраля 1740 г.

⁴ Вольтер в это время писал работу об учении Ньютона «La métaphysique de Newton».

⁵ Намек на службу Даржантала в парламенте.

⁶ Сардинский посланник в Париже, d e S o l a r.

XXI

ПОН ДЕ ВЕЙЛЮ

В. 20

30 марта [1740 г.]¹

Разрешите мне, милостивый государь, направить к вам новое мое мечтательное раздумье². Вы его сожжете, если осудите, а если одобрите, то покажете г-ну графу Морепе. В последнем стихе ему воздается самая лестная из похвал: там у меня сказано, что у него есть друзья. Ваша с ним дружба—вот хвала ему.

Удовлетворяет ли вас хоть сколько-нибудь «Зюлима»? Думаете ли вы, что мне надо еще пообтесать ее? Я предпочел бы заняться рамками для «Магомёта». Убедительно прошу вас послать аббату Муссино все тексты «Магомёта», какие у вас имеются, в запечатанном пакете, и пусть он перешлет мне пакет с почтовой каретой.

Не думаете ли вы, что надо найти музыканта для «Пандоры»? Не думаете ли, что можно кое-что извлечь из пресловутой «Madame Prudise»³, позволив ей лишь по слабости проделывать то, что на английской сцене ее заставляют проделывать умышленно и злонамеренно и что оскорбляло бы наши нравы—слабоватые, но в то же время и чрезмерно щепетильные... Роль маленького Адина мне кажется такой привлекательной,—умилитесь же и разрешите мне что-нибудь сделать из этой «Прюдиз».

Я прочел «Эдуарда»⁴. Вы очень тронули меня, послав мне перевод Ортолани⁵. Он довольно хорош, на мой взгляд. Грессе я ответил вежливым и дружеским письмом. Это, кажется, добрый малый.

Неужели г-жа Люксанбур действительно нехорошо себя чувствует? Я привязан к вам очень искренно, очень нежно и благодарен вам на всю жизнь. Г-жа Дю Шатле шлет вам самые сердечные свои пожелания.

В.

¹ По традиции, идущей от Кельского издания, данное письмо печаталось в соединении с письмом Воронцовского сборника № 27 от 22 марта [1740 г.] см. письмо № 1259 изд. *M o l a n d* (XXXV, 406). Такие же соображения, как высказанные выше по поводу письма XIX, заставляют считать адресатом его не Даржанталь, а Пон де Вейля. Это подтверждается и просьбой Вольтера показать его новое произведение графу Морепа, с которым близок был не Даржанталь, а именно Пон де Вейль.

² Имеется в виду «*Épître à un ministre d'Etat sur l'encouragement des arts*» («Послание к государственному человеку о поощрении искусств») 1740 г.—см. *M o l a n d*, X, 314. Первоначально в нем было обращение к графу Морепа, но когда в 1743 г. последний не поддержал кандидатуры Вольтера во Французскую академию, его имя было изъято Вольтером из послания.

³ См. прим. 2 к письму XVIII.

⁴ «*E d o u a r d III*»—впервые появившаяся на сцене 22 января 1740 г. трагедия Жана-Батиста Грессе (1709—1777), известного поэта и драматурга.

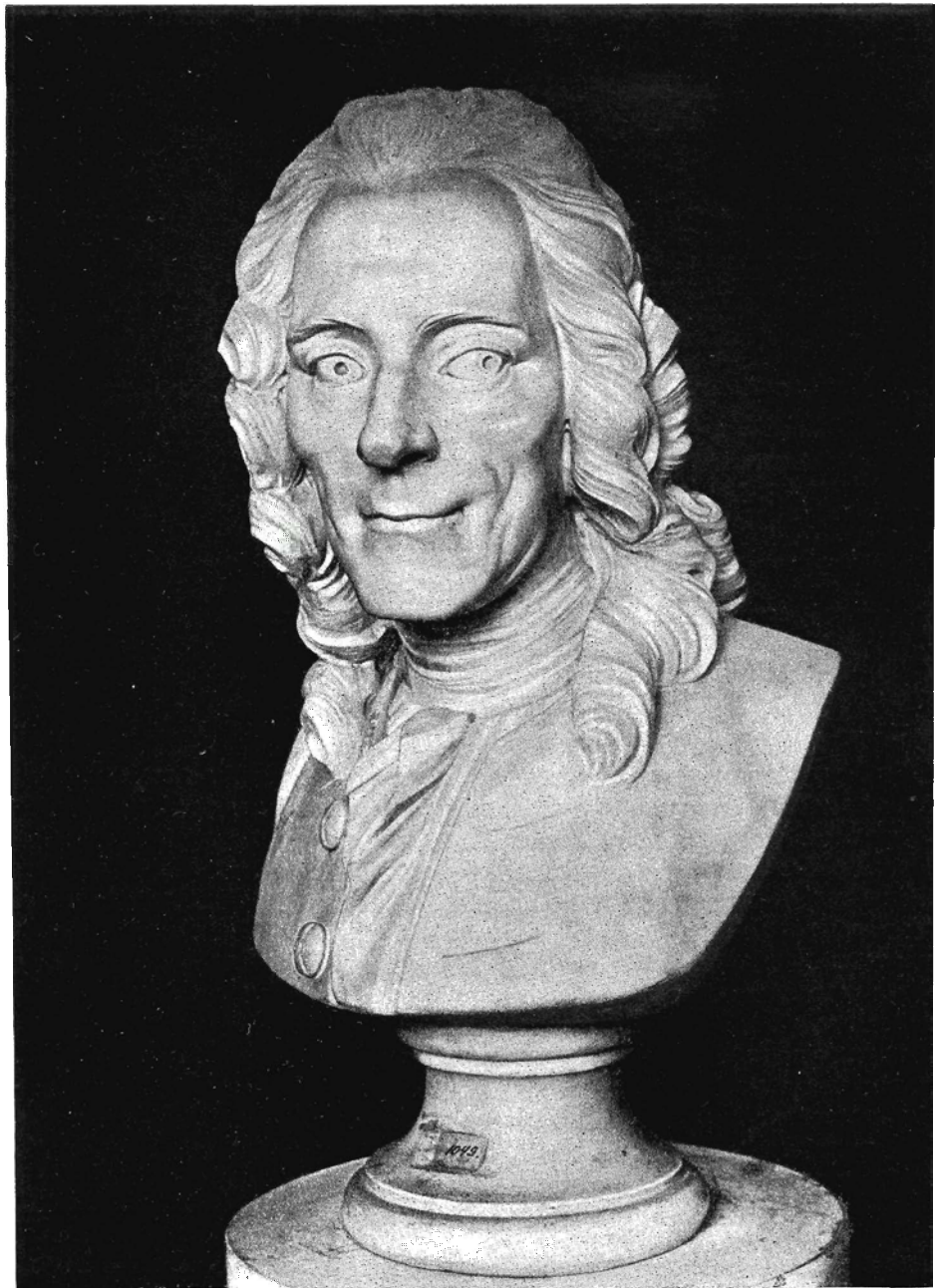
⁵ *O r t o l a n i*—переводчик на итальянский язык нескольких песен «Генрияды» Вольтера.

XXII

В. 2

[14 сентября 1740 г., Клеве]¹

Я располагаю временем только на то, чтобы сообщить вам, дорогой мой ангел-хранитель, что ко времени моего приезда сюда ваше дело было уже сделано. Однако, только наполовину. Я под этим разумею, что г-н Альгаротти уже предложил королю ваших двенадцать цезарей по две тысячи ливров за штуку. Однако, как раз в это же время, пришло письмо к королю от посланника Тьеро, с извещением, что можно приобрести их за одну тысячу². Г-н Альгаротти³ только-что сказал мне, что он уже уведомил вас об этом «солецизме»⁴. Мы сейчас едем. Г-н Мопертюи⁵ сопровождает короля в Берлин. Путешествие в Клеве оказалось несколько приятнее страсбургского. Мы троим, гг. Альгаротти, Мопертюи и я грешный, провели здесь три очаровательных дня в обществе короля, который мыслит по-человечески, живет, как частное лицо, совершенно забывая о своем сане ради наслаждения, доставляемого дружбой. Этому поистине не бывало примеров. Единственный недостаток мешает ему стать

ВОЛЬТЕР В МОЛОДОСТИ
Работа М.-А. Колло, мрамор, ок. 1771 г.
Эрмитаж, Ленинград

совершенным⁶... Прощайте, я устал от удовольствия, которое здесь испытал. Возвращаюсь в Брюссель через Голландию. Я не теряю надежды обнять вас. Тысяча почтительных приветствий хору ангелов.

14 сентября, Клеве.

В.

Адрес: Г-ну Даржанталю,
советнику парламента

Улица Grange Bâtelière, в Париже

¹ Печатается впервые. Датируется, согласно указанию самого Вольтера в конце письма, 14 сентября [1740 г.], днем отъезда Вольтера в Гаагу из г. Клеве, в окрестностях которого, в замке Moyland, произошла его первая встреча с прусским королем Фридрихом II. Несомненно, что именно это письмо Вольтер считал затерявшимся, когда писал Даржанталю 15 сентября 1740 г.: «Боюсь... что письмо, написанное мной из Клеве, до вас не дошло». (M o l a n d, XXXV, 510, № 1345).

² «Двенадцать цезарей» — бюсты двенадцати римских императоров, найденные в конце 1737 г. в замке родных г-жи Даржанталъ. Продажа их Фридриху II не состоялась.

³ Об Альгаротти см. прим. 15 к письму I.

⁴ Солецизмом Вольтер в шутку называет поступок Тьеро, сбавившего цену, назначенную за бюсты цезарей; solécisme значит — нарушение синтаксиса, правил согласования.

⁵ См. прим. 8 к письму III.

⁶ Судя по письму Вольтера от 19 января следующего года, под этим «единственным недостатком» следует понимать скупость Фридриха II, помешавшую ему купить бюсты цезарей (см. M o l a n d, XXXVI, 9, прим. 2).

XXIII

В. 34

6 января 1741 г., Брюссель¹

До Брюсселя я доехал очень поздно, милый мой ангел-хранитель. Но раньше доехать не мог: Маас, Рейн и море целый месяц держали меня в пути. Не воображайте, пожалуйста, что путешествие в Силезию² ускорило мое возвращение. Если бы мне и предложили ехать в Силезию, я все же остался бы здесь. Я считаю безумием предпочитать что бы то ни было наслаждению дружбой. Что более существенного может получить даже тот, за кем останется Силезия?

У такого сердца, как ваше, я должен просить прощения за свой отъезд в Берлин. Он был необходим. Но еще гораздо более необходимо было вернуться сюда. Король прусский просил меня еще о двух днях, — я ответил отказом. Не из тщеславия сообщаю я вам это. Хвалиться здесь нечем. Но пусть же знает мой ангел-хранитель, что я исполнил свой долг. Никогда г-жа Дю Шатле не была для меня настолько выше всяких королей³...

Как жаль, дорогой и уважаемый друг мой, что мне нельзя было быть в Париже и для полноты моего счастья увидеть там вместе с нею и вас. Прошу вас передать г-же и г-ну Дюссе, что судьба их всегда меня интересует. Трудно было решить, к которому из трех больше лежало у меня сердце...

Плавая по воде, я много сделал исправлений в «Магомете»⁴. Я отдам в переписку новую его редакцию. Умоляю вас все приостановить, пока я не предоставлю вам возможность судить о моих новых стараниях, целью которых было — угождение вам, осуществление ваших мыслей. Есть на свете такой сардинский посланник⁵, которому я многим обязан и к которому, независимо от его благодеяний, привязан самым почтительным образом.

Очень прошу вас передать ему это. А вам, второй ангел мой хранитель, вам, сударыня, я шлю уверение в почтительнейшей и сердечнейшей своей приверженности.

В.

Ваши двенадцать императоров⁶ очень меня огорчили. Мне еще неизвестно, какое место среди королей займет тот, кто обещал мне купить их у вас... Я вам послал оттуда⁷ две небольших записки.

Прощайте, милый ангел.

Часть тех ошибок, на которые вы имели любезность дополнительно мне указать, мной исправлена. В конце концов, благодаря вам, должно же стать достойным вас это произведение⁸.

Адрес: Г-ну Даржанталю,
советнику парламента

Улица Grange Bâtelière, в Париже⁹

¹ Начало письма (до слов «Как жаль, дорогой и уважаемый друг...») было издано в виде отдельного письма—M o l a n d № 1394 (XXXVI, 1). В Берлине, при дворе Фридриха II, Вольтер прожил около трех недель и покинул его 3 декабря 1741 г. В Брюссель, где его ждала г-жа Дю Шатле и откуда он посылает публикуемое письмо, он приехал лишь в начале января 1741 г.

² «Путешествием в Силезию» Вольтер называет военный захват Силезии Фридрихом II, которым началась так называемая война за «австрийское наследство». В поход на Силезию Фридрих двинулся в декабре 1740 г., вскоре после отъезда Вольтера из Берлина.

³ Приглашая к себе Вольтера, Фридрих II всегда отклонял приезд к своему двору г-жи Дю Шатле. См. ее письмо к Даржанталю от 3 января 1741 г.—«Lettres de la marquise du Châtelet», 401.

⁴ После первого представления трагедии «Mahomet» в Comédie Française 9 августа 1742 г. враги Вольтера с Дефонтемом во главе подняли шум, объявив, что трагедия подрывает основы государства и церкви; по распоряжению полиции, она была снята с репертуара после первых трех представлений.

⁵ См. прим. 7 к письму XX.

⁶ См. прим. 2 к письму XXII.

⁷ Т. е. из Пруссии. Упоминаемые здесь две записки, которые, по словам Вольтера, только и были посланы им из Берлина «ангелу-хранителю», объясняют, почему по своем возвращении Вольтер счел нужным извиняться перед Даржанталем «за поездку в Берлин». Г-жа Дю Шатле в своем письме к Даржанталю от 3 января 1741 г. выражает сомнение даже в том, были ли написаны и эти две записки.—См. Lettres de la marquise du Châtelet», стр. 401.

⁸ Речь идет о трагедии «Магомет».

⁹ Адрес написан, повидимому, рукой Пон де Вейля; письмо же запечатано красной сургучной печатью с гербом Вольтера; вероятно, оно было вложено в другое письмо, направленное к Пон де Вейлю.

XXIV

В. 114

22 января 1741 г., Брюссель¹

Согласитесь ли вы, дорогой мой ангел, чтобы Магомет, в своем смятении в конце пьесы, говорил:

Vous êtes tous vengés, je me connais moi-même,
Je me hais, je déteste et le trône et le jour.

Обращаясь к Омару:

Frappe; ôte-moi la vie et sauve au moins ma gloire,
Frappe et de tant de honte étouffe la mémoire,
Prends pitié de ton maître et cache à tous les yeux
Que Mahomet coupable est faible et malheureux².

Читая во втором действии сцену между Магометом и Омаром³, я нахожу ее неудовлетворительной: Магомет, кажется, слишком пространно говорит там о своих намерениях по отношению к детям Зопира. Ничего нельзя ждать от человека, высказывающего все, что он собирается делать: от такой болтовни—один вред.

Мне думается, что словами: «*Le ciel voulut ici rassembler tous les crimes*»⁴—что этим сильным стихом он и должен кончить, а появление Зопира должно остановить его готовность изъяснить Омару все свои решения:

*Le ciel voulut ici rassembler tous les crimes!
Je veux... Zopire vient. Ses yeux lancent vers nous
Les regards de la haine et les traits du courroux etc.*⁵

Одним из поводов опустить все, что говорилось Магометом, является соображение, что все это должно было быть сказано в последней сцене второго акта. Он удручен отказом, узнает, что на него злоумышляют. Вот тут-то и должны вспыхнуть в нем мстительные его замыслы. Тут их можно даже извинить: угрожающая ему опасность делает их естественными, ослабляя мерзость его поступков.

Настоятельно прошу вас поэтому сказать переписчику, чтобы он принял во внимание это изменение. И лучше будет, думается мне, если вы любезно согласитесь распорядиться о переписывании пьесы под вашим наблюдением, а я, тем временем, буду иметь честь доставить вам изготовленную здесь копию. Дело будет сделано скорее, и при этом вы успеете переслать мне ваши указания насчет стихов, которые требуют, на ваш взгляд, исправления. Разуму моему любо подчиняться вашему разуму. Прощайте. Тысяча сердечных приветствий г-же Даржанталь.

Адрес: Г-ну Даржанталю,
советнику парламента

Улица Grange Bâtelière, в Париже

¹ Печатается впервые. Об усиленной работе Вольтера над текстом трагедии «Магомет» см. еще в его письме к Даржанталю от 19 января—*M o l a n d* № 1402 (XXXVI, 9—11), ср. № 35 Воронцовского сборника.

² «Вы все отомщены, теперь я себя знаю, ненавижу себя, и ненавистны мне и власть и свет дневной».

Обращаясь к Омару:

Рази! Отними жизнь, но спаси хоть славу мою. Рази и заглуши память обо всем позоре, сжался над господином своим и скрой от всех очей, что преступный Магомет и несчастен и жалок—неизвестный до сих пор вариант к заключительным стихам д. V трагедии «Магомет». Ср. *M o l a n d*, IV, 162.

³ Ср. *M o l a n d*, IV, 123.

⁴ «Небеса решили соединить здесь все преступления».

⁵ «Небеса решили соединить здесь все преступления. Я хотел бы... Но вот Зофир. Глаза его мечут в нас взоры ненависти и стрелы гнева»...

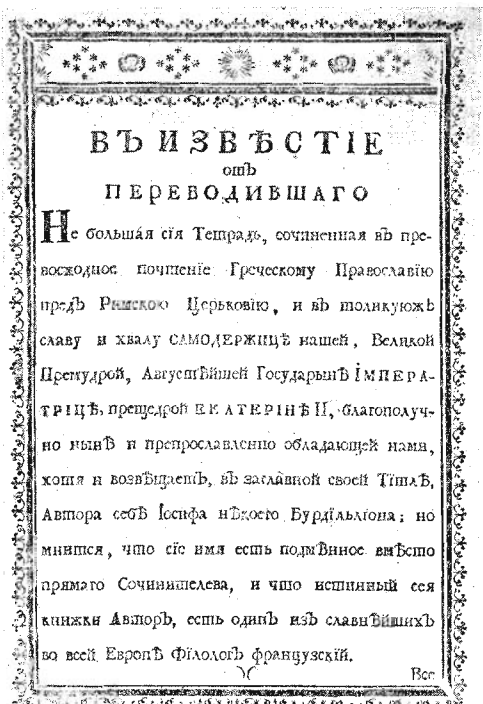
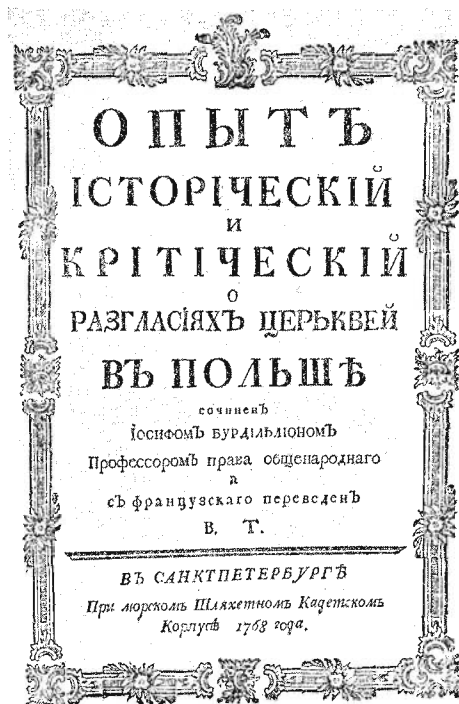
Вот вам, дорогой и уважаемый друг, письмо от г-на Рютана. Вы спросите: почему мне не пересылает его сама г-жа Дю Шатле? Уверяю вас, что ей очень хотелось присоединить длинное собственноручное послание к письму этого Рютана, но она так утомлена целым днем разговоров с Христианом Вольфом² и подобными ему лицами, что не в состоянии писать. Ничего, кроме этой моей записки, вы поэтому не получите. Но гораздо

ценнее сотни моих писем те сердечные приветствия, которые она вам шлет. Тысяча поклонов г-же Даржанталь.

Брюссель, 2 февраля.

Не пишите впредь на улицу Grosse Tour: вот уже скоро год, что мы там не живем³. Из-за такого адреса письма иногда запаздывают на целый день. Пишите просто—Брюссель.

Адрес: Г-ну Даржанталю,
советнику парламента
Улица Grange Bâtelière, в Париже

РУССКОЕ ИЗДАНИЕ „ОПЫТА О РАЗНОГЛАСІЯХЪ ЦЕРКВЕЙ ВЪ ПОЛЬШЕ“ ВОЛЬТЕРА, В ПЕРЕВОДЕ ТРЕДИАКОВСКОГО, 1768 г.

¹ По традиции, идущей от Кельского издания, первые строки публикуемого письма, кончая словами: «... сердечные приветствия, которые она вам шлет», вводились в виде второго абзаца в письмо № 1636 изд. M o l a n d (XXXVI, 277), ошибочно датированное 2 февраля 1744 г. Письмо, несомненно, относится к более раннему времени. В июле 1743 г. Даржанталь получил звание «почетного советника парламента», и Вольтер с тех пор никогда не забывал именовать его так в адресах своих писем к нему. В адресе же публикуемого письма Даржанталь назван просто «советником парламента». К тому же это письмо адресовано на улицу Grange Bâtelière, откуда чета Даржанталь переехала на улицу St.-Honoré с о с е н и 1742 г. (см. ниже, письмо XXIХ). А тот факт, что февраль 1738, 1739 и 1742 гг. Вольтер жил в Сире и, стало быть, писать из Брюсселя не мог, приводит нас к февралю 1741 г.

² W o l f f Христиан (1679—1754)—известный немецкий философ.

³ Вольтер не совсем точен: с этой улицы он сам датировал свои письма не только от 20 февраля 1740 г. (M o l a n d, XXV, 383, № 1242), но и от 1 июня (i b i d., 443, № 1281) и даже еще 27 июня того же года (i b i d., 446, № 1302), если только верна традиция текста в издании.

XXVI

ПОН ДЕ ВЕЙЛЮ

В. 36

[25 февраля 1741 г.¹]

Вы, пожалуй, подумаете, милостивый государь, что найдете в настоящем пакете какое-нибудь из действий моего «Пророка»...² Но это только полугеометрический и полуметафизический мемуар³. Не бросайте его, прошу вас, в огонь, а благоволите вручить вашему брату для передачи г. Мерану⁴. Надеюсь, что брат ваш уже окончательно поправился⁵ и что оба вы простите мне мою вольность.

«Пророк» совсем готов и только и ждет отправки на ваш суд и окончательного над ним приговора. Я жду от вас любезного указания, по какому пути ему надо следовать к вашему трибуналу.

Нет ничего важнее, как появиться на свет во-время. Как ни слаба моя пьеса, она уж, конечно, лучше Алькорана. А такого успеха иметь не будет... Где уж мне быть пророком в своем отечестве!

Но пока вы сохраните хоть немного дружбы ко мне, я буду доволен судьбой за себя и своих близких. Г-жа Дю Шатле шлет вам сердечнейшие свои пожелания. А я жду ваших распоряжений, веруя в вас крепче, нежели мусульмане веруют в своего пророка.

В.

¹ Частично вошло в текст письма № 1413 изд. *M o l a n d* (XXXVI, 22), адресованного Даржанталю. Но адресатом его, несомненно, является Пон де Вейль, как это и указано в Воронцовском сборнике: именно на это письмо, написанное 25 февраля 1741 г. и адресованное к Пон де Вейлю, имеются совершенно определенные указания в двух письмах Вольтера к Даржанталю от 25 и 26 февраля 1741 г., №№ 1412 и 1413 изд. *M o l a n d* (XXXVI, 22). В соответствии с ними настоящее письмо датируется 1741 г.

² Т. е. «Магомет».

³ В 1740 г. и начале 1741 г. Вольтер вступил в философскую полемику с г-жей Дю Шатле. Последняя, увлекшись философией Лейбница, напечатала изложение его системы в «маленьком эскизе» «*Les institutions de physique*». Вольтер, как последователь Ньютона, возражал против учения Лейбница в трактате «*La métaphysique de Newton*». В своем «мемуаре», озаглавленном «*Doutes sur la mesure des forces motrices et sur leur nature*», Вольтер развивал свои возражения против системы Лейбница.

⁴ *Dortous de Mairan* Жан-Жак (1678—1771)—с 1719 г. член Академии наук. С 1740 г., сменив Фонтенеля, был ее непрременным секретарем.

⁵ Даржанталь в это время страдал болезнью глаз. Ср. письмо XXVII к г-же Даржанталь от 13 марта 1741 г.

XXVII

Г-ЖЕ ДАРЖАНТАЛЬ

В. 94

13 марта [1741 г.], Брюссель¹

Любезнейшему секретарю моего ангела-хранителя.

Près de vous perdre la lumière
C'est doublement être accablé.
Qui vous entend est consolé.
Mais celui qui sachant vous plaire,
Vous aime et vit auprès de vous,
Celui-là n'à plus rien à craindre:
Quoi qu'il perde, son sort est doux
Et les seuls absents sont à plaindre².

Все же нужно дорогому и уважаемому другу моему выйти из числа *Quinze-vingt*³, ибо то, что любишь, надо и видеть. Когда он наглядится на вас, сударыня, прочтите—умоляю вас обоих—совсем теперь законченного нового «Магомета». Я переделал его, по мере сил, исправил наново, отшлифовал. Если совет постановляет, что он должен быть сыгран в этом году⁴, ему надо попасть к вам до пасхи. Спросите же г. Пон де Вейля, нельзя ли мне отправить из Лилля пакет на имя г. Морепа⁵: более надежно отправлять пакеты не из заграничного города, а из французского. В Лилле у меня есть родственники, к которым я его и направлю, и таким путем он дойдет до вас скоро⁶.

Ни одна из распространенных в Париже мелочишек не попадаетея мне на глаза. Мы изучаем старые истины, а до новых глупостей нам и дела нет. На-днях г-жа Дю Шатле одержала победу в очень важной части своего процесса, и одержала ее, благодаря своей стойкости, уму и утомительным хлопотам. Это ускорит решение дела на два слишком года. И все, по-видимому, говорит за то, что она выигрывает дело и по существу, как выиграла его в этой предварительной стадии. Тогда, дорогой друг, мы поселимся в этом прекрасном дворце, расписанном Лебреном и Лесюёром, самом подходящем обиталище для философов, не лишенных чувства изящного⁷.

До этого времени мне вряд ли придется быть в Париже. Я отдал переписывать «Магомета» по ролям, и на полях проставляю все необходимые для исполнения в театре указания—по устройству сцены и даже по части декламации.

Руководить своими товарищами может г-жа Кино, если только она лучше себя чувствует⁸. В противном случае, я постараюсь восполнить этот пробел заметками на полях, которые не трудно понять актерам, обладающим разумением театрального искусства. Я, дорогой друг, еще не уверен, что К. П.⁹ заслуживает того, чтобы им так интересовались, как интересуемся им мы. Это—король, что само по себе уже приводит в трепет. Время все покажет... Прощайте. Целую вас, дорогой мой ангел-хранитель. Тысяча сердечных и почтительных приветов г-же Даржанталь. Г-жа Дю Шатле любит вас так, как еще никогда не любила. В.

¹ Полностью печатается впервые. Начиная с первых изданий, всегда печаталось с пропусками; с ними же воспроизведено в изд. *M o l a n d* (№ 1418, 26 сл.). Должно быть отнесено к 1741 г.—к тому времени, когда Вольтер заканчивал работу над трагедией «Магомет» и хлопотал о постановке ее в Париже, при содействии своего театрального друга—г-жи Кино. См. письмо к ней от 6 января 1741 г., в изд. *M o l a n d* № 1395 (XXXVI, 1). Публикуемое письмо обращено к г-же Даржанталь и было ответом на письмо ее мужа к Вольтеру, написанное ее рукой, ввиду того, что сам Даржанталь страдал в это время болезнью глаз.

² «Зная вас, потерять зрение—значит быть дважды несчастным. Слышать ваш голос уже утешение. Но тому, кто избран вами, и любит вас, и жизнь проводит с вами—тому ничто не страшно: чего бы ни лишился он, жребий его счастлив, жалости же достойны только те, кого нет близ вас».

³ Т. е. из числа слепых. «*Q u i n z e - v i n g t*»—больница для слепых в Париже.

⁴ Трагедия «*Maomet*» была поставлена в *Comédie Française* только 9 августа 1742 г.

⁵ Этот способ пересылки пакетов через морского министра де Морепа, приятеля Пон де Вейля, практиковался Вольтером и раньше.

⁶ В Лилле жила тогда со своим мужем племянница Вольтера, г-жа Дени. В их доме Вольтер останавливался, когда бывал в Лилле.

⁷ Под «прекрасным дворцом» Вольтер понимает так называемый «*Hôtel Lambert*» в Париже, на острове св. Людовика, купленный четой Дю Шатле в 1739 г.

⁸ Надежды Вольтера на содействие г-жи Кино в постановке «Магомета» на сцене *Comédie Française* не оправдались: знаменитая актриса покинула сцену в марте 1741 г.

⁹ К. П. (*R. de P.*)—*Roi de Prusse*, т. е. король прусский Фридрих II.

XXVIII

В. 48

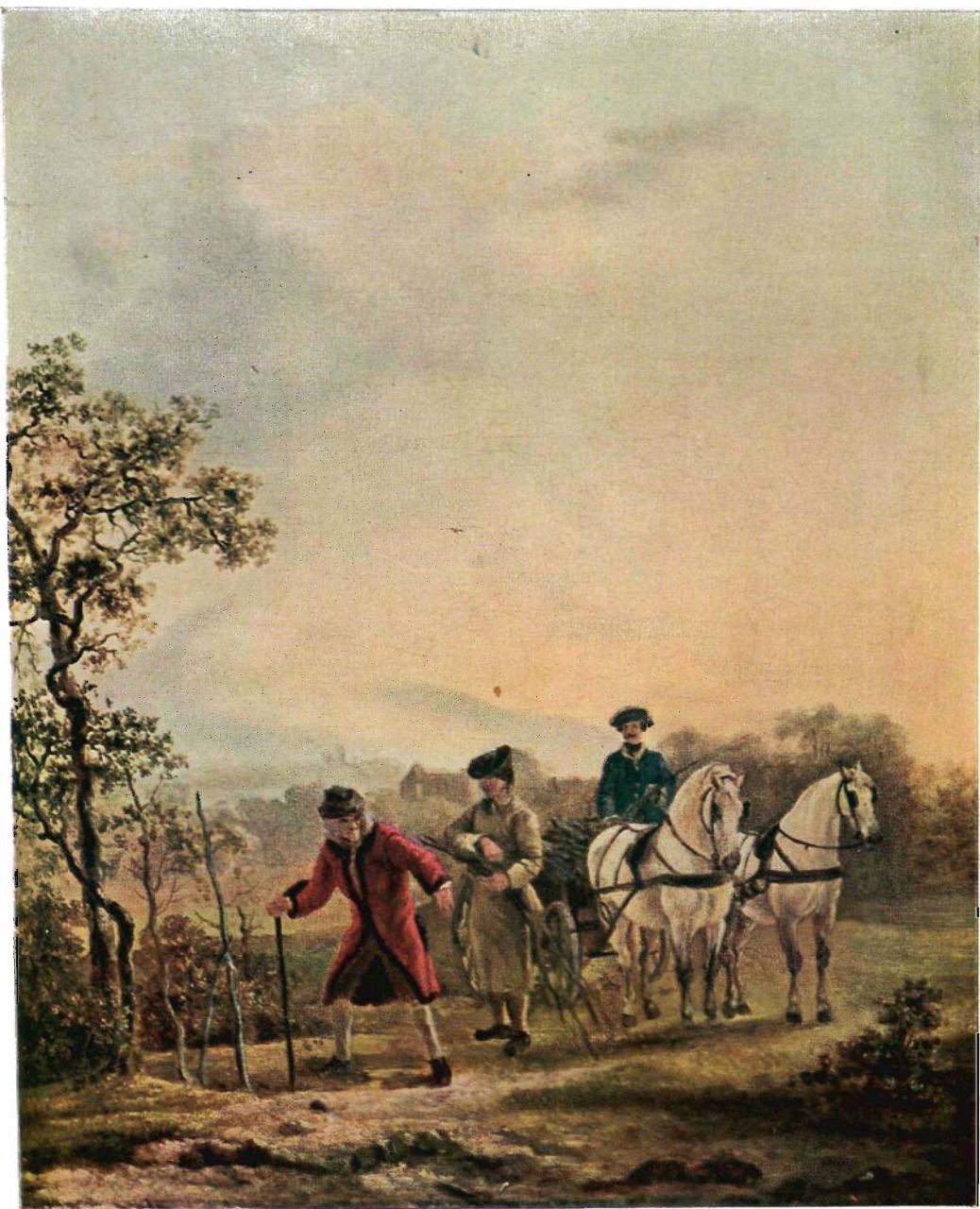
Грэ в Франш-Конте, 19 января 1742 г.¹

Мы держали путь через Франш-Конте, дорогой и уважаемый друг мой, чтобы скорее приехать и повидаться с вами. Те же чувства дружбы и признательности, которые привели г-жу Дю Шатле в Грэ², побудят нас быстро возвратиться к вам. Я не извещал вас, что процесс окончательно ею выигран, полагая, что она писала вам в тот же день, что и я³. Я ограничился сообщением интересных театральных мелочей. К Ла Ну⁴ я не писал. Становится между королем и актерами так же неразумно, как совать палец меж коры и древесины. Я не намерен ссориться ни с королем прусским, ни с королем театральным. Спокойно буду я выжидать, как примет Ла Ну Париж, и так же мало собираюсь заниматься этими выборами, как и выборами императора. Занимаюсь я время от времени только небольшими переделками своего «Магомета». Я сделал с ним что мог. На мой взгляд, он стал интереснее, чем тот, что вызвал слезы у обитателей Лилля⁵. Добавлю, что я убежден и считаю чрезвычайно важным, чтобы «Магомет» шел ранее «Монтезумы». Не знаю, верна ли моя догадка о «чуде» у Пирона: в письме к вашему брату я высказывал догадку, что Пирон использовал чудесный момент, когда Кортец опрокидывает тласкальских богов на глазах у жрецов, к изумлению которых, на испанцев не обрушиваются громы небесные⁶. К тому же, этот ловкий шаг Кортеца, на мой взгляд, выше магометовского, ибо Кортец стоит за правое дело и тем, наверное, вызывает сочувствие в зрителях, тогда как Магомет вызывает в них одно возмущение: его «чудом» увенчиваются преступные деяния, его «чудо» оскорбляет нравственное чувство. И если такое мошенничество, вдобавок, преподносится публике лишь в виде какого-то перепева того, что ей уже известно, — успеха здесь быть не может. Отсюда мой вывод, что Пирона, оказавшегося опасным для меня соперником, необходимо опередить, что «Магомета» надо ставить как можно скорее, с теми актерами, какие сейчас налицо. Помогая им в разучивании ролей, совместной работой с ними я, думаю, могу добиться удовлетворительного исполнения пьесы.

О Дюфрене⁷ я не жалею: для Сеида он слишком утончен и слаб для Магомета⁸. Он совсем не создан для ролей, требующих величавости и силы. На мой взгляд, он был слабоват, когда изображал первосвященника в «Аталии»⁹. В таких ролях Ла Ну гораздо выше его. К сожалению, в нем есть что-то обезьянье.

Прочел я, наконец, «Исповедь графа де...»¹⁰. Ведь это уже обязательно — быть «графом», а мемуары писать не иначе, как от лица «человека знатного происхождения»...¹¹. Что касается меня, то я все же такие исповеди предпочитаю исповеди блаженного Августина¹². Но, по правде говоря, книга эта нехороша, не из тех, что остаются для потомства. Это лишь запись счастливых приключений, рассказ незаконченный, роман без интриги, произведение, ничего не дающее уму, скоро забываемое — так точно, как его герой забывает своих прежних возлюбленных. Я понимаю, однако, что естественность и живость изложения, и особенно основной сюжет, нравятся старым и молодым женщинам, а портреты, похожие на кого угодно, нравятся всем. Прощайте, чудный человек, которому я очень хотел бы нравиться. Тысяча сердечных и почтительных поклонов второму ангелу.

В.

ВОЛЬТЕР, САЖАЮЩИЙ ДЕРЕВЬЯ
Картина маслом Жана Гюбера, 1770—1775 гг.
Эрмитаж, Ленинград

¹ Напечатано в изд. *M o l a n d* № 1486 (XXXVI, 111) в традиционной редакции, с пропусками и с вставками из другого письма.

² По дороге в Париж из Сире Вольтер с г-жей Дю Шатле заезжали в Грэ навестить большую приятельницу г-жи Дю Шатле, графиню д'Отре (*d'Autrey*).

³ Процесс семьи Дю Шатле с родом Гонсбрук (*Honsbrook*), тянувшийся 60 лет. Упоминаемое в тексте письмо г-жи Дю Шатле к Даржанталю (от 12 января) см. в «*Lettres de la marquise du Châtelet*», стр. 434.

⁴ *La Noüe Жан-Батист* (1701—1760)—талантливый актер, драматург, автор трагедии «*Mahomet II*». Вольтер способствовал его переходу из провинции на сцену *Comédie Française*. Дебютировал при дворе в Фонтенбло 14 марта 1742 г. Принимал участие в придворных спектаклях в Версале.

⁵ Впервые «Магомет» шел в Лилле в апреле 1741 г.

⁶ Монтезума и Кортец—действующие лица в трагедии Пирона «Фернандо Кортец», которую Вольтер называет «Монтезумой», по имени одного из ее действующих лиц.—*Pirou Алексис* (1689—1773)—известный поэт и сатирик. Его трагедия «*Fernand Cortez*» впервые появилась на сцене 6 января 1744 г. Действие ее происходит в Мексике; Тласкала—город в этой стране.

⁷ См. прим. 4 к письму II.

⁸ Действующие лица трагедии Вольтера «Магомет».

⁹ «*Athalie*»—трагедия Расина.

¹⁰ Заглавие изданного в 1742 г. романа *Duclos* (Шарль-Пино, 1704—1772)—«*Les confessions du comte de ****».

¹¹ Заглавие романа в 8 томах аббата Прево «*Mémoires d'un homme de qualité*». О Прево см. прим. 7 к письму XVII.

¹² Августин, епископ Гиппонский (354—430)—автор знаменитой «Исповеди» («*Confessiones*») и книги «О граде божьем», один из «отцов церкви».

XXIX

В. 91

[15 октября 1742, Брюссель¹]

Мне хочется поделиться новостями с моими ангелами. Сюда только-что прибыл обладающий тонким чутьем г. Стэр². В его честь стреляют из пушек. Не думаю, чтобы он рискнул стать перед нашими пушками... Голландцы никак себя не проявляют³. Вся тяжесть ляжет на английского короля, а она не мала: его ганноверцы, стоящие лагерем под Брюсселем, открыто говорят, что их ведут на бойню, и порядком досаждают на свое путешествие. Фламандское войско я лично видел: оно в лохмотьях, и ему плохо платят; офицерам в настоящее время задолжали за одиннадцать месяцев. Можете, стало быть, радоваться, французы!

Прошу вас передать г. де Солару⁴, что мы принимаем близко к сердцу его выздоровление.

Тысяча почтительных поклонов моим ангелам.

В.

В Брюсселе, 15 октября вечером.

Адрес: Г-ну Даржанталю,
советнику парламента

Улица *St. Nonogé*, в Париже⁵

¹ Начало письма напечатано в изд. *M o l a n d* № 1636 (XXXVI, 276); датировано 2 февраля 1744 г. В подлиннике дата (без обозначения года) проставлена Вольтером в конце письма. Вольтер пишет своим парижским друзьям из Брюсселя, занятого (во время войны за австрийское наследство) враждебными Францией английскими и ганноверскими войсками. Содержание письма, в частности, указание на позицию голландцев по отношению к войне, побуждает отнести его к 1742 г.

² *Dalrymple Джон*, второй граф *Stair* (1673—1743)—военачальник и дипломат; несколько лет провел в качестве английского посланника в Париже; в 1742 г. командовал английской армией; с марта этого года был чрезвычайным и полномочным послом в Соединенных провинциях.

³ Голландцы решились выступить лишь в мае 1743 г.

⁴ См. прим. 6 к письму XX.

⁵ В дошедшей до нас переписке здесь впервые Вольтер адресует свое письмо Даржанталю на улицу St. Honoré.

XXX

В. 57

20 октября 1742 г., Брюссель¹

Sic vos non vobis mellificatis, apes².

До боли огорчен я известием, что, в завершение всего, «Магомет» напечатан неверными³. Я пишу г-ну де Марвиллю⁴ в самом настойчивом тоне и умоляю его пустить в ход всю его осведомленность и власть для раскрытия этого злоупотребления и наказания виновников. Напишу я и кардиналу де Флэри⁵, как ни неприятно мне беспокоить его такими мелочами среди его важных занятий. Клянусь моим ангелам, что ничего не оставил в Париже, кроме двух экземпляров, скрепленных подписью де Марвиля. Один из них пробыл не более полутора дней в руках Гранваля⁶. Надо только узнать, что случилось со старым экземпляром, который два года тому назад был вручен г-ну де Марвиллю и, как ему представляется, передан им Дюфрену. Не трудно удостовериться, соответствует ли печатный текст тексту этой переданной Дюфрену старой рукописи или тексту тех двух рукописей, которые остались, в конце концов, у г. начальника полиции и по которым ставилась пьеса⁷. И в том и в другом случае г-н де Марвиль может обнаружить исходную точку этих обманных проделок: от разносчика не трудно добраться до издателя, а от издателя—до того, кто пьесу продал. Настоятельно молю моих ангелов, чтобы простерли они над всем этим свои крылья. Выходит так, что их «Магомет», которому они оказали столько благодеяний, на которого я, со своей стороны, потратил столько стараний, доставил мне одни огорчения. Очень несчастлива была бы моя участь, не будь у меня утешения в лице Эмили и моих ангелов. У меня сильные подозрения на Про...

Адрес: Г-ну Даржанталю,
советнику парламента

Улица St. Honoré, в Париже

¹ По примеру прежних изданий, конец этого письма, начиная со слов: «Настоятельно молю моих ангелов...», включен в текст письма M o l a n d № 1550 (XXXVI, 180), датированного «A Bruxelles, novembre 1742». Об этом см. также прим. 1 к письму XXXI.

² Из интерполяции в «Vita Vergilii» Доната: «Так, пчелы, мед собираете вы, но не для себя».

³ Речь идет о «незаконном» (т. е. сделанном без разрешения автора) издании трагедии «Магомет», поставленной на парижской сцене 29 августа 1742 г. Просьбу Вольтера о розыскании участников незаконного издания кардинал де Флэри удовлетворил, передав дело в руки начальника полиции; ср. изд. M o l a n d № 1542 (XXXVI, 173). Сохранилось три издания «Магомета», помеченных Брюсселем и датой 1742 г.; все они вышли без разрешения автора (см. V e n g e s s o, I, 35); о котором из трех изданий говорит письмо, решить трудно.

⁴ Feudeau de Marville Клод-Анри с 12 января 1740 г. по 1747 г. был главным начальником полиции. Письмо Вольтера к нему, о котором здесь идет речь, до нас не дошло.

⁵ Письмо Вольтера к кардиналу де Флэри от 20 октября 1742 г. см. в изд. M o l a n d № 1541 (XXXVI, 172).

⁶ G r a n d v a l Франсуа-Шарль (1710—1784)—известный актер Comédie Française. В трагедии Вольтера «Mahomet» исполнял главную роль.

⁷ О первых постановках «Магомета» см. прим. 4 к письму XXVII и прим. 5 к письму XXVIII.

XXXI

В. 58

10 ноября [1742 г.], Брюссель¹

Меня, должно быть, вдохновляло ваше хранительное попечение, дорогой и уважаемый друг мой, ибо и в «Магомете» и в «Зюлиме» я успел скрепить не одну нить еще до того, как пришло ваше ангельское повеление. «Магомета» необходимо было отдать в печать, ввиду появления тех злосчастных изданий, какие были выпущены в Париже и какие собираются выпустить еще и в Лондоне и в Голландии. Мне пришлось послать в эти два города правильный текст, снабженный кое-какими дополнительными поправками, какие были мне по силам. Посвятительного послания прусскому королю там нет. Но будет печататься письмо к нему, которое я написал два года тому назад, пересылая ему рукописный экземпляр этой пьесы². Надеюсь, что не доставлю вам этим письмом неудовольствия. Вы увидите, что в нем предвосхищены и опровергнуты нападки, которые могли бы исходить от фанатиков, так что мне не придется и отвечать на них. Я там даю понять только одно,—что всегда было много Сеидов³, под разными именами, и что, в сущности, пьеса является лишь обличительным словом против тех адских идей, которые вкладывали нож в руки разных Польшо, Равальяков и Шателей...⁴. К тому же, хотя я в письме и обращаюсь к королю, оно все же чисто философское и ни в малейшей мере не запятнано лестью. От лести королям я так же далек, как и от мысли писать кардиналу Флэри, будто обвиняю Про в тайном издании «Магомета»! Я безусловно не сообщал ничего подобного ни г-ну кардиналу, ни г. де Марвилю. И если, чтобы поугагать Про, мне приписали такое обвинение против него, это было лишь бессовестной ложью. Правда, когда я не получил от Про ответа на мою просьбу добыть мне экземпляр мошеннического издания, у меня одно время возникли подозрения на него, и я сообщил вам о них⁵ и поделился ими также и с г. де Меньером. Но дальше этого я, безусловно, не шел. Прошу вас вызвать Про и хорошенько подтвердить ему эту истину.

Я рассчитываю, что мы уедем отсюда через пять-шесть дней и будем в Париже около 20-го этого месяца. Не будь на свете вас, мне было бы безразлично, где проводить жизнь. В Брюсселе мы вели вполне соответствующее моим вкусам, очень уединенное существование. Я не переставал работать, но много времени я теряю из-за плохого здоровья. А оно расстроено, как никогда. Вы сделаете счастливой жизнь, которую природа упорно терзает; общение с вами и с г-жей Даржанталь вернет мне силу переносить любые страдания... Прощайте.

Будут ли при дворе ставить «Ариадну»?⁶. Г-же Госсен⁷ следует играть роль Федры, а Ариадну пусть играет Ла Конель⁸. Новостей здесь нет никаких. Австрийцы уверяют, что в наступающем году стотысячной армией наводнят Францию. Я этому ни мало не верю⁹. Тысяча сердечных и почтительных приветов г-же Даржанталь и обоим моим друзьям. Не забывайте обо мне, когда видите с г. де Соларом.

¹ По традиции, идущей от Кельского издания, данное письмо печаталось с пропусками и со вставкой из предыдущего письма XXX (см. M o l a n d, XXXVI, 180, № 1550), с датой «ноябрь 1742 г.». Для более точной датировки достаточных данных нет. В пользу 1742 г. говорит все содержание письма: а) Вольтер поспешно выпускает авторизованное издание «Магомета», ввиду того, что «без его ведома появились и будут появляться тайные издания трагедии». Судя по письму XXX, эти тайные издания вышли в октябре 1742 г. Естественно предположить, что шаги для выпуска с в о е г о издания Вольтер предпринял именно в ноябре того же года (первое авторизованное

издание «Магомета», с указанием на Амстердам, как место издания, вышло в 1743 г.). б) Еще определеннее приводит к тому же 1742 г. имеющееся в письме указание самого Вольтера на его письмо к Фридриху II от декабря 1740 г., как на посланное «д в а года тому назад».

² Первым изданиям трагедии «Магомет» предпослано только-что указанное письмо Вольтера к Фридриху II от декабря 1740 г. См. изд. M o l a n d № 1389 (XXXV, 557); содержание этой трагедии в нем характеризовано так: при писании ее пером Вольтера водили «две добродетели—любовь к роду человеческому и ненависть к фанатизму». В последующих изданиях трагедия печаталась с посвящением папе Бенедикту XIV.

³ С е и д—действующее лицо трагедии «Магомет», религиозный фанатик, по наущению Магомета убивший старика Зопира, не ведая о том, что это его отец.

⁴ P o l t r o t d e M e r é—гуенот, убивший в 1563 г. католика герцога Гиза; R a v a i l l a s—фанатик-католик, убивший в 1610 г. Генриха IV; C h â t e l—фанатик-католик, в 1594 г. покушавшийся на жизнь того же короля.

⁵ См. предыдущее письмо (XXX); в письмах к кардиналу де Флэри и к начальнику полиции де Марвилю Вольтер об издателе Про, действительно, не говорит.

⁶ Речь идет, вероятно, об «A g r i a n e», трагедии Тома Корнеля (1625—1709).

⁷ См. п р и м. 13 к письму I.

⁸ Актриса труппы Comédie Française.

⁹ Во время войны за «австрийское наследство» Франция была в коалиции враждебной Австрии.

XXXII

Г-ЖЕ ДАРЖАНТАЛЬ

В. 88

[Конец 1742 г.]

Взамен успеха, очаровательный мой ангел-хранитель, вам надо довольствоваться тем, что намерения у вас были хорошие. Об августейших придирках я уже знаю. Не говорите о них, пожалуйста, никому. Кланяюсь вам обоим. Повидать г-на Даржанталь мне еще не пришлось, но вас я видел, а вы единственная, кто может его заменить. Известно ли вам, очаровательнейшая чета, что кардиналу сегодня очень плохо?

Воскресенье, 11 часов вечера.

В.

¹ Печатается впервые. Подлинник без даты. Написано ранее смерти кардинала де Флэри (умер 29 января 1743) и, можно думать, в самый день приезда Вольтера в Париж, когда ему еще «не пришлось» повидаться с Даржанталем. Приезд этот состоялся не позднее ноября 1742 г.—Ср. письмо из Парижа к César de Missy (M o l a n d, XXXVI, 181, № 1551) от 3 декабря, в котором Вольтер говорит, что долго ждал ответа на письмо, посланное им из П а р и ж а. Датировать публикуемое письмо приходится условно—концом 1742 г.

XXXIII

В. 104

Четверг [весна 1743 г., Париж]

Очаровательный друг мой, сегодня вы не получите ни одной бутылочки того вина, которое вы достаиваете своего предпочтения, изменив вину г-на Мерана²: я сегодня отправляюсь в Версаль, вернусь же только в субботу. Но, бог мой, обвиняют меня совершенно несправедливо! Я только и разговаривал, что с самим Ла Ну³, а замечания свои высказывал самым дружественным образом. Принял он их с некоторой досадой. Это меня не обескураживает. Не только не следует ему играть Оросмана⁴, но не должен он играть и Магомета в своем собственном «Магомете». Таков был мой совет. Подходит ему только одна роль—роль Аги. Он не понимает, до какой степени я дорожу сутью дела и дорожу лично им.

Тысяча сердечных поклонов обоим ангелам.

Адрес: Г-ну Даржанталю,
почетному советнику парламента
Улица St. Honoré, в Париже

¹ Начало настоящего письма, кончая словами: «...с некоторой досадой», вместе со следующим письмом (XXXIV) составляет текст письма по изд. *M o l a n d* № 1563 (XXXIV, 194), датированного мартом 1743 г. Публикуемое письмо датируется по связи с письмом XXXIV.

² См. прим. 4 к письму XXVI.

³ См. прим. 4 к письму XXVIII.

⁴ Главная мужская роль в трагедии Вольтера «Заира».

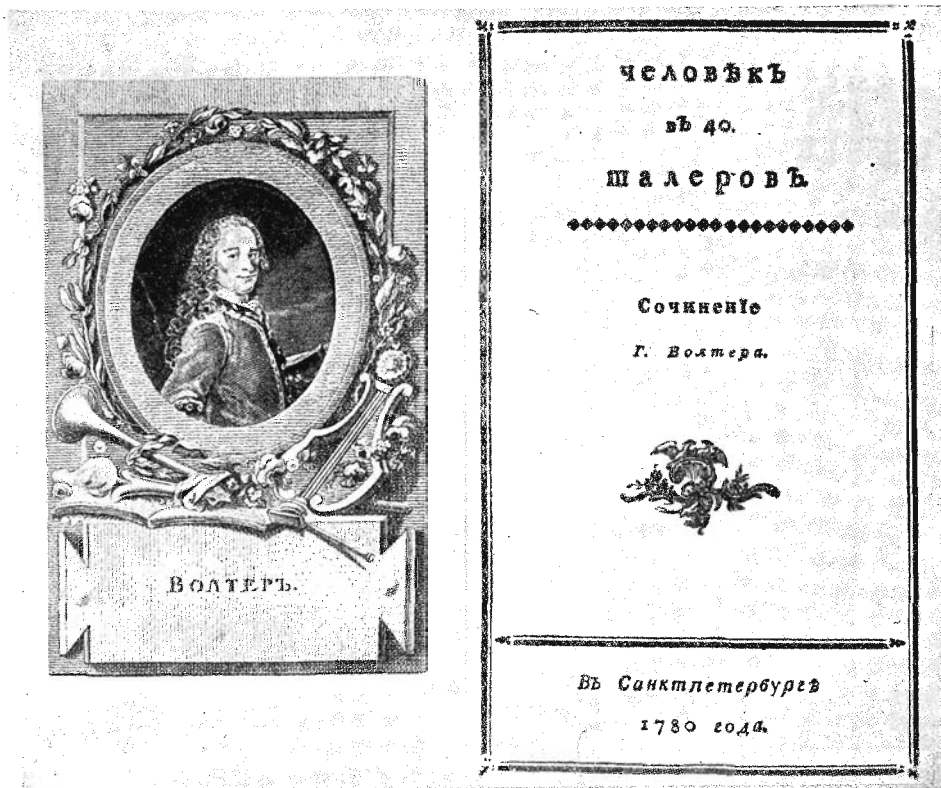
XXXIV

Г-НУ И Г-ЖЕ ДАРЖАНТАЛЬ

В. 104

[Февраль-март? 1743 г., Париж]¹

Но, дорогой и уважаемый друг мой, я только потому противился появлению в Версале физиономии Ла Ну под чалмой Оросмана, что, сыграв роль Оросмана в этом маленьком городке, он получал право и, как я думал, захотел бы играть ее в Париже. Вы сообщаете, что он согласен уступить ее Гранвалю², сыграв ее в Версале, в провинции. Это известие во всех отношениях для меня приятное. Мое отношение к личности Ла Ну, как и к его дарованию, нисколько не изменилось к худшему. Я так же досадовал бы, если бы Гранваль взял роль Тита в «Бруте»³. У каждого свой дар, и следует уметь в него вписаться. В самом деле, ведь надо же и вам и всей публике признать, что у Ла Ну неподходящая для Оросмана внешность. Заиру вы любили ранее того, как полюбили Ла Ну; отдать ему роль Оросмана—значит изменить обоим. Умоляю вас, дорогой мой ангел, наставить

его на истинный путь. Не называйте мою настойчивость упрямством. Ла Ну должен бы поблагодарить меня: я услугу ему оказываю, настоятельно отговаривая появляться в унижительном для него виде. Присоединитесь ко мне, заставьте его понять, что в этом его личная выгода: объясните ему, что ею-то я и дорожу—не хочу я его огорчать, оказывая ему услугу.

Вчера я получил письмо от епископа Нарбоннского⁴. Он дает мне понять, что его убеждают наследовать место кардинала де Флэри и что он согласился. Меня травят со всех сторон. Пусть же будет за меня хоть общество. Показать себя обществу различными сторонами своей личности—это почетно для меня и выгодно. Побудить публику возвысить за меня голос и присоединить его к вашему—вот что может мне дать истинное утешение.

Тысяча сердечных приветов двум обожаемым мною ангелам.

В.

Понедельник.

На обороте: Г-ну и г-же Даржанталь

¹ Вошло в состав письма по изд. Moland № 1563 (XXXVI, 194), см. прим. 1 к письму XXXIII. Оба письма—XXXIII и XXXIV—написаны, очевидно, весной 1743 г., когда еще было вакантно место во Французской академии, освободившееся после смерти кардинала де Флэри (29 января 1743 г.). Вольтер мечтал занять это место, но в начале апреля оно было замещено епископом Байё (Luynes Albert, évêque de Bayeux, 1729—1788).

Публикуемое письмо было написано, очевидно, между 29 января и 4 апреля 1743 г.

² См. прим. 6 к письму XXX.

³ «Virtus»—трагедия Вольтера. Впервые шла в Comédie Française 11 декабря 1730 г.

⁴ Breton de Grillon Жан-Луи де—архиепископ Нарбоннский. В члены Французской академии избран не был.

XXXV

Г-НУ И Г-ЖЕ ДАРЖАНТАЛЬ

В. 102

[Июнь 1743 г., Париж]¹

Прощайте, мои обожаемые ангелы-хранители. Жизнь у меня кочевая, а сердце оседлое. Оставляю на ваше попечение двух великих людей: г-жу Дю Шатле и Цезаря.

На обороте: Г-ну и г-же Даржанталь

¹ Согласно традиции, включено в виде заключительных строк в письмо по изд. Moland № 1560 (XXXVI, 190), датированное мартом 1743 г. Вероятно, написано Вольтером в средних числах июня 1743 г., в момент отъезда из Парижа в Потсдам с поручением от французского правительства, вскоре после запрещения постановки трагедии «La mort de César»; ср. письмо Вольтера к Тьерю от 11 июня 1743 г., Moland № 1581 (XXXVI, 213). Г-жа Дю Шатле оставалась в Париже для хлопот об отмене запрещения ставить на сцене названную пьесу.

XXXVI

В. 98

9 августа 1744 г., Сире¹

Обожаемый друг! Я только-что получил ваше письмо. Вы исправляете и «Принцессу Наваррскую»² и Про. Я обязательно явлюсь к вам отблагодарить за все эти благодеяния ваши. Беру в свидетели г-жу Дю Шатле и господу бога,—когда пришло ваше письмо, я был занят штюпкой неудавшейся мне сцены. Г-н Ришелье³ деспотически требует нашего возвра-

щения в Париж, и я чувствую, что сердце мое отвечает согласием: ведь я там увижусь с вами. Я послал письмецо г-ну Пон де Вейлю с просьбой содействовать вам в деле с Про. Как он лжет! Самое главное: пусть он и J.-f.⁴, сотоварищи его, дадут согласие на то, чтобы мошенник Дюплен добровольно передал г-ну Паллю⁵ полностью все экземпляры или чтобы его к этому принудили. Прощайте. Мы мысленно говорим вам самые ласковые речи. Я в отчаянии, что не могу сотрудничать с любезными вам Франкёрами⁶. Каждому ангелу по тысяче приветов.

В.

Адрес: Г-ну Даржанталю,
почетному советнику парламента
Улица St. Нопогé, в Париже

¹ Частично вошло в состав письма изд. M o l a n d № 1669 (XXXVI, 316 сл.).

² «La princesse de Navarre»—комедия-балет, написанная Вольтером для торжественного празднования свадьбы дофина, сына Людовика XV, с дочерью испанского короля Филиппа V. Впервые дана в день торжества, 25 февраля 1745 г. Над «Принцессой Наваррской» Вольтер работал с апреля 1744 г.

³ R i c h e l i e u Луи-Франсуа-Арман, герцог де (1696—1788)—дипломат, полководец и придворный, а также академик и корреспондент Вольтера. В 40-х годах состоял в кружке лично близких Людовику XV людей. Через него Вольтер поддерживал связь со двором. Ришелье принял участие в постановке «Принцессы Наваррской».

⁴ Непечатная брань.

⁵ Среди корреспондентов Вольтера был некий г-н P a l l u, в 1744 г. бывший интендантом в Лионе, см. M o l a n d № 1639 (XXXVI, 277). Его ли имеет в виду Вольтер, а равно, кто такой Дюплен, нам выяснить не удалось.

⁶ F r a n s o e u r Франсуа (1688—1787)—композитор, заведывавший музыкальной частью при дворе Людовика XV.

XXXVII

Г-ЖЕ ДАРЖАНТАЛЬ

В. 78

Суббота [сентябрь? 1744 г.]¹, Champs

Вместо того, чтобы обедать, обожаемый ангел, я отправился в Шан². Я залез в трясучку аббата де Сен-Пьера³ и теперь чувствую себя лучше. Принимая так близко к сердцу интересы искусства, вы не потерпите того, чтобы г-жа Клэрон⁴ в своей рассудочной и холодной манере играла тот самый третий акт, где ей необходимо развернуть величайший пафос глубокой муки отчаяния. Это явилось бы самым непростительным из нарушений здравого смысла—нарушением сердечного здравого смысла. Если вам будет известно, когда пойдет «Альзира», и вы пожелаете известить меня об этом, вы доставите большое удовольствие созданию рук ваших. Г-жа Дю Шатле шлет обим моим ангелам самые нежные пожелания, а я припадаю к стопам их.

В.

Адрес: Г-же Даржанталь
Улица St. Нопогé, в Париже

¹ По традиции, идущей от Кельского издания, два отрывка из начала письма вошли в текст письма по изд. M o l a n d № 1675 (XXXVI, 322), с датой «сентябрь 1744 г.». Предположительно, по связи со следующим, XXXVIII, письмом, публикуемое письмо датируется сентябрем 1744 г.

² C h a m p s—замок герцога де Лавальер, см. прим. 1 к письму XXXVIII.

³ T r é m o u s s o i r d e l' a b b é d e S t. P i e r r e—трясучка аббата де Сен-Пьера—специальное лечебно-гимнастическое приспособление, введенное знаменитым политическим прожектером и филантропом, автором проекта «Вечного мира», «Полисинодии» и т. д., Шарлем-Иринеем К а с т е л е м (Castel), аббатом де Сен-Пьер (1658—1743).

⁴ C l a i r o n Клэр-Жозеф (1723—1803)—знаменитая трагическая актриса.

XXXVIII

В. 72

Среда [середина сентября 1744 г.], Champs¹

Вы—ангел-хранитель моих слабых вдохновений и ангел-истребитель плохих моих стихов! Что ж! Если уж запрещаете вы мне резко определять все, что пишут для нашего короля, как ни к чорту не годное, скажем так:

Tant de feux d'artifice et si peu de bons vers².

Это si peu—все спасает, а на мой взгляд, заслуживает даже предпочтения, как нечто менее оскорбительное.

Притом же и покоряюсь я всегда охотно...

Говорят «с горы на гору», значит, можно сказать и «с горы в пропасть»³. Даже если бы это оказалось вольностью, она, во всяком случае, была бы здесь уместной.

Alpes (Альпы)—женского рода, а у меня они—мужского рода. Если нас лишают и такой крупницы свободы, мы—лишь несчастные, жалости достойные невольники!

Что скажете вы, любезнейшие мои судьи, о двух последних моих стихах:

Grand roi, d'un tel honneur daignez être jaloux
Et formez des esprits qui soient dignes de vous⁴.

В этом желают видеть назидание королю, отмечая, что я не имею чести состоять членом Совета.

Как же на ваш взгляд лучше:

Louis fit des Boileaux, Auguste des Virgiles.
Puisse un Roi, qui comme eux de son peuple est l'appui,
Faire un siècle nouveau digne d'eux et de lui⁵.

или так:

Puissions nous mériter de vivre sous sa loi
Et que ce siècle heureux soit digne de son Roi⁶.

или:

Et que le siècle enfin soit digne de son Roi⁷.

Вас очень смущает, повидимому, выражение: n'éludez point mes vœux. Надо просто сказать: ne trompez pas mes vœux⁸.

Я потому распространяюсь обо всех этих пустяках, что г. Пон де Вейль поправляется, а приятные вести придают легкость уму.

Завтра вечером мы явимся в Париж с куропатками, и вы решите вопрос, где нам их есть.

Всем вам троим—по тысяче сердечных приветов.

Адрес: Г-ну Даржанталю,
почетному советнику парламента
Улица St. Honoré [в Париже]

¹ Печатается впервые. Датируется серединой сентября 1744 г. по следующим соображениям: 1) письмо находится в полном соответствии с вольтеровскими письмами из Champs к президенту парламента Эно (Hénault) от 14 сентября 1744 г. и к г-же Даржанталю от 18 сентября того же года—см. M o l a n d №№ 1676 и 1677 (XXXVI, 323 сл.); 2) в Champs, замке герцога де Лавальер, с которым Вольтер был в близких отношениях, он в сентябре 1744 г. работал над поэмой «S u r l e s é v é n e m e n t s d e l' a n n é e 1744» (M o l a n d, IX, 429), о которой идет речь в письме; и 3) 7 октября Вольтер пишет к Berger из Парижа, что уже давно покинул Champs—см. M o l a n d № 1678 (XXXVI, 326).

² «Так много потешных огней, так мало хороших стихов»—вариант к поэме «*Les événements de l'année 1744*». Ср. *M o l a n d*, IX, 430, стих 37.

³ *I b i d.*, стих 21.

⁴ «Великий король, дорожите такой славой и образуйте умы, достойные вас»—вариант к двум последним стихам той же поэмы. Ср. *M o l a n d*, IX, 432.

⁵ «Людовик создавал таких, как Буало, а Август—Вергилийев. Да создаст же король, подобно им являющийся опорой своего народа, новый век, достойный и их и его»—вариант к последним стихам той же поэмы; в изд. *M o l a n d* не указан.

⁶ «Да заслужим мы того, чтобы жить под его властью, и пусть счастливый этот век будет достоин своего короля»—другой вариант к последним стихам поэмы.

⁷ «И чтобы век, наконец, стал достоин своего короля»—то же.

⁸ «Не измените надежде моей» и «не обманите надежды моей»—варианты той же поэмы; в изд. *M o l a n d* ни в тексте поэмы, ни среди вариантов к ней их нет.

XXXIX

В. 47

5 октября [1745 г.], Фонтенбло¹

Даю вам благословение свое, избавляю от печалей чистилища, отпускаю вам грехи ваши—так следовало бы обратиться к вам святейшему слуге вашему, раз он шлет вам письмо от папы. Но, чудесные создания, жить близ вас было бы гораздо приятнее, чем, мучась коликами в этом мире,

МОНТЕСКЬЕ И ВОЛЬТЕР

Миниатюра пером работы Ивана Кашинцова, 1773 г.

Миниатюра оправлена в виде перстня. Портрет Монтеस्कье сделан на обороте изображения Вольтера

Эрмитаж, Ленинград

снискивать себе спасение в мире ином! Увы, я не живу... Я вечно болею и слишком мало вас вижу. А какое уж это существование для того, кто так любит г-на и г-жу Даржанталь, как святые, к числу коих я имею честь принадлежать, любят своего бога и создателя!

До свидания, обожаемая чета!

В.

Адрес: Г-ну Даржанталю,
почетному советнику парламента
Улица St. Honoré, в Париже

Почтовая пометка:
de Fontainebleau

¹ Текст публикуемого письма вместе с текстом письма Воронцовского сборника № 99 составили письмо по изд. *M o l a n d* № 1765 (XXXVI, 397). Датируется 1745 г., так как оно написано вскоре по получении Вольтером от папы Бенедикта XIV письма, 19 сентября 1745 г.—*M o l a n d* (IV, 102). Письмо папы прислано в ответ на посвящение ему Вольтером трагедии «Магомет».

XL

В. 107

5 декабря [1745 г.], Париж¹

Посылаю вам, обожаемые ангелы, праздничное представление, которому я старался придать разумный и скромный характер, намеренно устранив

в нем оперную слащавость и дребедень, как не соответствующие ни возрасту моему, ни вкусам, ни избранному сюжету².

Я получу от вас гораздо более приятный подарок, если вы будете добры послать мне в конверте г-на Даржансона (из ведомства иностранных дел)³ подробности, какие вам известны о геройском подвиге г-на Дазенкура⁴.

Г-н де Кремиль⁵ просматривает сейчас написанное мною о Фонтенуа⁶. Он не бранит эту вещь. Как только наберу здесь небольшой запас историй⁷,—полечу к вам снова на поклон.

В.

5 декабря.

¹ По традиции, идущей от Кельского издания, отрывок этого письма, кончая словами: «...ни вкусам, ни избранному сюжету», включен в текст письма по изд. *Moland* № 1780 (XXXVI, 410) в виде его начала; к нему целиком присоединено письмо по нумерации Воронцовского собрания № 107. Относится, несомненно, к 1745 г., когда, заслужив «благоволение» Людовика XV своей «*Poème sur la bataille de Fontenoy*», Вольтер получил звание историографа Франции.

² Речь, вероятно, идет о тексте Вольтера к опере «*Le Temple de la Gloire*», музыка *Rameau* (1685—1764); опера в Версале шла 27 ноября 1745 г., в Париже—17 апреля 1746 г. Первым изданием вышла в 1745 г.

³ См. прим. 5 к письму III.

⁴ *D'Aincourt*—молодой офицер, отличившийся в битве при Меле 9 июля 1745 г.

⁵ *Crémilles Boyer* Гиацинт де—один из виднейших офицеров в армии Морица Саксонского.

⁶ 11 мая 1745 г. при Фонтенуа английские, голландские и австрийские войска были разбиты французскими. Этой победе и посвящена Вольтером «*Poème sur la bataille de Fontenoy*».

⁷ Под «запасом историй» Вольтер разумел собираемый им материал для задуманной им «*Histoire de la guerre de 1741*».

XLI

В. 109

[НЕИЗВЕСТНОЙ]

[Апрель? 1746 г.]

Ручаюсь, сударыня, что вам никогда не придется иметь дело с посланцем более любезным, чем тот, кто доставит вам это изъявление моей нижайшей к вам благодарности. Если я и вступлю в эту Академию, поверьте, все же, что всю жизнь я буду считать во сто раз бдльшим счастьем, что принят у вас.

В.

¹ Печатается впервые. Можно предположительно отнести это письмо к апрелю 1746 г., к эпохе усиленных стараний Вольтера пройти в Академию на место, освободившееся со смертью президента *Воиер* (17 марта 1746 г.). Избрание Вольтера состоялось 25 апреля того же года.

К кому именно обращена эта записка, выяснить не удалось.

XLII

В. 85

[7 марта 1747 г.], Версаль¹

Вы знаете, дорогой мой ангел, что война крыс с лягушками вызвала распрю между богами? Палата Ла Турнель² своим представлением повергает в недоумение и Совет и меня. Вот, поистине, много шума из пустяков! Не можете ли вы, со свойственным вам благоразумием, успокоить достопримечательное сие столкновение? Не повидаетесь ли с аббатом де Шовеленом³ и не попросите ли его передать г-ну Шовелену-президенту⁴, что я очень склонен направить дело в парламент, что я далек от намерения избегать столь почтенного трибунала, а, напротив, только и мечтаю под-

чиниться его решению; что располагаю даже возможностью облегчить до известной степени Совету пересмотр вынесенного им решения; что страстно желаю поставить всех членов Совета в известность о моих намерениях, о моем уважении и доверии к ним; что не дерзал вносить предложения, сколько-нибудь напоминающие выставление каких-либо условий, при которых я соглашался бы на направление дела к вторичному разбирательству Ла Турнельской палатой. Я лишь надеюсь, что адвокатам будет предложено вести себя пристойнее, что не будет допущено такое фиглярство, каким было опозорено слушание дела у судьи по уголовным делам.

Я даже осмелился бы ходатайствовать, чтобы дело не слушалось в заседании суда, а было решено в порядке заочного разбирательства. Мне, словом, хотелось бы, дорогой ангел мой, чтобы через вас, через г-на президента Меньера и через аббата Шовелена господа члены Ла Турнельской палаты были осведомлены о моих намерениях, и притом чем скорее, тем лучше. Приняв во внимание, что я нахожусь в полной неизвестности о том, в каком направлении склонен г-н канцлер решать вопрос о пересмотре дела в Первом совете по делам спешного свойства, вы поймете, до какой степени мне важно, чтобы не была раздражена против меня Ла Турнельская палата, к которой на суд я могу попасть.

Умоляю же вас, мой ангел-хранитель, так широко развернуть надо мной ваши крылья, как еще никогда не развевывали! Умение примирять—одна из ваших добродетелей. И мне кажется, что здесь вам представляется отличный случай применить ваш дар убеждать умы и смягчать настроения... Я не хочу, да и не следует мне прибегать к письменным заявлениям, и я умоляю вас заверить этих великолепных мастеров выступать с представлениями, что я самым искренним образом желал бы иметь их своими судьями.

Тысяча сердечных приветов г-же Даржанталь.

Версаль, 7-го.

В.

¹ Печатается впервые.—В августе 1746 г., по жалобе Вольтера в полицию и судье по уголовным делам (*lieutenant criminel*), якобы, за распространение памфлетов, направленных против Вольтера в связи с его избранием в Академию, был арестован вместе со своим 80-летним отцом скрипач оперы Травеноль.

Палата суда *Châtelet*, куда Травеноли обжаловали арест, постановила взыскать с Вольтера 500 ливров в пользу старика Травеноля, а Травеноля-сына приговорила к 300 ливрам штрафа. Тогда Вольтер, в нарушение обычного хода для этого рода дел, добился при помощи своих связей того, что Государственный совет (*Conseil d'Etat*) 1 февраля 1747 г. передал дело на пересмотр в *Chambre de l'Arsenal*, которая и вынесла решение в его пользу. Но нарушение законного хода дела было вновь обжаловано Травенолями, и Государственному совету пришлось пересмотреть дело и направить его для разбирательства в палату парламента *La Tournelle*. Здесь Вольтер потерпел поражение: приговор суда *Châtelet* был подтвержден, и ему пришлось уплатить штраф в сумме 500 ливров.

Публикуемое письмо, очевидно, написано в момент, когда Государственный совет вторично обсуждал дело и склонялся направить его в Ла Турнель, чего Вольтер и опасался. Окончательное постановление совета о направлении дела в Ла Турнель состоялось 25 марта 1747 г. Таким образом, письмо Вольтера написано ранее 25 марта, а так как оно помечено «Версаль 7», то датировать его следует: 7 марта 1747 г. (*Ср. Despoiresterres*, III, 63 сл.).

² *La Tournelle*—одна из палат парламента, решавшая как уголовные, так и гражданские дела.

³ *Chauvelin* Анри-Филипп де (1714—1770)—аббат; с 1738 г. советник парламента. Впоследствии заслужил известность литературной борьбой с иезуитами, в которой ему оказывал поддержку и Вольтер.

⁴ Вероятно, брат предыдущего—*Chauvelin* Жак-Бернар де—интендант финансового ведомства и государственный советник (*intendant des finances et conseiller d'Etat*).

XLIII

Г-ЖЕ ДАРЖАНТАЛЬ

В. 110

[1747 г., Париж?]

Я потому не являюсь к вам, дорогие мои ангелы, что нахожусь примерно в том состоянии, в каком вчера была г-жа де Люксанбур. Большое надо бы иметь мужество, чтобы переносить жизнь, не будь вы ее утешением и усладой...

В.

На обороте: Г-же Даржанталь

¹ Издается впервые. Точно датировать трудно. Если предположить, что здесь говорится о предсмертной болезни герцогини Люксанбур, умершей 29 октября 1747 г., то можно отнести эту записку к осени 1747 г.; после 25 августа Вольтер с г-жей Дю Шатле провели тогда месяца полтора в Париже и около 14 октября уехали с двором в Фонтенбло. См. Desnoiresterres, III, 130 сл. О г-же Люксанбур см. прим. 9 к письму XIX.

XLIV

Г-ЖЕ ДАРЖАНТАЛЬ

В. 147

[1744—1747 г.]

Если бы меня сегодня пригласили в «малые кабинеты» или к президенту Эно², что еще поважнее, я, конечно, без всяких колебаний, предпочел бы храм дружбы.

Я полон почтения к горю г. де Шуазёля³ и к вашей отзывчивости. Еще никогда не высказывали вы, сударыня, столь доброго ко мне отношения! Я явлюсь к вам с богатым запасом таких мелочей, которые могли бы вас развлечь, и с сердцем, умеющим разделять все ваши чувства, горячо любящим прекрасную вашу душу.

В.

Воскресенье.

На обороте: Г-же Даржанталь

¹ Печатается впервые. Данных для точной датировки нет. Выражениями «кабинеты»—«les cabinets», «petits cabinets» при французском дворе того времени называли кружок людей, состоявших в личной близости к Людовику XV. Исходя из того, что к придворным кругам и, в частности, к герцогу Ришелье (см. прим. 4 к письму XXXVI) Вольтер был особенно близок в 1744—1747 гг., считаем возможным отнести публикуемое письмо к этому периоду.

² Hénault Шарль-Жан (1685—1770)—президент одной из палат парламента. Его дом был центром литературной и «светской» жизни Парижа середины XVIII в.

³ Choiseul Сезар-Габриэль, граф де (1712—1785)—с 1752 г. герцог de Praslin.

XLV

В. 116

Люневиль, 1 февраля¹ [1748 г.]

Дошли ли до моих прекрасных ангелов полные ошибок списки той «Семирамиды»², которую они приняли под свое покровительство?

Вот я и в Люневиле! А зачем? Прекрасный человек король Станислав³, но даже вместе с королем Августом⁴, как ни велик их вес,—если положить их на одну чашку весов, а на другую моих ангелов,—то перетянут ангелы...

Я все время болен. Но если еще остались стихи, требующие исправления, приказывайте, и я постараюсь выздороветь. Довольны ли, наконец, г. Пон де Вейль и г. де Шуазёль⁵ моей вавилонской царицей? Как здо-

МОЛОДОЙ ВОЛЬТЕР

Портрет маслом работы неизвестного художника французской школы, ок. 1737 г.

Исторический музей, Москва

ровые их? Любят ли они покушать? Да, конечно... А затем принимают липовую настойку. В этом же роде поступаю и я,—целые сорок лет ежедневно повторяя себе: с завтрашнего дня—воздержание! А вот никогда не знавшая воздержания г-жа Дю Шатле чувствует себя чудесно и шлет вам самые сердечные поклоны. Не знаю, она, быть может, останется здесь на весь февраль месяц... Что же касается меня, то в качестве незначительной планеты сонма, ее окружающего, я плетусь кое-как по ее орбите. И хотя жизнь моя здесь проходит в высшей степени приятно и удобно, я с наслаждением вернусь к вам на поклон. Прощайте, обожаемые мои ангелы. Вам я буду верен до последней минуты жизни и всегда и от всего сердца буду вас чтить.

В.

Адрес: Г-ну Даржанталю,
почетному советнику парламента
Улица St. Ноногэ, в Париже

Почтовая пометка:
Lunev[ille]

¹ Вместе со следующим письмом (XLVI), часть публикуемого письма вошла в текст письма *M o l a n d* № 1882 (XXXVI, 504). Публикуемое письмо является первым в серии писем Вольтера из Лотарингии, где они с г-жей Дю Шатле, при дворе бывшего польского короля Станислава Лещинского, провели с перерывами почти весь 1748 г. и часть 1749 г. (см. письма XLV и LXI). Письмо относится ко времени, когда в Париже готовилась постановка новой трагедии Вольтера «*Sémiramis*», а автор продолжал работать над ее усовершенствованием. Первое ее представление в Париже на сцене *Comédie Française* 29 августа 1748 г. не встретило того единодушного одобрения, какое трагедия вызвала позднее на придворном спектакле в Фонтенбло 24 октября того же года. Датируется письмо 1 февраля 1748 г.

² Трагедия «*Sémiramis*» («Семирамида») была написана по просьбе первой жены дофина, дочери испанского короля Филиппа V, женщины литературно образованной и любившей сюжеты из древней истории. Заказчица умерла в 1746 г., за два года до постановки трагедии.

³ Станислав Лещинский (1677—1766)—польский король. Вследствие военных и политических неудач, в 1732 г. после 32-летнего царствования отрекся от престола, а по Венскому трактату 1738 г. получил в пожизненное владение Лотарингию, после его смерти долженствовавшую отойти к Франции. Его резиденции—Nancy,

Lunéville, Commercy, Malgrange—стали блестящими центрами художественной и светской жизни.—Дочь Станислава Лещинского была женой Людовика XV.

⁴ Август III (1696—1763)—польский король, выбранный на место Станислава в 1736 г. Его дочь была второй женой дофина Франции.

⁵ См. п р и м. 3 к письму XLIV.

XLVI

В. 117

13 февраля [1748 г.]¹, Люневиль

Успех Мармонтеля², уважаемый и милый друг мой, доставил мне гораздо больше удовольствия, чем могла бы доставить та поспешная постановка «Семирамиды», которую собирались осуществить актеры. От откладывания пьеса лишь выиграет. Спешу же я только вернуться ко двору моих ангелов, который предпочитаю дворам всех королей!

Мармонтеля я очень люблю. При его средствах ему необходим был этот случайный маленький прибыток. Получив возможность спокойно работать, он будет работать гораздо успешнее. Мне кажется, что от него можно ждать очень много хорошего.

Я присутствовал здесь на представлении «Гордеца»³. Его жестоко терзали, но пьеса все же доставила мне необычайное удовольствие. Я почти убежден, что это произведение в отношении нравственности не уступает лучшим произведениям Мольера и выше их всех по развитию сюжета. «Заира» была здесь сыграна мальчиками и девочками. *Ex ore infantium* и т. д.⁴

Выходит так, что я не могу отлучиться из Парижа, чтобы не оказаться изгнанником!⁵ Ваши парижане чрезвычайно милы: они доводят до сведения королей и вельмож, что стоит только издать «*lettre de cachet*», а уже встречено это будет всегда полным одобрением. Послание от меня к супруге дофина! Ничего подобного, конечно, не было. Я, правда, написал одну вещь для принцессы, которую вся Европа почитает любезнейшей, после королевы и г-жи супруги дофина⁶. Написано это послание более года тому назад. Списков с него я не давал никому, даже вам: я не придавал ему такого значения, чтобы вам его показывать. Заявляйте же, пожалуйста, каждому из этих звонарей, где бы их ни встретили, что к супруге дофина писем я не пишу.

Так называемое изгнание свое, благодаря деду августейшего супруга принцессы, я провожу здесь с большой приятностью⁷. Я, правда, хворал, но и хворать приятно в гостях у польского короля. Вряд ли кто заботится так о своих близких, когда те заболеют. Невозможно быть ни лучшим королем, ни лучшим, чем он, человеком.

Очень рад буду по возвращении к вам оказаться собратом автора «Злюки». Он не станет угощать нас нелепыми грамматиками, как его предшественник, аббат Жирар⁸, зато будет сочинять прелестные стихи, а это гораздо более ценно. Мне бы очень хотелось присутствовать на его приеме в Академию.

За доброе отношение ко мне сердечно благодарен уважаемому брату вашему, г-ну Шуазёлю, г-ну де Ла Марш⁹, г-ну аббату де Шовелену¹⁰. Передайте, пожалуйста, аббату де Берни¹¹, что если он и забывает меня, то я-то его помню. Расположился ли он уже в своем Тюильрийском дворце? Что до меня, то если б я жил без г-жи Дю Шатле, я непременно занял бы помещение с гирляндами и букетами цветов, которое прежде занимала «прекрасная Бабе»¹². Г-же Дю Шатле здесь так нравится, что я начинаю

думать, она никогда отсюда и не выедет. А я чувствую, что только ради вас решусь расстаться с Люневилем. Вы и представить себе не можете, обожаемая чета, какое чувство преданности и нежности связывает меня с вами и вашими близкими.

В.

Еще не малой шлифовки требует та, что находится под вашей опекой¹³.

¹ См. прим. 1 к письму XLV.

² *Marmontel* Жан-Франсуа (1723—1799) — известный драматический писатель. В начале литературной карьеры пользовался покровительством Вольтера, которому посвятил трагедию «*Denis le Tyran*», с успехом появившуюся на сцене 5 февраля 1748 г. Именно об этом его успехе говорит Вольтер в публикуемом нами письме (ср. его письма к Мармонтелю от того же 13 февраля, *Moland* № 1880, и от 15 февраля 1748 г., *ibid.* № 1884); на этом основании письмо датируется 13 февраля 1748 г.

³ «*Le Glorieux*» (1732 г.) — комедия известного поэта Филиппа Детуша — (*Néricault-Destouches*, 1680—1754).

⁴ «Устами младенцев... [глаголет правда]».

⁵ В Париже распространился неверный слух о новом изгнании Вольтера из-за, якобы, написанного им послания в стихах жене дофина с критикой французского двора.

⁶ Под «любезнейшей принцессой» Вольтер разумеет жену шведского наследного принца, в честь которой им написаны стансы «*Souvent la plus belle princesse*» и т. д.

⁷ Дед дофина — Станислав Лещинский (см. прим. 1 и 3 к письму XLV).

⁸ Автор комедии «*Le Méchant*» — *Gresset* (1709—1777 г.) — поэт и драматург, избранный в академики 4 апреля 1748 г.

Girard (1677—1748) — автор в свое время очень известного труда «*Synonymes français, leurs différentes significations et le choix qu'il en faut faire pour parler avec justesse*» («Французские синонимы, различные их значения и выбор их, необходимый для правильности речи»), изд. 1718 и 1736 гг. Этот труд Жирара Вольтер называет «грамматикой».

⁹ *Fyot de La Marche* Клод-Филипп, маркиз — товарищ Вольтера по коллежу Людовика Великого.

¹⁰ См. прим. 3 к письму XLII.

¹¹ *Bernis* Франсуа-Иоахим (1715—1794) — аббат, с 1758 г. кардинал; поэт, впоследствии дипломат и государственный деятель. В эпоху, к которой относится публикуемое письмо, был близок к фаворитке Людовика XV, маркизе Помпадур; пользовался пенсией и квартирой в Тюильрийском дворце.

¹² «*La belle Babet*» — прозвище аббата де Берни.

¹³ Т. е. трагедия «*Sémiramis*».

XLVII

В. 123

11 июля [1748 г.]¹, Коммерси

Святые мои ангелы! Пломбьерский² пруд, оказывается, уж надоел г-ну де Шуазёлю? Как же относится к этому г-жа Даржанталь? Еще надолго ли хватит ее настойчивости? Не поедете ли вы в обратный путь по дороге через Лотарингию и Бар? Если вы выберете эту дорогу, а она самая краткая, сообщите мне об этом, мы тогда встретимся при вашем проезде в Вуа³, до которого от Коммерси всего одно льё расстояния. Очень вам благодарен за письмо от г. аббата Шовелена⁴, которое вы любезно мне переслали. Вы воскрешаете мой интерес к «Семирамиде». Мне необходимо посмотреть ее, но в первую очередь — посмотреть на вас, дорогие мои ангелы. И зачем бы это в Вуа, в каком-то трактире, а не с полным для всех нас удобством в Сире? Разве не вполне подобало бы вам и не гораздо приятнее было бы отдохнуть денёк в Сире? Г-жу Верпийак замените г-жей Дю Шатле, — она же окажет вам не менее сердечный прием⁵, ибо, в конце концов, обе они добрые женщины.

Я вернулся бы вместе с вами в Париж, разместиться в экипажах было бы не трудно. В Париж и даже в Компьен⁶ мне, повидимому, придется поехать в конце июля или в первых числах августа. А вам, думается мне, придется возвращаться приблизительно в это же время.

Сообщите же мне подробно, как располагаете поступить, дабы г-жа Дю Шатле могла сообразоваться с вашими решениями. Но надо с этим спешить. Мы будем ждать вашего ответа с нетерпением людей, которым представляется возможность повидаться с вами. Никакие короли помещать тут не могут. Ради кого же и покидать их, если не ради вас? До свидания, мои ангелы и короли. При вашем милом дворе я охотно провел бы всю свою жизнь.

В.

Адрес: Г-ну Даржанталю,
почетному советнику парламента
В Plombières, через Нанси

Почтовая пометка:
de Commercy.

¹ Печатается впервые. Датируется 1748 г. в связи с предшествующими двумя письмами, относящимися тоже ко времени пребывания Вольтера при дворе Станислава Лещинского. *S o m m e t s u*—одна из резиденций последнего.

² Лето 1748 г. чета Даржанталей проводила с гр. Шуазэлем «на водах», в курорте Пломбьер в Вогезах. См. *M o l a n d* №№ 1889, 1896, 1901 (XXXVI, 511, 518, 522).

³ *V o i d*—местечко в 8 километрах от Коммерси.

⁴ См. прим. 3 к письму XLII. Аббат де Шовелен, любитель театра, принимал большое участие в деле постановки «Семирамиды».

⁵ *O g-je de Verpillac* упоминает и г-жа Дю Шатле в своем письме к Даржанталю от 29 июня 1748 г. (Ср. «*Lettres de la marquise du Châtelet*», 471).

⁶ В конце августа 1784 г. Вольтер вместе со Станиславом Лещинским, действительно, ездил в Париж. *S o m p r i è g n e*—город в 100 километрах от Парижа, издавна служивший резиденцией французским королям. Вольтер и г-жа Дю Шатле ездили туда ко двору Людовика XV.

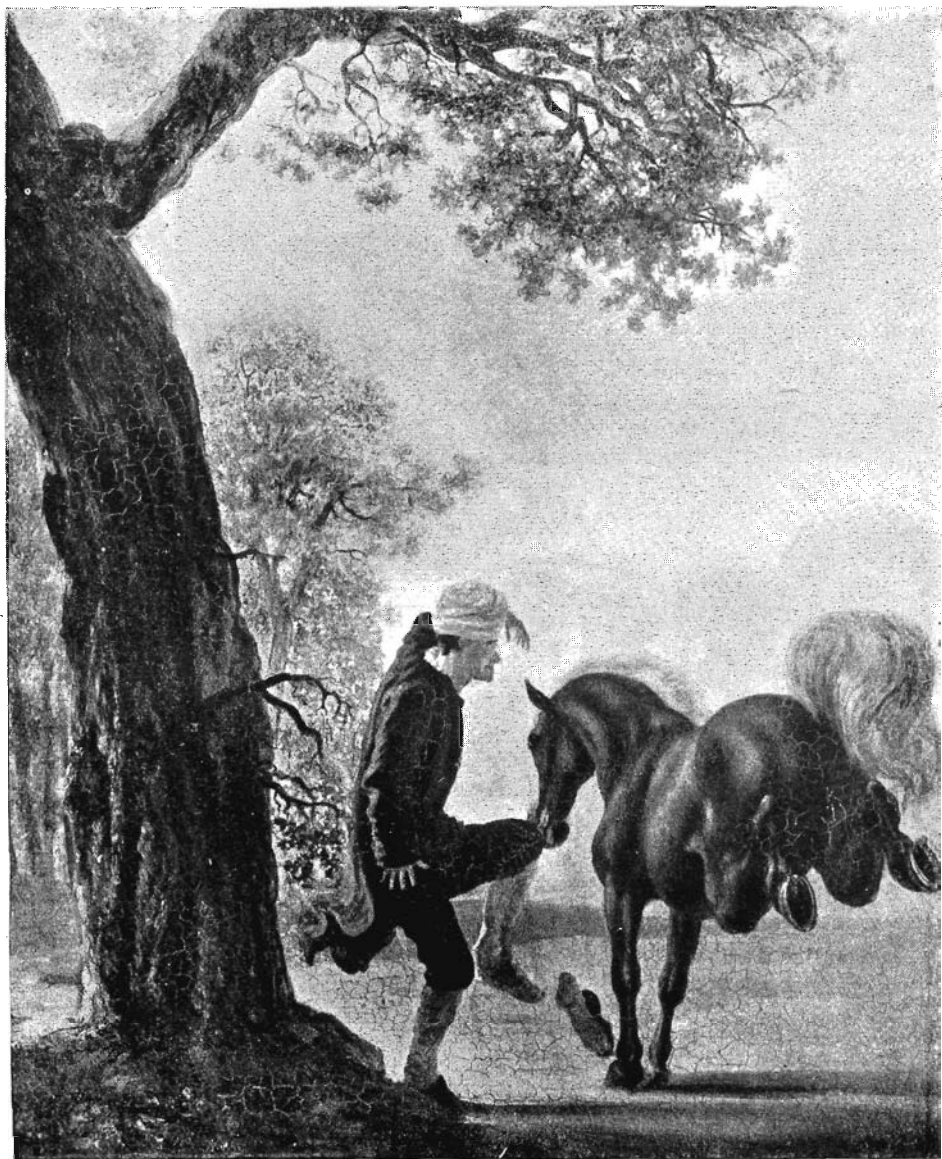
XLVIII

В. 122

[18 июля 1748 г.¹, Коммерси]

Я не увижу «Семирамиды», зато увижу вас, дорогой и уважаемый друг. На Сире уже рассчитывать не приходится, но, в конце концов, не вечно же будет пребывать в Пломбьере² г-жа Даржанталь, а я на пути вас и изловлю. Я должен увидеть ее располневшей, с волчьим аппетитом. Совсем собрался было в Компьен и Версаль³, но остался здесь со своими недугами, кипами исписанной бумаги, в среде приятных людей. Г-ну аббату Шовелену⁴ я написал благодарственное письмо и боюсь, что сделал глупость, адресовав письмо на улицу Бланманто—он, кажется, живет не там. Не могу вспомнить, как называется его улица. Смешно это—из Коммерси справляться в Пломбьере о названии парижской улицы!..

Всем сердцем и вполне искренно приветствую план декораций, хотя его и не видел, и благодарен вам за него, за то, что вы свели меня с герцогом Домоном⁵, да и вообще я вам всем обязан. Пусть аббат Шовелен делает, что и как хочет. Все будет хорошо, удалась бы только пьеса! Успех пьесы не от того зависит, что одним размалеванным холстом будет больше или меньше... Мне приходится, стало быть, выразить благодарность графу де Шуазэлю⁶. Но не стану я писать ему на улицу Бланманто, а попрошу вас сообщить мне его адрес и тем избавить меня от повторения промаха, какой сделал я с адресом г. аббата де Шовелена.

ВОЛЬТЕР, УКРОШАЮЩИЙ СТРОПИВУЮ ЛОШАДЬ

Картина маслом Жана Гюбера, 1770—1775-е гг.

Эрмитаж, Ленинград

Г-жа Дю Шатле просит передать вам обоим самые сердечные свои пожелания. Прощайте, божественный друг мой, верните нам г-жу Даржанталь веселой, здоровой, блистательной. Тысяча сердечных приветов вам обоим.

Коммерси, 18 июля.

В.

Адрес: Г-ну Даржанталю,
почетному советнику парламента
В Plombières, через Нанси

Почтовая пометка:
de Commercys

¹ Издаётся впервые. Датируется по связи с предыдущими письмами 1748 г.

² См. прим. 2 к письму XLVII.

³ Т. е. ко двору Людовика XV.

⁴ См. прим. 3 к письму XLII.

⁵ Д'Аупонт Луи-Мари, герцог (1690—1789) в качестве первого камергера двора имел влияние на ход дел в Comédie Française, на постановку пьес и распределение ролей. Содействовал постановке «Семирамиды».

⁶ См. прим. 3 к письму XLIV.

XLIX

В. 124

26 [июля 1748 г.]¹

Дивный ангел мой! Заместитель ваш, аббат Шовелен, мне сообщает, что король даст роскошные декорации². Примите, пожалуйста, основную долю моей благодарности, ибо все это делается вас ради. Но да не будем же мы освистаны при этих царственных затратах! Пусть не скажут:

Le faste de votre dépense
n'a point su réparer l'extrême impertinence³.

Если меня освищут, я никогда уж не решусь показаться на глаза ни г-ну и г-же Даржанталь, ни королю. Этот знак королевского внимания восстановил против меня все племя писателей. Поддержать меня на первом представлении может только ваше присутствие. Вы знаете, что торжество это ваше, и допускать, чтобы «Семирамиду» ставили раньше, чем вы вернетесь⁴, нельзя. Меня там не будет, но вы будете, а это гораздо лучше.

Г-жа Дю Шатле очень хотела видеть вас у себя в Сире. Туда привозит шомонская⁵ почта. Славный бы для меня вышел день, и лишать меня его не следует! Сообщите же нам, какой изберете путь. Говоря о шомонской почте, которая доставляет в Сире, я имею в виду почтовую станцию между Шомон и Бар-сюр-Об⁶. Название ее Вимори, а от Сире она находится на расстоянии двух льё. Никаких неудобств тут не представится. Сообразайтесь с состоянием здоровья г-жи Даржанталь и перешлите нам распоряжения, которые вам и ей угодно будет сделать. Прощайте, чудное создание!

В.

Сего 26-го.

¹ По традиции, идущей от Кельского издания, вместе со следующим письмом (L) частично вошло в письмо по изд. M o l a n d № 1904 (XXXVI, 524). Вольтер пометил оригинал 26-м числом. Датируется по связи с предыдущим письмом (см. прим. 2 к письму XLVII).

² См. прим. 4 к письму XLVII.

³ «Всей роскошью затрат не сумели вы искупить безмерной своей наглости».

⁴ Т. е. до возвращения четы Даржанталей в Париж из Пломбьер, где они провели все лето 1748 г.

⁵ Chaumont—город в нынешнем департаменте Верхней Марны.

⁶ Bar sur Aube—главный город нынешнего округа Aube.

L

В. 126

15 августа [1748 г.]¹, Люневиль

Неужели, ангел мой хранитель, вы допустите, чтобы наш призрак² одели в черное, чтобы ему дали креп, как в «Двойном вдовстве»?³. По моему замыслу, он должен быть в белом, в золотых латах, со скипетром в руке и короной на голове... А по части призраков можно на меня полагаться, ибо я и сам до некоторой степени имею честь принадлежать к ним, особенно сейчас. Надеюсь, что г-жа Даржанталь к ним не принадлежит, что она с «вод» привезла цветущее здоровье или хотя бы тот здоровый вид, который так мне знаком. Мы сейчас в Люневиле, и мне было бы очень удобно приехать на поклон к вам обоим и поблагодарить вас за попечение о судьбе «Семирамиды».

Я послал аббату де Шовелену несколько поправок к третьему акту. Они, быть может, не нужны? Я просил его показать их вам,—вы и решите. Перед своим отъездом вручил я несколько поправок и Ла Ну⁴,—это для второго действия:

Je la vis captiver et le peuple et l'armée.
Le grand art d'imposer même à la renommée
Fut l'art qui l'affirmait, malgré tous mes desseins,
Aussi bien qu'en son rang, dans l'esprit des humains.
Mais j'ai vu l'affaiblir, cette grandeur suprême;
Sémiramis n'est plus qu'une ombre d'elle même.
Un vain remord la trouble etc.⁵.

Надеюсь, что он изволит выучить эту небольшую вставку, сокращающую передаваемый им рассказ, и что он дал ее вписать в текст пьесы.

Простите, что я так злоупотребляю вашим доброжелательством, но вы сами виноваты: вы меня давно к этому приучили. Если требуется еще какая-нибудь переделка и есть еще время для этого, только скажите—и будет сделано с полной готовностью. Прощайте, дорогой и уважаемый друг. В Париже ли г. Пон де Вейль? Г-жа Дю Шатле шлет вам обоим самые сердечные приветы.

В.

Адрес: Г-ну Даржанталю,
почетному советнику парламента
Улица St. Honoré, в Париже

Почтовая пометка:
Luneville]

¹ См. п р и м. 1 к предыдущему письму. По связи с ним настоящее письмо датируется 1748 годом.

² Речь идет о призраке царя Нина, появляющемся в конце III действия «Семирамиды».

³ «Le double veuvage»—комедия Шарля-Ривьера Dufresny (1648—1724), ставилась при дворе Станислава Лещинского; г-жа Дю Шатле исполняла в ней одну из ролей. См. письмо Вольтера к Даржанталю от 2 августа 1748 г.—M o l a n d, № 1901 (XXXVI, 522), или 125-е письмо Воронцовского сборника.

⁴ О Ла Ну см. прим. 4 к письму XXVIII. С марта 1742 г., находясь в труппе Comédie Française, Ла Ну заслужил своей игрой высокую оценку со стороны Вольтера. В трагедии «Sémiramis» Ла Ну играл роль Ассура.

⁵ «Я видел, как овладела она и войском и народом. Великое искусство подчинять своей воле даже славу—вот искусство, которым, вопреки всем моим намерениям, утвердила она себя и в сане своем и в сознании людей. Но я видел и то, как слабо дивное это величие: Семирамида стала лишь собственной тенью, смущают ее бесплодные угрызения...»—вариант трагедии «Sémiramis», до сих пор неизвестный. Ср. «Sémiramis», действие II, явл. 4 (M o l a n d, IV, 527).

LI

В. 127

12 сентября 1748 г., Шалон¹

Не могу вам собственноручно писать, дивные мои ангелы. У меня лихорадка. Крепко держит она меня в Шалоне, и я даже не знаю, когда буду в состоянии отсюда уехать.

Про-младший одолевает меня предложениями печатать «Семирамиду»². Но надо еще кое-что в ней исправить и написать предисловие. А всего этого не сделаешь при довольно сильной лихорадке. Он, конечно, явится к вам: прошу вас, пообещайте ему от моего имени «Семирамиду» и скажите, что он получит ее в скором времени. Среди публики надо даже распространить слух, что печатать ее уже начали,—это может воспрепятствовать появлению потайных изданий.

Повидимому, я еще проболую здесь несколько дней. И если вы лично или г. аббат Шовелен³ захотите что-нибудь мне сообщить, можете в течение трех дней, считая от нынешнего, слать письмо почтой в Шалон. В случае, если я к тому времени уеду, письмо переправят в Люневиль.

Издаека вы так же меня охраняете, мои ангелы, как и будучи близ меня. Я ставлю В под письмом. И это все, что я в силах сделать,—так мне неможется...

В.

Адрес: Г-ну Даржанталю,
почетному советнику парламента

Почтовая пометка:
Chaalons

Улица St. Нопогé, напротив церкви св. Роха, в Париже

¹ В искаженном виде, вместе с отрывками следующего письма (LII), составило текст письма в изд. M o l a n d № 1908 (XXXVI, 526). Написано рукой Лоншана, секретаря Вольтера, но снабжено собственноручной подписью-инициалом последнего. Послано из Шалона-на-Марне—на обратном пути Вольтера в Лотарингию из Парижа, куда он ездил вместе со Станиславом Лещинским, чтобы присутствовать на первом представлении «Семирамиды» в Comédie Française (29 августа 1748 г.), и где провел первые дни сентября 1748 г.

² «Семирамида» появилась в печати в 1749 г. в двух парижских изданиях—у Le Mercier et Lambert и в одном—с пометкой города «La Haye», без имени издателя; в 1750 г. она была переиздана в Амстердаме у Ledet et Cie. У издателя Prault трагедия не выходила. (См. В e n g e s s o, I, 45 сл., №№ 182—185).

³ См. п р и м. 3 к письму XLII.

LII

В. 128

19 сентября [1748 г.], Люневиль¹

Как здоровье моих ангелов? Лихорадка моя прошла, и ничто, кроме разлуки с ними, мне страданий уже не причиняет. Повидимому, «Катилину» читают с большим рвением, чем его пишут...². Неужели же другу моему Мармонтелю придется пострадать от этого рвения и не состоится повторение его бедного «Дионисия», а ведь это так ему нужно. Это было бы крайней несправедливостью, и ангелы мои ее не допустят.

Про, конечно, приходил к вам попусту: ему страшно хочется издавать «Семирамиду»; но разве нельзя поводить его за нос, чтобы избежать мошеннических изданий, постоянно угрожающих мне своим появлением?³.

Неужели «Семирамиду» ставят только по средам и субботам, при ужасном теперешнем безлюдии Парижа?

Допустят ли ее до Фонтенбло?⁴.

И вот еще что: вы говорите о «Задиге»⁵, как будто я тут при чем-нибудь!.. Но почему я? Почему называют мое имя? С романами я не желаю иметь ничего общего.

Мое чувство благодарности к господину помощнику епископа не иссякает⁶. Большое сделал бы он мне одолжение, как-нибудь сообщив, что творится в Комедии. Говорят, что Саразен и Ла Ну⁷ день ото дня все хуже играют. А ведь это может сильно повредить... Как здоровье г-на Пон де Вейля? Тысяча сердечных приветов всему, что вам близко.

В.

Мы ставили здесь одну сцену между Помоной и Вертумной⁸. Г-жа Дю Шатле играла божественно. Она шлет вам сердечнейшие пожелания.

¹ Частично включено в текст письма по изд. Moland № 1908 (XXXVI, 526), с пометкой: «Шалон, 12 сентября». Датируется по связи с предыдущими письмами. См. прим. I к письму LI.

² «Catilina»—трагедия Кребильона. Читалась у маркизы Помпадур в сентябре 1748 г. Кребильон над ней работал почти 20 лет, на что и намекает Вольтер в настоящем письме. (Ср. Desnoiresterres, III, 213).—Crébillon Проспер-Жолио де (1674—1762)—известный автор многочисленных трагедий.

³ О появлении «незаконных» изданий «Семирамиды» не говорится ни в одном из посвященных Вольтеру исследований.

⁴ В Фонтенбло «Семирамида» шла 24 октября 1748 г.

⁵ «Zadig»—первый философский роман Вольтера; напечатан был в Париже в 1747 г. с пометкой «A Londres, pour la Compagnie», под заглавием «Mémnon, histoire orientale», без имени автора (см. Vengesco, I, 435, № 1420). От своего авторства в отношении этого романа Вольтер упорно отрекался.

⁶ Помощник епископа («Coadjuteur»)—аббат Шовелен.

⁷ Sarrasin и La Noue—актеры Comédie Française, игравшие в трагедии «Sémi-ramis».

⁸ «Pomponne»—пастораль; написана в 1669 г. аббатом Perrin; музыка—Camberbert.

LIII

В. 129

21 сентября [1748 г.], Люневиль¹

Дорогой и уважаемый друг, я на положении выздоравливающего; здоровье же «Семирамиды», как вы сообщаете, совсем хорошо². За это благодарю вас: своим здоровьем она обязана мудрому режиму, которому вы ее подвергли. А господам Шовеленам³ мне вечно суждено быть обязанным: один из них содействует успеху пьесы в теперешнем ее виде; другой мучается над изобретением новых способов сделать ее более достойной выпавшего на ее долю успеха. Если бы бригадный командир⁴ находился сейчас в Париже, он очень бы вам помог. То, что младший Про⁵ к вам не заходит, меня очень беспокоит. Накануне моего отъезда он торопился вручить мне вексель и договоры, и я направил его к вам. У меня все основания опасаться, что какой-нибудь плохой список с пьесы успел за это время попасть к нему в руки и он собирается сыграть со мной такую же штуку, какую уже сыграл однажды при печатании «Магомета», когда тайком торговал очень неисправным списком с него.

Никому из издателей доверять нельзя, а этому особенно. Настоятельно прошу вас, будьте любезны позвать его и предложите ему пьесу, как бы уже готовую к печати и со значительными исправлениями. Это не даст ему остыть. Совершенно необходимо распространять при этом слух, что имеется разрешение на ее печатание. Только таким путем возможно избежать мошеннических изданий. А без этих предварительных мер самые

пира»...³. Это, поверьте, произведет страшное впечатление! Дать мрак очень легко — притушив все свечи в кулисах, спустив затянутую плотно раму позади люстр и пониже опустив площадки. В Фонтенбло можно бы добиться толку, если бы только Сендре⁴ приложил к этому кое-какие усилия. Слодсам⁵, при возобновлении пьесы, совершенно необходимо восстановить свою честь. Им совсем не трудно будет создать вполне красивую постановку. Из партера я получил четыре записки, в которых просили дать декорации хоть сколько-нибудь более достойные пьесы! Пьеса, наконец, попала в милость, и при ее возобновлении можно будет вдохнуть в нее новую жизнь... Вы и не представляете себе, насколько «Семирамида» стала мне дороже, благодаря вашим попечениям об ней! Не подозревал я, что так ее люблю... Я старательно над ней поработаю, чтобы заслужить все, что вы, со своей стороны, для нее делаете.

Г-жа Дю Шатле шлет вам сердечные приветствия. Жизнь здесь проходит в бессменных удовольствиях, но я никогда так не скорбел от разлуки с вами, милые мои ангелы. Вы создаете и счастье мое, и славу!

В.

Кстати, умоляю г-на Пон де Вейля удостоить своего внимания варенье из слив. Попросите его также черкнуть несколько слов г. де Ла Маршу⁶, это очень существенно.

Адрес: Г-ну Даржанталю,
почетному советнику парламента
Улица St. Honoré, в Париже

Почтовая пометка:
Lunev[ille]

¹ Печатается впервые. Датируется по связи с предыдущими письмами 1748-го года (XLV—LIII).

² См. прим. 5 к письму XLVIII.

³ «Le Festin de pierre» — заглавие известной комедии Мольера на тему о Дон Жуане.

⁴ Le Noir de Cindre — один из управляющих театром при дворе Людовика XV.

⁵ См. прим. 7 к письму LIII.

⁶ См. прим. 9 к письму XLVI.

LV

В. 134

11 окт[ября 1748 г.]¹

Прекрасные души, покровители души моей! Вот вам новые поправки², — попрошу вас их переслать, присоединив к прежним. Когда хочешь оказаться достойным стольких благодеяний, никаких упущений позволять себе нельзя. Прилагаю мемуар, который актеры должны, на мой взгляд, разослать трем старшим камергерам³, а г-жа Клэрон⁴ пусть убедит подписаться под ними и Сендре⁵, которому надо вручить четвертый экземпляр...*. Эти законнейшие заявления, наряду с вашей действенной добротой и с предпринимаемыми мною шагами, надеюсь, предотвратят ту мерзость, которой хотят опозорить французскую сцену, — единственную в Европе сцену, заслуживающую покровительства!

Вам, дорогой и уважаемый друг, приходится теперь защищать то, что обязано вам своим успехом... Одержите верх над самым подлым из всех заговоров, какие только возникали со времени постановки «Федры»!⁶

* Не следует ли также вручить мемуары, прибегая в них к тем же примерно доводам, г-ну де Морепа и начальнику полиции?

лучшие намерения г. Беррие⁶ и все его попечение не защитят нас от жадности любого типографа. Вы оберегали постановку пьесы, спасите нас теперь от ее напечатания. Заклинаю вас поговорить с Про. Что касается мысли об уступке пьесы актерам, то не полагаете ли вы, что предпочтительнее оделить небольшими подарками тех главных исполнителей, которыми мы довольны, чем отдавать пьесу целой толпе пошлых комедиантов, столь же неблагодарных, как и бездарных? А затем, разве мне не следует оставить за собой право на возобновление ее зимою? Я при этом успел бы еще ее посовершенствовать. Слосы⁷ согласны улучшить свои декорации. Быть может, не так уж будет трудно дать «Семирамиде» новую жизнь, особливо, если с «Катилиной» стряется беда...⁸. Но главное в том, чтобы воспрепятствовать появлению этих проклятых изданий, поддерживая для этого пылкие надежды Про. Во всем полагаюсь на моих милых ангелов. Они ведь не скажут: «*Ciravimus Babylonem et non est sanata, derelinquamus eam*»⁹.

Тысяча сердечных приветствий вашему дому—всему в него входящему, всему из него исходящему!..

В.

Адрес: Г-ну Даржанталю,
почетному советнику парламента
Улица St. Honoré, в Париже

Почтовая пометка:
Lunev[ille]

¹ Печатается впервые. Датируется по связи с предыдущими письмами (XLV—LII). См. прим. 1 к письму XLV.

² Здесь имеется в виду успех «Sémiramis» у парижской публики.

³ «Господа Шовелены»—два брата Шовелен, см. прим. 3 и 4 к письму XLII и прим. 4 к письму XLVII.

⁴ Кто разумеется здесь под «командиром бригады» (maréchal de camp)—точно неизвестно.

⁵ Младший Про—издатель Prault-сын.

⁶ Вегуер Никола-Рене (1705—1762)—с 1747 г. главный начальник полиции, креатура маркизы Помпадур, изобрел «черный кабинет» для перлюстрации частной переписки.

⁷ Три брата Slodtz, сыновья скульптора Sébastien Slodtz из Антверпена; придворные живописцы; исполняли рисунки для театральных декораций.

⁸ «Catinia»—трагедия Кребильона (см. прим. 2 к письму LII).

⁹ «Пытались мы врачевать Вавилон, он не исцелился, покинем же его» (Иеремия, LI, 9).

LIV

В. 130

26 сентября [1748 г.], Люневиль¹

Я получил от г. коадьютора весьма красноречивое и весьма утешительное письмо о «Семирамиде». Победа! Победа, дорогие мои ангелы! Вы восторжествовали над демонскими кознями! Я остаюсь при своем решении не приступать к ее печатанию и длить ожидание выхода ее в свет; только при этом условии не повторяются те штуки, которые не раз уже со мною разыгрывали. Умоляю вас, как оберегали вы представления пьесы, так постарайтесь теперь предотвратить появление этих изданий, которых я так опасаясь. Я послал в Фонтенбло к герцогу Домону² небольшую просьбицу: я упрашиваю его, в случае постановки «Семирамиды», сделать распоряжение, чтобы для призрака нам устроили глубокий мрак, чтобы призрака этот не оказался опять толстошеким и рослым парнем с неприкрытым лицом, а чтобы взяли за образец статую в латах из «Каменного

Вы тут гораздо больше можете сделать, чем я сам. Мое присутствие лишь разожгло бы врагов моих: им так захотелось бы сделать меня свидетелем заготовленного ими шельмования! И в случае, если бы не удалось добиться запрещения мерзкой их сатиры, я только дал бы пищу их злорадству, сам предал бы им себя на заклятие... Я все же, однако, надеюсь, что г. аббат де Берни не откажет вам в просьбе поддержать перед г-жей де Помпадур мое ходатайство и решительно выскажется против этих презренных пародий, как позорящих нашу нацию. Повторяю: с моей стороны лучший ответ, который могу я дать, лучший шаг, к которому могу прибегнуть,—

изъ Кнута Стефан Тютчева
1818 г. 14 Мая

*Пускай же завиды аристократов
Вольтера' они жадно жуют
Кифариза своего Николета не трогай
В Давилоне во храме Семирамиды
пробуду.*

LA
HENRIADE,

POÈME,
AVEC LES NOTES ET LES VARIANTES;
SUIVI
DE L'ESSAI SUR LA POÉSIE ÉPIQUE.
PAR VOLTAIRE.

PARIS,
STEREOTYPE D'HERMAN.
AN XIV. = 1805.

ЭКЗЕМПЛЯР ИЗДАНИЯ „ГЕНРИАДЫ“, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ Ф. И. ТЮТЧЕВУ

Слева—автограф стихотворения Тютчева 1818 г., посвященного Вольтеру

Музей Тютчева, Мураново

это употребить все силы на то, чтобы «Семирамида» стала менее недостойной просвещенных зрителей. Хорошо работать да иметь вас на своей стороне—к этому сводится все мое евангелие. Прощайте, дорогие, пекущиеся о Вавилоне? ангелы! Зависть совершенно права, ища моей гибели: слишком большое счастье дает мне ваша дружба!

В.

Как-то отнесетесь вы к моим поправкам и к написанному мною мемуару? Я лично думаю, что, даже и не будучи вполне удачными, сделанные изменения могут разоружить в Фонтенбло прежних хулителей пьесы⁸: теперь ее успех им можно будет объяснять моей готовностью к повиновению.

Рассчитываю на ночную тьму и на призрака в белом и с потемневшими латами. Я, кажется, уже сообщал вам, что весь партер желал видеть его именно таким?.. Вперед же и смелее!

Сегодня, 12 октября, я надумал следующее. Если над всеми выставленными мною соображениями одержит все же верх ожесточенная клика заговорщиков и восторжествует подлое удовольствие, доставляемое подобными оскорблениями, наносимыми ближним, если сумеют, словом, настоять на том, чтобы играли эту мерзость при дворе,—то не может ли герцог Домон, которому все это, несомненно, доставит огорчение, отложить представление «Семирамиды»? И даже нельзя ли вам просто убедить г-жу Дюмениль⁹, что ей надо потребовать от ее сотоварищей длительной отсрочки, ввиду необходимости заново разучить сто стихов, только-что подвергшихся исправлению? Переустройство театра в Фонтенбло ведь тоже может явиться поводом для отсрочки. Нельзя ли будет затянуть эту отсрочку до самого последнего дня, а в крайнем случае, вовсе не играть пьесы? Ведь тогда и пародии нельзя будет ставить... А этим временем мы воспользуемся, не только предпринимая новые шаги, но и для новых исправлений к зимней постановке. Тогда пьеса оказалась бы значительно обновленной, Слосы же, которым так хочется восстановить свою честь исправлением декораций, придали бы нашей ветоши совершенно новый вид и новую ценность: мы достигли бы полного триумфа, а в это же время «Катилина», быть может...

Сообщите, считаете ли вы уместным, чтобы, в связи с этим, я обратился с письмом к герцогу Домону? Как владеете вы моим сердцем, так владейте и головой моей и рукой!

¹ Закончено 12 октября. Издавалось с пропусками, в том виде, в каком находим его в изд. *M o l a n d* (№ 1916, XXXVI, 534 сл.). Датируется 1748 г. по связи со всеми предыдущими письмами, начиная с XLV.

² Поправки к тексту трагедии «Семирамида».

³ Этот «мемуар» касался постановки пародии Монтиньи на трагедию Вольтера «*Sémiramis*» труппой Итальянской оперы. Вольтер добивался того, чтобы актеры Французской комедии возбудили ходатайство о запрещении этой постановки. См. ниже, прим. 10 к письму LVII.

⁴ См. прим. 4 к письму XXXVII.

⁵ См. прим. 4 к письму LIV.

⁶ Намек на провал трагедии Расина «*Ф е д р а*», вызванный интригой нескольких представителей французской знати; осивистывая Расина, они надеялись обеспечить успех подготовлявшейся к постановке одноименной трагедии второразрядного драматурга Прадона.

⁷ Действие трагедии «Семирамида» происходит в В а в и л о н е.

⁸ При дворе в Фонтенбло готовилась постановка «*Sémiramis*» (состоялась 24 октября 1748 г.).

⁹ Г-жа *D u t e s n i l* (см. прим. 2 к письму XX) в трагедии «Семирамида» исполняла главную роль.

LVI

В. 135

Коммерси, 14 октября [1748 г.]¹

Дражайший ангел мой, следовало бы мне удручить вас новыми поправками к «Семирамиде». Несколько поправок мной уже и сделано, но я ими не вполне удовлетворен. К тому же они, на мой взгляд, не так существенны, как те, что я делал по вашему совету и уже послал вам на рассмотрение. И вот взамен изменений текста, настолько обильных, что они сейчас могли бы утомить актеров, но которые все же пригодятся для новой постановки², я посылаю вам новый свой мемуар, который, думается, актерам следовало бы пустить в ход³. В борьбе с таким вредным обычаем, как обычай прибегать к пародиям, необходимо использовать все пути. Личное

мое положение не таково, чтобы мое участие сколько-нибудь значительно и в выгодную сторону отозвалось на успешности предпринимаемых нами шагов. Из письма, которое я доверительно вам посылаю, вы увидите, что делались попытки повредить мне во мнении королевы⁴. Не трудно представить себе, что с тем же ожесточением, с каким стараются очернить меня в ее глазах, будут со всех сторон нападать на меня.

Этот ответ г-ну аббату де Берни я счел необходимым писать на глазах у польского короля⁵, дабы рассеять существующие до сих пор подозрения. Как мне кажется, это шаг достаточно прямой. Я жду от него такого же благородства и надеюсь, он не употребит во зло доверие, мной к нему проявленное. Будьте же добры, дорогой и уважаемый друг, передать ему это мое письмо, поставить ему на вид, как велико мое доверие к его дружбе, к его чувству справедливости и к его скромности.

Очень досадно было бы мне прослыть автором романа «Задиг»⁶, который стараются очернить самыми гнусными истолкованиями, осмеливаясь находить в нем дерзкое учение, направленное против священной нашей религии... Как это похоже на правду!

Г-жа Кино⁷, Кино из Комедии, все время твердит, что я автор этой вещи. Не находя в ней ничего худого, она говорит, вовсе не желая мне повредить, но это на-руку мошенникам, нарочито усматривающим злонамеренность в этом произведении. Не прострут ли крылья ангелов-хранителей даже над кончиком язычка г-жи Кино? И не скажете ли вы ей, или не велите ли ей передать, что распространение таких слухов может очень вредно на мне отозваться? Направо и налево приходится вам оборонять меня! Много доставляю я вам затруднений... Я уверен, что вы близко к сердцу принимаете и эту гнусную историю с пародией, уверен и в том, что победа будет за вами!

Быть не может, чтобы не справился с этим герцог Домон, если сколько-нибудь определенно того захочет. А вы, наверное, сумеете убедить и раззадорить его. От вас и ваших друзей я жду в тысячу раз больше, чем от всего, что сам мог бы сделать в Фонтенбло. Мое присутствие, как я уже не раз вам говорил, только подогреет завистников: они, конечно, предпочтут наносить мне раны с близкого расстояния, чем издалека. Когда люди разнуждаются, лучше всего держаться от них в стороне.

Я увижусь с вами еще до рождества, дорогие мои любители ужинов и потребители молока. Сохраняйте ко мне драгоценную вашу дружбу, утешающую во всех горестях и усиливающую все радости!

В.

Надеюсь, вы убедите аббата Берни написать в решительном тоне г-же де Помпадур.

¹ Отрывки этого письма вошли в письмо № 1915 изд. Moland (XXXVI, 532—534). Датируется 1748 г. по связи с предыдущими письмами (XLV—LV).

² В исправленном виде «Семирамида» шла в Париже 10 марта 1749 г.

³ См. прим. 3 к письму LV.

⁴ Т. е. жены Людовика XV, дочери Станислава Лещинского; она отказала в своем покровительстве Вольтеру, являвшемуся в ее глазах крайним вольнодумцем в вопросах религии.

⁵ Т. е. Станислава Лещинского.

⁶ См. прим. 6 к письму LII.

⁷ См. прим. 2 к письму XIX.

LVII

В. 136

17 октября [1748 г.], Мальгранж¹

Когда говорят мои ангелы, автор «Семирамиды» должен молчать. Дорогой и прекрасный друг, я получил ваше письмо от 14-го, где вы осуждаете мои слишком наскоро написанные стихи². Это отнюдь не законченное произведение, а скорее лишь дань уважения к вашей критике, лишь упражнения в послушании вам... Прошу вас видеть во всем этом только материал, которым можно впоследствии воспользоваться. Вы любите стихи? Поговорим же о стихах и обсудим их. Мне совершенно не нравится, что Арсас в первом действии говорит:

Le plus tendre amour et le plus noble orgueil
 Me préparent peut-être un redoutable écueil.
 Né fier, ambitieux, sensible, téméraire,
 J'attendais des conseils de Phradate mon père³ и т. д.

Я считаю эти стихи слабыми, считаю, что гораздо лучше дать почувствовать в Арсасе любовь и надменность, чем вкладывать в его уста слова вроде «я горд и влюблен». Я вижу гораздо больше правды и искусства там, где действующие лица обнаруживают свои чувства, а не дают самим себе какие-то определения.

Исходя из этого принципа, надо признать, что несравненно лучше будут такие стихи:

Privé du seul mortel dont les yeux éclairés
 Auraient conduit mes pas à la cour égarés,
 Pleurant entre vos bras la perte de mon père,
 En proie aux passions d'un âge téméraire,
 A mes vœux orgueilleux sans guide abandonné,
 De quels écueils nouveaux je marche environné!⁴.

Во втором действии характер Семирамиды, с ее самоуничижением перед богами и вечной гордыней перед людьми, мне кажется, лучше будет выдержан, если она скажет Ассур следующее:

J'ai gouverné l'Asie, et peut-être avec gloire,
 Peut-être Babylone, honorant ma mémoire,
 Mettra Sémiramis à côté des grands rois.
 Vos mains de mon empire ont soutenu le poids.
 Toujours victorieuse, absolue, adorée,
 De l'encens des humains je vivais enivrée,
 Tranquille, j'oubliais, sans crainte et sans ennuis,
 Quel degré m'éleva dans le rang ou je suis,
 Des dieux dans mon bonheur j'oubliais la justice.
 Elle parle, je cède etc.⁵.

Вот какой я себе представляю эту блистательную и богомольную особу! Вы хотите, чтобы в том же акте Ассур сильнее чувствовал получаемые им щелчки. Не будет ли уместно, в этих видах, в конце его сцены с Арсаком заставить его обратиться к последнему с такими словами:

Tu mourras, téméraire, et tu cours à ta perte!⁶.

Может статься, будет не плохо, если затем, раскрывая свои намерения по отношению к Аземе, он скажет так:

ПЕРВОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ВОЛЬТЕРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Перевод И. Г. Рахманинова. Последующие томы
издания вышли с заголовком „Собрание
сочинений Вольтера“, СПб. 1785—1789

АЛЛЕГОРИЧЕСКІЕ

ФИЛОСОФИЧЕСКІЕ И КРИТИЧЕСКІЕ

сочиненія.

Г. . ВОЛТЕРА,

переведены

съ Французскаго языка

И. . . Р. . .

Печатано съ дозволенія Управы Благочинія.

Въ вольной типографіи у Г. Галченкова.

+++++

Въ Санктпетербургѣ 1784 года.

Madame, son audace est trop longtemps soufferte,
La reine en d'autres temps aurait puni soudain
Un sujet insolent qui vous offre sa main.
Mais les temps sont changés, bientôt l'Asie entière
Ouvrira sous vos pas une vaste carrière,
Et les communs objets doivent peu vous frapper
Près du grand intérêt qui va nous occuper.
Sémiramis n'est plus que l'ombre d'elle-même.
Le ciel semble abaisser cette grandeur suprême,
Et cet astre brillant si longtemps respecté
Penche vers son déclin sans force et sans clarté.
On le voit, on murmure, et déjà Babylone
Demande à haute voix un héritier du trône.
Ce mot en dit assez etc.⁷.

Не будет ли выполнена ваша мысль насчет начала пятого действия,
если я напишу:

O t a n e

Le peuple est consterné, mais il vous est soumis,
Les partis sont tombés devant Sémiramis,
Son nom seul à la terre est un frein respectable.
Son trône est affermi.

S é m i r a m i s

Trône horrible et coupable!
Quels déserts cacheront ma honte et mon effroi?

L'Univers m'épouvante, il a les yeux sur moi.
Qu'ai-je fait, et qui suis-je? Une femme odieuse,
Epoque parricide et mère incestueuse!⁸.

Ошибаюсь я или здесь, действительно, в тысячу раз больше страстности, чувства и трагизма, нежели было прежде? А к тому же—и это очень существенный пункт—все здесь лучше приурочено к декламации. Тысяча поправок, внесенных таким образом, не придадут ли вашей подопечной новую ценность, не поднимут ли вновь настроение у публики, не заставят ли умолкнуть клику заговорщиков, которые могут выпутаться, заявляя, что теперь их возражения приняты во внимание?

Соглашаюсь с вами, господа члены совета, что нельзя медлить по части Фонтенбло, коль скоро там собираются ставить «Семирамиду» 24-го⁹. Но, с другой стороны, если допустить возможность отсрочки, разве не хорошо было бы дать пьесу в усовершенствованном виде, пригласив актеров заняться теми исправлениями, которые удостоились вашего одобрения? Решайте вы, как полный хозяин дела. Г-жа Дю Шатле шлет вам тысячу сердечных пожеланий. А я поджидаю варенья из слив—это ведь поинтереснее «Семирамиды».

Кстати, уважаемый друг, скажите мне, довольны ли вы моим поступком по отношению к аббату де Берни?¹⁰ Не составил ли он для вручения г-же де Помпадур¹¹ блестящей адвокатской речи против пародий? Нашли ли вы применение тем мемуарам, которыми я вас до смерти измучил? Простите мне и стихи мои, и мемуары, и вообще всю эту томительную докуку!

Привет мой всем ангелам-хранителям.

В.

Видите, как кочует этот двор?¹² Продолжайте все же посылать мне ваши распоряжения в адрес лотарингского двора.

¹ Отдельные фразы этого письма вместе с отрывками из следующего (LVIII) составили в изд. M o l a n d текст письма № 1920 (XXXVI, 538), печатавшийся без изменений со времени Кельского издания. Датируем письмо 1748 г. по связи с рядом предшествующих писем.

² Упомянутое здесь письмо Даржантале (от 14 октября 1748 г.) до нас не дошло. В начале публикуемого письма речь идет об исправлении текста «Семирамиды», в виду новой ее постановки.

³ «Любовь самая нежная, благороднейшая гордость, быть может, грозят мне гибельными подводными камнями. Рожденный гордым, честолюбивым, чувствительным, дерзновенным, я ждал советов от отца своего, Фрадата...»—неизвестный до сих пор вариант.

⁴ «Лишенный единственного из смертных, чьи просвещенные взгляды могли бы направлять мои шаги, сбитые с пути нравами двора, оплакивая в ваших объятиях утрату отца; жертва страстей, присущих на все дерзающему возрасту; лишенный руководителя и предоставленный своим заносчивым мечтаниям, — меж каких неведомых подводных камней я бреду!»—неизвестный до сих пор вариант к 1 явл. I д. «Семирамиды». Ср. M o l a n d, IV, 509, стихи 24 сл.

⁵ «Я правила Азией и, быть может, со славой. Быть может, Вавилон будет чтить мою память и поставит Семирамиду в ряд великих владык. Вы собственными руками поддерживали мою власть... Вечная победительница, обожаемая самодержица, я жила в опьянении от расточаемой мне хвалы; спокойная, не ведая ни горестей, ни страха, я забывала, по каким ступеням поднялась на высоту, на которой стою. Я забыла в своем счастье, что боги справедливы. Я слышу их голос, я склоняюсь...» и т. д.—«Семирамида», д. II, явл. 1, стих 3 сл. (M o l a n d, IV, 529).

⁶ «Дерзкий, ты умрешь! Ты торопишь свою гибель!»—неизвестный до сих пор вариант к последнему стиху д. II, явл. 2 «Семирамиды». Ср. M o l a n d, IV, 524.

⁷ «Государыня! Слишком долго потворствуют его заносчивости... В былое время царица не медлила бы покарать дерзость подданного, который предложил вам свою

руку. Но времена изменились. Скоро вся Азия развернет перед вами широкое прище. И перед лицом великих забот, которым должны мы отдаться, вам не до будничных дел. Семирамида стала лишь собственной тенью. Слово хотят небеса умалить безмерное это величие. И так долго чтимое блестящее светило, обессилев, меркнет и склоняется к закату. Это видят и ропщут, и уже Вавилон требует громко наследника престолу. Одним этим словом уж сказано не мало» и т. д. — неизвестный до сих пор вариант к начальным стихам 5 явл. III д. «Семирамиды». Ср. M o l a n d, IV, 524.

⁸ «О т а н: Народ в унынии, но вам покорен. Перед Семирамидой пали все партии, только ее имя согласен мир почитать своею уздой. Престол ее окреп.

С е м и р а м и д а: Преступен и ужасен этот престол! В каких пустынях скрыть мне позор свой и страх? Мне страшен этот мир, на меня устремлены его взоры. Что содеяно мной и кто я? Лишь ненависти достойная женщина, жена-мужеубийца, мать-кровосмесительница!..» — неизвестный до сих пор вариант к 1 явл. V д. «Семирамиды». Ср. M o l a n d, IV, 557.

⁹ «Семирамида», действительно, была поставлена на придворной сцене 24 октября 1748 г.

¹⁰ Ввиду того, что в Париже и в Фонтенбло собирались ставить пародию Монтиньи на трагедию Вольтера «Семирамида», Вольтер прибег к аббату Берни, лицу близкому к маркизе Помпадур, прося его ходатайствовать о запрещении постановки пародии и ее печатания. Вмешательство фаворитки расстроило постановку пародии на сцене, но напечатана она была под заглавием: «Sémiramis, tragédie en cinq actes. Amsterdam, chez P. Mortiez, 1749». См. M o l a n d, IV, 485 сл., прим. 3, пункт IX, а также Q u e r a r d, Bibliographie Voltairienne, P. [1842], стр. 40, прим. к № 130, и стр. 115, прим. к № 483.

¹¹ Pompadour Жанна-Антуанетта Poisson, маркиза де (1721 — 1764) — фаворитка Людовика XV; покровительствовала писателям, художникам, ученым.

¹² О «кочеваниях» лотарингского двора по резиденциям Станислава Лещинского свидетельствуют пометки «Luneville», «Malgrange», «Commercy», сменяющие одна другую в датировках писем Вольтера, начиная с письма XLV до настоящего.

LVIII

B. 137

19 октября 1748 г.¹, Люневиль

Я только-что получил от г-на помощника епископа прекрасный мемуар², поддержанный запиской г-на Даржанталя. В настоящую минуту могу ответить на это лишь изъявлением чувствительнейшей благодарности. Я всеми силами, конечно, постараюсь заслужить эти одолжения — столь постоянные, столь сердечные и так поднимающие дух мой.

Из Мальгранжа я с последней почтой послал вам еще несколько лоскутков. Но признаем все это несостоявшимся и подождем, пока я, поработав со свежей головой, приеду в Париж работать у вас на глазах — в средних числах декабря³. Самая трудная работа превращается в наслаждение для того, кто может пользоваться критикой друзей столь нежных и просвещенных.

Я напишу г. герцогу Домону, а затем займусь, не отрываясь, «Семирамидой».

Убедительно прошу доставить по экземпляру мемуара г-ну де Морепе и г-ну Берри⁴ — по такому же, какие предназначены для передачи камергерам. Хорошо бы напомнить об этом актерам, ибо они, хотя и любят своих [друзей?], но редко о них думают, и ими приходится руководить. Мне совестно причинять столько хлопот. Нет, никогда не было на свете людей таких, как вы; но, право же, и таких, кто так бы чувствовал это, как я чувствую.

Адрес: Г-ну Даржанталю,
почетному советнику парламента
Улица St. Nonogé, в Париже

¹ См. прим. 1 к письму LVII.

² В «мемуаре» аббата Шовелена, как и в других «мемуарах», упоминаемых в публикуемом письме, речь шла о пародии на трагедию «Семирамида». Вольтер добивался запрещения постановки и печатания этой пародии.

³ Покинув Лотарингию в середине декабря 1748 г., Вольтер поехал не в Париж, а в Сире, где пробыл до конца января 1749 г.; в Париж он прибыл только к февралю или в феврале 1749 г.

⁴ См. прим. 6 к письму LIII.

LIX

В. 141

10 ноября [1748 г.]

У чорта на куличках очутились, что ли, мои ангелы? Что в таком случае со мной станется? Ничего я о них не знаю... Сейчас три часа пополудни. Я продолжаю достраивать «Семирамиду». Поправки я вношу всюду, где сердце подскажет: *Spiritus flat ubi vult*². К несчастью, я совершенно запамятовал несколько изменений, ранее мною сделанных и, насколько помню, уже вам посланных.

Например, в 4-м акте такое место:

Il parle, il vous attend. Ninus est votre père,
Vous êtes Ninias; la reine est votre mère³.

Прошу милых моих ангелов послать мне этот отрывочек, если он только есть у них. Я приготовлю второй список. Безусловно необходимо отдать пьесу в переписку также и по ролям. Благоволите же, дорогой и уважаемый друг, предложить г-же Дюмениль истребовать все такие списки и вернуть их вам вместе с пьесой.

Возобновлена пьеса будет, конечно, лишь, когда вы этого пожелаете. Насчет пародии ничего нового не знаю. Жду сообщений о моем варенье из слив, а от г-жи Кино—насчет зоба⁴. Я отправил огромные пакеты—очень перед вами извиняюсь. Я иссохну, если вы не будете мне писать.

В..

Адрес: Г-ну Даржанталю,
почётному советнику парламента
Улица St. Honoré, Париж

Почтовая пометка:
Lunev[ille]

¹ Первые строки этого письма встречаются в двух печатных текстах: 1) Moland № 1927 (XXXVI, 546), восходящем к Кельскому изданию, LIV, № CX, и 2) Moland № 1931 (XXXVI, 551), восходящем к изд. «Lettres inédites de Voltaire, recueillies par M. de Cayrol et annotées par M. Alphonse François», P., 1857, 2-e éd. (t. I, p. 175). Отрывок, начинающийся словами: «К несчастью, я совершенно запамятовал...» встречается только во втором из названных текстов. Начиная со слов: «Например, в 4 акте такое место...», письмо печатается впервые. Датируется по связи с предыдущими письмами.

² «Дух веет где хочет»—евангельское изречение.

³ «Он говорит, он ждет вас. Нин—ваш отец, вы—Ниниас; царица—ваша родительница»—«Семирамида», д. IV, явл. 2 (Moland, IV, 549).

⁴ См. прим. к письму V и прим. 2 к письму XX.

⁵ В письме к Даржанталю (от 7 ноября 1748 г.) Вольтер просил его узнать у актрисы Comédie Française Кино рецепт для лечения зоба.

LX

В. 172

[9 декабря 1748 г., Мальгранж]

Ангелы небесные! Г-жа Дю Шатле, оказывается, забыла, что я уже поздравлял ее от вашего имени с этим новым назначением². Лично я поздравлений не делал, ибо должность эта—лишь видимость. В ней одно хорошо—

оклад, а затем—и это, пожалуй, еще важнее—она дает счастье общения с королем, который, право же, даже вам не уступит по части привлекательности. Мы уезжаем³. Я покидаю одно небо, чтобы попасть на другое: я еду к вам! У него в подданстве я не был, а в вашем состою... Отцу де Латуру⁴ поручено переслать вам «Семирамиду». Но за это время я получил новое ее издание⁵. Пусть же хоть оно окажется таким, какое достойно вас!

Прощайте, обаятельные создания.

В.

Сего 9-го в Мальгранже.

Адрес: Г-ну Даржанталю,
почетному советнику парламента, в Париже

Почтовая пометка:
de Nancy

¹ Отрывок этого письма был впервые напечатан в I томе издания *Saurol et François*—в тексте письма № 180: к этому отрывку там присоединены отрывки письма LXII нашей публикации. Письмо № 180 изд. *Saurol* без изменений вошло и в изд. *Moland* (XXXVI, 554, № 1935). Публикуемое нами письмо датируется декабрем 1748 г. в соответствии с предыдущими письмами, начиная с XLV.

² В ноябре 1748 г. Станислав Лещинский назначил маркиза дю Шатле, генерал-лейтенанта французской армии (мужа г-жи дю Шатле), гоффурьером (*grand maréchal des logis de la maison du roi*). С этой должностью не связывалось ни обязанностей со стороны гоффуьера, ни вознаграждения ему от короля Станислава, но так как это назначение считалось честью, то с ним принято было поздравлять и самого назначенного гоффуьера и его жену.

³ Вольтер с г-жей дю Шатле оставили двор Станислава Лещинского около 20 декабря 1748 г.

⁴ *La Tour* Симон (1697—1766)—иезуит, начальник («*principal*») коллежа Людовика Великого, где учился Вольтер. Стремясь попасть в члены Французской академии, Вольтер в 1746 г. в письме к Латуру расточал хвалы папе и заверял в своем уважении к ордену иезуитов (*Moland*, XXXVI, 424, № 1797).

⁵ «Новое издание»—новая редакция «Семирамиды», подготовленная Вольтером для новой постановки трагедии на парижской сцене. (Первые печатные издания «Семирамиды» вышли только в 1749 г., см. *Venguesso*, I, 45 и сл.).

LXI

В. 143

16 декабря 1748 г.¹, Люневиль

Наконец-то получил я письмо от своих ангелов и улыбаюсь: советы ваши уже выполнены, а вернее—даже предвосхищены!.. Всюду, где надо было, я дал объяснение вынужденной бездеятельности Ассура². В четвертом действии сама Семирамида заявляет Ниниасу²:

Tout le parti d'Assur, frappé d'un saint respect,
Tombe à la voix des dieux et tremble à mon aspect³.

А в пятом действии:

Le détestable Assur, sait-il ce qui se passe?
N'a-t-il rien attenté? Sait-il, quel est Arsace?⁴.

А ей отвечают:

Non. Ce secret terrible est de tous ignoré,
De l'ombre de Ninus l'oracle est adoré:
Et le parti d'Assur que la terreur assiège,
N'ose encor lui prêter une main sacrilège.
On se tait, on attend ces moments solennels,
Où fermé si longtemps au reste des mortels

Ce tombeau doit ouvrir ses portes redoutables.
 La terre, les enfers, les cieux sont favorables,
 Cependant Azéma dans un trouble nouveau
 Veille dans la nuit sombre autour de ce tombeau.
 Ninias est au temple, et d'une âme éperdue
 Se prépare à frapper la victime inconnue...⁵.

Затем Семирамида, узнав от Аземы, что Ассур уже в гробнице, говорит:

Mes yeux ont épié ses pas et sa fureur.
 Voyant ses vœux trompés, sa faction tremblante,
 Votre choix confirmé, Babylone contente,
 Il ne commet qu'à lui ce meurtre détesté⁶.

Словом, я всюду подчеркнул причины, заставляющие Ассура откладывать свою месть. В подтверждение этого можно сослаться на тысячу примеров: на Антуана Наваррского, не одержавшего верх над Катериной Медичи⁷, на принца Гастона⁸, почти ничего не предпринявшего против Анны Австрийской, и т. д.

Что касается монолога Аземы, произносимого в момент, когда Ниниас находится в мавзолее, то он теперь таков:

Dieux, conduisez ses pas dans ce tombeau funeste!
 Que voulez-vous? Quel sang doit aujourd'hui couler?
 Impénétrables dieux, vous me faites trembler.
 Je crains Assur, je crains cette main sanguinaire—
 Il peut percer le fils sur la cendre du père!
 Abîmes redoutés, dont Ninus est sorti,
 Dans vos antres profonds que ce monstre englouti
 Porte au sein des enfers la fureur qui le presse!
 Cieux, tonnez, cieux, lancez la foudre vengeresse!
 Ô son père, ô Ninus! quoi, tu n'as point permis
 Qu'une épouse éplorée accompagnât ton fils,
 Veille sur lui du moins dans ce lieu de ténèbres?
 N'entends-je pas sa voix parmi des cris funèbres?
 Je l'entends, c'est lui-même. Ah, qu'est-ce que je vois?!...⁹.

Я наведу и еще кое-какие поправки. Изменения я внес во все роли и умоляю г. Даржантала, в дополнение ко всем его любезностям, оказать мне еще и такую: распорядиться о возвращении мне как всех списков ролей, так и самой пьесы¹⁰; я же снова раздам их, но только по его распоряжению—когда ангелы мои признают пьесу удовлетворительной.

Я все еще жду руководящих указаний о том, следует ли мне обращаться к г-же де Помпадур с просьбой насчет пародии¹¹.

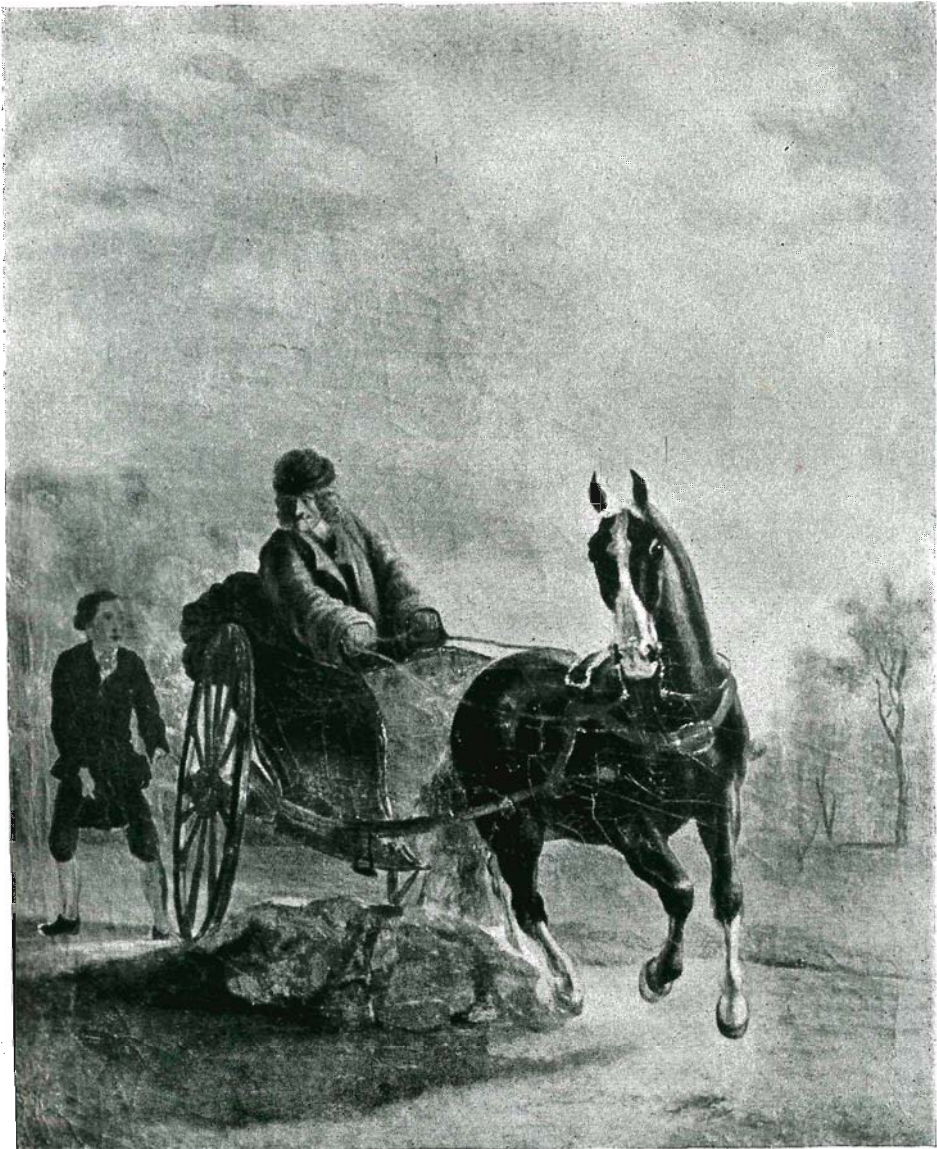
От г-жи Кино я жду рецепта для лечения зоба. Жду и варенья из слив. Жду, наконец, того дня, когда снова увижу своих ангелов. С особенной почтительностью лобызаяю края их крыльев.

В.

Адрес: Г-ну Даржанталю,
 почетному советнику парламента
 Улица St. Нопогé, в Париже

Почтовая пометка:
 Lunev[ille]

¹ Первые три строки этого письма, кончая словами: «...я дал объяснение вынужденной бездеятельности Ассура», вошли в текст письма изд. Moland № 1933 (XXXVI, 533).

ВОЛЬТЕР В КАБРИОЛТЕ

Картина маслом Жана Гюбера, 1770—1775-е гг.

Эрмитаж, Ленинград

² Действующие лица в трагедии «Семирамида».

³ «Все сторонники Ассура, в смиренности перед святыней, слышав голос богов, рассеялись и, меня завидя, трепещут»—«Семирамида», д. IV, явл. 4 (ср. M o l a n d, IV, 552).

⁴ «Знает ли ненавистный Ассур о том, что происходит? Не питает ли он какого-нибудь замысла? Знает ли он, каков этот Арсак?»—«Семирамида», вариант к д. V, явл. 1 (ср. M o l a n d, IV, 558, стихи 1—2).

⁵ «Нет. Об этой страшной тайне не знает никто. Оракул тени Нина все еще чтим. И приспешники Ассура, охваченные ужасом, не дерзают еще подать ему святотатствующую руку. Они молчат. Ждут тех торжественных мгновений, когда раскроются грозные двери гробницы, так долго ни для кого из смертных неприступные. Земля, ад и небо—все благоприятствует! Между тем, Азема, одержимая новыми страхами, во тьме ночной сторожит гробницу. Ниниас в храме. Трепещет его рука, которой предстоит сразить неведомую жертву...»—неизвестный до сих пор вариант к д. V, явл. 1 «Семирамиды» (ср. M o l a n d, IV, 558, стихи 3 сл.).

⁶ «Взоры мои следили за шагами его, видели его ярость, порожденную рухнувшими надеждами, страхом, обуявшим его сторонников, признанием вашего выбора, спокойствием удовлетворенного Вавилона. Он лишь себе во вред совершает это презренное преступление»—неизвестный до сих пор вариант к д. V, явл. 4 «Семирамиды» (ср. M o l a n d, IV, 560, стих 3 сл.).

⁷ Antoine de Bourbon (1518—1562)—король Наварры. В борьбе между католиками и гугенотами не решался занять определенной позиции и оказался игрушкой в руках Катерины Медичи (1519—1589).

⁸ Gaston d'Orléans (1608—1660)—«Monsieur», т. е. брат Людовика XIII; в царствование последнего и в годы регентства матери Людовика XIV—Анны Австрийской был участником многих политических интриг, всецело подпав под влияние своей энергичной и властной невестки.

⁹ «Направьте, о боги, стопы его к этой роковой могиле! Чего хотите вы? Чья кровь должна сегодня пролиться? Непостижимые боги, я трепещу пред вами! Боюсь Ассура, боюсь его длани, ищущей крови. Он готов прознить сына над прахом отца... Страшная пропасть, покинутая Нином! Пусть чудовище это, поглощенное твоими глубинами, на самое дно ада несет ту ярость, что его толкает. Гремите, небеса! Низвергайте карающие громы! О, отец его! О, Нин! Как? Ты не позволил жене твоего сына, обливаясь слезами, за ним следовать, чтобы хотя бы в этом царстве мрака его оберегать? Не его ли голос доходил до меня среди зловещих криков? Я слышу его, это он» и т. д.—«Семирамида», д. V, явл. 5, монолог Аземы (ср. M o l a n d, IV, 563).

¹⁰ Вольтер просил взять у актеров Comédie Française прежний текст «Семирамиды», чтобы заменить его другим, заново переработанным.

¹¹ См. ниже, п р и м. ⁴ к письму LXIII.

LXII

В. 144

[24 декабря 1748 г., Сире]¹

Из Люневилля я очутился в Сире² и только после крещения³ попаду к своим ангелам.

Полагаю, что они уже получили список «Семирамиды» от отца де Латура⁴, но я привезу им и другой, который им доставит больше удовольствия. Поработать под их наблюдением я еще вполне успею, если, как мне говорят, «Катилину» действительно, ставят...⁵.

Тот из ангелов, кто пожелал бы передать мне свои веления, может адресовать их в Сире через Васси,—они дойдут до меня еще во-время. Тысяча сердечных приветствий всему дому вашему, всем, кто там ужинает, всем, кто обедает!

В.

Сего 24 декабря.
Сире, через Васси.

Адрес: Г-ну Даржанталю,
почетному советнику парламента
Улица St. Honoré, в Париже

Почтовая пометка:
L'Aube

¹ Начало этого письма, кончая словами: «„Катилину“, действительно, ставят», впервые напечатано в I томе издания *Caurolet François*, в тексте письма № 180, стр. 176 (см. выше, прим. 1 к письму LX). Датируется по связи с серией публикуемых нами писем Вольтера XLV—LXI.

² См. прим. 3 к письму LX.

³ Буквально: «после дня [трех] царей» («après les Rois»), т. е. после 6 января.

⁴ См. прим. 4 к письму LX.

⁵ Первое представление трагедии Кребильона «Катилина» состоялось на сцене *Comédie Française* 20 декабря 1748 г.

LXIII

В. 113

11 января [1749 г.], Сире¹

Получили ли мои ангелы небольшую кадочку варенья из Бара², которую им должны были доставить с лотарингской почтовой каретой? Я сам был бы рад к вам приехать с этим вареньем, но г-же Дю Шатле нужно закончить свои дела с арендатором, и «Семирамиде» приходится уступить первое место кузницам...³ Не понимаю, о каких-таких существенных вещах следует мне говорить с г-ном де Ришелье? Он сообщает нам, что раз навсегда покончил с пародиями⁴. По-моему, нет ничего более существенного с точки зрения хорошего вкуса. Мои ангелы ставят мне в упрек, что я не сообразовался с запиской г-жи Даржанталь. Но клянусь их крылами, что, ставя последние свои заплаты, я именно ей и следовал!

Что же касается предложения устранить от гробницы некоего Ассура⁵, то признаюсь, я перепробовал все возможные для того способы и пришел к убеждению, что это невыполнимо...

Подвижную и жуткую игру в жмурки надо предпочесть правдоподобию, если оно холодное и действует расхолаживающе. Что было в моих человеческих силах, я сделал. А там, где доходишь до пределов своего дарования, приходится остановиться. Если зритель будет растроган всем остальным,— он скоро притерпится к этой игре в жмурки у гробницы.

У вас хватило смелости оставить этот рискованный вымысел в уже выпущенном издании. Надо держаться того же бесстрашия и теперь.

Что касается Слодсов, то им, конечно, придется давать указания. Через две недели мы, наверное, будем в Париже. Я успею все пересмотреть, исправить, придать пьесе надлежащий вид, набросать план обстановки. Поставить «Семирамиду» нам удастся не ранее первой недели поста. Никаких затруднений, следовательно, перед нами нет. А если бы театр оказался надолго занят разного рода «Катилинами»⁶ и слезными комедиями, то и задержка до пасхи большого ущерба не принесет. Чего я жду с самым большим нетерпением, так это—свидания с моими ангелами, которые мне дороже «Семирамиды», к которым я привязан так сердечно.

Самые сердечные поклоны шлет им и г-жа Дю Шатле. Она только-что закончила предисловие к своему Ньютону⁷. Это шедевр. В Академии наук не найдется никого, кто сумел бы дать что-нибудь лучшее. Ее работа делает честь женскому полу и Франции. Я в искреннем восторге от нее. *Valete angeli*⁸.

Адрес: Г-ну Даржанталю,
почетному советнику парламента
Улица St. Honoré, в Париже

Почтовая пометка:
Vuassy

¹ По традиции, идущей от Кельского издания, вошло частями в письмо по изд. Moland № 1943 (XXXVI, 561), составленное из отрывков настоящего письма и следующего, здесь публикуемого (LXIV). Датируется 1749 г. по связи с предыдущими письмами.

² Т. е. из Bar le Duc (в нын. департаменте Meuse).

³ Вольтер и маркиза Дю Шатле оставили двор Станислава Лещинского около 20 декабря 1748 г. и 24 декабря прибыли в Сире, где маркизе предстояло заняться хозяйственными делами.

⁴ Пародия Монтиньи на «Семирамиду» на сцене не появилась, благодаря ходатайству Вольтера перед аббатом Берни и герцогом Ришелье, добившимися вмешательства в это дело маркизы Помпадур.

⁵ Имеется в виду сцена из V акта «Семирамиды».

⁶ В новой редакции «Семирамида» появилась на сцене Comédie Française 10 марта 1749 г. «Разного рода Катилины» — ирония по адресу трагедии Крепильона «Катилина».

⁷ Вольтер говорит о предисловии г-жи Дю Шатле к ее переводу трактата Ньютона «Principia mathematica philosophiae naturalis». Ее работа появилась в печати лишь в 1756 г., т. е. после смерти автора. (См. написанное Вольтером похвальное слово г-же Дю Шатле: «Eloge historique de madame la marquise du Châtelet» — Moland, XXIII, 515).

⁸ «Прощайте, ангелы!»

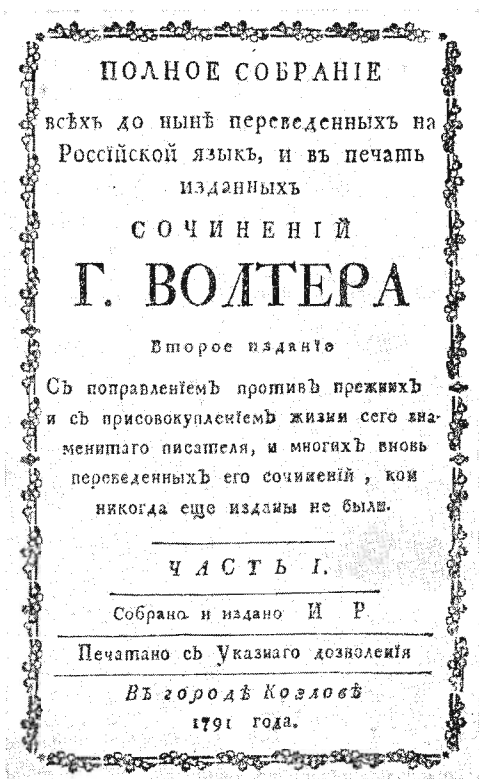
LXIV

В. 118

[21 января 1749], Сире¹

О ангелы! Я бы предпочел сам броситься в эту могилу, не заставляя Ассура кружиться около нее, не вызывая плохих советов, не подправляя — и притом неудачно — сцену заговора, не выводя Ассура в цепях, не предотвращая катастрофу распылением ее на мелкие подробности, в большинстве случаев — искусственные, нисколько не интересные, передача которых выйдет в высшей степени скучной...²

Речь об остальном отлагаю до той блаженной минуты, когда вознесусь

ВТОРОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ВОЛЬТЕРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Напечатано И. Г. Рахманиновым в собственной
типографии в селе Казинке Тамбовской губ.

По приказу Екатерины II издание подлежало
конфискации

Музей книги, Москва

к вашим небесам. Посмотрите пьесу в теперешнем ее виде и решайте. Ваша власть над ней должна быть неограниченной. Я писал г-ну Ришелье³ о необходимости отказаться от роковой мысли ставить «Семирамиду» в Версале. Недоумеваю, что это за дело, успех которого зависит от г-жи де ла Поплиньер. Не знаю за ней никаких дел, кроме того, в котором ваша тетушка была доверенным лицом⁴. Что касается Слодсов, то лучше поговорить с ними 1 февраля, чем посылать им чертежи. А что вас касается, мои ангелы, то я желал бы уже быть у ваших ног.

Сире, 21-го.

В.

Адрес: Г-ну Даржанталю,
почетному советнику парламента
Улица St. Honoré, в Париже

Почтовая пометка:
Vuassy

¹ См. прим. 1 к предыдущему письму.

² Речь идет об исправлении текста «Семирамиды».

³ О Ришелье см. прим. 3 к письму XXXVI.

⁴ M-me de la Popelinière—жена откупщика. Ее брак был устроен теткой Даржантала, г-жей де Тенсен. О последней см. во вступительной статье, стр. 50.

LXV

В. 150

[Начало января 1750 г., Версаль]

Вы должны знать, ангелы мои, что в Версале создание ваше прихворнуло. Но что вы скажете на то, что г-жа Дени², узнавши об этом не понимаю каким образом, тотчас поехала ко мне в сиделки? Вернуться мы можем только завтра, в пятницу. Очень желал бы, чтобы «Орест»³ чувствовал себя лучше, чем я. Вы, конечно, поймете, что я совершенно не мог работать, даже над «Катилиной»⁴...

До завтра же, ангелы мои небесные!

Умоляю вас обеспечить мне услугу со стороны герцога Домона. В воскресенье «Ореста» репетируют.

Я хочу жить ради удовольствия отомстить за «Софокла»⁵, но больше всего, чтобы служить вам и никому другому, здесь я—только на покое, в отставке.

В.

Четверг.

Адрес: Г-ну Даржанталю,
почетному советнику парламента
Улица St. Honoré, против церкви св. Роха, в Париже
Уплатить 6 су подателю

¹ Письмо это произвольно соединяли с письмом LXVI и относили к январю 1750 г.—Molan № 2045 (XXXVII, 91). Отсюда возникла трудность согласовать его по содержанию с несомненно мартовским письмом Вольтера к Даржансону—Molan № 2069 (XXXVII, 111-112 и сноски № 3), в котором Вольтер подчеркивал, что за последние месяцы не бывал при версальском дворе. На подлиннике имеется пометка рукой Даржантала: «mars 1750». Но доверять точности пометок Даржантала нельзя. Указание на предстоящую репетицию «Ореста» (см. прим. 3) заставляет датировать письмо началом января.

² Denis Луиза, рожд. Mignot—племянница Вольтера, проведенная с ним все годы его жизни в Ферне; по смерти его наследовала его имущество и, в частности, литературное право на его переписку (см. вводную статью).

³ «Oreste»—трагедия Вольтера, написанная им в течение 1749 г. и посвященная герцогине Мэнской. Впервые поставлена на сцене 12 января 1750 г.

⁴ «*Catiline*», иначе «*Rome sauvée*»—трагедия Вольтера; он работал над ней одновременно с работой над трагедией «*Oreste*».

⁵ «Удовольствие отомстить за Софокла» состояло в посрамлении Кребильона: и «Катилина» и «Орест» Вольтера были созданы в прямом расчете на то, чтобы показать, как слабо использованы эти сюжеты в одноименных трагедиях Кребильона. Яркий след этого этапа борьбы Вольтера с литературным методом Кребильона сохранен в виде маргиналий Вольтера на принадлежавшем ему экземпляре трагедий Кребильона в издании 1750 г. *Œuvres de M. de Crébillon* (Paris, Imprimerie Royale, 1750), хранящемся в составе библиотеки Вольтера в ленинградской Публичной библиотеке.

LXVI

В. 151

[Январь 1750 г., Париж]¹

Где нет воплей Клитемнестры², там нет истинной трагедии об Оресте³. Это греческое блюдо, быть может, тяжело для желудков парижских пети-метров—я вполне готов признать, что их и не следует угощать им.

Чтобы Клитемнестра бросила мужа, урну, убийцу и пошла к себе дуться—это, на мой взгляд, совершенно нестерпимо! Готов признать кое-какие длинноты в сцене между сестрами⁴, особенно, когда разговаривают так, как Госсен. Тут необходимы сокращения. Труднейшей задачей является злосчастное общее место—с неистовствами. Его я полностью представляю вашему суду, дивный ангел. Со всех малёньких поправок, мной внесенных, делаются списки. Совершенно верно, что я недостаточно развил сцену с урной. В чтении чувствуется ее скомканность: все действующие лица как будто спешат куда-то...⁵.

Завтра сообщу г-же Гишар, что для нее есть ложа на понедельник.

Мне надо переговорить с вами о множестве вещей. Вчера мне было очень весело смотреть на г-жу Даржанталь, как она кушала свой молочный суп.

Нежно обнимаю вас, дорогой и уважаемый друг.

В.

На обороте: Г-ну Даржанталю

¹ См. прим. 1 к предыдущему письму.

² Мать Ореста, действующее лицо трагедии «Орест».

³ См. прим. 3 к письму LXVI.

⁴ Сестры—Электра и Ифиза—действующие лица трагедии «Орест». Г-жа Госсен играла роль Ифизы.

⁵ После этих слов в текст письма Moland № 2045 вставлена фраза: «*Mais vous verrez les petites corrections que j'ai faite*»,—отсутствующая в оригиналах как настоящего письма, так и письма XV (второго компонента письма Moland № 2045).

LXVII

[?]

В. 101

Я провел такую жестокую ночь, мне так плохо сегодня, что тело мое отказывается добраться до тех, кто владеет моей душой. Очень бы хотелось очутиться у г-жи Даржанталь. Но я слишком плохо себя чувствую. Жду к себе судей и властителей своих.

На обороте: Г-ну ангелу моему

¹ Печатается впервые. Данных для датировки этой записки не имеется.

Т А Б Л И Ц А

ОБЗОР СОСТАВА СБОРНИКА ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АН СССР С УКАЗАНИЕМ ГОДА НАПИСАНИЯ И СООТВЕТСТВУЮЩЕГО НОМЕРА ПО ИЗДАНИЮ M O L A N D*

1	1738—903	80	1740—1235	60	1744—1496	90	1743—1589	120	1748—1889	150	1750—2080
2	1740—	31	1739—1013	61	1742—1494	91	1742—1636	121	" — 1896	151	" — 2045
3	1738—985	32	1738—977	62	1743—	92	" — 1523	122	" — 2099	152	" — 2099
4	1734—436	33	1739—	63	1739—1037	93	1743—1604	123	" —	153	" — 2104
5	1736—599	34	1741—1394	64	" — 1027	94	1741—1636	124	" — 1904	154	" — 2107
6	1734—429	35	" — 1402	65	1737—723	95	" — 1418	125	" — 1901	155	" — 2111
7	" — 409	36	" — 1413 и 1412	66	1741—1410	96	1744—1646	126	" — 1904	156	" — 2113
8	" — 404	37	1739—1121	67	1739—1040	97	" — 1665	127	" — 1908	157	" — 2117
9	1736—701	38	1741—1428	68	" —	98	" — 1669	128	" —	158	" — 2120
10	" — 450	39	" — 1448	69	" — 1087	99	1745—1765	129	" —	159	" — 2124
11	" — 548	40	1740—1282	70	1745—1564	100	1743—1703	130	" —	160	" — 2128
12	1734—447	41	1739—1013	71	1743—1567	101	? —	131	" — 1912	161	" — 2135
13	1737—712	42	1740—1300	72	1744—	102	1743—1560	132	" — 1913	162	" — 2139
14	1736—567	43	1739—1062	73	1739—1040 и 1069	103	" — 1563	133	" — 1915 и 1916	163	" — 2146
15	" — 456	44	1741—1470	74	" — 1070	104	" —	134	" — 1916	164	" — 2152
16	1737—785	45	1740—1315	75	1745—1598	105	1744—1685	135	" — 1915	165	" — 2159
17	1736—691	46	1739—1040	76	" — 1423	106	1745—1780	136	" — 1920	166	1751—2173
18	1740—1251	47	1745—1765	77	" — 1582	107	" —	137	" —	167	" — 2181
19	1739—1216	48	1742—1486	78	1744—1675	108	1744—1674	138	" — 1921	168	" — 2219
20	1740—1259	49	1741—1405	79	1739—1040	109	" —	139	" — 1924	169	" — 2225
21	1738—857	50	1740—	80	" — 1069	110	1747—	140	" — 1927	170	" — 2229
22	" — 864	51	" — 1236	81	1739—	111	1743—1560	141	" — 1931	171	" — 2250
23	" — 863	52	" — 1237	82	1743—1573	112	1748—1935	142	" —	172	" — 2271
23 [bis]	" — 879	53	1739—1060	83	1739—1037	113	1749—1943	143	" — 1933	173	" — 2279
24	" — 888	54	1741—1437	84	" — 1173	114	1741—	144	" — 1935	174	" — 2300
25	1740—1317	55	1742—1530	85	1747—	115	1748—1936	145	" — 1885	175	" — 2304
26	" — 1261	56	1740—1345	86	1739—1076	116	" — 1882	146	1750—2066	176	" — 2309
27	1739—1259	57	1742—1550	87	1742—1535	117	" —	147	1747—	177	" — 2311
28	1740—1251	58	" — 1550	88	" —	118	1749—1943	148	1748—2054	178	1766—г. X]
29	1741—1482	59	1739—	89	" — 1098 и 1132	119	" — 1933	149	1750—2045	179	

* Первый ряд—порядковый номер в сборнике, второй—дата (год), третий—номер по изданию M o l a n d.

Т А Б Л И Ц А Б

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ТЕКСТА ИЗДАНИЯ M O L A N D
(RESP. KENL, VEUSNOT, SAYROL ET FRANÇOIS).

I. Из всех писем к Даржанталю за 1734—1751 гг., вошедших в издание M o l a n d, в сборнике Института истории АН СССР вовсе не представлены только следующие номера:

434, 456, 591, 663, 732, 857, 858, 954, 975, 1007, 1018, 1031, 1148, 1240, 1245, 1412, 1470, 1658, 1667, 1670, 1671, 1672, 1677, 1701, 1781, 1795, 1842, 1871, 1966, 1970, 1974, 1981, 1985, 1987, 1989, 1991, 1995, 2000, 2001, 2002, 2008, 2010, 2013, 2017, 2018, 2020, 2021, 2022, 2198, 2240, 2255, 2260 и 2287.

II. Из прочих писем к корреспондентам сборника Института истории АН СССР следующие письма в издании M o l a n d полностью или частично основаны на оригиналах сборника*.

404 (8), 409 (7), 429 (6), 436 (4), 447 (12), 450 (10), 456 (15), 548 (11), 567 (14), 599 (5), 691 (17), 701 (9), 712 (13), 723 (65), 785 (16), 863 (23), 864 (22), 875 (21), 879 (23 bis), 888 (24), 903 (1), 977 (32), 985 (3), 1013 (31 и 41), 1027 (64), 1037 (63 и 83), 1040 (46, 67, 73 и 79!), 1060 (53), 1062 (43), 1069 (73 и 80), 1070 (74), 1076 (86), 1087 (69), 1098 (89), 1121 (37), 1132 (89), 1173 (84), 1216 (19), 1235 (30), 1236 (51), 1237 (52), 1251 (18 и 28), 1259 (20 и 27), 1261 (26), 1289 (40), 1300 (42), 1315 (45), 1317 (25), 1345 (56), 1394 (34), 1402 (35), 1405 (49), 1410 (66), 1412 (36), 1413 (36), 1418 (95), 1423 (76), 1428 (38), 1437 (54), 1448 (39), 1482 (29), 1486 (48), 1494 (61), 1496 (60), 1523 (92), 1530 (55), 1535 (87), 1550 (57 и 58), 1560 (102 и 111), 1563 (103 и 104), 1564 (70), 1567 (71), 1573 (82), 1582 (77), 1589 (90), 1598 (75), 1604 (93), 1636 (91 и 94), 1646 (96), 1665 (97), 1669 (98), 1674 (108), 1675 (78), 1685 (105), 1694 (104), 1703 (100), 1765 (47 и 99), 1780 (106 и 107), 1882 (116 и 117), 1885 (145), 1889 (120), 1896 (121), 1901 (125), 1904 (124 и 126), 1908 (127 и 128), 1912 (131), 1913 (132), 1915 (133 и 135), 1916 (133 и 134), 1920 (136), 1921 (138), 1924 (139), 1927 (140), 1931 (141 и 142), 1933 (119 и 143), 1935 (112 и 144), 1936 (115), 1943 (113 и 118), 2045 (149 и 151), 2054 (148), 2066 (146), 2080 (150) и №№ 2099, 2104, 2107, 2111, 2113, 2117, 2120, 2124, 2128, 2135, 2139, 2146, 2152, 2159, 2173, 2181, 2219, 2225, 2229, 2250, 2271, 2279, 2300, 2304, 2309, 2311 (соответствуют в порядке последовательности №№ 152—177).

* Первые цифры—номер по изданию Moland, цифры в скобках—порядковый номер в сборнике.

III. ИЗ НЕИЗДАННОЙ ВОЛЬТЕРИАНЫ

Настоящая глава посвящена публикации ряда обнаруженных за последние годы в различных советских собраниях отдельных писем и документов Вольтера, а также двух писем к Вольтеру—химика Элло и И. И. Шувалова (публикация последнего документа и комментариев к нему принадлежат Н. С. Платоновой).

В комментариях к каждому из печатаемых документов даются, как правило, лишь основные сведения, нужные для понимания текста, и почти не освещаются обильные побочные выводы, которые могли бы служить для исправления датировок прежде опубликованных писем, уточнить приводимые в них адреса и иные моменты биографического порядка.

При всей пестроте и неравноценности публикуемых документов, они имеют несомненный историко-литературный интерес, представляя собой дополнительный материал, столь необходимый для воссоздания полной корреспонденции Вольтера.

ПИСЬМА ВОЛЬТЕРА

1. БАКЮЛЯРУ Д'АРНО¹

[Париж, 18 июня 1749 г.]

Дорогое дитя², клянусь вам, я придаю этому произведеньицу лишь весьма умеренное значенье. Учтите, что я ценю мелочи. Дело не в том, что я не сознаю его трудностей. Именно это-то меня и унижает. Почему нужно, чтобы этакую ерунду было так трудно создавать? Дитя мое, все суетно в сем мире, а всякое искусство неисчерпаемо. Все это—весьма печально. Но приходится утешаться в том, что представляешь собой нечто весьма незначительное. Ибо таков наш удел. Постараемся же хотя бы позабавиться. Это—единственное благо. Забавляйтесь же, если сможете, «Наниной»³, вот два билета, оставшиеся у меня. Ежели вы, впрочем, пожелаете быть у Прокопа⁴, я введу вас и ваших друзей и ваших дев веселья—или вовсе не веселья—повсюду, куда вам захочется. Прощайте.

В.

В среду, 18 июня.

Адрес: Г-ну д'Арно,
агенту короля прусского⁵

Театральная библиотека имени А. В. Луначарского в Ленинграде.— Собрание В. С. Протопопова.

¹ Мы относим настоящее письмо к числу неизданных, ввиду того, что оно отсутствует в составе «Переписки» в XXXIII—LII тт. издания Moland. Отметим, однако, что текст письма был известен Молану, т. к., издавая в 1877 г. V том сочинений Вольтера, он в своем предисловии к комедии «Нанина» (стр. 5) цитировал две последние фразы этого письма («Забавляйтесь...» и т. д. до «Прощайте»).

² Это нежное обращение характерно для всего раннего периода взаимоотношений корреспондентов, когда трогательная забота Вольтера о литературных успехах юного Бакюляра д'Арно (François-Thomas Vascard d'Arnaud) еще не сменилось негодованием на его вероломство. Начиная с января 1736 г., Вольтер принимал близкое участие в устройстве дел д'Арно и в множестве писем следующих лет неоднократно поручал своему доверенному, аббату Муссину, выплачивать д'Арно субсидии в размере от 1 до 60 ливров. В 1739 г. он рекомендует его Гельвецию, «как родного сына» (Moland, XXXV, 188, № 1083), но уже в 1740 г. делится с М-ле Кино своим подозрением о том, что «этот рослый парень, столь же безрассудный в чужих делах,

ВОЛЬТЕР В КРЕСЛЕ
Работа Гудона, мрамор, 1781 г.
Эрмитаж, Ленинград

как и в своих», вскрывает чужие письма. Выдвинувшись, благодаря поддержке Вольтера, и став впоследствии «литературным агентом» Фридриха II, д'Арно не гнушался клеветы, всячески вредя Вольтеру и пытаясь занять его место при дворе (M o l a n d, XXXVII passim, особенно №№ 2100, 2128, 2145, 2146, 2150; подлинный текст № 2146 восстановлен ниже, в последнем выпуске этого тома, и по-новому освещает инициативу Вольтера в разоблачении д'Арно Даржанталем).

³ Комедия Вольтера «Nanine», к которой, очевидно, относятся и предыдущие высказывания, была поставлена в Comédie Française летом 1749 г. (после первой постановки на частной сцене в июле 1748 г.—M o l a n d, V, 4—5).

⁴ К а ф е («Пещера») П р о к о п а—напротив здания Comédie Française—постоянное место театральных дебатов после спектаклей.

⁵ А г е н т о м, т. е. литературным корреспондентом Фридриха, д'Арно стал летом 1748 г., заняв место другого ставленника Вольтера—Тьеро (ср. M o l a n d, XXXVI, 516, № 1894).

2. ВО ДЕ ЖИРИ, АББАТУ ДЕ СЕН-СИР¹

Кольмар², 24 февраля 1754 г.

Сударь, прилагаемый к сему формальный акт объяснит вам, почему я так возмущен выпущенным под моим именем гнусным изданием!³ Клевета доходит до слуха высоких особ из сотен уст, в защиту же истины редко раскроются чьи-нибудь одни уста.

Надеюсь, что ваши не останутся сомкнутыми, что вы в настоящем случае выступите на защиту человека, имеющего честь быть вашим братом. Не знаю, имел ли возможность по состоянию своего здоровья господин бывший епископ Мирпуа узнать об этом злосчастном произведении и сделать доклад о нем и может ли он, при нынешнем состоянии здоровья, вступить за мои права. Публика их признает, признать их должен каждый. Вот почему я позволяю себе надеяться, что при том чувстве справедливости, которое вам так свойственно, вы его проявите в данном случае отстаиванием прав, мне принадлежащих. Я жду этого доброго дела от вашего сердца, исполненного добродетели, а со своей стороны—почту долгом пребывать признательным вам, сударь, нижайшим и покорнейшим слугой вашим

Вольтер

Рукописное отделение Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.—Собрание Сухтелена. За исключением собственноручной подписи Вольтера, написано рукой его секретаря [Колини?]. На обложке письма рукой владельца карандашом надписано: «A Mr. l'abbé de St. Cyr».

¹ А б б а т д е С е н - С и р (Odet-Joseph de Vaux de Giry, abbé de Saint-Cyr, ум. в 1761 г.) с 1741 г. был членом Французской академии, как и Вольтер, почему последний и называет его в письме с в о и м б р а т о м. Званием академика аббат Сен-Сирский обязан был не столько своим ученым заслугам, сколько своей должности воспитателя дофина, а этой должностью—своей преданности упоминаемому ниже епископу М i g e r o i x, тоже академику и своему предшественнику на посту при дофине. Близость аббата ко двору и явилась, очевидно, причиной того, что в поисках лиц, которые могли бы довести слово правды до слуха короля, Вольтер вспомнил о своем собрате. В изданной переписке Вольтера каких-либо других писем к аббату де Сен-Сир не имеется.

² В К о л ь м а р (в Эльзасе) Вольтер приехал в начале октября 1753 г. (D e s n o i r e s t e r r e s, V, 8—10, и M o l a n d, XXXVIII, 132—140). Здесь, у порога Франции, после того удара для его репутации, который нанесил бегство от Фридриха II, франкфуртский арест летом того же года и т. д., Вольтер столкнулся с невозможностью вернуться на родину и стал выжидать смягчения постигшей его королевской немилости. Свое вынужденное пребывание в Кольмаре (посильно использованное им для усиленных занятий историей) Вольтер переносил, как тяжелое испытание, и, не без основания опасаясь преследований со стороны церкви, в своих письмах иронизировал над «великим градом Кольмарским», называя его подчас «столицей готтентотов» (за сожжение «Словаря» Бейля).

³ «Г н у с н ы м и з д а н и е м» Вольтер называет книгу «Abrégé de l'histoire universelle depuis Charlemagne jusqu'à nos jours par M. de Voltaire» (см. В е н г е с о, I, № 1162, и V o l t a i r e, Œuvres inédites, I, P. 1914, pp. 22—24). Она была выпущена в Гааге в 1753 г. издателем Жаном Неомом (Néaulme), купившим по случаю рукопись Вольтера 1740 г. под названием «Essai sur les Révolutions du Monde et sur l'histoire de l'esprit humain depuis le temps de Charlemagne jusqu'à nos jours». Издание рукописи в Гааге было осуществлено без ведома самого Вольтера, а текст ее подвергся сильным и тенденциозным искажениям, придавшим этому произведению весьма нежелательный для автора политический смысл. В весьма резких письмах к Неому Вольтер указывал, что по его милости он лишился королевской пенсии, а также возможности вернуться в Версаль и в Париж и что это последнее обстоятельство само по себе лишает его половины его состояния (M o l a n d, L, №№ 10370 и 10371). Вольтер начал энергичную кампанию по разоблачению «гаагской подделки» и по реабилитации себя от упреков в употреблении в своих произведениях научно не проверенных сведений и слишком радикальных, в политическом отношении, выражений. Своего апогея эта самозащита достигла как раз к концу февраля, когда Вольтер заребовал и получил из Парижа подлинную свою рукопись. За два дня до отправки публикуемого письма кольмарские нотариусы Калло и Бессон составили, по просьбе Вольтера, «ф о р м а л ь н ы й а к т» сличения рукописи с гаагским изданием. Этот протокол, в котором были зарегистрированы крупнейшие искажения подлинного текста и тем самым разоблачена подделка Неома, Вольтер и посылает аббату де Сен-Сир.

3. ДЕВИЦАМ БУКЕ

Монрион, 25 мая [1756 г.]¹

Бернские путешественники², граждане Монриона, Делис и Роль³, заявляют барышням Буке⁴ о своей преданности и о некоторых своих желаниях. Желания эти состоят в том, чтобы нам оказали честь посещением и согласием безотлагательно с нами поужинать у высокого английского капитана⁵. Взята ли Магонская цитадель или не взята⁶, побивает ли или побит английский флот, для нашего брата-швейцарца, состоящего в дружбах со всем светом⁷, это безразлично. Мы молим обеих прелестных барышень сообщить нам свои распоряжения и известить, когда можно явиться к ним на поклон в английский дом⁸, который лишь для того и нанят нами, чтобы удобнее было почаще заявлять им о том, как они милы и как я их люблю и уважаю.

В.

На обороте: Девицам Буке, в Роль

Архив Исторического музея в Москве.—Собрание С. С. Уварова. Из альбома, подаренного Уварову Е. Ф. Долгоруковой.

¹ В М о н р и о н е, вблизи Лозанны, Вольтер приобрел дом в 1755 г., но вскоре его оставил.

² «Бернскими путешественниками» Вольтер называет себя и мадам Дени. Обосновавшись на швейцарской территории, Вольтер поспешил завязать отношения с представителями федерального правительства. Официальным поводом для поездки была необходимость сделать визиты представителям союзных властей в Берне. Но одновременно с этим у Вольтера имелись другие причины поездки. Он был вызван из Делис для секретных переговоров с французским посланником в Золотурне, причем ему была предложена деликатная миссия в Пруссии, от чего он, однако, отказался. Поездка в Берн заняла не свыше недели; еще 15 мая Вольтер был в Монрионе, как это явствует из одного письма его, отправленного отсюда в этот день (M o l a n d, XXXIX, 44, № 3172), а публикуемое письмо указывает на то, что не позже 25 мая он уже вернулся в Монрион.

³ R o l l e—местечко неподалеку от Лозанны, еще в XVIII веке славившееся курортом. Вольтер посетил его также в 1765 г., а летом следующего года он укрывался там от опасности, которая, как он думал, угрожала всем философам после казни де Лабарра.

⁴ На страницах вольтеровской реплики имени В о и q u e т не встречается, и, насколько известно, это имя не привлекло внимания биографов Вольтера. Не имея под рукой ни местных архивных материалов, ни узко-местной литературы, более точно опреде-

литель, кто именно были эти барышни Буке, невозможно; швейцарский историко-биографический словарь («Dictionnaire historique et biographique de la Suisse», II, 259) указывает, что фамилию Vouquet носило несколько семейств в кантоне Во; одно из них поселилось в Роле со времени отмены Нантского эдикта, причем член этого семейства, Луи (1704—1781), служил в Голландии; к другой семье принадлежал Анри-Луи Буке (1715—1765), служивший в Голландии, Сардинии, Франции, а затем в Англии и в 1754 г. в чине полковника «королевского американского» (английского) полка сражавшийся против французов.

⁵ Доступные нам материалы не дают возможности установить, кто такой этот «высокий английский капитан». Не исключена возможность, что под этими словами Вольтер подразумевает того самого родственника сестер Буке, который в 1754 г. сражался против французов (см. предыд. примечание).

⁶ Падение крепости Порт-Магона на Минорке—один из первых по времени эпизодов Семилетней войны. Борьба из-за Минорки между французами и англичанами шла в течение апреля—июня 1756 г. Отсюда и датировка публикуемого письма.

⁷ Безразличие Вольтера к исходу экспедиции было мнимым; в действительности он в этом случае очень близко принимал к сердцу успехи французов и их полководца Ришельё. Ср. особенно его апрельские письма этого года к последнему и письма от 2 и 16 июля к Даржанталю (M o l a n d, XXXIX, 28 сл., 64 сл. и 70 сл., №№ 3156, 3194 и 3200).

⁸ «Английским домом» Вольтер называет, повидимому, свой замок в Монрионе. О приятной для него жизни там среди круга местной «знати»—главным образом, подобно Буке, протестантских выходцев из Франции, и о постоянных театральных постановках в Монрионе см. D e s p o i r e s t e r r e s, Voltaire à Délices, 204—208.

4. ТЕОДОРУ ТРОНШЕНУ

[1762 г.?]]

Дорогой мой Эскулап, г-жа Дени передала мне, что вы—в поисках сельского дома, где могли бы провести осень. Предлагаю вам Делис, они, как и владелец оных,—к вашим услугам. Блажен тот, кто живет вдали от городов! Прошу передать мой нижайший поклон герцогине д'Анвиль. Живите, дорогой Эскулап, ради самого себя и ради ваших друзей.

В.

На обороте: Г-ну доктору Троншену, в Женеве

Архив Исторического музея в Москве.—Собрание Г. В. Орлова.

¹ Адресованное знаменитому врачу и близкому знакомому Вольтера—Теодору Троншену (1709—1781), публикуемое письмо было написано, во всяком случае, раньше 1765 г., когда Вольтер продал Делис. С наибольшим вероятием оно должно быть отнесено к 1762 г., так как именно во второй половине этого года герцогиня д'Анвиль жила в Женеве.

5. ТРОНШЕН-КАЛАНДРЕНУ

[14 мая неизвестного года]

Господин Франсуа Троншен, наверное, сообщил уже г. Троншен-Каландрену, что на получение креста г. Гариг может рассчитывать не ранее, чем через 2½ года. Ему придется запастись терпением. Тысячам людей не приходится так долго ждать, чтобы нести свой крест. Старый отшельник В[ольтер] приносит нижайшее и самое сердечное почтение свое г. Троншену и всему его племени. И остается на всю жизнь готовым служить им¹.

В.

14 мая.

Адрес (рукой Ваньера): Г-ну Троншен-Каландрену,
государственному советнику
Derrière les Granges, Женева

Рукописное отделение Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.—Собрание Андреева. В верхнем левом углу на 1-й странице клеймо: «Dolgorouiki».

¹ Год, когда эта записка была написана, нам неизвестен, неизвестна и личность того, для кого Вольтер хлопотал о кресте. Записка адресована женеvскому советнику Троншен-Каландрену (Tronchin-Calendrin), одному из родственников Франсуа Троншена, приятеля Вольтера. В издании M o l a n d (XLIV, № 6153) имеется лишь одно письмо к Троншен-Каландрену от 13 ноября 1765 г., в котором Вольтер заверяет его в своей лойальности по отношению к женеvским властям и предлагает свое посредничество для примирения враждующих в Женеве партий.

6. ЗАПИСИ ВОЛЬТЕРА, ДАЛАМБЕРА, М. ДЕ СЕН-СИМОНА И НЕИЗВЕСТНОГО НА ЛИСТКЕ ИЗ АЛЬБОМА БЬЁРНСТАЛЯ

Mea mihi conscientia pluris est quam omnium sermo.
Cicer¹. Die 21 augusti 1770

D'alembert

Cum moriar dicant posteri hic fuit Dalemberti amicus
Voltaire 3 oct^b 1770 in castello ferney^a.

Id populus curat scilicet
Romae IV Nonas Majas
MDCCLXXII^a

J'entrai dans larche de noé
Le 20 janvier 1775.
a melisweert pres utrecht
sous la garde de dieu et de Mrs les barons de Rudbeck et Mr. Bjornstaehl.
Le M^{qs} de S^t. Simon⁵

Перевод:

Совесь моя мне важнее, чем все людские толки.
Цицерон¹ 21 августа 1770

Даламбер

Когда умру, пусть скажут потомки: он был другом Даламбера.
Вольтер, 3 октября 1770 г., в замке Ферне^a.

Об этом позаботится сам народ.
Рим, в четвертые ноны мая 1772^a

Я вступил в ноев ковчег
20 января 1775 г.
в Мелисверте близ Утрехта
под защиту божию и господ баронов Рудбек и г. Бьёрнсталя⁴.

M[аркиз] де Сен-Симон⁵

Рукописное отделение Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.—Собрание Сухтелена. Листок из разрозненного альбома Бьёрнсталя.

¹ Цицерон, Письма к Аттику, кн. 12, письмо 28.

² Об истинном характере взаимоотношений Вольтера с Даламбером*красноречиво свидетельствуют их интенсивная переписка и их солидарные выступления с трибуны Академии и в боевых статьях «Энциклопедии». Запись Вольтера—не просто комплимент, а дань его серьезного и глубокого уважения к знаменитому философу.

³ Рука автора этой анонимной поправки к формулировке Вольтера нам неизвестна.

⁴ B j e r n s t a h l Иаков-Ионас (1731—1779)—весьма образованный шведский путешественник и писатель. Оставил интересные письма о своих путешествиях и, в частности, мало использованные биографами Вольтера записи о двух посещениях в Ферне. Был воспитателем в доме шведского барона Рудбек (Rudbeck), впоследствии жившего в Голландии.

⁵ S a i n t - S i m o n Максимилиан-Анри, маркиз де (1720—1799)—один из потомков знаменитого мемуариста и дядя великого утописта XIX столетия, автор ряда известных в свое время сочинений (главным образом, по истории и ботанике), а также «Опыта о деспотизме и революциях в России», изданного в 1794 г. («Essai sur le despotisme et les révolutions de la Russie», s. 1, 1794).

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

1. УДОСТОВЕРЕНИЕ, ВЫДАННОЕ ВОЛЬТЕРОМ ЛУИ-ТОМА ДЕ ЛА БИОЛА

Мы, Франсуа де Вольтер, кавалер, камергер короля, сеньёр Ферне, Турне, Шамбери и пр., удостоверяем, что Луи-Тома де ла Биола служил у нас три года, с величайшей добросовестностью исполняя свои обязанности. Дано в замке Ферне 24 апреля 1769 г.

Вольтер

Архив Института истории АН СССР, Ленинград.—Фонд быв. ИКДП. Собрание Н. П. Лихачева.

Удостоверение написано рукой Ваньера и снабжено собственноручной подписью Вольтера и его печатью.

2. УДОСТОВЕРЕНИЕ О НАХОЖДЕНИИ ВОЛЬТЕРА В ЖИВЫХ

(CERTIFICAT DE VIE)

№ по регистру
займодержателей

2098

Мы, Пьер-Мишель Эннен, резидент короля при Женевской республике, удостоверяем и свидетельствуем всем, кому надлежит, что г. Франсуа Мари Аруз де Вольтер, родившийся двадцать первого ноября тысяча шестьсот девяносто четвертого года, камергер короля и один из сорока Французской академии, проживающий в своем Фернейском замке, в местности Жекс, находится в настоящее время в живых, поскольку он сего дня предстал пред нами, в удостоверение чего мы ему выдали настоящее свидетельство, которое мы подписали, которое мы повелели скрепить нашей печатью и которое подписал названный г. Вольтер. В Женеве, сего десятого января тысяча семьсот семьдесят шестого года.

Эннен

Печать

Скрепил

Габаро Во

Франсуа Мари Аруз де Вольтер

Признано подлинным, скреплено собственноручными подписями

на основании акта о депозите, предъявленного нижеподписавшимся парижским нотариусом сего дня десятого февраля тысяча семьсот семьдесят шестого года

Ле Сюёр

Ла Шэз

Миноп

Архив Института истории АН СССР, Ленинград.—Фонд быв. ИКДП. Собрание Н. П. Лихачева.

Бланк. Выделенное курсивом внесено в бланк от руки.

Публикуемый документ, на котором руке Вольтера принадлежит только полная его подпись «Франсуа Мари Аруз де Вольтер», не следует рассматривать, как вид на жительство: он служил лишь необходимым для всяческих сделок документом, свидетельствующим о том, что данное лицо, проживающее вне пределов Франции, фактически находится в живых. Такое же удостоверение Вольтер получил также в начале 1764 г., о чем и упоминает в письме к Дамилавиллю от 26 февраля того же года (M o l a n d, XLIII, 140). Удостоверение это, выданное французским резидентом в Женеве Энненом (Nepin), интересно поставить в связь с имущественными делами Вольтера во Франции, а также и с правительственными мероприятиями на случай его смерти (ср. M o l a n d, I, 365—373; Desnoires terres, VIII, 31—32). Документ интересен и тем, что в нем лишний раз и официально указана точная дата рождения Вольтера—21 ноября 1694 г., долгое время оставшаяся спорной.

ПИСЬМА К ВОЛЬТЕРУ

1. И. И. ШУВАЛОВ — ВОЛЬТЕРУ

С.-Петербург, 19/30 марта 1762 г.

Милостивый государь,

Конечно, я кажусь вам очень виновным в том, что так долго медлил с известиями о себе, но не осуждайте меня, не выслушав. Император вверил мне управление Шляхетным кадетским корпусом, шефом которого он до сих пор был, и я все время занимался делами, имеющими отношение к тому посту, обязанности по которому мой августейший предшественник выполнял с величайшей исправностью. Мне нужно было собрать все силы моей удрученной души, чтобы исполнять обязанности по должности, превышающей мое честолюбие и мои силы. Простите же мне, государь мой, за то, что, оказавшись в затруднительном положении, я не мог еще послать вам заметок об осуждении царевича. Но признаю себя виновным, так как раньше всего должен был бы позаботиться о том, чтобы вывести вас из неизвестности и ускорить окончание вашего славного и тяжкого труда. Теперь же, когда я стал спокойнее, я примусь за дело и через несколько дней буду иметь честь сообщить вам свои соображения; сделайте им лишь то употребление, которое вы найдете нужным. Но я настолько уверен в вашей доброте, что осмеливаюсь повторить просьбу, с которой уже к вам обращался: помедлить со вторым изданием первого тома до тех пор, пока вы не отредактируете его в тех местах, которые могут подать повод к нашему осуждению. Наши завистники и наши общие враги неистовствуют против нас более, чем когда-либо, мое положение меня обязывает быть с ними осторожным, а вы меня слишком любите для того, чтобы желать меня

Mea mihi conscientia gloriis est, quam omnium ferreo.

Ciac. Die 21 augusti 1770 D'Alambert

*cum morat dicant posteri hic fuit d'Alambert
amicus. Voltaire 3 oct^o 1770 in castello ferney.*

Id populus curat scribit.

Roma W Nonas Majas

1730cc.lxxx1.

J'entrai dans l'arche de noe

Le 20 janvier 1775.

*la ameliement pres utrecht Le M^r de St Simon
sous la garde de dieu et de moi Le baron de Prudbeck in Lejornstahl.*

скомпрометировать. Я считал бы, что нарушаю долг дружбы, если бы не был с вами вполне откровенным, и ценю свою искренность. Быть может, я буду так счастлив, что скоро меня узнает ближе человек, чье имя есть уже хвала и который всегда был для меня предметом поклонения. Ухудшившееся здоровье, отвращение ко всему, что составляет очарование для светских людей, желание вас видеть и воспользоваться вашим просвещенным обществом заставляют меня ходатайствовать перед е. и. в. о разрешении отправиться в путешествие и вдали от пышности двора искать того блаженного душевного покоя, которым до сих пор я наслаждался лишь в воображении; знаю, что он существует только в замке Ферне, туда я отправлюсь в поиски за ним, и там, наконец, смогу принести вам уверенность в нежной привязанности, с которой останусь всю жизнь, сударь...

Рукописное отделение Библиотеки АН СССР, Ленинград.—Из бумаг архива Шуваловых.

Письмо без подписи; написано каллиграфическим почерком и в одном месте исправлено, повидимому, рукой самого И. И. Шувалова. Внешний вид письма заставляет думать, что перед нами не черновик или копия, а скорее письмо, уже переписанное набело для отправки. Установление адресата письма не представляет затруднений. Совершенно очевидно, что тем человеком, «чье имя есть уже хвала» и кому автор письма мечтает засвидетельствовать свое почтение в замке Ферне, является Вольтер. Что касается автора письма, то в нем, тоже без труда, можно узнать И. И. Шувалова, еще недавно всесильного фаворита императрицы Елизаветы Петровны. После ее смерти он некоторое время оставался при дворе, действительно, занял пост директора Шляхетного кадетского корпуса и, по примеру прежних лет, продолжал вести переписку с Вольтером, заботясь о снабжении его материалами для работы над «Историей Петра I».

Шувалов, естественно, считал это своей прямой обязанностью, так как именно он, преодолев сопротивление канцлера А. П. Бестужева, настоял на том, чтобы история Петра I была заказана Вольтеру (см. об этом книгу E. Š m u r l o, *Voltaire et son oeuvre. Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand. Edition Orbis, Prague*). Однако, с первых же дней после того, как Вольтер получил предложение заняться составлением этой «Истории», политическая сложность поставленной перед ним задачи стала для него совершенно очевидной. Необходимо было прибегнуть к известным уловкам для того, чтобы не слишком вдаваться в подробности личной жизни царя Петра, «которые могли бы помрачить его славу». Вот почему заглавие «История жизни Петра I» заменяется заглавием «История Российской империи при Петре Великом». По мысли Вольтера, такая формулировка темы давала возможность историку, сосредоточившись на вопросах политических и экономических, избежать «необходимости предаваться компрометирующим царя анекдотам из его частной жизни».

«Я считаю, что поступил уже согласно с вашими видами, обьявив, что не намерен писать секретную историю Петра Великого»,—писал Вольтер И. И. Шувалову 8 июня 1761 г.—«...мелкие подробности нужно оставить для мелких сочинителей анекдотов» (M o l a n d, XLI, № 4546).

Трудность заключалась, однако, не в мелких подробностях, а в тех весьма важных моментах деятельности Петра I, которые даже Вольтер не решался безоговорочно прославить, и самым трудным из таких темных и сложных дел Петра I была казнь царевича Алексея.

Самому Вольтеру, по собственному его признанию, «этот смертный приговор всегда казался слишком суровым» (письмо Вольтера к И. И. Шувалову от 22 ноября 1759 г., M o l a n d, XL, № 3983).

Чувствуя трудность своего положения, Вольтер обратился именно к И. И. Шувалову, к тому, кого впоследствии в письме к герцогу Ришельё именовав человеком, «в течение пятнадцати лет неограниченно управлявшим империей протязанием в две тысячи льф» (письмо от 30 января 1774 г., M o l a n d, XLIX, № 9041).

Вольтер просил об инструкциях, писал Шувалову три раза за период с конца января и до 15 марта н. ст. 1762 г. Письмо от 15 марта, повидимому, было четвертым. Долгожданный ответ на все эти письма Вольтера был написан И. И. Шуваловым только 19—30 марта. Его текст мы и публикуем.

Было ли это письмо в свое время отослано и дошло ли оно до Вольтера? На этот вопрос можно ответить утвердительно: в томе XLII издания M o l a n d, на стр. 115—116,

ВОЛЬТЕР В ТЕАТРАЛЬНОЙ СЦЕНЕ
Картина маслом Жана Гюбера, 1770—1775-е гг.
Эрмитаж, Ленинград

находится за № 4905 письмо Вольтера к И. И. Шувалову от 21 мая 1762 г., по своему содержанию являющееся ответом на письмо, текст которого приводится выше. Извещая И. И. Шувалова о получении его письма от 17 марта, Вольтер делает обещание, оправившись от всех своих невзгод, снова приняться за историю Петра I и, выражая радость по поводу проекта И. И. Шувалова, отправившись в чужие страны, посетить и Ферне, прибавляет: «Это достойно вас—подражать Петру Великому, путешествуя, как путешествовал он...».

Таким образом, темы писем И. И. Шувалова от 19—30 марта и Вольтера к нему от 21 мая 1762 г. вполне совпадают; в обоих письмах речь идет о продолжении работы над историей Петра I и о предполагаемом заграничном путешествии И. И. Шувалова. Правда, дата полученного Вольтером письма—17 марта (ст. ст.) не совпадает с датой публикуемого письма, помеченного 19 марта, но разница в два дня, по целому ряду соображений, не может смущать исследователя. Во-первых, всем, кто хоть немного знаком с Вольтером, должна быть известна небрежность, с какой он обращался с датами даже своих собственных писем, путая в них числа, месяцы и даже годы. Вполне допустимо, поэтому, предположение, что в своем ответе И. И. Шувалову от 21 мая 1762 г. Вольтер ошибочно пометил 17 числом письмо И. И. Шувалова от 19 марта.

Но причина этого несоответствия может корениться и не в Вольтере. История текста его письма к И. И. Шувалову от 21 мая 1762 г. далеко не ясна: о нем известно лишь то, что это письмо впервые увидело свет в сборнике под заглавием «Lettres inédites de Voltaire. Paris, chez les éditeurs Mongie, Delaunay et Pelicier 1818». В этом сборнике, известном в вольтероведческой литературе под упрощенным названием «Recueil de 1818», оно было напечатано в числе 19 писем Вольтера к И. И. Шувалову (см. В е н г е с с о, III, 127), но как оно попало в этот сборник, на основании какого документа печатался его текст, сказать невозможно. А между тем, история издания переписки Вольтера свидетельствует о том, что громадное большинство печатных писем Вольтера дает текст заведомо искаженный—неполный или с грубыми ошибками. И если источник, из которого издатели «Recueil de 1818» почерпнули текст письма Вольтера к И. И. Шувалову от 21 мая 1762 г., остался неизвестным, никто не может утверждать, что в его первоначальном тексте стояла дата «17», а не «19» марта. Важно только одно обстоятельство: что, как это становится ясным из письма № 4905 издания M o l a n d, Вольтер, действительно, получил от И. И. Шувалова письмо от середины марта 1762 г., с о д е р ж а н и е которого совпадает с текстом публикуемого письма.

Н. Платонова

2. ЭЛЛО—ВОЛЬТЕРУ

[28 июня 1764 г.]

Вы, сударь, как и другие историки, заставили умереть принцессу—вдову царевича, сына Петра Великого. Но она жива до сих пор. Вот рассказ (anecdote), заслуживающий проверки. Он мне заверен господином де Сен-Мартеном, ныне одним из синдиков Индийской компании, а в прошлом исполнявшим временно обязанности губернатора островов Франции и Бурбон.

В деревне Витри, под Парижем, существует иностранка, именуемая мадам де Мальданы, называющая себя вдовой Алексея Петровича, которого Петр I, его отец, приговорил к смерти за заговор против него с русским духовенством. Зовется она Христиной-Шарлоттой-Софией Брауншвейг-Вольфенбюттельской, дочерью Людвига-Рудольфа Брауншвейгского, родившейся 29 августа 1694 г. Она была выдана замуж за Алексея Петровича 25 октября 1711 г. Генеалогические таблицы Гибнера отмечают, что она умерла 7 июля 1718 г. Она имела от этого брака двух детей, Наталью Алексеевну, родившуюся 23 июля 1714 г. в Петербурге, и наследника. Оба они умерли. Эта вдовствующая дама (или принцесса) утверждает, будто по наущению Екатерины, второй жены Петра Великого, этот государь в припадке гнева и пьянства своими руками срезал сыну голову в тюрьме и что он вызвал затем смерть обоих детей с тем, чтобы

сын Екатерины смог в будущем царствовать. Она добавляет, что и она сама трижды была отравляема агентами Екатерины. Чтобы избежать угрожавшей ей участи, она притворилась опасно больной. Доверенные лица разгласили об ее смерти, устроили ей симуляцию похорон, во время которых она спаслась со своим секретарем и горничной, кое-какими драгоценностями и очень малым количеством денег. Она прибыла во Францию, но не осталась там, а отплыла в Луизиану на корабле Индийской компании, которой тогда Луизиана принадлежала. Секретарь умер во время плавания, а горничная—на реке Ла Мобиль. Оставшись одинокой и без знакомств в Луизиане, она узнала в Новом Орлеане некоего Мальдана, француза, которого она видела в Петербурге в войсках царя. Она почувствовала к нему склонность, отреклась от своей веры и вышла за него замуж. Когда Индийская компания отдала Луизиану королю, Мальдань и его супруга вернулись во Францию, имея около 20 000 экю. Немного времени спустя они отправились на Остров Франции, где муж, первоначально бывший сержантом в войсках Компании, был сделан капитаном, а затем и майором. Она родила там дочь, которую муж распорядился крестить руками господина де Бретон, лазариста, священника этого прихода, и которую он объявил законной дочерью своей и Шарлотты-Христины Вольфенбюттельской, своей жены. Дочь эта дожила до 12-летнего возраста. Господин де Сен-Мартен, бывший тогда королевским наместником на Острове Франции, несколько раз видывал и мать и дочь. Мать подружилась с госпожой Гоше, матерью Лолотты, ныне супруги графа д'Эрувилль. Когда Мальдань умер от водянки на Острове Франции в 1732 г., вдова его вернулась во Францию для переговоров с наследниками своего мужа. Необходимо было представить акт о браке в Новом Орлеане, и господин де Сен-Мартен видел этот акт, однако, она зачеркнула несколькими штрихами пера имя Вольфенбюттель, несмотря на то что его все еще можно было рассмотреть. С восемью тысячами ливров она отправила бедных наследников своего мужа в Домб. Она передала свое имущество господину де Сен-Мартену, чтобы отправиться в Брюссель: оттуда она направилась в Брауншвейг, где виделась с герцогом, своим племянником. Она провела полтора года в монастыре лютеранок. Будучи довольно ревностной католичкой, она не смогла там ужиться и возвратилась в Париж. Однажды летом, когда она гуляла в Тюильрийском саду с господином де Сен-Мартеном, его женой и дочерью, она увидела идущим по Разводному мосту графа Саксонского*; она хотела избежать встречи с ним, но он направился прямо к ней и сказал, подходя: «Ах, принцесса, вы ли это, или ваша тень?». Они удалились вдвоем в боковую аллею на добрых четверть часа. Затем она присоединилась к своему обществу. Желая уединиться и жить в неизвестности, она однажды отправилась с господином де Сен-Мартеном в деревню Витри осмотреть домик, понравившийся ей ради своего красивого сада. Сделка была заключена в течение 24 часов за 14 000 ливров, включая издержки, которые она выплатила двойными луидорами. Она живет там одна, не встречаясь ни с кем, кроме господина Сен-Мартена, служащего ей банкиром, и его семьи. Из всех слуг она имеет лишь одного садовника, служащего ей лакеем, когда она берет наемную коляску, чтобы отправиться в Париж, когда там бывают какие-либо государи Брауншвейгского дома, а также одну негритянку, воспитанную ею на

* Морица (1696—1750), с 1744 г. известного, как «Маршал».

Острове Франции и служащую ей кухаркой и горничной. Подозревают, что царствующая императрица выдает ей пенсию, так как она не испытывает нужды в деньгах. В деревне знают, что она вдова царевича, и хотя и притворяются, что не знают об этом, но оказывают ей должное почтение, когда она отправляется в церковь. Она—пожилая, но крупная, хорошо сложена, имеет вид и тон весьма благородный: я сам видел ее однажды у господина де Сен-Мартена, но не будучи с ней знаком. Если когда-либо вы воспользуетесь этими подробностями, прошу вас не называть ни господина де Сен-Мартена, ни моего имени.

HISTOIRE
DE L'EMPIRE
DE RUSSIE
SOUS
PIERRE LE GRAND,
Par l'Auteur de l'histoire de
CHARLES XII.
TOME PREMIER.

M D C C L I X.

„ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ“ ВОЛЬТЕРА,
Первое издание 1759 г.

Фронтиспис и титульный лист первого тома

Остаюсь, сударь, с почтением, вашим нижайшим и покорнейшим слугой.
Элло, член Академии наук, улица Анжу в Болоте, в Париже.
Сего 28 июня 1764 г.

Адрес: Господину Вольтеру,
камергеру и одному из 40 членов Французской академии,
в Делис, через Женеву

Автограф.—Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.
Рукописи библиотеки Вольтера.

В вольтеровской «Истории Российской империи при Петре Великом» (1759—1763) и, особенно, в «Анекдотах о царе Петре Великом» (вышедших еще в 1748 г.) особое внимание уделено расправе царя с сыном. Этот эпизод был для Вольтера не только памятной сенсацией его собственной молодости, но и очень щекотливым для его союзи историка пунктом изложения. Личная позиция либерального протеста против произвола бесчеловечной репрессии вступала здесь в острый конфликт с положением

привилегированного русским самодержавием историографа, обязанного, в силу этого положения, придерживаться официальной версии в изложении событий русской истории. Отсюда и повышенный интерес Вольтера к документации относительно «процесса царевича», и известные перипетии в его переписке с И. И. Шуваловым в мае и октябре 1759 г. Два года спустя, 29 октября 1761 г., Вольтер (так гласит собственноручная его пометка) получил от Шувалова рукопись под названием: «Детали, относящиеся до жизни и смерти царевича Алексея Петровича»—«Particularités concernant la vie et la mort du Tsarevitz Alexei Petrovitz» (ср. С а u s s у, Inventaire, 77). Это было изложение официальной версии, составленное в России в опровержение Nestesuranoi и «Mémoires d'Etat» Ламберти. Названный документ хранится ныне в ленинградской Публичной библиотеке в составе библиотеки Вольтера, занимая листы 228—234 III тома «Рукописей для истории России».

Ближайшее ознакомление с вольтеровской документацией по этой теме обнаруживает, однако, еще одну весьма любопытную побочную линию: материалы относительно судьбы жены Алексея. Так, например, во втором томе той же серии рукописей имеется документ, озаглавленный «История принцессы, жены царевича, сына Петра Великого» («Histoire de la princesse femme du Czarevitz fils de Pierre le Grand»). На обороте этой рукописи имеется собственноручная пометка Вольтера: «Басня о супруге царевича, осужденного своим отцом» («Fable sur l'épouse du Czarevitz condamné par son père»). Во втором томе о б щ е й с е р и и р у к о п и с е й Вольтера in quarto на стр. 359 находим «Анекдоты о царевиче и мадам д'Обан, мнимой его вдове», на стр. 356—«Мнимые анекдоты о супруге царевича», а на стр. 357—публикуемое нами собственноручное письмо к Вольтеру химика Элло (Hellot).

Элло—ученый, химик, член Академии, исследователь вопросов крашения и издатель трактатов о горном деле (1685—1766)—доселе вовсе не фигурировал в числе вольтеровских корреспондентов. Его письмо, несомненно, является интересным вкладом в довольно запутанную историю, долгое время занимавшую праздные умы, а именно в историю о мнимом спасении от смерти и о последовавших затем приключениях Софии-Шарлотты Вольфенбюттельской, под именем которой какая-то ловкая авантюристка сумела обосноваться в Париже.

Тема о злоключениях в экзотической обстановке стрельнинского дворца, о романтическом бегстве и не менее романтических скитаниях по французским колониям в Индийском океане и в Америке, о любовных приключениях принцессы и ее уединенном образе жизни по возвращении в Европу, о случайном узнавании и т. п. как нельзя более соответствовала литературным вкусам эпохи и послужила впоследствии канвой для целой литературы (ср. Б р и к н е р А. Г., Царевич Алексей Петрович в произведениях иностранных драматургов и беллетристов.—«Исторический Вестник», 1880, т. III, сентябрь, 146).

По получении из Парижа «весьма странных анекдотов» Вольтер 21 сентября 1760 г. сообщает их в виде обстоятельного резюме Шувалову и подчеркивает их невероятность и фантастичность, обещая запросить Версаль о том, что может служить основой «подобной сказки, неправдоподобной по всем пунктам» (M o l a n d, XL, 544, № 4246). Этот запрос Вольтера, адресованный министру иностранных дел, герцогу де Шуазёлю, и ответ последнего сохранились во втором томе «Рукописей для истории России». Министр подтвердил, что в Париже, действительно, проживает интересующая Вольтера мадам д'Обан, но отрицал малейшую основательность распространяемых о ней слухов (л. 344). Продолжая интересоваться этой историей, Вольтер повторно говорит о ней в письме к Шувалову от 7 ноября того же 1760 г., а через некоторое время, 22 января 1761 г., обращается к графине Бассевич, от которой мог ожидать более подробных сведений, с письмом (до нас дошел лишь отрывок), в котором, уже совершенно в ироническом тоне, излагает авантюру мадам д'Обан. При этом Вольтер добавляет от себя такую подробность: «В 1722 г. прибыла в Париж полка, поселившаяся в нескольких шагах от дома, который я занимал» (M o l a n d, XLI, 146 сл., № 4430). Сам Вольтер не был склонен верить всем этим слухам, впоследствии всполошившим даже Екатерину II и вызвавшим от ее имени журнальную полемику (см. об этом статью Д. Д. Р я б и н и н а в «Русской Старине», 1874, № 10, 360—370, и В. И. Г е р ь е, Кронпринцесса Шарлотта.—«Вестник Европы», 1872, № 5, стр. 19, и № 6, стр. 461—534).

Еще в «Анекдотах о Петре Великом» Вольтер писал о кронпринцессе: «Говорят, что она умерла от горя, если от горя вообще можно умереть» (M o l a n d, XXIII, 289), а в «Истории Петра Великого» автор отводит всякое подозрение в убийстве царевичем Алексеем его жены.

Тем более любопытен тон серьезного укора, с которого начинается публикуемое нами письмо Элло—документ, не лишенный интереса не только для русской истории, но и для развития данного литературного сюжета.

IV. ВОЛЬТЕРОВСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В СОВЕТСКИХ СОБРАНИЯХ

Богатое наследие Вольтера, хранящееся в различных собраниях СССР, никем еще полностью до сих пор не выявлено, не учтено, не описано. Эта необходимейшая работа является, однако, делом будущего. Она может быть осуществлена с успехом и с достаточной гарантией полноты лишь путем длительных и систематических разысканий, произведенных целым коллективом советских исследователей и архивных работников.

В настоящей, заключительной главе нашей работы мы ставим себе задачей дать лишь самый предварительный и беглый обзор главнейших советских фондов, содержащих вольтеровские материалы. Прежде всего, дается характеристика основного советского собрания, связанного с Вольтером,—его собственной библиотеки, хранящейся в Ленинграде, и рукописей, входящих в состав этой библиотеки. Затем следует суммарный обзор вольтеровских документов, главным образом, эпистолярного характера, хранящихся в ряде других собраний СССР.

БИБЛИОТЕКА ВОЛЬТЕРА

Среди всех реликвий и архивных материалов, оставшихся после Вольтера, первое место по ценности и интересу, бесспорно, принадлежит его собственной библиотеке, хранящейся в Ленинграде.

Крупная личная библиотека гениального писателя, содержащая множество следов его работы, полностью сохранившаяся и притом почти вовсе не изученная,—это редчайшее сочетание данных заставляет рассматривать ее, как источник совершенно исключительной важности.

Несмотря на очевидность этого положения, тщетно было бы искать в русской дореволюционной литературе не только достойной оценки этого фонда, находящегося в России с екатерининских времен, но даже достаточно серьезных упоминаний о нем¹. Для русской дореволюционной науки вольтеровская библиотека оказалась не столько даже запретным плодом, сколько забытым сокровищем, самая ценность которого не была понята. Впрочем, не было посвящено ей достаточно научного внимания и на родине автора «Генриады». Однако, если краткость и эпизодичность сведений о библиотеке Вольтера, проникавших на страницы французской печати, до некоторой степени могут быть объяснены теми трудностями, с которыми был сопряжен самый доступ к этим материалам, то систематическое игнорирование их со стороны русских авторов должно быть объяснено причинами не столь механического порядка. Причины эти следует искать глубже—в обстоятельствах первичного освоения вольтеровских материалов, попавших в Россию. Правда, никаких нарочитых мер к изъятию этих материалов из научного обихода первоначально не предпринималось. Но этого и не требовалось,—достаточно было того пассивного забвения, которым сменился у Екатерины ее первоначальный острый интерес к фернейским реликвиям. Эта смена увлечения безразличием всецело объясняется тем, что в последние годы жизни Екатерины вкусы и образ мыслей ученицы французских философов-просветителей пришли в явное противоречие с осознанными ею нормами официальной идеологии и, во избежание общественного соблазна,—беспрекословно умолкли.

При первой же вести о смерти Вольтера Екатерина II приняла решение увековечить в России память своего любимого автора. Она поручила своему постоянному агенту за границей, Мельхиору Гримму, снести

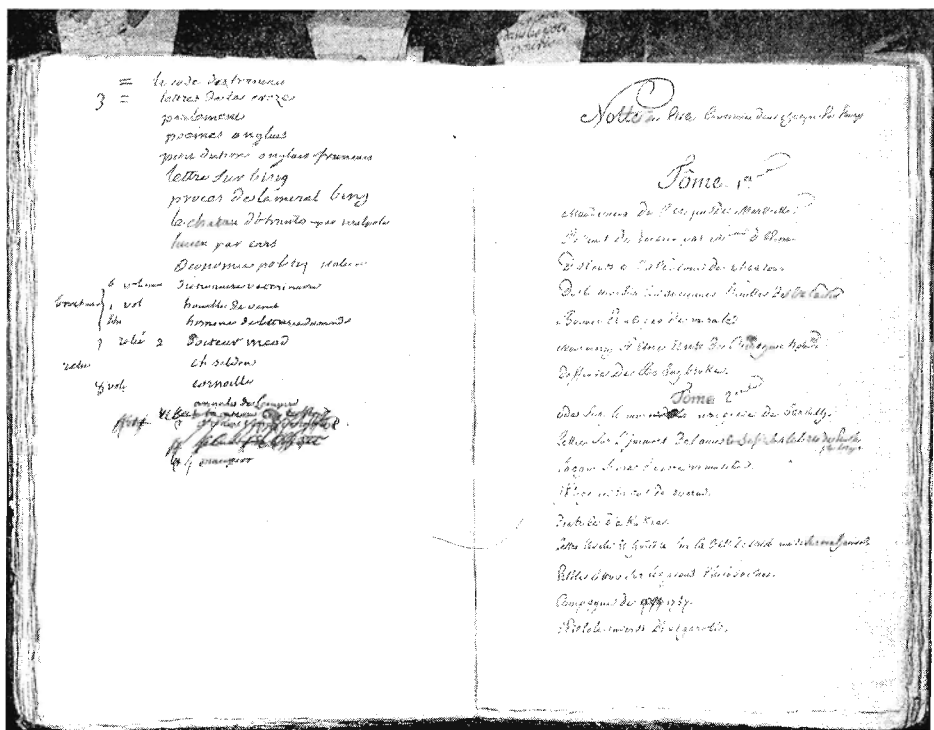
с племянницей философа, г-жей Дени, для приобретения от нее книг и рукописей Вольтера, его статуи, планов Ферне и моделей фернейского замка². Момент живой личной симпатии к любимому писателю, учителю вкуса, интереснейшему корреспонденту и усердному апологету «Северной Семирамиды», причудливо сочетался при этом у русской царицы с побуждениями политическими и вопросом ее престижа в Европе. «Просвещенный монарх» должен был достойно ответить на мракобесие французского духовенства, из-за происков которого «не осмеливаются хоронить... первого человека нации»³. Кроме того, видную роль сыграла забота об изъятии от будущих издателей собственных писем Екатерины к Вольтеру, в которых многие правители, в особенности Мария-Терезия и Фридрих II, нашли бы немало строк, компрометирующих их автора⁴.

Гримм превосходно справился с возложенным на него поручением. Он немедленно вступил в переговоры с г-жей Дени, связался с давнишним своим корреспондентом и отчасти контрагентом—женевским советником Франсуа Троншеном, а главное, взял на себя общее руководство всем этим делом и заботу об участии вольтеровского секретаря, Ваньера,—фактического хранителя книжного и рукописного наследия писателя. Переписка Гримма с этими двумя лицами—Троншеном и Ваньером—дает нам ценный материал для предистории ленинградской библиотеки Вольтера, материал, до сего времени остававшийся неиспользованным теми, кто писал об этом собрании.

Главной наследницей крупного состояния Вольтера оказалась г-жа Дени, его племянница, по единодушному свидетельству биографов писателя,—ограниченная буржуазка, своекорыстная, вздорная, с узким умственным кругозором. Ни она, ни брат ее, аббат Миньо, не могли оценить по достоинству всего значения попавшего им в руки после смерти их дяди литературного наследия. Русская царица и ее корреспонденты очень быстро и верно учли это обстоятельство⁵. Правда, аббат Миньо выразил протест против вывоза из Франции библиотеки своего дяди, но можно ли было принимать всерьез его протест? Довольно единодушные сожаления современников по поводу поступка г-жи Дени, продавшей библиотеку крупнейшего писателя Франции русской царице, также не оформились в скольконибудь серьезный и действенный протест. Таким образом, библиотеке Вольтера предстояло быть переправленной в Россию, а его еще не изданные рукописи и значительная часть его писем были переданы издателю Панкуку, от которого эти материалы затем перешли к Бомарше и в значительной части своей увидели впоследствии свет в Кельском издании сочинений Вольтера.

В главнейших чертах история приобретения библиотеки Вольтера и перевозки ее в Россию давно и хорошо известна. Однако, русские материалы позволяют и здесь внести в общую картину немало уточнений и дополнений.

Обнаруженные редакцией «Литературного Наследства» новые архивные документы, не рисуя существенно новой картины приобретения библиотеки, позволяют дополнить новыми штрихами и отчасти по-новому осветить момент, до сих пор обстоятельно освещавшийся только перепиской Гримма с Ваньером, которую 40 лет тому назад опубликовал Поль Боннефон⁶. Любопытными деталями нас обогащает, например, письмо г-жи Дени к И. И. Шувалову, сохраненное в одной неизданной биографии этого последнего⁷. Оказывается, кроме Гримма, в переговорах о покупке

КАТАЛОГ ФЕРНЕЙСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Запись на левой странице — рукой Вольтера, на правой — рукой Вансера. Каталог переложен закладками с пометами Вольтера

Публичная библиотека, Ленинград

библиотеки непосредственное участие принимал и от имени Екатерины действовал И. И. Шувалов. Свидетельствует это письмо также и о том, что уже в конце октября 1778 г. участь библиотеки была решена и что раньше, чем поднять вопрос об ее покупке, Grimm передал г-же Дени просьбу русской императрицы о возвращении ей писем, которые она писала Вольтеру. Кроме того, оно живо рисует показную «дипломатическую» скромность автора письма. Как известно, библиотека Вольтера была получена Екатериной отнюдь не в дар, а за «135 398 ливров 4 су 6 денье», не считая ценных подарков, и еще в сентябре 1778 г. Grimmу была отпущена для этого дела сумма в 30 000 рублей⁸. Но предоставим слово самой племяннице философа.

Париж, 24 октября 1778 г.

Ваше письмо, сударь, не только не предмет огорчения, но, напротив того, — утешение для меня, так как оно только возобновляет в моей памяти оказанную нам, в Ферне, честь и удовольствие, которые мы испытали, принимая вас там. Мы никогда не забывали вас и были рады узнать, что вы наслаждаетесь счастьем при государыне, достоинства которой равны ее могуществу. От ее имени вы просите меня передать ей библиотеку моего дяди; я повергаю ее к ее стопам. Я была свидетельницей тех милостей, которыми она почтила г. Вольтера; вот почему он питал к ней чувство величайшего преклонения, глубочайшего уважения

и беспредельной преданности. Посудите сами, могу ли я колебаться в том, чтобы поднести ей эту библиотеку, раз она, повидимому, этого желает. Не скрою от вас, сударь, что это — жертва, которую я могу понести только для вашей императрицы; я отказала в том же двум германским государям. Я имела намерение сделать себе из этой библиотеки укромный уголок, куда я могла бы часто удаляться, чтобы оплакивать там моего дядю и предаваться мыслям только о нем одном. Вы мне пишете, чтобы я назначила цену. Таковой для меня не существует, я не нуждаюсь в деньгах и чувствую себя слишком осчастливленной тем, что императрице угодно принять эту библиотеку и что этим я могу ей дать слабое доказательство моего уважения. Ее величество императрица уже велела потребовать у меня свои письма через г. Гримма; я их отправила ему два дня тому назад и не сомневаюсь, что он не замедлит доставить их ей. Сохраните мне вашу дружбу, она для меня драгоценна. Имею честь быть и проч. и проч.

Дени

Не могу удержаться, чтобы не сообщить вам, сударь, что г. Гримм прочитал мне письмо императрицы, в котором она сообщает ему, что велит поставить памятник моему дяде посреди его библиотеки. Надеюсь, что она осуществит свое намерение. Ему здесь отказали в четырех пригоршнях земли; только первой государыне в мире свойственно распорядиться воздвигнуть памятник величайшему гению Европы.

Расписка г-жи Дени в получении денег за библиотеку датирована Парижем, 15 декабря 1778 г. Однако, еще 28 ноября г-жа Дени, а 30 ноября Гримм писали Троншену о том, что библиотека уже упакована в Ферне, и просили его о разрешении поставить на зиму ящик с книгами в его имении Делис, где имелась «большая галлерей... всю зиму отапливаемая печью и, следовательно, совершенно сухая», как писал 8 декабря Гримму Троншен⁹.

Можно думать, что эта переброска библиотеки имела не только ту цель, чтобы из сырого, неотопливавшегося фернейского «замка» переместить книги в сухое помещение: отныне этот замок опустел, и для библиотеки Вольтера требовалось помещение, лучше охраняемое, чем в Ферне. По крайней мере, в письме от 30 ноября Гримм просит Троншена именно о приеме библиотеки, говоря о возможности предоставления этой библиотеке, «отныне императорской», права гостеприимства в Делис, в «сухом и надежном месте». Гримм прибавляет: «Мне бы хотелось, чтобы вы получили от Ваньера особую декларацию о том, что переданное вам число ящиков содержит все имеющееся в составе фернейской библиотеки г. Вольтера, и чтобы вы затем, совместно с Ваньером, опечатали ящики и известили меня о том, что они отныне поступили в ваше обладание в Делис»¹⁰.

Вся ситуация находит себе четкое объяснение в том документе, которого словно недоставало для восстановления полной картины. Документ этот — письмо Гримма Ваньеру, отправленное им в тот же день, что и только что цитированное и знакомое Боннефону письмо к Ф. Троншену. Можно лишь строить догадки о том, какими именно путями оно попало в советские архивы¹¹, но нельзя сомневаться в его значительной ценности для интересующей нас темы.

Париж, 30 ноября 1778 г.

Я располагаю только минутой, мой дорогой господин Ваньер, чтобы написать вам до отхода почты. Вы, вероятно, узнали уже от г-жи Дени, что библиотека покойного всеобщего нашего учителя покупается русской императрицей. Чтобы завершить это дело, мы договорились, г-жа Дени и я, просить г-на Троншена из Делис взять эту библиотеку на хранение до тех пор, пока я не организую ее отправки. Зная любезность г-на Троншена, я не сомневаюсь ни минуты, что он согласится на мою просьбу, и потому я прошу вас, согласно с полученными вами от г-жи Дени распоряжениями, передать как можно скорее ему библиотеку, а затем, не теряя времени, сообщить мне о числе переданных вами ящиков. Я надеюсь, что ящики будут хорошо заделаны и опечатаны вами совместно с г-ном Троншеном. Г-жа Дени сказала мне, что по окончании всего этого она собирается просить вас безотлагательно прибыть в Париж, главным образом, для того, чтобы передать мне здесь книги и бумаги г-на де Вольтера, а также для устройства других дел в связи с этой продажей, которые вы один можете хорошо выполнить.

Впрочем, мой дорогой господин Ваньер, с самого момента, как мы имели несчастье потерять г-на де Вольтера, я был озабочен устройством вашей судьбы, но я поднял разговор об этом с г-жей Дени только после того, как дело с покупкой библиотеки было закончено. Я предложил ей поручить вам сопровождать библиотеку до Петербурга, привести ее там в порядок на глазах у императрицы и представить ей обо всем отчет.

Г-жа Дени согласилась на это с большой охотой, сказав мне, что поездка не изменит ни в чем вашего положения у нее. В свою очередь, я предупредил императрицу об этом проекте и с большим удовлетворением могу вам сообщить, что е. и. в. в только-что полученном мной письме своим от 19 октября тоже выражает свое согласие и поручает мне подтвердить вам от ее имени это предложение. Так как я несколько не сомневаюсь в том, что, имев несчастье потерять величайшего из людей, доверием и любовью которого вы пользовались, вы найдете для себя большим счастьем и настоящим утешением приблизиться к государыне, которая царствует с такой славой и которая была самым верным другом великого человека, я прошу вас устроить все свои дела с таким расчетом, чтобы быть в состоянии выехать в Россию будущей весной. Обо всем остальном мы договоримся с вами, когда вы приедете и отдохнете здесь. Мне нужно еще сказать вам, что императрица просит меня достать для нее рельефный внутренний и наружный план фернейского замка, с указанием его расположения, садов, аллей и т. д., так как она предполагает восстановить по этому плану в честь г-на де Вольтера этот замок в своем царскосельском парке. По этому поводу я пишу г-ну Троншену, и если бы вы, со своей стороны, могли посодействовать мне в получении этого плана или каких-нибудь других материалов, относящихся к зданию и к месту расположения замка, и прислали бы их мне сюда, я был бы вам за это чрезвычайно обязан. Поговорите об этом с г-ном Троншеном. Я не мог еще сообщить эту новость г-же Дени, так как сам только-что узнал ее, но она доставит ей большое удовлетворение.

Приезжайте, прошу вас, как можно скорее. Я не говорю вам о необходимости проявить особую старательность в этом деле, которое вам предстоит выполнить, так как вполне уверен, что в память г-на де Вольтера

и из уважения и привязанности к императрице вы сделаете все, что только можно ожидать от большого и просвещенного усердия.

Не сомневайтесь в удовольствии, которое я получу, повторив вам лично и в скором времени уверение в чувствах, с которыми всегда пребуду вашим нижайшим и покорнейшим слугой.

Гримм

Отправить книги в Россию в марте 1779 г., как это первоначально предполагалось, не удалось, и они были вывезены из Делис 10 апреля, а 16 мая соединились с книгами, в свое время вывезенными в Париж по требованию Вольтера, а также с рельефным планом Ферне и со статуей Вольтера работы Гудона. Еще перед тем библиотека получила ценное пополнение: к ней были присоединены все английские книги, некогда подаренные и завещанные их владельцем своему другу и соседу Анри Риё (Henri Rieu). Купленные у Риё за 6000 ливров, 227 томов этого собрания, в свою очередь, получили пополнение в составе собранной тем же Риё ценной коллекции сочинений Вольтера, переплетенных в 101 том¹².

От первоначально намеченного пути на Амстердам тоже пришлось отказаться: англо-французские военные действия на море являлись источником весьма реальной опасности, и, учитывая это, русская императрица предписала отправить книги сушей до Любека, где их должен был ждать русский корабль. Ваньеру были высланы документы русского дипломатического курьера, а Гримм снабдил его многочисленными рекомендательными письмами и инструкциями на весь путь вплоть до Любека, где он должен был нагнать свой драгоценный груз. К этим инструкциям имелось приложение под заглавием: «Прибытие в Петербург», заключавшее в себе ряд любопытных для нас характеристик русских вельмож и чиновников, от которых могла зависеть судьба Ваньера¹³.

Письмо Гримма от 19 июня 1779 г., полученное Ваньером уже в Любеке, прекрасно рисует нам как предусмотрительное внимание Гримма к судьбе Ваньера, так и то не вполне определенное положение, в котором мог очутиться (и действительно очутился) Ваньер. Дело в том, что, поджидая в Петербурге библиотеку Вольтера, Екатерина сама не знала, какое значение она даст сопровождавшему эту библиотеку библиотекарю, и не раз в письмах к Гримму подчеркивала, что не испытывает в нем особой нужды, хотя и готова устроить его судьбу. Повидимому, главный интерес для нее от его присутствия заключался в том, что он единственный мог оказать помощь при выборе места в окрестностях столицы, которое напоминало бы Юрские горы, Альпы и Женевское озеро. «Библиотеку же мы пока поместим в комнатах г-жи Левшиной... Рядом с этой библиотекой и Ваньеру найдется уголок», — пишет она 14/25 июля. Из этого же письма явствует, что, несмотря на сильную склонность его автора к «науке неопределенности, более ему свойственной, чем то принято думать», этот автор, т. е. русская императрица, готов остановиться на том, чтобы поручить Ваньеру разбор и приведение в порядок библиотеки. «Затем он станет чтецом»¹⁴.

Наконец, из того же письма мы узнаем, что в тот день «ни Ваньер, ни библиотека, ни пакетбот еще не вошли в Кронштадский рейд», «но их ждут с часу на час».

Ваньер в своих мемуарах указывает, что прибыл в Петербург 8 августа, т. е. 28 июля ст. ст.¹⁵. В письме Екатерины к Гримму от 30 июля (10 августа) это событие подтверждается, причем оказывается, что Ваньер приехал

большим¹⁶. Его болезнь затянулась, и представиться императрице и приступить к работе он смог лишь в середине октября. Но северный климат был вреден для здоровья Ваньера, и он в том же 1779 г. покинул Петербург и вернулся в Ферне¹⁷, где уже с марта 1780 г. начал свою деятельность по реабилитации памяти Вольтера. Ваньеру была назначена русской царицей пожизненная пенсия в 1500 ливров, но выплачивалась она неаккуратно, и, начиная с 1781 г., Гримму приходилось прибегать к всевозможным ухищрениям для того, чтобы Ваньер мог получать из царского казначейства очередные суммы. Пенсия Ваньеру выплачивалась вплоть до эпохи террора¹⁸.

Литературный музей в Москве обладает одним из писем Гримма, как обычно, исполненным и пиетета к Вольтеру, и внимания к нуждам его секретаря. Вот его текст:

[Париж, 24 декабря 1786 г.]

Г-н де Сожи (Saugu) передал мне, дорогой господин Ваньер, ваше письмо и экземпляр «Боллингброка», на котором я хорошо узнал руку бессмертного человека, которого никто никогда не заменит. Я отослал и то и другое к императрице; я не смог бы передать ее величеству вашу просьбу лучше, чем вы это сделали сами.

Прошу вас и вашу семью не забывать меня.

Здоровье мое в нынешнем году было неважно, это оттого, что я был

*Alf. de Voltaire
parfaitement Remise
L'ouvrage
Algarotti*

DIALOGHI
SOPRA
LA LUCE, I COLORI,
E L'ATTRAZIONE.

Qua legat ipsa Lycoris.

DEL CONTE FRANCESCO ALGAROTTI
Ciambelano di S. M. il Re di Prussia,
e Cavaliere dell'Ordine del Merito.

IN BERLINO.

MDCCL.

загружен тысячью мелких дел, которые меня удручают и мешают мне делать настоящее дело. Так как год приходит к концу, я считал бы самым лучшим, чтобы для получения вашей пенсии вы выписали вексель на меня с отнесением за мой счет понесенных вами расходов. Мне не хотелось обращаться к г-ну Троншену, министру республики, так как это, кажется, нас ни от чего не избавило год тому назад. Прошу вас прислать мне вашу расписку, сообщив, кому вами выписан на меня вексель. Будьте здоровы и рассчитывайте всегда на мою искреннюю привязанность.

Гримм

Париж, 24 декабря 1786 г.

Заботу Гримма Ваньер очень ценил, а благодеяния царицы превозносил до конца своей жизни, в назидание и своим детям и всем соотечественникам Вольтера. Он был далек от верного понимания действий Екатерины, и даже неаккуратная выплата пенсии не умерила того рвения, с которым он время от времени посылал в Петербург свои скромные работы—систематические вклады в дело защиты памяти Вольтера.

При всей скудости сведений о деталях обстоятельствах прибытия библиотеки в Россию, предание определенно утверждает, что она была доставлена прямо в Эрмитаж. Это предание подтверждается косвенной ссылкой историка Эрмитажа на воспоминания Клостермана¹⁹, рассказывавшего о том, как осенью 1779 г. «в Эрмитажном [ныне Ламоттовом] павильоне» он натолкнулся на двух иностранцев—шуплого и дюжего», по-французски осведомлявшихся о том, кому следовало бы передать «la bibliothèque de M. de Voltaire». Это были только-что прибывшие с корабля Ваньер «и его кучер, с великим множеством ящиков».

До нас дошла опись того, что находилось в ящиках, которые за год до того были сложены в Делис:

1. Богословие и энциклопедические журналы в переплете.
2. Богословие, мемуары Академии наук и «Избранная библиотека» («Bibliothèque Choisie»).
3. История Франции.
4. История Франции и а д н е, то же других наций. Латинские авторы.
5. Словари в лист; Плутарх, Платон, Попурри*.
6. История. Попурри.
7. Вольтер в четверку, Корнель в четверку, Словарь в четверку и т. п.
8. Философия, Вольтер в осьмушку и т. п.
9. Итальянцы, Англичане, Разные французы.
10. Театр. Поэзия. Изыщная словесность.
11. Путешествия. Торговля. Естественная история. Медицина.
12. Путешествия. Медицина. Романы. Литература.

Доставленная в Петербург библиотека Вольтера вместе с прежде приобретенной библиотекой Дидро образовала первоначальное научное ядро собственной императорской библиотеки (впоследствии—Эрмитажной). Однако, в отличие от книг Дидро, вскоре же обезличенных и распределенных по разным фондам, библиотека Вольтера хранилась обособленно и дошла до наших дней, как единое целое, со специальным экслибрисом «Bibliothèque de Voltaire» на каждом томе. Если данные старого ферней-

* Под названием «Pots pourris» Вольтер имел обыкновение объединять, отнюдь не по случайному признаку, от 3-4 до 10—15 мелких изданий в одном переплете. Таких сборников в его библиотеке сохранилось свыше двухсот.

ского каталога²⁰, а также изучение каталогов и инвентарей библиотеки Вольтера (1821, 1839 и 1862 гг.)²¹ и позволяют считать необоснованным распространенное в литературе мнение о том, будто книги Вольтера стоят и ныне в том же порядке, как они были расставлены еще в Ферне, то, с другой стороны, эти же данные говорят об отличной сохранности фонда в целом и об его относительно высокой полноте²². В литературе, впрочем, отмечались также примеры частичного как обогащения, так и распыления этого фонда в ближайший же за смертью Вольтера период. Так, например, сосед и приятель писателя, Henri Rieu, предложил, как уже указывалось, Екатерине, а последняя купила у него все английские книги, подаренные и завещанные ему Вольтером, а также богатую коллекцию изданий вольтеровских произведений; г-жа д'Эпинэ прислала том копий писем Вольтера к ней и к другим лицам; кроме того, был приобретен список «Зюлимы»; Ваньер присылал то дополнительный экземпляр с в о е г о исторического «Комментария» о жизни и сочинениях автора «Генриады», то свои «Замечания» на Кельское издание²³. А с другой стороны, библиографически уже установлено, что около десятка книг²⁴, принадлежавших Вольтеру, не дойдя до Петербурга, разными путями попало в западно-европейские собрания, одну же из них — «Lettres de Monsieur de Voltaire à ses Amis de Parnasse, avec des notes historiques et critiques. A Genève MDCCLXII» — несколько лет тому назад видел и изучил в Томске проф. М. П. Алексеев²⁵.

Не удивительно, что все эти не попавшие в Петербург томы принадлежали как раз к числу наиболее богатых маргиналиями. Не будучи библиофильской затеей, библиотека Вольтера сейчас, через два века после своего образования, содержит все же не мало библиографически ценных и редких книг, а начавшееся за самые последние годы систематическое изучение этой библиотеки обнаруживает все новые экземпляры интересных изданий, вовсе не и естных французским библиографиям и каталогам²⁶. Но не в этом основная ценность библиотеки Вольтера. Она интересна, прежде всего, как целое, дающее представление об «арсенале идей» и о качестве документации, которыми располагал столь многосторонний и притом столь живо откликавшийся на общественные события писатель. А каждая отдельная книга сама по себе интересна тем, что, даже не будучи «маргинированной» (термин Вольтера), она позволяет, по дате выхода в свет или приобретения и т. п., строить догадки и делать выводы о творческом ее использовании Вольтером. Еще большего внимания заслуживают те многочисленные книги, которые носят столь красноречивые следы его чтения. Закладками и чистыми и заполненными конспективными записями, наклейками, отчеркиваниями, приписками и т. д. — вообще целой с и с т е м о й пометок с е м н а д ц а т и различных видов Вольтер, не знающий холодного беспристрастия, уснащает страницы получаемых книг. Его пометки редко заключают в себе похвалу, порою они — просто насмешка или брань, но чаще всего в них встречаются фактические поправки, начиная от корректорских и кончая обоснованными полемическими ссылками. При всей своей пристрастности, Вольтер умеет быть и справедливым, особенно в критике стиля или в деле пропаганды тех или иных идей. Так, например, обрушиваясь на дерзающего отрицать «священную собственность» Руссо, Вольтер в своих обильных замечаниях на «Общественный договор» и «Рассуждение о неравенстве» не раз среди стилистических придиорок и принципиальной критики воздает должное

отдельным мыслям ненавистного ему автора, кратко отмечая на полях: «bon», «bon cela» и т. п.²⁷.

Показателен простой перечень пометок на экземпляре перевода «Илиады», сделанного Ламоттом, вернее, на полях вступительного рассуждения автора перевода о Гомере (в изд. 1714 г.)²⁸. Мы тут найдем и чистую закладку, и отчеркивание на полях, и подчеркивание отдельных слов, и корректурные исправления пропущенного слова, и, наконец, заметки на полях—то сочувствующие мыслям автора, то резко расходящиеся с ними, то носящие характер фактических справок: «Очень верно, а значит и очень хорошо»; «Брови Юпитера, потрясающие небо, кажутся мне лишь смешными»; «Если бы Гомер, действительно, хорошо изобразил все эти различные характеры, он заслуживал бы восхищения. Но Ахилл выдает Бризеиду, как трус и дурак, он убивает Гектора, как подлец, и обращается с его трупом, как каннибал»; «Об этом в те варварские времена столько еще не знали»; «Боги Гомера—сами первые нечестивцы»; «Забавно, что два коня Ахилла бессмертны, а их хозяин не бессмертен». Обильные маргиналии в издании драмы Беллуа «Гастон и Баярд»²⁹ дают нам то истинное представление об отношении Вольтера к произведениям этого автора, которого бы мы ниоткуда узнать не могли: самые неумеренные по тону, насмешливые, презрительные, даже ругательные замечания (на протяжении целого первого акта) завершаются гневным: «Пошел, ты мне слишком надоел!» («Va t'en, tu m'ennuies trop!»), после чего книжка, видимо, была в негодовании отброшена: все ее последующие страницы, оставшиеся девственно чистыми, свидетельствуют о том, что драма Беллуа так и осталась недочитанной Вольтером.

Пометки Вольтера на книгах глубоко искренни; они являются отражением первого порыва впечатлений и не искажены никакой боязнью формы, так как предназначены лишь для интимного употребления. А для столь импульсивного темперамента (при всей осторожности и гибкости его политического лавирования), какой был у Вольтера, это—момент совершенно исключительной важности для выяснения его подлинных позиций в целом ряде вопросов. В этом отношении какое-либо одно слово маргиналий, разумеется, взятое не изолированно, но в надлежащем контексте, может подчас для исследователя дать не меньше, чем целые главы вольтеровских текстов и даже чем целые серии писем к самым близким друзьям.

Специфический интерес имеют те пометки Вольтера, которые маскируют или, напротив, позволяют определенно приписать или отвергнуть его авторство в отношении отдельных произведений, особенно, если такие пометки совпадают с позднейшими справками Ваньера. Такое совпадение мы имеем, например, в следующем случае. В V томе так наз. «последнего» издания «Полного собрания сочинений г-на де...» (1764 г.), на странице 148-й, единственная маргинальная пометка под заголовком к полемическому сочинению «Le Préservatif» гласит: «Это сочинение не мое: оно написано г-ном де ла Маром»³⁰. Необходимо иметь в виду, что в свое время принадлежность этого сочинения Вольтеру опровергалась им с особой настойчивостью и с несравненно большей, чем во многих подобных случаях, убедительностью. Но если некоторые биографы Вольтера и склонны были доверять ему в этом вопросе и признавали кавалера де Муи не подставным издателем, а истинным автором, то издатели вплоть до Молана не смущались систематически включать эту пьесу в собрания вольтеровских сочинений. Публикуемая выше переписка Вольтера по

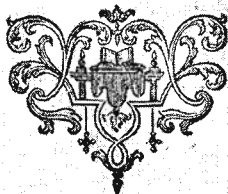
*Pour M. de Voltaire.
De la part de l'abbé Gédoyne*

ŒUVRES DIVERSES

DE M.

L'ABBÉ GEDOYN,

de l'Académie Française.

A PARIS,

Chez de BURE l'aîné, Quai des Augustins,
près le pont S. Michel, à S. Paul,

M. D C C. X L V.

КНИГА АББАТА ЖЕДУЭНА ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВОЛЬТЕРА С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ
АББАТА Д'ОЛИВЕ

Публичная библиотека, Ленинград

этому вопросу (см. II гл. наст. публ.), в сочетании с приведенной маргинальной пометкой на полях экземпляра, явно не предназначенного для распространения на стороне, как кажется, может считаться совершенно решающей в данном споре. Тем более, что и Ваньер в своих «Замечаниях и поправках» на Кельское издание, опять-таки не рассчитанных на гласность, а направленных для личного пользования русской царицы, также отвергает авторство Вольтера и безоговорочно называет ла Мара³¹.

Учитывая самую разностороннюю, пусть даже не всегда методологически удовлетворительную, но часто весьма мелочную изученность всех известных вольтеровских текстов, именно сюда, на его откровенные и язвительные маргиналии, как на материал совсем не использованный, должен будет направить свое внимание марксистский исследователь, литературовед или историк, при классовом анализе вольтеровских позиций.

В 1927 г. Г.-Р. Хевенс и Н.-Л. Торрей сделали— правда, на основании довольно беглого ознакомления с составом библиотеки— ряд интересных подсчетов относительно историко-литературного состава библиотеки и представленных в ней авторов. Подсчеты эти значительно дополняют опубликованные в 1861 г. соответствующие сведения хранителя эрмитажного собрания—Жиля³². Но, разумеется, лишь завершение предпринятой в недавние годы систематической работы по научному описанию библиотеки Вольтера и по выявлению всех маргиналий даст возможность

исследователям приступить к непосредственному и всестороннему изучению всего круга вопросов, связанных с этим фондом.

Здесь немало вопросов специального порядка, но еще больше вопросов широкого научного интереса.

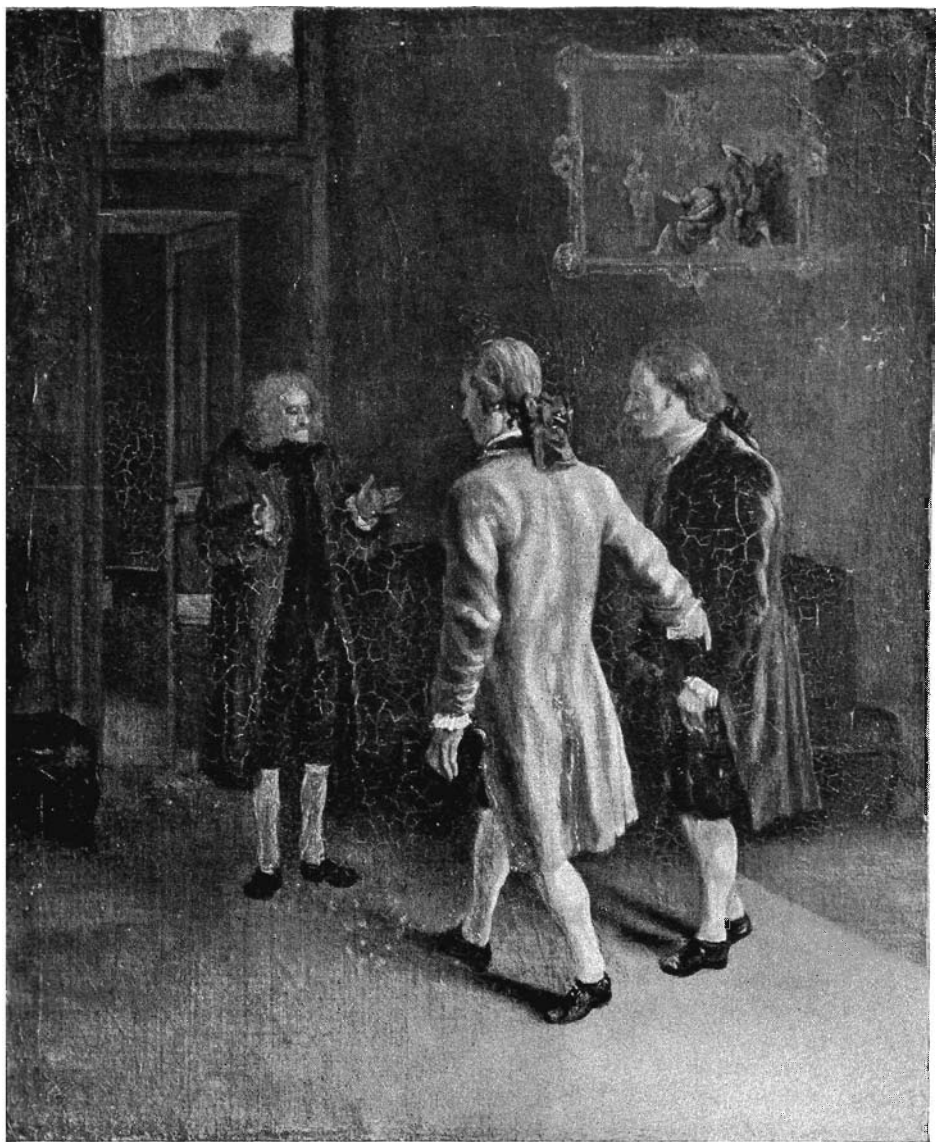
К первой группе относятся: характер пополнения и роста библиотеки, методы документации Вольтера по отдельным занимавшим его темам, преобладающие интересы его, как владельца библиотеки, умение Вольтера пользоваться книгой в справочных целях, изумительная его читательская память и т. д. и, наконец, наиболее существенный вопрос—о времени образования ленинградского собрания: только ли фернейская это библиотека, или же, напротив того, в ее состав вошли собрания, принадлежавшие писателю в более раннее время, чем в годы его жизни в Ферне. На одном частном примере (факт пользования двумя книгами еще в 30-х годах в Сире) нам удалось показать бесспорное наличие в библиотеке Вольтера изданий, приобретенных в дофернейский период его жизни³³.

Ко второй группе следует отнести вопросы, касающиеся социальных позиций Вольтера, его мировоззрения и творческого метода. Например, вопрос об отношении Вольтера к книге, как орудию классовой борьбы, или, по терминологии того века, «как к источнику истин и заблуждений»³⁴, вопрос об идеологической стороне состава его библиотеки (каковы были преобладающие литературные вкусы Вольтера, эпизоды и темы, вызывавшие в нем наиболее живой отклик и др.) и, наконец, вопрос о том, как велась им редакционная работа над собственными произведениями.

Все эти исследовательские задачи приходится формулировать так обще лишь потому, что этап всестороннего изучения библиотеки Вольтера, базирующегося на солидной основе научного каталога, перечня маргиналий и тематической разработки их, сейчас еще не наступил. Фонд далеко не обследован, и даже библиографическое его описание требует длительных сроков именно потому, что дошедшие до нас каталоги XIX в. этой задачи не разрешили, ограничиваясь более или менее бесхитростным указанием на номинальное заглавие книги и даже не вскрывая тех многих псевдонимов, под которыми так любили скрываться памфлетисты века Вольтера и, в первую очередь, он сам.

Библиотека Вольтера слишком долго находилась в забвении. От конца XVIII века и от первой четверти XIX века только в архивах Эрмитажа сохранились кое-какие упоминания о ней. Отношение представителей господствующего класса к этому арсеналу идей, породивших, как тогда думали, весь революционный пожар, или, как бы мы сказали, идейно вооруживших буржуазию для борьбы с господствовавшим перед революцией классом, характеризуется в пору феодальной реакции начала 20-х годов прошедшего столетия полными презрения и гнева строками Жозефа де Местра, первого и единственного за этот период писателя, заговорившего в печати о библиотеке Вольтера. Как видно из его слов в «Санкт-петербургских вечерах», в этой библиотеке он видит лишь доказательство «крайней посредственности сочинений, некогда удовлетворявших потребности фернейского патриарха», с которым вообще «следует, наконец, покончить»³⁵.

Первые более объективные по тону сведения о библиотеке мы встречаем в «Письмах, писанных г-ну К.-Б. Сентину в 1826 г., в эпоху коронавания е. в. императора», принадлежащих перу М. Ансло³⁶. Автор, среди достопримечательностей Петербурга, упоминает и о библиотеке Вольтера, «рас-

ВОЛЬТЕР, ВСТРЕЧАЮЩИЙ ГОСТЕЙ
Картина маслом Жана Гюбера, 1770—1775-е гг.
Эрмитаж, Ленинград

положенной в том же порядке», в каком она стояла у своего первого владельца, и «состоящей из 6760 томов». Это книжное собрание М. Ансло пришлось видеть только через стекла шкафов, оставшихся запертыми во все время осмотра им книжных богатств Вольтера, но, «насколько можно было судить по заглавиям», «большая часть книг посвящена истории и философии, многие... относятся к богословию, и... в особенности эти последние оцетинились бумажками, указывающими на наличие пометок Вольтера».

Ряд свидетельств о библиотеке Вольтера, начатый в 20-х годах XIX в. Жозефом де Местром и Ансло, продолжают в 50-х—60-х годах Леузон Ле Дюк³⁷, Э. Гарде³⁸, Г. де Ла Феррьер³⁹ и, наконец, уже в 1913 г., Ф. Косси⁴⁰. Только Леузон Ле Дюк дал более самостоятельный очерк библиотеки, и только последний из названных авторов, Ф. Косси, достойно оценил неисчерпаемое научное богатство этого фонда, начав на его базе широко задуманную серию публикаций материалов⁴¹. Впрочем, и перед этими двумя авторами на первое место выступили рукописи, а не маргиналии, что и было вполне закономерно на той стадии изученности вольтеровского текста. Однако, когда в 1832 г. после целого ряда затруднений и хлопот в библиотеку Вольтера попал А. С. Пушкин — единственный русский за всю первую половину XIX в., которому посчастливилось быть допущенным к книжным богатствам Вольтера, то от рукописей по истории России при Петре I, ради которых он пришел, он обратился к богато маргинированным фолиантам⁴². И ныне мы, отнюдь не умаляя выдающегося значения вольтеровских рукописей (о которых речь пойдет далее), должны всячески подчеркнуть совершенно самостоятельное и притом необычайно важное значение изучения именно маргиналий.

После передачи в 1861 г. вольтеровской библиотеки из Эрмитажа в Публичную библиотеку она стала немногим более доступной, чем во время ее пребывания во дворце, — было установлено правило: из ее состава в день выдавать не свыше пяти томов. Не удивительно поэтому малое знакомство с этим фондом русских ученых и слабое использование его французскими исследователями, о чем говорилось в начале этой главы.

Подводя итоги о библиотеке Вольтера, скажем следующее. Фонд этот, численность которого в течение столетия точно определена не была, а по (сомнительной) статистике Публичной библиотеки в 1879 г. сводилась к 3420 названиям в 6902 томах⁴³, должен быть безотлагательно включен в орбиту советского и мирового литературоведения. Ценность его, прежде всего, заключается в собственноручных пометках Вольтера на полях нескольких сотен книг, а также и в изданиях, до сих пор оставшихся неизвестными. И то и другое, однако, должно изучаться не иначе, как при условии обязательного привлечения к делу исследования всей полноты идейно и хронологически смежного материала. При этом условии изучение библиотеки Вольтера может внести, действительно, содержательные новые данные в биографию и творческую историю Вольтера, а вместе с тем, и в общественную историю его времени.

РУКОПИСИ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМ. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Собрание вольтеровских рукописей Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде распадается на две неравноценные части.

Одну из них образуют автографы, хранящиеся в различных собраниях Рукописного отделения Библиотеки. Это — по преимуще-

ству изолированные документы безбрежного моря вольтеровского эпистолярного наследия. Другую и основную часть составляют целых 20 томов рукописей, хранящихся в составе библиотеки Вольтера. Это ценнейшее собрание составилось под наблюдением самого писателя и было органически сгруппировано после его смерти Ваньером.

Все эти материалы, как уже указывалось, были описаны в 1913 г. французским литературоведом Фернаном Косси, и в этом отношении фонды Публичной библиотеки существенно отличаются от всех прочих собраний СССР.

Что же представляют собою эти материалы?

Оставляя пока в стороне документы Рукописного отделения, относительно рукописей библиотеки Вольтера укажем, прежде всего, что они распадаются в основном на 2 серии:

1) «Рукописи, относящиеся к истории России при Петре Великом», — пять томов («Manuscrits relatifs à l'histoire de Russie sous Pierre le Grand»).

2) Общая и основная серия рукописей Вольтера, включающая: десять томов в четверку и три тома в лист, в красных сафьяновых переплетах, с общей нумерацией томов I—XIII, и, кроме того, три тома, занятые: а) копией «Записок, служащих для жизнеописания г-на Вольтера, писанных им самим» («Mémoires pour servir à la vie de M. de Voltaire écrits par lui-même»), б) копией писем Вольтера к г-же д'Эпинэ и другим лицам, в) копией трагедии «Зюлима».

Охарактеризовать, хотя бы самым суммарным образом, содержание первой из названных серий чрезвычайно трудно. Коричневые кожаные переплеты этих пяти томов in folio скрывают множество подлинных писем, копий официальных документов, выдержек из сочинений современников (в годы работы Вольтера еще не всегда напечатанных), специально для Вольтера по заказу Шувалова составлявшиеся сводки-перечни собственных имен, данных об отдельных городах и землях и т. п., целые вопросные листы, посылавшиеся Вольтером в Россию вместе с ответами петербургских ученых и пр.

Что же касается основной серии, то, ввиду чрезвычайно малой распространенности «Инвентаря рукописей Вольтера» Ф. Косси, приведем здесь краткий перечень содержания отдельных ее томов.

I том занят, главным образом, драматическими текстами Вольтера. Сюда входят рукописи пьес «Ирена», «Агафокл», «Атрей и Тиест», «Право господина», «Аделаида Дюгеклен», «Братья-враги», «Эрифилла», «Самсон», «Саул и Давид», «Две бочки», «Барон Отрантский», «Хозяин и хозяйка». Писанные большею частью рукой секретарей, тексты эти носят немало-численные следы исправлений самого Вольтера и дают ряд не известных до сих пор вариантов, несомненно отражающих последнюю стадию работы автора над этими произведениями при подготовке их к новому изданию. Первые две трагедии, «Ирена» и «Агафокл», представлены двумя списками каждая, отражающими разные стадии творческой переработки текста этих произведений. Всего в I томе 403 листа.

II том — чрезвычайно пестрого содержания. В него входят преимущественно письма разных лиц к Вольтеру, стихи и послания, ему посвященные, а также собрание выписок и копий разных стихов, куплетов и анекдотов, в том числе и «анекдоты о царевиче и г-же д'Обан, мнимой его вдове»⁴⁴. Всего 427 листов.

III том по составу близок к предыдущему. Кроме того, в нем находятся любопытные планы фернейской церкви и подбор материалов о самоубийствах⁴⁵. Всего 369 листов.

IV том содержит, главным образом, черновые материалы исторических трудов Вольтера, выписки, копии исторических документов, брошюры о событиях 1745 г. и т. п. Всего 188 листов, включая 76 листов печатного текста.

V том—это знаменитый «Sottisier», т. е., казалось бы, бессистемный сборник отдельных анекдотических мелочей, подчас весьма вольного содержания. Но, по существу, материалы этого тома являются обильнейшей и ценнейшей документацией для сочинения Вольтера «Век Людовика XIV». Это—единственная часть материалов библиотеки Вольтера, попавшая в издания Бёшо и Молана⁴⁶. Всего 134 листа.

VI том почти сплошь занят разнообразными документами, относящимися к ряду судебных процессов о—Лалли, Лабарра, Эталлонда и др. Исторически ценная документация эта была собрана Вольтером в связи с той борьбой, которую он вел за реабилитацию этих жертв фанатизма и судебской рутины. Всего 310 листов, в том числе 119 листов печатного текста.

VII том занят исключительно черновиками писем Вольтера, писанными как собственноручно, так и диктованными Ваньеру. Среди них 142 письма к Фридриху II и 69 писем к разным лицам, в том числе к Даламберу, Кондорсе, г-же Дю Деффан, Альгаротти, И. И. Шувалову, Шуазёлю, Ришелье и к шести разным коронованным особам. За единичными исключениями, все эти письма, по подлинникам или копиям с них, изданы, но ленинградские черновики остаются до сих пор вовсе не изученными. Всего в VII томе 181 лист.

VIII том является как бы продолжением тома IV. Здесь содержатся материалы для исторических сочинений Вольтера: «Опыт о нравах», «Век Людовика XIV» и «Век Людовика XV». Кроме того, в том входят документы по так называемому делу Ла Бурдонне (т. е. относящиеся к одной из экспедиций французской Индийской компании). Всего 272 листа.

IX том, содержащий, помимо рукописей Вольтера, часть архива г-жи Дю Шатле, в полном виде до нас не дошедшего, был уже охарактеризован нами выше (см. начальные строки главы I). В IX т. 452 больших листа.

X том—исторические материалы, «с м е с ь», научные записки разных авторов, копии различных стихов (не Вольтера), разнообразные отрывки, письма к Вольтеру и т. п. Всего 392 листа.

XI и XII томы целиком заняты письмами к Вольтеру Фридриха II и некоторыми литературными опытами последнего. Имеется целый ряд автографов, использованных при издании «Трудов Фридриха Великого». Всего 270—291 листов.

XIII том включает весьма разнородные, но очень любопытные документы. Среди них отметим несколько листков с корректурными исправлениями «Истории установления христианства» (решающие бесспорно вопрос о принадлежности этого сочинения Вольтеру); письма Вольтера к Ваньеру, 35 вольтеровских писем к г-же Дени и ода А. П. Шувалова, ей посвященная (в 1779 г.), под названием «Вольтеру» (печатное издание), автографы писем и черновиков Вольтера, планы и чертежи фернейской церкви, материалы по экономической деятельности Вольтера—по устройению им своего поместья и всей вообще области Жекс, в которой находи-

лось Ферне (борьба с пошлинами, освобождение сервов и т. п.), переписка с швейцарскими властями, письма пастора Верне и др. Всего 360 листов.

Таково, в кратком изложении, основное содержание рукописных материалов библиотеки Вольтера.

Переходя к вольтеровским документам Рукописного отделения Публичной библиотеки, следует, прежде всего, указать, что здесь хранится такая исключительная по своему значению коллекция, как так называемое «Бастильское дело», т. е. собрание документов, захваченных у Вольтера при его первом аресте, и содержащее, среди других материалов, подбор писем самого Вольтера к полицейским властям за 1718—1755 гг.

Здесь же, в Рукописном отделении, хранятся, кроме описанных в «Инвентаре» Косси, еще следующие подлинники текстов Вольтера:

1) Письмо к графине Вертейяк (Verteillac) от 30 мая 1746 г.—Собрание П. К. Сухтелена. Опубликовано: *M o l a n d*, XXXVI, № 1823.

2) Письмо к Во де Жири, аббату Сен-Сирскому от 24 февраля 1754 г.—Собрание П. К. Сухтелена. См. в настоящей публикации, стр. 153.

3) Письмо к женевицу Франсуа-Пьеру Пикте (Pictet) от 12 марта 1762 г. Опубликовано: [F e r n a n d] B [a l d e n s p e r g e r], Flamin, Patouillet, *Lettres inédites ou négligées de Voltaire ayant trait à son rapport avec l'Etranger*.—«Revue de Littérature Comparée», 1931, № 2, 271 (с неверным истолкованием адресата, как гр. Строганова).

4) Письмо к А. П. Сумарокову от 26 февраля 1769 г. Опубликовано: *M o l a n d*, XLVI, № 7485.

5) Письмо к герцогу де Прален (de Praslin) от 24 января 1770 г.—Собрание Вакселя (Юргенсона). Опубликовано: *M o l a n d*, XLVI, № 7760.

6) Запись о Даламбере от 3 сентября 1770 г. Листок из альбома шведского путешественника Иакова Бьёрнсталя (Björnstaehl).—Собрание П. К. Сухтелена. См. в настоящей публикации, стр. 156 и 161.

7 и 8) Два письма к И. И. Шувалову от 29 июня неизвестного года и от 22 марта 1774 г. Копии рукой Maratray de Cussy в составленном им альбоме «Consolation de l'absence». См. ниже, в настоящем издании, публикацию «И. И. Шувалов и его иностранные корреспонденты».

9) Письмо к советнику Троншен-Каландрену (Tronchin-Calendrin) от 14 мая неизвестного года.—Из собрания Андреева. См. в настоящей публикации, стр. 155.

Чтобы правильно оценить все значение вольтеровского фонда ленинградской Публичной библиотеки, необходимо указать, что в совокупности своей он охватывает, с большей или меньшей полнотой, буквально все этапы жизни и творчества великого писателя. Так, первый юный парижский период отражен в документах «Бастильского дела», «английский» период 1726—1729 гг. представлен тетрадкой, служившей Вольтеру для изучения английского языка, а также записями различных поговорок и эпиграмм. Краткий второй парижский период и самый плодотворный и длительный сирейский период богато представлены множеством писем и документов вплоть до ученых трудов самой хозяйки Сире—«божественной Урании». Период жизни в Потсдаме при дворе, в годы 1751—1753, отражен весьма скромно, почти одной перепиской Вольтера с его племянницей. Наоборот, для следующего полукочевого этапа (вплоть до приобретения Ферне в 1758 г.) ленинградские материалы вновь дают значительное количество источников; долгий фернейский период (до начала 1778 г.) представлен наиболее обильно. Наконец, ряд источников относится к краткому

предсмертному этапу, к дням парижских триумфов Вольтера: письма уже большого поэта, черновики стихов 1778 г., обмен письмами относительно звания «королевских комедиантов», полемика с Клеманом и другие письма.

Произведенный нами краткий обзор вольтеровских материалов Публичной библиотеки показывает, каким исключительным по своей ценности источником новой научной документации по Вольтеру мы располагаем. Необходимо, однако, еще раз констатировать, что планомерной и углубленной научной разработке эти богатства все еще не подвергнуты. Многообещающей попытке широкого научного использования материалов Публичной библиотеки, сделанной Ф. Косси—составителем «Инвентаря» этого собрания, не суждено было осуществиться. Опираясь преимущест-

Pages. Manusc.	Tom 18. <i>Contingence 2.</i>	Pages. Manusc.	Tom 18. <i>Contingence 2.</i>
5. 70	Il fautrait les couvrir des caractères de la liberté. M. C'est ce qui fait M. Deff. pas igno pour le fils respectable et les filles de Joseph. Auais, qu'on la laisse qu'il lui écrit à ce sujet. M. Deff. était ben instruit de la liberté. Second état parus de l'opinion, et ce fut à une un des plus grands quel est une de ses caractères essentiels.	219	Extrait d'un écrit périodique. Il n'est pas de M. Deff.
6	Après cela est très digne qu'on s'occupe de lui, il avait depuis travaillé à une réédition et à une critique des questions des <i>Émilepèdes</i> ; j'ignorais elle a paru des hommes. en 1776.	228	Observations. etc. M. C'est un article mis par M. de Voltaire, mais dans les <i>Œuvres</i> ; ce sont des extraits qui n'ont pas été chargés de faire à la prise de M. de Voltaire, pour être insérés dans la gazette <i>Littéraire de France</i> , et c'est de là que les extraits ont été tirés.
91	de commentaires historiques pour 1776. Il est pour moi et pour M. Deff. comme on l'a dit et imprimé. Les <i>Œuvres</i> n'ont point de la addition et la correction que j'y ai faite depuis le mort de M. Deff. J'ai pris la liberté de donner un <i>complément</i> complet à la <i> Gazette Impériale</i> en cinq ou six <i>compléments</i> .	236	Sur la lettre de la <i>Pléiade</i> publique. M. Deff. C'est à fait une quantité prodigieuse de notes marginales à l'ouvrage de M. Deff. <i>Œuvres</i> qui est dans la bibliothèque de St. Petersburg. Impariété à St. Petersburg. Elles ont été corrigées.
		260	Sur une nouvelle édition de <i>Boileau</i> etc. Elle n'est point de M. Deff.
		272	Sur une lettre en vers de M. Deff. Elle n'est pas de M. Deff. C'est le mot de ce <i>complément</i> joint de M. Deff. pas de M. Deff. pas été mis dans la collection de ses œuvres, ainsi qu'il le paraît surant.

СТРАНИЦЫ „ЗАМЕЧАНИЙ ВАНЬБЕРА НА КЕЛЬСКОЕ ИЗДАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВОЛЬТЕРА“

Рукопись, поднесенная Ваньбером Екатерине II и хранящаяся в библиотеке Вольтера

Публичная библиотека, Ленинград

венно на ленинградские материалы, Ф. Косси собирался издать 9 томов неопубликованной вольтерианы. Однако, повидимому из-за войны 1914 г., он успел издать лишь один том исторических текстов.

Что касается самого «Инвентаря» Косси, то, являясь пока единственным научным описанием основного собрания вольтеровских рукописей в Публичной библиотеке, издание это содержит в себе ряд крупных дефектов и не может считаться вполне надежным пособием. Покажем это здесь на одном примере. В Рукописном отделении Публичной библиотеки хранится рукопись «Собрания автографов» № 288. Рукопись эта содержит уже упоминавшееся полицейское дело о Вольтере, сохранявшееся в архиве парижской полиции в Бастилии и попавшее в Публичную библиотеку, повидимому, одним путем с прочими ее бастильскими материалами, т. е. через Дубровского, успевшего еще 15 июля 1789 г. набрать на месте неплохую часть разгромленного архива, до того, как были приняты меры к его охране⁴⁷.

Наиболее сенсационную часть этого «досье» — переписку Вольтера с полицией — еще в 50-х годах опубликовал Леузон Ле Дюк. Он издал во Франции, среди ряда работ о России и русской литературе, целую книгу «Вольтер и полиция», откуда все эти письма и перешли в дальнейшие издания сочинений Вольтера. Но сколько-нибудь систематически исчерпывающее научное описание всего содержания этой рукописи не входило в задачу этого автора⁴⁸. Такую задачу, наоборот, должен был, естественно, ставить себе Ф. Косси в соответствующем разделе своего «Инвентаря»⁴⁹. Однако, легко убедиться, что его описание рукописи «Собрания автографов» № 288 совершенно не выдерживает критики. Помимо нескольких десятков мелких, но подчас немаловажных погрешностей и ошибок (или опечаток), искажающих датировки документов, основной дефект описи состоит в том, что она почти целиком выполнена не на основании подлинного «Бастильского дела», а на основании копии с него, хранящейся вместе с ним и под тем же номером (сделана в XIX в. не вполне полно и не вполне исправно). В этом совершенно бесспорно убеждают нас следующие факты: 1) в подлинной рукописи имеется ряд материалов, не вошедших ни в эту копию, ни в опись Косси. 2) «Инвентарь» Косси повторяет, как правило, ряд ошибок и пропусков копии, отсутствующих в подлиннике. 3) Отмеченные Косси пропуски лл. 128—148 и 234—245 описываемой им рукописи объясняются тем, что соответствующие этим пропускам документы ошибочно вплетены не в копию, а в подлинное дело.

Опуская многочисленные примеры тех новых данных для характеристики содержания рукописи «Собрания автографов» № 288, которые можно извлечь, изучая ее подлинник, отметим здесь лишь одно, в историко-литературном отношении наиболее любопытное обстоятельство. Отсутствуя в копии, оказалась вовсе не отмеченной в «Инвентаре» Косси часть тех документов чисто литературного содержания, которые составляют как бы вводную главу подлинного дела, занимая три первых десятка его страниц. Эти документы остались, таким образом, неизвестными науке, тогда как их изучение могло бы привести исследователей к ряду интересных и подчас неожиданных наблюдений. В частности, можно бы было доказать, что в состав первоначального подлинного «дела» могли входить лишь единичные пьесы Вольтера из числа тех, которые входят в него сейчас. Все остальные были написаны им уже после второго его заключения в Бастилию в 1726 г., а один небольшой листок со стихами, несомненно, нужно датировать даже 1778 г., т. е. годом смерти писателя. О первоначальной внешней форме этого дела нам ничего неизвестно. Но несомненно лишь, что подшивка бумаг была произведена уже в Публичной библиотеке в XIX в. (вспомним о вшитых в подлинное дело копиях). Несомненно и то, что полицейское дело не закончилось в 1755 г. (дата наиболее позднего из писем) и вообще было гораздо обширнее. Изучение рукописи «Собрания автографов» № 288 приводит к выводу, что в ней мы имеем не целое неприкосновенное «Бастильское дело», как думал Ансло, и не собственный портфель поэта, запечатанный в Бастилии и вскрытый лишь в Санкт-Петербурге, как утверждал Леузон Ле Дюк⁵⁰, а подбор документов, сделанный первым владельцем рукописи — Дубровским. Очевидно, получив в свои руки весьма разрозненный материал и комплектуя его в сборник, Дубровский включил сюда вполне произвольно или даже по явному недоразумению (стихи 1778 г.!) те документы, которые никак не могли быть в подлинном «деле».

РУКОПИСИ И ДОКУМЕНТЫ ОТДЕЛЬНЫХ СОБРАНИЙ

Если при всей неизученности вольтеровских коллекций Публичной библиотеки, состав их рукописей учтен и хотя бы суммарно известен, то этого отнюдь нельзя сказать о тех многочисленных листках вольтеровских текстов, которые рассеяны по ряду других собраний СССР. Поэтому, приступая к перечню вольтеровских материалов в советских собраниях, считаем необходимым сразу же оговориться, что перечень наш весьма далек от исчерпывающей полноты: несомненно, что в богатых фондах наших архивов имеется еще целый ряд автографов Вольтера или копий с них, оставшихся нам неизвестными. Еще в большей степени такую оговорку необходимо сделать в отношении смежных материалов—например, писем к Вольтеру. В настоящем обзоре эту группу документов мы смогли учесть лишь в порядке попутных, а потому достаточно случайных наблюдений.

С другой стороны, не подлежит сомнению факт исчезновения некоторых автографов Вольтера, о существовании которых нам известно из ряда источников и наличие которых в русских коллекциях было уже давно удостоверено. Такая участь постигла как материалы частных собраний, так и автографы Вольтера, некогда хранившиеся в составе русских правительственных коллекций, перешедших после революции в собрания центральных архивных учреждений СССР. Так, например, в описании Архива Академии наук СССР, вышедшем в 1934 г., мы находим указание на то, что в середине XIX века некоторые документы вырезались из переплетенных в XVIII веке томов, и в настоящее время ряд ценнейших документов отсутствует, например, письма Вольтера и других выдающихся лиц⁵¹. Давно уже затерялись следы богатой библиотеки в селе Молдавское (б. Карачского уезда Орловской губернии), некогда принадлежавшей видному деятелю екатерининских времен, Г. Н. Теплову. Здесь, наряду с интересным подбором книг, хранилось «несколько свертков никогда не изданной переписки с Тепловым и Разумовским», в том числе и Вольтера⁵².

Невозможно разыскать в настоящее время и такой исключительно важный документ, полностью никогда не опубликованный, как присланное Вольтером на соискание премии Вольно-экономического общества сочинение о крестьянской собственности. Материалы об этом конкурсе, происходившем в 1767 г., позволяют бесспорно установить, что сочинение, поступившее одним из первых—«рукопись № 9»—под анонимным девизом «*Si populus dives, rex dives*» («Если богат народ, то богат и царь»), в действительности принадлежало перу Вольтера. По содержанию своему оно близко примыкало к опубликованному тремя годами позже тексту статьи «Собственность» («*Propriété*») в «Философском словаре». Представленное сочинение заслужило почетный отзыв, должно было удостоиться напечатания, но напечатано не было. Рукопись должна была сохраняться и, действительно, сохранялась, по крайней мере, до конца 70-х годов прошлого века, когда ее видел и изучал В. И. Семевский⁵³. Но дальнейшая нить теряется, и «рукопись № 9» в настоящее время разыскать не удастся. Судя по данным, приводимым Семевским в «Крестьянском вопросе при Екатерине», Вольтер выступал в этом сочинении в защиту крестьянской собственности с весьма характерной аргументацией. «Все крестьяне не будут богаты,—писал Вольтер,—да этого и не нужно; нужны люди, у ко-

sille longtems. Le voyageur françois en rellant avec attendriment la lettre eloquente & touchante du Roi, que nous avons traduite, disoit: apres une telle lettre je ne puis qu'aller en prison grand tort.

L'échappé de Berlin avoit un petit bien en Alace sur des terres qui appartiennent a Mgr. le duc de Wirtemberg. Il y alla, & s'amusa, comme je l'ai déjà dit, à faire imprimer les *Annales de l'Empire*, dont il fit present a Jean Frédéric Shoeflin libraire à Colmar, frere du célèbre Shoeflin, professeur en Histoire à Strasbourg. Ce libraire étoit mal dans les affaires: Mr. de Voltaire lui prêta dix mille livres; sur quoi je ne puis assez m'étonner de la bassesse avec laquelle tant de barbouilleurs de papier ont imprimé, qu'il avoit fait une fortune immense par la vente continuelle de ses ouvrages.

Lorsqu'il étoit à Colmar, Mr. Vernet françois réfugié ministre de l'Evangile à Geneve, & Mrs. Cocher, anciens citoyens de cette ville Lantecul, lui écrivoient pour le prier d'y venir faire imprimer ses ouvrages. Les deux freres, qui venoit à la tête d'une librairie, obtinrent la préférence, & il la leur donna aux mêmes conditions qu'il l'avoit donnée au Sr. Shoeflin, c'est-à-dire, gratuitement. Il alla donc à Geneve avec la niece & Monsieur Coligni son ami qui lui servoit de Secrétaire, & qui a été depuis celui de Monseigneur l'Electeur Palatin & son bibliothécaire.

Il acheta une jolie maison de campagne à vie auprès de cette ville: dont les environs

qui ont servi de

() Messieurs Cocher, pravoient et devoient en vendre les ouvrages, le quel d'ailleurs certifierait tous les ouvrages de Mr. de Voltaire que pendant les vingt cinq années que j'ai eu le bonheur de lui être attaché: il n'a jamais déigné les moi mes contributions d'aucune de ses ouvrages, qui ont été faits et moi-même abbé de ce camp plaines pour donner à ses amis; et qui ne jamais voulu en faire que ceux qui en faisoient tel me fussent quelque present, crainte que l'on ne dit qu'il se servoit de mon nom pour vendre de ses ouvrages.*

() Paris le 12 Décembre 1724.*

font insinuer agréables, & ou l'on joint du plus bel aspect qui soit en Europe. Il en acheta une autre à Lausanne, & toutes les deux à condition qu'on lui rendrait une certaine somme quand il les quitterait. Ce fut la première fois depuis Zuingle & Calvin qu'un catholique romain eut des établissemens dans ces cantons.

Il fit aussi l'acquisition de deux terres à une lieue de Geneve dans le pays de Gex, sa principale habitation fut à Ferney dont il fit present à Madame Denis. C'étoit une seigneurie absolument franche & libre de tous étroits envers le Roi, & de tout impôt depuis Henri IV. Il n'y en avoit pas deux dans les autres provinces du royaume qui eussent de pareils privilèges. Le Roi les lui conserva par brevet. Ce fut à Mr. le duc de Choiseul le plus généreux & le plus magnanime des hommes qu'il eut cette obligation lins avoit l'honneur d'en être particulièrement connu.

Le petit pays du Gex n'étoit presque alors qu'un désert sauvage. Quatre-vingt charrois étoient à bas depuis la révocation de l'édit de Nantes, des marais couvraient la moitié du pays & y répandoient les infections & les maladies. La passion de notre auteur avoit abandonné pour le vivifier. Comme nous n'avancions rien que sur des preuves authentiques, nous nous bornerons à transcrire ici une de ses lettres à un évêque d'Anney, dans le diocèse duquel Ferney étoit situé. Nous

D 2

() Il y avoit que quarante neuf personnes on tout à fermy, que Mr. de Voltaire y fit l'acquisition, et à la mort il y en avoit douze cents, qui étoient l'adonient. J'ai été un peu malade en 1725 ainsi que mad. Denis s'en souvient, je fus si détrempé de joie par la nouvelle venue, que les premiers jours, je formois en compagnie militaires, François et catholiques, dominent de trois plus, et le jour de la fête française il y eut une illumination superbe dans tout fermy, et un bon feu d'artifice donné par mad. Denis. Les premiers jours venaient tous les dimanches de venir de nos voisins, et il leur faisoit donner des rafraichissements, il venoit voir et partager la joie de ces colons.*

Une compagnie de dragons fit faire une médaille d'or avec le portrait de Mr. de Voltaire, qui fut le premier de celui qui en tira et avec le quel approcha le plus du but. La compagnie de l'infanterie en fit faire une autre avec le portrait de Mr. de Voltaire, qui fut le premier de celui qui en tira et avec le quel approcha le plus du but. La compagnie de l'infanterie en fit faire une autre avec le portrait de Mr. de Voltaire, qui fut le premier de celui qui en tira et avec le quel approcha le plus du but.

On fit faire une troisième, de portrait de Mr. de Voltaire, et de recueillir, que j'ai eu ne pouvoit mieux faire que de prendre la liberté de la proposer à Sa Majesté, et l'impératrice de Russie.

торых бы не было ничего, кроме их рук и доброй воли... они будут иметь право продавать свой труд тому, кто более заплатит, и это заменит им собственность». Вольтер выступил далее против возникновения нового класса собственников из среды непривилегированного класса: «Нужно противопоставить узду закона гордости новых выскочек» путем ограничения права скупки крестьянских земель и путем прямого запрещения скупать помещичьи земли⁵⁴. Эта позиция намечается и в статье «О собственности» в «Философском словаре», однако, на основании описания Семейского можно установить, что в «рукописи № 9», объем которой примерно в два раза превосходил объем этой статьи, был ряд мест, вовсе не нашедших в ней отражения, но прямо рассчитанных на пропаганду практического применения принципов фернейского помещика на территории, подвластной «Северной Семирамиде».

Необходимо, далее, указать на длинный ряд уже опубликованных прежде писем Вольтера, подлинники которых в значительной своей части к моменту издания находились на территории России, но местонахождение которых в настоящее время неизвестно. Таковы, например, два письма к Антиоху Кантемиру, которые Эдуард Гарде в 1860 г. видел еще в Эрмитаже, а де Ла Феррьер в Публичной библиотеке. Текст писем был тогда же издан обоими этими авторами и из их публикаций перешел в собрание сочинений Вольтера под редакцией M o l a n d⁵⁵. Однако, инвентари Публичной библиотеки не дают возможности их обнаружить в настоящее время.

Не находим мы следов и того—едва ли не наиболее сенсационного—письма Вольтера к начальнику полиции, которое содержало почти бескорыстный донос на книготорговцев, распространяющих запрещенные издания. Письмо это было напечатано Леузон Ле Дюком. Судя по данным его публикации, оно датируется 1749 или 1750 г. и должно было бы входить в состав «Бастильского дела» о Вольтере. Но и в соответствующем переплете мы не находим ни этого письма, ни каких-либо следов изъятия его оттуда.

Охарактеризованным выше общим неудовлетворительным состоянием дела учета вольтеровских текстов в архивах СССР частично объясняется и невозможность в настоящее время полностью реконструировать специально интересующую нас русскую переписку Вольтера, а также наметить все те desiderata, которые могут быть установлены на основании дошедшей ее части. В порядке случайных наблюдений можно указать, например, на то, что должно было существовать неизвестное нам вольтеровское письмо к Бецкому от середины декабря 1766 г. О нем упоминает сам Вольтер в письме к Голицыну от 31 декабря того же года⁵⁶. В письме Вольтера к кн. Репнину от 7 октября 1763 г.⁵⁷ упоминается об ответных письмах этого корреспондента, также остающихся до сих пор в полной мере неизвестными.

Что касается опубликованной переписки Вольтера с русскими людьми, то и здесь мы далеко не всегда осведомлены о нынешней судьбе подлинных писем, образующих эту переписку. Примером тому могут служить письма к Вольтеру Бецкого из С.-Петербурга от 29 ноября 1765 г. и А. П. Шувалова из Берлина от 10 сентября 1777 г. Оба они были опубликованы П. Б[артневым] в «Русском Архиве» за 1886 г. вместе с двумя письмами А. Р. Воронцова из Парижа от 9 июля 1760 г. и из Гааги от 11 мая 1767 г. Все четыре документа входили в состав известного собрания И. И. Куриса⁵⁸, но если два последних обнаруживаются в наши дни

в собраниях б. Института книги, документа и письма Академии наук СССР и, следовательно, в свое время от Куриса перешли в конечном счете к Н. П. Лихачеву, то относительно нынешнего местонахождения и вообще архивной судьбы первых двух нам ничего неизвестно.

Говоря о судьбах хранящихся в России автографов Вольтера, необходимо упомянуть и о том, что некоторые тексты, опубликованные в свое время в русских изданиях, до сведения французских исследователей или вовсе не дошли вплоть до настоящего времени, или же дошли со значительным опозданием. Иллюстрацией к сказанному может служить хотя бы судьба 14 писем Вольтера к А. Р. Воронцову, относящихся ко времени 1760—1769 гг. Эти письма, хранящиеся ныне в Институте истории Академии наук в Ленинграде, были напечатаны в 1872 г. в V томе «Архива князя Воронцова»⁵⁹. В издание *M o l a n d* они вовсе не вошли, и только в 1886 г. 13 из них были напечатаны в III томе труда *G. V e n g e s s o*⁶⁰. В соединении с теми двумя письмами к Вольтеру от А. Р. Воронцова, о которых только-что упоминалось выше, эти письма раскрывают новую и интересную страницу в истории сношений Вольтера с Россией и с русскими. До настоящего времени в поле зрения французских исследователей не вошли хранящиеся ныне в Архиве АН СССР письма к Вольтеру историка Миллера от 14 апреля 1746 г. (копия) и К. Г. Разумовского от января 1751 г. (черновик), опубликованные Пекарским еще в 1870 г.⁶¹

Еще более важное значение для изучения русских интересов Вольтера имеет его переписка с Екатериной II. Эта переписка и в России с самого начала XIX в. не переиздавалась отдельно, и, в сущности, полного собрания ее мы до сих пор не имеем. Сама Екатерина в октябре 1778 г. насчитывала гораздо более сотни писем, но уже тогда не все сумела разыскать⁶². Судя по вводной статье к I тому «Бумаг императрицы Екатерины», опубликованных П. Пекарским в «Сборниках Имп. Русского Исторического Общества»⁶³, далеко не все письма Вольтера к русской императрице находились в течение XIX в. собранными в Государственном архиве. Из числа его писем, хранившихся в других местах, назовем раньше всего два письма из московского Главного архива министерства иностранных дел—одно от 24 июля 1765 г., другое от 21 июня 1766 г. Оба они были опубликованы Пекарским в X томе «Сборников Имп. Русского Исторического Общества» и до 1872 г. не входили ни в одно из изданий произведений Вольтера. В 1893 г. в «Сборнике Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел» было издано письмо Вольтера к Екатерине от 1773 г., в котором он рекомендует ее вниманию швейцарского инженера Обри⁶⁴. Подлинник этого письма находится в ГАФКЭ Централархива, в Москве, а копия с него—в Ленинграде, в Архиве Академии наук. История этого письма такова: его подлинник некогда находился среди бумаг академика Миллера в составе IV портфеля «Материалов истории Академии наук за 1765—1782 годы» и вместе с этими бумагами был куплен Потемкиным и через него попал в Архив министерства иностранных дел. В издании *M o l a n d* это письмо вошло⁶⁵.

В петербургском Государственном архиве министерства иностранных дел хранился подлинник письма Вольтера к Екатерине из Ферне от 21 июня 1766 г. (ныне находится в ГАФКЭ). Это письмо необходимо для понимания известного письма Екатерины от 29 июня 1766 г., которое является ответом на него. Оно было опубликовано в «Русском Архиве» еще в 1855 г.⁶⁶, а вместе с ним хранились и вместе были опубликованы два

*à Jean Louis Wagnière, Secrétaire
De Voltaire.*

DE LA

FÉLICITÉ PUBLIQUE.

OU

CONSIDÉRATIONS

SUR LE SORT DES HOMMES

Dans les différentes Epoques de l'histoire.

Nisi Desperandum.

КОРАТ.

TOME PREMIER.

A AMSTERDAM,
Chez MARC-MICHEL REY,
M D C C L X X I I.

ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ ВОЛЬТЕРУ
ЭКЗЕМПЛЯР КНИГИ МАРКИЗА
ШАСТЕЛЮ „ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ
СЧАСТЬЕ“

Сверху помета рукой Ваньера

Исторический музей, Москва

подлинных письма Вольтера к князю Д. М. Голицыну, русскому послу в Вене. Оба написаны в Ферне—одно 12 августа, а другое 25 августа 1763 г. Письма эти интересны для нас тем, что относятся к периоду, когда у Вольтера начинали завязываться отношения с новым для него двором Екатерины II. В этих письмах наше внимание привлекают имеющиеся в них сведения об отправляемых Вольтером для Екатерины II четырех пакетах, упоминания об его письмах к И. И. Шувалову и к Пикте, писавшему Вольтеру от имени императрицы, и данные для характеристики отношений Вольтера к самой Екатерине и к И. И. Шувалову.

Среди писем Вольтера, адресовавшихся в Россию, можно указать еще ряд таких, следы пребывания которых в нашей стране засвидетельствованы в литературе. Таковы, например:

1. Письмо от 3 мая 1745 г. к французскому посланнику в Петербурге, д'Алиону, с просьбой о поддержке в деле зачисления Вольтера в члены петербургской Академии наук. На письме имеется пометка канцлера Бестужева. Хранилось в московском Архиве министерства иностранных дел и впервые было опубликовано еще в 1807 г. в «Вестнике Европы». В 1839 г. послужило предметом отдельной публикации С. Д. Полторацкого⁶⁷. В издание *M o l a n d* вошло под № 1721.

2. Письмо к тому же корреспонденту из Версаля от 27 июня 1746 г. Хранится в Париже, в архиве французского министерства иностранных дел, и было опубликовано Векленом в 1896 г.⁶⁸.

3. Письмо к кн. Е. Р. Дашковой из Ферне от 9 мая 1771 г. Было включено в издание *M o l a n d* по тексту мемуаров адресатки⁶⁹; местонахождение же подлинника до сих пор неизвестно.

Для критического пересмотра текста переписки Вольтера с Екатериной II, несомненно, большой интерес представляют доселе неизученные черновики писем Вольтера, охватывающие период с 19 января 1768 г. по 24 января 1777 г. и носящие следы его собственноручных поправок. Эти черновики фигурировали на аукционной продаже Лемайе (Lemaitler) в 1924 г. К сожалению, описание материалов в аукционном каталоге, откуда была почерпнута соответствующая хроникальная заметка в «Revue d'histoire littéraire de la France»⁷⁰, было сделано очень поверхностно. Это явствует хотя бы из того, что каталог приписывает написание четырех из этих писем руке Колини, который, как известно, оставил службу у Вольтера более, чем за десятилетие до наиболее раннего из этих писем. Но эта пачка документов—на 61 страницах, появившаяся на свет совершенно неожиданно, весьма характерна, как пример того процесса «всплывания на поверхность» материалов вольтеровской переписки, который, несомненно, и в интересующем нас направлении изучения русских связей Вольтера принесет еще не мало любопытного.

Неослабевающая до последнего времени интенсивность этого процесса свидетельствует о сравнительно примитивной стадии учета вольтеровского наследия, проведенного буржуазной наукой за полтора века изучения этого автора. Такое положение предвещает крупные затруднения при попытке создать, наконец, более или менее полный свод всей вольтеровской переписки. Совершенно очевидно, что задача эта может быть сколь угодно удовлетворительно разрешена лишь в порядке интернационального научного сотрудничества, и притом не партизанскими экс-

34 DE LA FÉLICITÉ

*il Semble
quel homme
à cette de
Demourant
le sien
travaux
qui peuple
meille*

prit du tyrannie & d'usurpation s'établit dans les deux principales Républiques, sans que celui de l'équilibre fût adopté par les autres; Sperte & Adeline, aristocrates sans principes, bornés toute leur politique à établir à main armée chez leurs voisins, l'une l'Oligarchie (10), l'autre la Démocratie; la première enfin, oublier elle-même la justice & ses propres intérêts pour avoir recours au Roi de Perse, & de se servir ainsi de ses Ennemis pour nuire à ses Allies.

Si nous examinons ensuite cette politique intérieure qui déteste de la fureur du gouvernement, nous verrons que les Grecs y ont mis, comme dans toutes les autres choses, beaucoup plus d'esprit que de raison. Cependant quelque liberté que nous nous faisons donner en parlant des Spartiates, nous ne pouvons prononcer le nom de Lycurgue sans payer un tribut d'admiration à la sagesse de son esprit & à l'étendue de son génie. Nous ne serions pas surpris que ses loix ne soient profondément pensées, & qu'il ne regne sur-tout une unité rare dans toutes les parties de son plan. Mais son projet étoit-il raisonnable? Le peult son silence le singulier Mé-

PUBLICQUE CHAP. III. 35

de rendre tout un peuple soldat, & l'accorde que le Sparteais fait élevé uniquement pour les combats, comme Louis pour être clerc; mais s'il ne fait que des guerres défensives pour maintenir sa liberté, ne doit-il pas arrêter tout son talent que, n'ayant ni murailles ni défenses locales, il soit obligé comme effectivement il l'est, d'être après la bataille de Leuctres? Si son courage & sa discipline lui donnent un avantage décisif, n'est-il pas certain que les conquêtes changeront son effort, & que peu à peu il prendra les mœurs de ses vices des peuples qu'il soumettra (11)? Ne devoit-on pas prévoir aussi qu'un jour l'art militaire se perfectionneroit, & que l'argent seroit utile nécessaire à la guerre que le courage? Dans ce cas étoit-il naturel que Lycurgue comptât que la République seroit fondée par des Tyrans ennemis de la Grèce? D'ailleurs cette différence entre l'austérité de la discipline à Sperte, & l'oisiveté dont on jouissoit à Parme; ces Rois qui s'oisivoient en temps de paix & qui étoient tout en temps de guerre, ne devoient-

*l'homme sans
la Mer sans
sans l'homme
Plus qu'un
non qu'un
changements
mais Louis
surpas de
rien que son
pour le son
guerre*

*Lo Kea fu
De stova
pour la
evolution
non p la
parité*

C 3

СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОМЕТЫ ВОЛЬТЕРА НА ПОЛЯХ КНИГИ МАРКИЗА ШАСТЕЛУ «ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ СЧАСТЬЕ»

Исторический музей, Москва

курсиями отдельных исследователей, а путем систематического обследования национальных государственных и частных архивов, библиотек и собраний. Если такое требование может быть предъявлено по отношению к наследию всякого крупного писателя, то по отношению к Вольтеру, круг корреспондентов которого был ограничен лишь социально, но никак не географически, а круг почитателей которого и социально был достаточно широк, это требование представляется совершенно необходимым. Без соблюдения его французские исследователи не только никогда не смогут создать действительно полное научное издание произведений Вольтера, но даже вполне эффективно реализовать тот призыв Ш. Шарро к всестороннему пополнению и исправлению традиционного текста вольтеровской корреспонденции, о котором мы упоминали выше.

Наш обзор, несмотря на всю его неполноту, идет навстречу этому призыву, посильно раскрывая перед исследователями—в первую очередь перед французскими—наши советские материалы, могущие восполнить или уточнить издание вольтеровской переписки, и притом прежде всего в части писем самого Вольтера, так как прочая вольтериана, не исключая и писем к нему, нами не учитывалась и включается лишь в порядке путной ориентации, а наличные письма Екатерины II к Вольтеру и вовсе не смогли быть подвергнуты обследованию.

Приводим предварительный перечень выявленных при содействии редакции «Литературного Наследства» автографов и копий писем и отдельных листков, написанных Вольтером, еще раз подчеркивая, что претендовать на значение реестра в с е х таких материалов, хранящихся в собраниях Советского Союза, этот перечень не может.

АРХИВ АН СССР, ЛЕНИНГРАД

[1773 г. 3 января]. Письмо к Екатерине II. Копия. Опубликовано: «Сборник Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел», VI, 465, и «Сборник Имп. Русского Исторического Общества», XIII, 307. Ср. M o l a n d, XLVIII, № 8723.

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АН СССР, ЛЕНИНГРАД

Фонд бывшего Историко-археографического института

[1760—1769 гг.]. Сборник 14 подлинных писем к А. Р. Воронцову. Из архива Воронцовых. В отдельном коричневом кожаном переплете. Опубликовано: «Архив кн. Воронцова», V, М., 1872, 445—457; воспроизведены В e n g e s o, III, №№ 88—100 (стр. 355—365), кроме последнего письма от 26 февраля 1769 г.

[1734—1751 гг.]. Сборник 178 подлинных писем к гр. Даржанталю и его семье. Из архива Воронцовых. См. выше, гл. II настоящей публикации.

Фонд бывшего Института книги, документа и письма

[1759 г. 10 декабря]. Письмо г-жи Дени к маркизу д'Альбаре в Турин. Автограф. Из собрания Н. П. Лихачева. На папке пометка «N. С. 416 (1911)» и № 69852, очевидно, из печатного аукционного каталога.

В письме встречаются упоминания о семье Шовелен и о театральных представлениях в Турне, позволяющие хронологически сблизить это письмо с двумя письмами к графу д'Альбаре самого Вольтера от 16 августа 1759 г. и 10 апреля 1760 г. См. M o l a n d, XL, №№ 3909 и 4089.

[1767 г. ?]. Две недатированные записки Вольтера к Габриэлю Крамеру. Автографы. Из собрания Н. П. Лихачева. Опубликовано Н. С. Платоновой в журнале «Анналы», кн. 2, 1922, 318—320.

[1769 г. 24 апреля]. Удостоверение, выданное Вольтером Луи-Тома де ла Биола. Из собрания Н. П. Лихачева. См. выше в настоящей публикации, стр. 158.

БИБЛИОТЕКА ЭРМИТАЖА СО СТАТУЕЙ ВОЛЬТЕРА РАБОТЫ ГУДОНА

Акварель К. Ухтомского, 1859 г.

Эрмитаж, Ленинград

[1772 г. 18 мая]. Письмо Вольтера к Дидро. Подлинник. Из собрания Н. П. Лихачева. На папке пометка: «Ch. Cat. I, p. 266, № 727». Опубликовано: M o l a n d, XLVIII, № 8546.

Написано рукою секретаря. От печатного текста отличается: 1) в дате: «с е 18 mai 1772», 2) абзац в печатном тексте произвольный, 3) вместо имеющих в 4-й строке на 97-й странице слов «me rougrais» следует читать «rouvais me», 4) в конце письма рукою Вольтера приписано: «V. 18 mai je ne reux écrire de ma main».

[1760 г. 9 июля, Париж, и 1767 г. 11 мая, Гаага]. Два письма к Вольтеру А. Р. Воронцова. Подлинники. Опубликовано П. Бартевым: «Русский Архив», 1886, № 6, 145 сл.

[1778 г. 26 мая]. Письмо г-жи Дени к Ваньеру. Подлинник. На обложке документа пометка Н. П. Лихачева: «Аукцион 18 дек. 1909 г.». Опубликовано: M o l a n d, L, № 10226.

Это знаменитое письмо с ложным известием об улучшении здоровья Вольтера написано, повидимому, рукой камердинера Морана, исполнявшего во время отсутствия Ваньера его секретарские обязанности. Г-же Дени принадлежат только подпись и приписка перед последней фразой в издании M o l a n d, пропущенная, несмотря на то, что там текст письма воспроизводится на основании «Записок» Ваньера. Текст этой приписки следующий: «Je vous ruine en ports de lettres, mais à votre arrivée je vous les rembourserai» («Я вас разоряю оплатой почтовых расходов, но по вашем приезде их вам возмещу»).

ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ АН СССР, ЛЕНИНГРАД

[1737 г.]. Выписка из Персия и Ювенала и отрывок из послания к кронпринцу Фридриху, будущему прусскому королю Фридриху II. Автограф Вольтера. Найдено в 1934 г. в «Делах опеки», т. е. в бумагах, оставшихся после смерти А. С. Пушкина. Опубликовано: Люблинский В. С., Неизвестный автограф Вольтера в бумагах Пушкина. Академия наук СССР. Институт литературы. «Пушкин», Временник Пушкинской комиссии, II. Л., 1936, 257—265.

[50-е годы, начало?]. Отрывок из выписок для одного из исторических трудов Вольтера. Автограф на 4 страницах. Из собрания Новиковой.

Подобных выписок сохранилось много; они имеются и среди рукописей библиотеки Вольтера в ленинградской Публичной библиотеке⁷¹. Отчасти этот материал был использован Ф. Косси в I томе его издания «Voltaire. Œuvres inédits», но настоящий отрывок ему известен не был. Выписка этого отрывка охватывает события, начиная с эпохи папы Евгения и потери Неаполя Рене Анжуйским, и доходят до середины XVII в.

Начало: «Le pape Eugène déposé à Bâle le jour qu'il réunit à Florence l'église grecque et la latine. Réunion passagère et inutile (savoir si la pragmatique sanct. de St. Louis est vraie ou supposée. Consul. l'ab. Dubos).

1442. René duc d'Anjou et de Lorraine par sa femme, vaincu en Lorraine par le duc de Bourgogne, vaincu à Naples par Alfonse d'Arragon surpris dans la ville, perd Naples etc.».

Перевод: «Папа Евгений смещен в Базеле в день соединения им во Флоренции греческой и латинской церковей. Соединение преходящее и бесполезное (узнать, была ли прагматическая санкция Людовика Святого подлинной или подложной. Справиться у аббата Дюбо).

1442 г. Рене, герцог Анжуйский и, по жене, Лотарингский, разбит в Лотарингии герцогом Бургундским, разбит в Неаполе Альфонсом Арагонским, захвачен в городе, теряет Неаполь и т. д.».

Конец: «Les espagnols ont vendu tous les titres à Naples prodigués en Italie, vendus en Allemagne, usurpés en France, où un homme de rien peut prendre de lui-même le titre de marquis et de comte, et un Bernard fait comte par le roi n'osait s'intituler comte et le chancelier Segulier fait duc n'osa jamais se faire appeler duc».

Перевод: «Испанцы распродали в Неаполе все титулы, щедро раздававшиеся в Италии, продававшиеся в Германии, захватывавшиеся во Франции, где человек, не имеющий никакого положения, может сам себе взять титул маркиза и графа, а какой-нибудь Бернар, сделанный графом по приказу короля, не осмеливался титуловаться графом, а канцлер Сегье, сделанный герцогом, никогда не осмеливался заставлять именоваться себя герцогом».

ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМ. А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, ЛЕНИНГРАД

[1749 г. 18 июня]. Письмо к Бакюляру д'Арно (Baculard d'Arnaud). Автограф из собрания В. В. Протопопова. См. выше в настоящей публикации, стр. 152.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ, МОСКВА

[1732 г. 29 октября]. Письмо к М-ле Любер (Lubert). Копия. Из собрания Орлова. Опубликовано: M o l a n d, XXXIII, № 284.

Имеется дата «1733», явно ошибочная; упоминания о театрально-придворных интригах вокруг постановки пьесы Пирона «Густав Ваза» и о графине Фонтен-Мартель, умершей в январе 1733 г., заставляют отнести это письмо к 1732 г.

[1736 г. 5 августа]. Письмо к Дево (Devaux). Автограф. Из собрания Бахрушина. Опубликовано: M o l a n d, XXXIV, № 627. Текст совпадает с опубликованным, за исключением последних слов: вместо «vos suffrages» в печатном тексте, имеем: «votre suffrage». Подпись—«Volt.».

[1743 г. март]. Письмо к Буайе (Boyer), бывшему епископу Мирпуа (de Mirepoix). Копия. Из собрания Орлова. Опубликовано: M o l a n d, XXXVI, № 1562.

[1750 г.]. Четыре записки к г-же Графиньи (Graffigny). Автографы. Из собрания Орлова. Опубликовано: M o l a n d, XXXVII, №№ 2051, 2052, 2060, 2061.

Печатный текст совпадает с подлинником, за исключением датировки № 2061 «se mardi», которая в подлиннике отсутствует.

[1751 г. 8 мая]. Письмо к Дево (Devaux). Копия. Из собрания Орлова. Опубликовано: M o l a n d, XXXVII, № 2232. Печатный текст отличается от подлинника лишь орфографией и тем, что в датировке подлинника имеется год и нет заключительных слов: «vale et me ama» («прощай и люби меня»).

[1755 г. 1 октября]. Письмо к Тьерю (Thieriot). Копия. Из собрания Орлова. Опубликовано: M o l a n d, XXXVIII, № 3031. Внешний вид документа допускает толкование его и как заготовленного рукой писца подлинника.

Без подписи. Кроме орфографии, от опубликованного текста отличается в следующем: 1) в датировке имеется год, 2) в третьей фразе слово «ricelle» написано не с прописной буквы, как того и требует вводимая здесь игра слов, 3) в конце письма граф де Лораж не назван, а имеются только слова: «Monsieur le Comte de ***».

[1755 г. 12 октября]. Письмо к Дю Марсэ (Dumarsais). Копия. Из собрания Орлова. Опубликовано: M o l a n d, XXXVIII, № 3034, причем в дате печатного текста отсутствует обозначение года.

[1756 г. 16 апреля]. Письмо к Теодору Троншю (Tronchin). Копия. Из собрания Орлова. Опубликовано: M o l a n d, XXXIX, № 3158. Без даты.

[1756 г. 25 мая]. Письмо к девицам Буке (Bouquet). Автограф. Из альбома, подаренного Уварову Долгоруковой. См. выше в настоящей публикации, стр. 155.

[1757 г.]. Письмо к маркизу Адемару (Adhemar). Копия. Из собрания Орлова. Опубликовано: M o l a n d, XXXIX, № 3384.

[1761 г. 28 октября]. Письмо к Дево (Devaux). Подлинник. Из собрания Орлова. На листке сохранились почтовый штемпель «Genève» и часть печати. Опубликовано: M o l a n d, XLI, № 4725 (с ошибочной датировкой 26 октября). Писано рукою секретаря, Вольтеру принадлежит только подпись: «votre très sincère ami et serviteur [далее оборвано] Voltaire». Адрес: «A Monsieur Monsieur De Vaux Lecteur de S. M. Le Roy de Pologne à Lunéville».

[1762 г.?]. Письмо к Теодору Троншену (Tronchin). Автограф. Из собрания Орлова. См. выше в настоящей публикации, стр. 156.

[1768 г. 17 октября]. Письмо президенту Эно (Hénault). Подлинник. Из собрания Орлова. Опубликовано: M o l a n d, XLVI, № 7360. Написано рукою секретаря. Вольтеру принадлежит только подпись: «V.».

В заключение этого раздела нашей описи отметим, что в том же собрании Орлова хранятся следующие материалы, не являющиеся вольтерианой в собственном смысле слова, но смежные с ней: 1) 14 писем г-жи Графиньи (Graffigny) к Дево (Devaux); 2) письмо неизвестного [к Дево?] о г-же Графиньи, датированное «A Nanci ce dimanche soir» (нач.: «Que ne feroit-on pour vous plaire!», конч.: «J'aurois bien voulu que ce morceau soit mis dans la copie que mr. Alliost a envoyé à la Reyne par ordre du Roy. Vale»); 3) письмо неизвестного к г-же Графиньи, адресованное в Париж, без даты и подписи; нач.: «Très chère dame, le Baron de Bastie mort en 1742 et qui étoit du pays à d'Avignon», конч.: «vous ne ferez pas mal de lui repeter que tout est à son service»; датировано должно быть 1751 г.; 4) письмо неизвестного к г-же Графиньи, адресованное в Люневиль, без даты и подписи, нач.: «Voici madame l'épître à Emilie que, suivant ma coutume, j'ai beaucoup tardé à vous envoyer», конч.: «ainci je finirai ma lettre que Voltaire aura rempli toute entière ce qui ne la rend pas plus mauvaise»; 5) 3 письма неизвестной к Дево, адресованные «M. de Vaux chez Madame de Graffigny rue Hyachinte, cartier de Luxsanbourg près la place St. Michel. A Paris», от 10, 19 и 26 февраля 1748 г. В этом же собрании—несколько копий отдельных эпиграмм Вольтера (сообщено Н. Д. Эфрос).

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ ЭПОХИ (ГАФКЭ), МОСКВА

[Март 1737 г.]. Письмо к Гравезанду (Gravesande). Подлинник. Опубликовано: M o l a n d, XXXIV, 231, № 730.

[1756—1769 гг.]. Три письма к кн. Дмитрию Голицыну: от 31 декабря 1766 г., 7 октября 1767 г. и 25 января 1769 г. Подлинники. Опубликовано: «Сборник Московского Главного Архива Иностранных Дел», II, стр. 76, 77, 79. Ср. M o l a n d, XLIV—XLVI, №№ 6643, 7039 и 7465.

[1766 г. 14 августа]. Письмо к кн. Дмитрию Голицыну. Копия. Опубликовано: Там же, стр. 75.

[1765—1774]. Пять писем к имп. Екатерине II: от 24 июля 1765 г., 21 июня и 22 декабря 1766 г., 27 февраля 1767 г. и 7 мая 1774 г. Подлинники, в каждом случае снабженные собственноручной подписью «V.». Первые два были опубликованы в «Сборнике Императорского Русского Исторического Общества», X, стр. 39 и 95; ср. M o l a n d, XLIV, №№ 6071, 6367, 6629; XLV, № 6771; XLIX, № 9094 (в № 6771 подпись опущена).

[1767 г.]. Два письма к гр. А. Р. Воронцову от 22 и 28 апреля 1767 г. Подлинники. Опубликовано: «Архив кн. Воронцова», V, М., 1872, стр. 451.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ИМ. А. А. БАХРУШИНА, МОСКВА

[1755 г. 3 января]. Письмо к Дюпону (Dupont). Автограф. Опубликовано: M o l a n d, XXXVIII, № 2841.

Согласно подлиннику, печатный текст требует следующих исправлений: 1) в дате должен быть добавлен год, 2) в 6-й фразе письма (по пунктуации издания M o l a n d) вместо «ne demande la comptabilité» — «не требовал бы отчетности», следует читать «ne demande la compatibilité» — «не требовал бы совместимости [пригодности?], 3) должен быть добавлен адрес, написанный на обороте письма: «A Monsieur Monsieur Dupont avocat au conseil à Colmar Alsace». Кроме того, на письме имеются почтовый штемпель и пометки о сборах, а также пометка владельца автографа «3-e janvier 1755».

Кроме инвентарного № 17 и штемпеля с тем же номером, свидетельствующих о принадлежности этого автографа к собранию музея А. Бахрушина, на самом письме имеется

еще внизу пометка карандашом «Voltaire», а в верхнем левом углу пометка чернилами «Lettre XIII». Если считать эту пометку сделанной рукой самого адресата письма, то нужно признать, что она свидетельствует о большой полноте переписки Вольтера с Dupont, опубликованной в издании M o l a n d, так как в этом издании это письмо тоже является т р и н а д ц а т ы м из писем Вольтера к тому же корреспонденту. (Ср. M o l a n d, XXXVIII, 583 и указатели к предыдущим томам переписки). Но не исключена возможность того, что эта пометка была сделана одним из издателей, тем более, что последнее слово в первой фразе этого письма — «Munster» в подлиннике снабжено значком, напоминающим сноску и как будто сделанным тою же рукой, что и указанная выше пометка «Lettre XIII». В издании же M o l a n d к слову «Munster» сноски нет только потому, что сноски аналогичного содержания с тою,

chacun en est trop heureux de se laisser trainer par des mulettes.
 Il y a vingt ans que je vis en Paris. On m'a mandé
 qu'on ne peut plus les y faire de mulettes. Et vraiment,
 à mon avis, c'est que tout le monde les fait par erreur,
 quoique tous les traits en font devenus grossuliers,
 soit dans il y a des longueurs, les instruisent quelquefois
 sont bachelés, et les dévotions en sont vraiment énormes.
 Il me faudrait que pendant la nature, et il en a été
 sans doute le plus grand point.
 Votre dévoué, etc.
 Je suis sûr que vous n'avez pas vu
 par votre imagination. Mais comment vous êtes
 plus jeune et vous savez plus long temps de nous à
 votre maison. Vous me parlez de vous pencher.
 Je l'espère de vous avec l'estime infinie que je
 vous fais,
 Monsieur
 Votre très humble et
 très dévoué serviteur
 Voltaire

au Monsieur de Paris 26e Février 1769

Monsieur,

Votre lettre et vos ouvrages sont une grande
 preuve que le génie et le goût sont de tout pays. On a
 qui ont dit que le Poësie et la Philosophie étoient les mêmes
 une même tempête. Si tout leur langage. Si la
 dernière étoit de se plaindre les deux genres ont
 pour des blasons et des amours, comme elle porte
 les mêmes traits et les mêmes Henry (Jules avait
 des blasons, des Virgiles, des aristote et des Talles, mais
 il n'y a plus de Rome que des grecs et dans la Grèce
 que des corps de lettrés. Il faut donc absolument
 des souverains qui aiment les arts, qui les connaissent
 et qui les encouragent; ils changent le climat, ils font
 naître les vices au milieu des vertus.
 C'est ce que fait votre souverain le souverain.
 Je serais que les lettres de vous m'honorent
 vivement de Versailles, et que la vôtre est de vous

ПИСЬМО ВОЛЬТЕРА К А. П. СУМАРОКОВУ ОТ 26 ФЕВРАЛЯ 1769 г.

Страницы первая и последняя. Написано рукой секретаря. Последняя строчка и подпись — рукой Вольтера

Публичная библиотека, Ленинград

которая была бы уместна здесь, уже сделана на той же странице к тексту предыдущего письма.

[1745?]. Отрывок из V акта «Храма Славы» («Le Temple de la Gloire»). Автограф. На четверке листа.

Текст: Air qui commence une petite scène entre une bergère et un berger.

La bergère

- [1] Icy les plus brillantes fleurs
 n'effacent point les violettes
 les étendards et les houlettes
 sont ornés des mêmes couleurs.
- [5] La voix de nos tendres pasteurs
 adoucit les fières trompettes
 L'amour anime en ces retraites
 tous les regards et tous les cœurs.

В нынешних изданиях, на основании издания Ренуара от 1809 г., 5-я и 6-я строки этой песенки читаются иначе:

[5] Les chants de nos tendres pasteurs
Se mêlent au bruit de trompettes (M o l a n d, IV, 3).

Точно датировать этот автограф затруднительно. Пьеса «Le Temple de la Gloire» была сочинена для придворного празднества. Не имея самостоятельного художественного значения, ставилась только в 1745 г. 27 ноября и 4 декабря в Версале и 7 декабря в Париже во время празднеств по случаю победы французов при Фонтенуа. Была возобновлена лишь однажды—17 апреля 1746 г. При жизни Вольтера она вышла самостоятельным изданием лишь раз, в 1745 г., а в 1763 г. вошла в V том изданных в Женеве «Nouveaux Mélanges». Вероятно, публикуемый нами отрывок относится как раз ко времени разработки самой пьесы, т. е. к осени 1745 г.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Упоминания эти сводятся к более или менее сжатым и общим строкам в различных «Путеводителях» по Публичной библиотеке и в юбилейном издании «Императорская публичная библиотека за сто лет. 1814—1914», СПб. 1914. Исключение составляет лишь относительно обстоятельный раздел, озаглавленный «Библиотека Вольтера», в книжке: Ж и л ь, Музей имп. Эрмитажа. СПб. 1861. Ср. также беллетристический очерк Д. Л. М о р д о в ц е в а, Сон в Публичной библиотеке.—«Исторический Вестник», 1884, т. 16, стр. 23—33.

Автором настоящей публикации подготовлена книга «Вольтеровские фонды Публичной библиотеки», которая должна выйти в свет в издании Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Являясь введением в изучение библиотеки Вольтера, книга эта содержит главу, посвященную истории и составу этой библиотеки. В дальнейшем изложении настоящего раздела нашей публикации, а равно и в ряде деталей других ее частей мы опираемся преимущественно на выводы, изложенные в названной работе.

² «Lettres de Cathérine II à Grimm» («Письма Екатерины II к Гримму», 1774—1796). Изд. ак. Я. Грот, СПб. 1878, «Сборник Имп. Русского Исторического Общества», т. 23, стр. 93 сл. В дальнейшем цитируется сокращенно: «Письма Екатерины II к Гримму», с указанием страницы.

³ I b i d.

⁴ См. в позднейших, 1785 и 1787 гг., письмах Екатерины к Гримму—особенно «Сборник ИРИО», т. 23, стр. 436. См. также M o l a n d, I, XIX и упомянутую в прим. 6 работу Боннефона, стр. 522 сл.

⁵ «Письма Екатерины II к Гримму», стр. 94; см. также стр. 103—104.

⁶ B o n n e f o n (P.), Une correspondance inédite de Grimm avec Wagnière, RHL, III (1896), 481—535, и е г о ж е, Quelques renseignements nouveaux sur J.-L. Wagnière, RHL, IV (1897), 74—100.

⁷ Об этой рукописной биографии, хранящейся ныне в ГАФКЭ (Москва), см. ниже, во вступительной статье к публикации «Письма иностранцев к И. И. Шувалову», в настоящем издании.

⁸ «Письма Екатерины II к Гримму», стр. 103, 112.

⁹ Письмо Троншена к Гримму от 3 декабря 1778 г. См. в назв. выше работе Боннефона.

¹⁰ Письмо Гримма к Троншену от 30 ноября 1778 г. См. там же.

¹¹ Письмо хранится ныне в ГАФКЭ.

¹² «Письма Екатерины II к Гримму», стр. 108, 133.

¹³ B o n n e f o n (P.), Une correspondance inédite de Grimm avec Wagnière, RHL, IV (1896), 505 сл.

¹⁴ «Письма Екатерины II к Гримму», стр. 140, 150, 153.

¹⁵ Мемуары Ваньера см. L o n g c h a m p e t W a g n i è r e, Mémoires anecdotiques [etc.] sur Voltaire, t. I, P., 1838, стр. 170.

¹⁶ «Письма Екатерины II к Гримму», стр. 155.

¹⁷ На основании переписки А. Р. Воронцова можно установить, что Ваньер уехал из Петербурга 29 или 30 декабря 1779 г. См. «Архив кн. Воронцова», V, 459, 461—462.

¹⁸ См. B o n n e f o n (P.), op. cit., 513 et 516, и M e i n h a r d t (G.), Voltaire und seine Sekretäre, Berlin, 1916, 301.

¹⁹ Жиль, Музей имп. Эрмитажа, СПб. 1861, 128. Клостерман (1768—1838)—видный петербургский антикварий и книготорговец. Выдержки из его мемуаров изданы в «Русском Архиве», 1881 г., т. III, вып. 2: Ф о н в и з и н. Из неизданных записок Клостермана.

²⁰ Каталог этот, часть страниц которого написана Вольтером и Ваньером, сохранился вместе с библиотекой Вольтера. Ср. также H a v e n s (G.-R.) и T o r r e y (N.-L.), The private library of Voltaire at Leningrad, repr. from «Publications of the Modern Language Association of America», XLIII, № 4, december 1928, 990—1009.

²¹ Первый из этих каталогов (инвентарный) был составлен в Эрмитаже и ныне хранится там же: Архив Гос. Эрмитажа, опись VI, № 1, тт. 1 и 2; к нему приложены 3 ведомости Notes (опись I, 1837, № 9) и, кроме того, каталог рукописей (опись VI, № 2). Второй каталог—алфавитный, 1839 г.—тоже был составлен в Эрмитаже, но сохраняется ныне вместе с библиотекой. Третий каталог, 1862 г., является инвентарем, составленным в Публичной библиотеке вскоре же после приемки библиотеки Вольтера из Эрмитажа.

²² См. особенно ведомости А и В (о недостающих книгах) в Архиве Эрмитажа—всего около полугорста названий; однако, среди них некоторые, повидимому, никогда к составу библиотеки Вольтера и не принадлежали.

²³ «Additions au Commentaire Historique sur la vie et les œuvres de l'auteur de l'Henriade» и «Notes et remarques de Wagnière avec les corrections et additions faites par Mr. de Voltaire pour être mises dans ses œuvres et qui ne se trouvent dans aucune des collections, en attendant la suite».

Вопросу об авторстве Ваньера посвящены, между прочим, работа И. Л. Вейнштейна: V e i n s t e i n, Fragment inédit sur Voltaire.—«Журнал Научно-Исследовательских Кафедр в Одессе», 1924, I, № 7, стр. 45—50 (на французском языке), а также особый экскурс в названной выше, в прим. 1, нашей работе.

²⁴ Ср. V e n g e s s o, II, 427 и 472 сл.

²⁵ В настоящем томе «Литературного Наследства» воспроизводятся снимки с двух страниц одного из таких экземпляров, богатых маргиналиями Вольтера и притом отсутствующих в его библиотеке. Книга эта хранится в Историческом музее и была в свое время приобретена гр. Г. В. Орловым, несомненно, от лиц, близко стоявших к самому Ваньеру. Это—«Рассуждение об общественном счастье» маркиза Ш а с т е л ю в амстердамском издании 1772 г. («De la félicité publique ou considérations sur le sort des hommes dans différentes époques de l'histoire par le marquis F.-J. de Chastellux», Amsterdam, M. M. Rey, 1772, 2 тома). Несомненно, именно этот экземпляр, испещренный собственноручными пометками Вольтера, послужил основой для переиздания 1822 г., в котором известный библиограф Ренуар (A. A. Renouard) воспроизводил также и «Неопубликованные заметки Вольтера» (... nouvelle édition, augmentée de notes inédites de Voltaire etc.). На экземпляре Исторического музея имеется надпись, свидетельствующая о том, что книга была «подарена Вольтером своему секретарю—Ваньеру». Интересно отметить, что в библиотеке Вольтера в Ленинграде хранится другой экземпляр того же самого издания (Амстердам, 1772), в котором обычные закладки приводят к множеству вольтеровских маргиналий, начисто переписанных аккуратной рукой Ваньера.

²⁶ Полный их учет дает близящийся к завершению научный каталог библиотеки Вольтера, который имеет в виду в недалеком будущем издать Публичная библиотека. В качестве примеров укажем на раздельные издания двух «Anecdotes sur Bélisair» в 8 и в 7 стр. (V e n g e s s o, II, 166, приводит под № 1717 лишь издание в 15 стр.); самостоятельное издание «Lettre pastorale à M. l'archevêque d'Auch»; «третье, добавленное» издание («troisième édition augmentée») «Анонимного письма г. де Вольтеру и ответа на него» («Lettre anonyme écrite à Mr. de Voltaire et la réponse») (ср. V e n g e s s o, II, № 1773) и др. (Примеры любезно сообщены Д. С. Крым).

²⁷ H a v e n s (G.-R.), Voltaire's marginalia on the pages of Rousseau. A comparative study of ideas, Columbus, Ohio, 1933.

²⁸ [De la Motte], L'Iliade, Poème. Avec un Discours Sur Homère. Par Monsieur De la Motte, De l'Académie François. A Paris, Chez Gregoire Dupuis, rue S. Jacques, à la Fontaine d'Or, Avec Approbation & Privilège du Roy. 1774. CLXXX + 207 pp. (непечатено вместе с «La Critique, Ode» и «L'indien et le Soleil. Fable Au Roy. Prononcé à sa Majesté par l'Auteur, pour le remercier d'une pension». Paris, Du Puis, s. a., 15 p. + approbation + catalogue, 8 p.). Шифр 6—98.

²⁹ B e l l o y d e, Gaston et Bayard, P., 1770. Шифр вольтеровской библиотеки 11—149. Наблюдение М. Л. Лозинского.

³⁰ «C'est [sic!] ouvrage n'est point de moi; il est de m-r de la Mare». Шифр библиотеки Вольтера 11—97.

³¹ Библиотека Вольтера, 4—247, стр. 39, прим. к 504 стр. 47 тома Кельского издания.

³² См. в его книге «Музей имп. Эрмитажа», а также *Havens and Torrey, Voltaire's library.—«Fortnightly Review», 1929, sept., и, особенно, The books of Voltaire. A selected list.—«Modern Philology», XXVII, № 1, august 1929.*

³³ См. нашу заметку «Неизвестный автограф Вольтера в бумагах Пушкина» во 2-м выпуске «Пушкин». Временник Пушкинской комиссии, АН СССР, Л., 1936, стр. 257—265.

³⁴ Письмо к Даламберу от 5 апреля 1765 г.—*Moland, XLIII, 520.*

³⁵ *Maistre (J. de), Soirées de Saint-Petersbourg, Amiens, 1821, 319—320, цит. у Desnoiresterres, VIII, у Havens and Torrey, в названной в прим. 20 работе, отчасти у Moland, I, стр. XLVII—XLIX.*

³⁶ *Ancelot (M.), Six mois en Russie. Lettres écrites à M. X.-B. Saintines à l'époque du couronnement de S. A. I., Bruxelles, 1827, 165 сл.*

³⁷ *Léouzon Le Duc, Etudes sur la Russie et le Nord de l'Europe, P. [1853];* его же, *Voltaire et la police, dossier recueilli à Saint-Petersbourg parmi les manuscrits français, [etc.] avec une introduction sur le nombre et l'importance des dits manuscrits et un essai sur la Bibliothèque de Voltaire, P., 1867;* его же, *Rapport sur les papiers de Voltaire conservés dans la Bibliothèque Impériale et dans celle de l'Ermitage de Saint-Petersbourg. Archives des Missions Scientifiques et Littéraires. Vol. I, P., 1850, 40—41.*

³⁸ *Gardet (V.-J. Edouard), Une visite à l'Ermitage. (Le discours sur l'Inégalité des conditions et le Contrat social, annotés par Voltaire).—«Bulletin du Bibliophile et du Bibliothécaire» (J. Techener), P., 1860, 1519—1543.*

³⁹ *La Ferrière (comte Hector de), Deux années de mission à St.-Petersbourg. Manuscrits, livres et documents historiques sortis de la France en 1789. P., 1867 (повторение трех «Rapports» из «Archives des Missions Scientifiques et Littéraires»).*

⁴⁰ См. предисловие к названному выше «Инвентарю» Косси.

⁴¹ *Voltaire, Œuvres inédites, т. I, P., 1914.* Это издание было рассчитано на 9 томов.

⁴² Якубович Д. П., Пушкин в библиотеке Вольтера.—«Литературное Наследство», 1934, № 16—18, стр. 905—922.

⁴³ «Императорская публичная библиотека за сто лет. 1814—1914». СПб. 1914, стр. 356.

⁴⁴ Публикацию одного из неизданных документов этого тома рукописей—письма химика Элло к Вольтеру—см. в предыдущей главе настоящей работы, стр. 161—164.

⁴⁵ Материалы II и III, а также XIII томов отчасти используются в указанной в сноске¹ нашей работе «Вольтеровские фонды Публичной библиотеки». Материал о самоубийцах интересовал Вольтера в связи с процессом Каласа.

⁴⁶ В издании *Moland «Sottisier»* занимает крупнейшую часть XXXXII тома.

⁴⁷ О Петре Петровиче Дубровском—в те годы секретаре русского посольства в Париже, замечательном коллекционере и основателе «Депо манускриптов»—будущего Рукописного отделения ленинградской Публичной библиотеки—см. в издании «Императорская публичная библиотека за сто лет». СПб. 1914, стр. 22 сл., 28, 57, 64—69 и 131, и Ивановский А. Д., I. Археологические исследования государственного канцлера графа Н. П. Румянцева и митрополита киевского Евгения. II. О значении библиотек в России и важности заслуг Петра Дубровского, барона М. А. Корфа и генерал-адъютанта Н. В. Исакова. Извлечение из публичных лекций профессора А. Д. Ивановского, Киев, 1869, стр. 35—41.

О судьбе архива Бастилии см. замечания *Ravaisson* в отдельных томах серии «Les archives de la Bastille» и суммарное изложение *I. Franz Funck-Brentano, Légendes et archives de la Bastille. P., 1900.* Основной материал, сохранившийся ныне из полицейских дел о Вольтере, напечатан в XII томе «Архивов Бастилии». См. также указатель *Funck-Brentano, Les lettres de cachet à Paris. Etude suivie d'une liste des prisonniers de la Bastille (1659—1789). P., 1903 (Histoire générale de Paris, collection des documents publiés sous les auspices de l'édilité parisienne).*

⁴⁸ *Léouzon Le Duc, Voltaire et la police, dossier recueilli à Saint-Petersbourg parmi les manuscrits français originaux enlevés à la Bastille en 1789, avec une introduction sur le nombre et l'importance des dits manuscrits et un essai sur la Bibliothèque de Voltaire, P., 1867.*

⁴⁹ *Caussy (Fernand), Inventaire des manuscrits de la Bibliothèque de Voltaire conservée à la Bibliothèque Impériale Publique de Saint-Petersbourg. (Extrait des Nouvelles Archives des Missions Scientifiques, Nouv. série, fasc. 7), P., 1913, 96. См. особенно стр. 90—96.*

АНТИВОЛЬТЕРОВСКИЙ ПЛАКАТ
КОНЦА 1870 г.Институт истории Академии наук СССР,
ЛенинградLA STATUE
DE
VOLTAIRECitoyens du XIe Arrondissement.La statue de Voltaire a été érigée sur la place de notre Hôtel.
Voltaire peut-il nous enlever, lui, citoyen patriote, le cœur de la France?

MAUVAIS PATRIOTE!

Il a écrit l'histoire de nos Rois, d'avoir amené la France à l'indigence.
Il a écrit l'histoire de nos Rois, d'avoir amené la France à l'indigence. — 28 mai 1724.
Il a écrit l'histoire de nos Rois, d'avoir amené la France à l'indigence. — 28 mai 1724.
Il a écrit l'histoire de nos Rois, d'avoir amené la France à l'indigence. — 28 mai 1724.
Il a écrit l'histoire de nos Rois, d'avoir amené la France à l'indigence. — 28 mai 1724.
Il a écrit l'histoire de nos Rois, d'avoir amené la France à l'indigence. — 28 mai 1724.

INSULTEUR DU PEUPLE!

Il a écrit l'histoire de nos Rois, d'avoir amené la France à l'indigence.
Il a écrit l'histoire de nos Rois, d'avoir amené la France à l'indigence. — 28 mai 1724.
Il a écrit l'histoire de nos Rois, d'avoir amené la France à l'indigence. — 28 mai 1724.
Il a écrit l'histoire de nos Rois, d'avoir amené la France à l'indigence. — 28 mai 1724.

AMI DÉVOUÉ DE LA PRUSSE!

Il a écrit l'histoire de nos Rois, d'avoir amené la France à l'indigence.
Il a écrit l'histoire de nos Rois, d'avoir amené la France à l'indigence. — 28 mai 1724.
Il a écrit l'histoire de nos Rois, d'avoir amené la France à l'indigence. — 28 mai 1724.
Il a écrit l'histoire de nos Rois, d'avoir amené la France à l'indigence. — 28 mai 1724.

⁵⁰ Anselot, op. cit., 114. Léouzon Le Duc, Voltaire et la police, 86. См., однако, также замечания Бешо—Moland, XXXIII, 48 сл., note 1.

⁵¹ Академия наук СССР. Труды Архива, вып. I. Архив Академии наук СССР. Обзорение архивных материалов под общ. ред. Г. А. Князева, Л., 1933, стр. 15 и прим. 1 на стр. 33. Бумаги эти входили в состав «Ученой корреспонденции на иностранных языках» за время с 1705 по 1835 гг. и относились к фонду I («Конференция Академии наук»).

⁵² Судя по Moland, L, 582—583, заметка об этой библиотеке появилась во французском «Moniteur Universel» от 28 октября 1880 г. Ссылка эта, однако, оказалась настолько неточной, что библиотекарь Национальной библиотеки в Париже г. Léo Crozet, по просьбе ВОКС любезно предпринявший для нас розыски, вовсе не смог в этом издании найти ее следов (письмо г. Léo Crozet в ВОКС от 5 июля 1933 г.). См. также Alexeuff (M. P.), Voltaire et Schouvaloff. Fragments inédits d'une correspondance franco-russe au XVIIIe s. [Travaux de la Bibliothèque Publique d'Etat à Odessa. Série V. Documents inédits, на франц. яз.]. Odessa, 1928, 23. См. также «Орловский Вестник», год VIII, № 117 (5/17 ноября 1880 г.), стр. 1, «Местные известия».

Наши собственные обращения в Орловский отдел народного образования и в районный Орловский музей, равным образом, остались безрезультатными; судя по письмам этого музея от 26.V и 13.VI.1933, никаких данных о тепловском собрании на месте не осталось. В связи с этим не лишне привести устное свидетельство П. А. Картавова, которому лет тридцать тому назад потомки наследников Теплова подтвердили наличие и сохранность на месте этого книжно-рукописного собрания.

⁵³ Семевский В. И., Крестьянский вопрос при Екатерине II.—«Отечественные Записки», 1879, V т., №№ 246—247, октябрь и ноябрь, стр. 205—207; Незеленов А. И., Литература в екатерининскую эпоху.—«Исторический Вестник», 1884, XVI т., стр. 259. О конкурсе Вольно-экономического общества см. «История Импер. вольного экономического общества с 1765 до 1865 года, составленная по поручению Общества секретарем его А. И. Ходневым». СПб. 1865, стр. 20—34 и 367—368. Дела Вольно-экономического общества хранятся в Архиве народного хозяйства в Ленинградском отделении Центрального исторического архива (ЛОЦИА).

⁵⁴ Конспективное изложение дано Семевским в указ. соч., стр. 206. Этот же автор заметил отсутствие статьи «Propriété» в первом издании «Dictionnaire philosophique portatif» (Лондон, 1764).

⁵⁵ J. E. G. [J.-Edouard Gardet], Deux lettres inédites de Voltaire.—«Bulletin du Bibliophile et du Bibliothécaire», 1860, 1120—1126: «Мы списали их с оригиналов, при-

надлежащих императорской библиотеке в С.-Петербурге»—«Nous les avons copiées sur les originales qui appartiennent à la Bibliothèque Impériale de St.-Petersbourg». См. *M o l a n d* №№ 1104 и 1138 (XXXV, 210—212 и 255 сл.). Отметим, что уже в глазуновском издании сочинений А. Кантемира («Сочинения, письма и избранные переводы», СПб. 1867—1868, под редакцией П. Ефремова, вступ. статья В. В. Стоюнина), т. II, стр. 435, письма эти опубликованы не по подлинникам, а по тексту Gardet. Но в те же годы Hector de La Ferrière, игнорируя публикацию Gardet, вновь полностью приводит их текст по оригиналу Публичной библиотеки—см. «Deux années de mission à St.-Petersbourg. Manuscrits, lettres et documents historiques sortis de la France en 1789», P., 1867, стр. 210—212.

⁵⁶ *M o l a n d*, XLIV, 566.

⁵⁷ «Сборник Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел», вып. II, М., 1881, 71—81: бар. Б ю л е р Ф., Неизданное письмо Вольтера. См. также «Сборник Имп. Русского Исторического Общества», XV, 618—625.

⁵⁸ «Русский Архив», 1886, № 6, 145 сл.; ответом на первое из писем А. Р. Воронцова является письмо Вольтера от 16 июля 1760 г., напечатанное в «Архиве кн. Воронцова», V, 445, и затем в III томе «Voltaire, Bibliographie de ses œuvres» G. B e n g e s c o.

⁵⁹ «Архив кн. Воронцова», V, 445—457.

⁶⁰ B e n g e s c o (G.), Voltaire. Bibliographie de ses œuvres. III, №№ 88—100, стр. 355—365, и упоминание о 14-м письме на стр. 375.

⁶¹ Архив Академии наук СССР. «I. Ausgehende Briefe von 1736 bis 1767» и «I. Исходящие письма 1749—1751». См. П е к а р с к и й П., История Имп. академии наук в Петербурге, т. I, СПб. 1870, 383 и 384—ответное латинское письмо Вольтера.

⁶² Письмо Екатерины II к Гримму от 1 и от 17—19 октября 1778 г. См. *M o l a n d*, I, 455 и 457.

⁶³ «Сборники ИРИО» VII, X, XIII, XXVII.

⁶⁴ Сообщение И. И. Любименко.

⁶⁵ «Сборник Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел», вып. VI (М., 1893), 465. См. также «Сборн. ИРИО», XIII, 304—309. В тексте *M o l a n d*, XLVIII, 262—263, № 8723 некоторые отличия.

⁶⁶ «Русский Архив», 1855, I, 133—136. Сообщил Д. К. (Дмитрий Кавелин, его же вводные примечания), заключительная заметка П. Б. (Бартенева).

⁶⁷ [S e r g e P o l t o r a t s k y], Lettre de Voltaire (1745) relative à son Histoire de Pierre I adressée au comte d'Alion, ministre de France en Russie sous le règne de l'impératrice Elisabeth I. Publiée pour la première et unique fois dans un Journal russe de Moscou, en 1807, et omise dans toutes les éditions des Œuvres complètes de Voltaire, suivie de notes bibliographiques, P., avril 1839, 11 стр. Эта редкая брошюра, посвященная Бешо и выпущенная в 150 экз., весьма любопытна либеральной полемикой автора с антивольтерианскими тенденциями современной ему критики. Об этом письме см. также B e n g e s c o, III, 54, № 1952.

⁶⁸ V e u c l i n (V.-E.), L'amitié franco-russe. Ses origines. I. Un poète français en Russie. II. Voltaire et la Russie. III. Catherine II et la mémoire de Voltaire. Documents inédits, Verneuil, 1896.

⁶⁹ «Mémoires de la princesse Daschkoff», III, P., 1859, 247—249, ср. *M o l a n d*, XXXII, 618—619 (дополнительные страницы добавочного тиража этого тома).

⁷⁰ RHL, 1924, 716.

⁷¹ Ср. лл. 29—33 в IV томе общей серии рукописей Вольтера, лл. 2 и 22 об.—30 в VII томе той же серии, лл. 140—169, 271—272 там же. Ср. S a u s s y (F.), Inventaire, 20 (ошибочно листы, образующие одну тетрадь, описаны отдельно), 37—40.